

№ 6(52). 2022

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Декабрь 2022 № 6 (52)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 911 863 0467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Римма Лютая – поэт, прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 16 декабря 2022 года. Тираж: 100 экз. Заказ № 2227.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53–17–05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Александр Субетто. «Онтологическая правда» Эпохи Великого Эволюционного Перелома – в Ноосферном прорыве человечества из России	5
Виктор Аксютчиц. Идеология Победы	7
Эдуард Демиденко. Обращение в ООН, к Правительствам стран мира, к Международным организациям и всем гражданам нашей цветущей пока планеты Земля «Исторические убийцы народов и биосферной жизни»	9

Проза

Вячеслав Куприянов. Орден Полярной Звезды. <i>Повесть. Завершение.</i> <i>Начало в № 3 (49)-2022</i>	11
Юрий Вылегжанин. Якут. <i>Рассказ</i>	30
Михаил Попов. Перформанс, или Пейзаж с отчим домом. <i>Повесть. Завершение.</i> <i>Начало в № 5 (51)-2022</i>	36
Галина Чудинова. Плывущие против течения. <i>Рассказ</i>	63
Геннадий Гусаченко. Чёрные Братья. <i>Рассказ</i>	69
Елена Лебедева. О том, что было. <i>Рассказы</i>	78
Илья Чесноков. Полспички. <i>Рассказ</i>	83
Виктор Фоменков. Жил-был художник один... <i>Рассказ</i>	90

Поэзия

Елена Безрукова. Ты стоишь в ослепительной точке... <i>Стихи</i>	94
Игорь Тюленев. Яблоки детства. <i>Стихи</i>	96
Елена Русанова. Золотые берега. <i>Стихи</i>	99
Юрий Богомоллов. Душа болит в славянском теле... <i>Стихи</i>	102
Эльдар Ахадов. Тайный свет. <i>Стихи</i>	104
Людмила Быкова. Красная нить. <i>Стихи</i>	106
Александр Гахов. В раздумьях стою у причала. <i>Стихи</i>	109
Нина Подтуркина. Давай начнём наш разговор... <i>Стихи</i>	111

Поэтическая седмица

Максим Лаврентьев. Иду я в бой – и Бог со мной в строю... <i>Вступительное слово</i> <i>Александра Орлова</i>	113
---	-----

Берега истории

Лидия Довыденко. Лучший дипломат в истории России. <i>О книге Екатерины Фёдоровой «Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский – кузнец внешней политики»</i>	117
---	-----

Берега юбилеев

Андрей Шацков. Реснота. <i>Стихи.</i> К 70-летию поэта	122
Никита Лобанов-Ростовский. Приветствие к 20-летию деятельности МСРС	124
Иван Матвеев. «Россия занимает особое место в моём сердце». Интервью с Её Высочеством Княгиней Юлией Иосифовной	126
Алина Чадаева. «Не остановить кровь и посеючас...»	129
Андрей Филин. Гений правды. <i>К 100-летию философа Александра Зиновьева</i>	132
Эляна Суодене. Стихотворные импровизации на стихи Максимилиана Волошина. <i>К 145-летию Максимилиана Волошина</i>	138

Берега Новороссии

Яков Шафран. Западная цивилизация – антипод русской цивилизации	141
Светлана Леонтьева. Крестный ход. Успенский пост. <i>Стихи</i>	146

Берега прочтения

Виталий Даренский. Мировая миссия русской культуры (о книге Лидии Довыденко «Русская мысль и человечество»)	150
Александр Бойников. «Я светлого неба лоскут васильковый...» <i>О поэзии Елены Александренко</i>	157
Светлана Леонтьева. Великий шёлковый путь «Берегов». <i>Обзор журнала «Берега» 4 (50)-2022</i>	162
Лидия Довыденко. О цивилиографии Сухейля Фараха и его книге «Российская цивилизация: энергия пространства и человека»	176

Мир без стен

Берега Венесуэлы

Вадим Терёхин. Фестиваль поэзии в Венесуэле	180
--	-----

Берега Бангладеша

Аминур Рахман. Любовь. <i>Стихи. Перевод Вадима Терёхина</i>	182
---	-----

Наши друзья

О приобретении журнала	184
------------------------------	-----

Берега актуальности

Александр Субетто

Александр Иванович Субетто – директор Центра ноосферного развития Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ, профессор кафедры истории религии и теологии Института истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, почётный профессор НовГУ им. Ярослава Мудрого, почётный президент Ноосферной общественной академии наук, первый вице-президент Петровской академии наук и искусств, председатель Философского Совета Русского Космического Общества, вице-президент Международной академии гармоничного развития человека (ЮНЕСКО), вице-президент Международной ассоциации выживания человечества (ЮНИСЕФ-ЮНЕСКО), член президиума Международного Высшего Учёного Совета, действительный член Российской академии естественных наук, Европейской академии естественных наук, Международной академии психологических наук, Академии философии хозяйства, Академии проблем качества, член экспертного совета по региональной и муниципальной науке Комитета по образованию и науке Государственной Думы Российской Федерации.

«ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАВДА»

Эпохи Великого Эволюционного Перелома – в Ноосферном прорыве человечества из России

Современная эпоха – это Эпоха Великого Эволюционного Перелома, «запущенная» первой фазой Глобальной Экологической Катастрофы 30 лет назад, на рубеже 80–90-х годов, и одновременно, – с одной стороны, Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма, несущих в себе источники возможной экологической гибели человечества до середины XXI века, а с другой стороны, «роды» действительного разума и действительного – ноосферного – человека. Автором разработана научно-мировоззренческая система – Ноосферизм, – аргументирующая данный вывод. В контексте поставленной темы для дискуссии «Эпоха постправды» как «правды об эпохе» автор применяет понятия «онтологической правды» – «правды бытия», или «правды истории», и «онтологической лжи», которые впервые ввёл В. Г. Комаров в книге «Правда: онтологическое основание социального разума» (2002). «Онтологическая правда» – это правда истории, очищенная от феноменологических покровов, иллюзий, в том числе и материальных кажимостей. «Онтологическая ложь» ей противостоит, она иногда становится доминирующей, как, например, система германского фашизма в 30-х годах XX века или система современного глобального империализма во главе с США, которой экологический приговор подписала Природа.

Россия – как «цивилизация Правды», евразийская цивилизация – центр устойчивости / неустойчивости мира и является историческим предиктором, постоянно указывающим на направленность онтологической правды. Так было в 1917 году, когда она стала пионером Социалистического Прорыва, так было в 1945 году, когда она в лице СССР разгромила гитлеровский режим в Берлине, так было в 1957–1961 годах, когда она совершила Космический Прорыв человечества. Теперь она призвана совершить Ноосферный Прорыв человечества.

Онтологическая правда получает в XXI веке ноосферное измерение. Стихийная в последние столетия, в рыночно-капиталистическом формате, история закончилась. Начиная с рубежа 80–90-х годов XX века она превратилась в «онтологическую ложь», то есть в «ничто», не имеющее будущего.

«Онтологическая правда», то есть продолжение истории человечества на Земле и в будущем – в Космосе, – это управляемая социоприродная или, что то же самое, Социо-Биосферная Эволюция на базе общественного интеллекта, научно-образовательного общества и ноосферного социализма. Прогноз о переходе Биосферы в Ноосферу В. И. Вернадского приобретает реальность и новые основания. Но для этого Человек, его Разум должны подняться на Высоту Ответственности за Будущее всей Мегасистемы Жизни на Земле, которая и есть Научное Управление суперсложным объектом – Социо-Биосферной Эволюцией, с соблюдением законов-ограничений, отражающих действие гомеостатических механизмов Биосферы и планеты Земля как суперорганизмов. Это и есть Роды Действительного Разума в лице человечества на Земле, это и есть та планетарная ноосферная революция, которая наступила. За этим стоит преодоление «Барьера Сложности», с которым столкнулись в стихийной, рыночной форме развития человечества наука, культура, образование, совокупный интеллект обществ стран мира, о котором, по-своему, написал в книге «Расставание с простотой» (1998) Н. Н. Моисеев.

В России сложилась не только мощная Научная Школа философии хозяйства С. Н. Булгакова – Ю. М. Осипова, но и не менее мощная Русская Ноосферная Научная Школа, не имеющая аналогов в мире, – и это всё выдвигает общественный интеллект, или коллективный Разум, России на «передний край» в свершении Ноосферного Прорыва человечества, вне которого будущее для человечества не существует, – и «точку невозврата» мы можем перейти до 2050 года.

Проводимая спецоперация на Украине – это только начало мощного подъёма России, её Ренессанса, который взыскует к этой, автором обозначенной, великой ноосферной миссии.

Россия призвана всей логикой истории, своей исторической сущностью – как Цивилизация Правды с доминирующей ролью Закона Кооперации (из-за высокой энергостойкости воспроизводства жизни и из-за «холодного климата» и суровых условий ведения сельского хозяйства) – стать Лидером Ноосферного Прорыва Человечества, – и это есть «правда об эпохе», которую мы переживаем.

Берега актуальности

Виктор Аксюциц

Виктор Владимирович Аксюциц – философ, публицист, религиозный и политический деятель. Родился в 1949 году в Белоруссии, служил в Военно-морском флоте. Окончил философский факультет МГУ. Занимался религиозным и политическим самиздатом, за что подвергался репрессиям КГБ: исключение из аспирантуры МГУ, обыски, допросы, изъятие библиотеки, негласный запрет на работу по профессии. Около десяти лет вынужден был работать строительным рабочим. Публиковался в эмигрантских и западноевропейских изданиях. Издатель литературно-философского журнала русской христианской культуры «Выбор». Народный депутат Российской Федерации в 1990–1993 годах. Лидер Российского христианского демократического движения в 1990–1997 годах. Доцент Государственной академии славянской культуры.

ИДЕОЛОГИЯ ПОБЕДЫ

В смертельной борьбе выстоять невозможно без осознания: кто мы и для чего в этом мире. Это основа национальной идеологии. Бешеная русофобия врага указывает на наш стержень и сущность: мы – русские.

Но российская власть так и не решается на основополагающий акт самоидентификации. Русский народ всегда побеждал, ведомый национальными идеалами, которые ныне отсутствуют. В этом основная причина наших ошибок и потерь.

Без русского стержня в России невозможна идеология как самосознание национального духа, без национальной идеологии не будет победы.

Бог и Отечество – формула русской идеи, наделяющая непобедимым чувством патриотизма, общенационального долга и ответственности.

Земное Отечество дано для поисков спасения, для обретения Отечества Небесного, чем определялась историческая миссия народа. Русский народ образовывал российское государство со всеми народами и для всех народов страны. Поэтому у нас, вокруг этнического стержня великороссов, малороссов и белорусов, русские – это все, думающие по-русски, говорящие по-русски и считающие себя русскими вне зависимости от этнической принадлежности.

Русский народ выживал в суровейших пространствах, цивилизовал шестую часть суши, отстроил самую большую государственность, сохранив при этом все народы северо-востока Евразии, создал великую цивилизацию и культуру.

На основаниях русской соборности формировались уникальные формы социального общежития. Государство впадало в смуту только из-за предательства властными слоями национальных духовных основ. Русский народ побеждал всех врагов и выходил из всех катастроф более сильным.

При этом явлена формула русской победы: УГРОЗА СУЩЕСТВОВАНИЮ; ОСОЗНАНИЕ ЭТОГО ЭЛИТОЙ И ОБЩЕСТВОМ; ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИДЕАЛА; ПРИЗЫВ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ К НАЦИИ; СВЕРХМОБИЛИЗАЦИЯ НАРОДА; ПОБЕДА!

Так было в Смутное время, в Отечественной войне 1812 года, в Великую Отечественную.

Ныне смертельная угроза Русской цивилизации осознаётся обществом, которое подвигает к этому правящие слои. Обращения президента Путина о СВО – только начало полноценного призыва Верховной власти к национальной мобилизации.

Далее необходима разработка национальной идеологии, которая должна основываться на русском историческом и духовном опыте выживания и уживчивости, глобального творческого созидания.

Противостоя мировоззренческой мути Запада (легализация извращений, наркотиков, изменение человеческого генома, тотальное миграционное смешение...), мы должны сознавать, что, прежде всего в духовной сфере, решается вопрос: жить или не жить.

Только возрождение исторической памяти и национального сознания позволит консолидировать общество, выстроить эффективную иерархию целей и задач победы.

Восстановление русского государственного единства, выжигание нацизма и защита русских в различных странах, погашение русофобии на Западе и внутри страны.

Мобилизация духовная, общественная, государственная, преодоление дезорганизации в элитах и обществе, кризисов компетенций и управления, выдвижение в государстве и армии высокопрофессиональных патриотов, построение эффективной экономики и общества социальной справедливости...

Без национального возрождения государствообразующего народа Российское государство не сохранится, что лишит будущего все народы и элиты страны.

Более того, русский прорыв не является угрозой для народов мира. Как всегда в истории, русский народ, спасая себя, спасает многих. Россия борется с однополярной глобализацией, отстаивая сохранение многообразия цивилизаций и культур, независимость народов и государств.

Но ЕДИНСТВО МНОГООБРАЗИЯ ЕСТЬ КРАТКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕГО АРХЕТИПА РУССКОЙ СОБОРНОСТИ.

При загнивании доминирующей в мире западной цивилизации, грозящей мировой катастрофой, Россия предлагает новую форму мироустройства – **СОБОРНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!**

Берега актуальности

Эдуард Демиденко

Эдуард Семёнович Демиденко – академик Международной академии информатизации (в Генеральном консультативном статусе при Экономическом и Социальном Совете ООН) и Российской экологической академии, профессор, доктор философских наук.

ИСТОРИЧЕСКИЕ УБИЙЦЫ НАРОДОВ И БИОСФЕРНОЙ ЖИЗНИ:

Поиски выхода из губительного кризиса Живой Земли, устраиваемой ими

Из Обращения в ООН, Правительства стран мира, к Международным организациям и всем гражданам нашей цветущей пока планеты Земля автора прогноза гибели биосферной жизни

С появлением около 0,5 млн лет назад человека разумного на Земле стала изменяться и погибать биосферная жизнь, притом особенно заметно уже на протяжении последних тысячелетий земледельческого и особенно индустриального развития человечества. Оно направлено не на сохранение биосферы, а на получение сверхдоходов от построек техносферных городов и опасных техногенных объектов, убивающих биосферную жизнь. Если за 7 тысяч лет земледельческого развития в 1800 году стало 50 млн горожан, 5 % от землян, то развитие по типу западно-буржуазной цивилизации привело к тому, что горожан в 2022 году стало свыше 4 млрд, или 55 % от 8 млрд населения Земли. При этом, как рассчитали испанские учёные, за последние 50 лет (1970–2020) США использовали 27 % природно-биосферных ресурсов, Евросоюз – 25 %, их союзники Япония, Канада, Австралия и Саудовская Аравия – 22 %. В этих странах проживает «золотой миллиард населения» – 1,1 млрд человек, уничтоживших 74 % жизненно важных ресурсов, тогда как на остальных 6,9 млрд человек приходится всего 26 %. Этот «золотой миллиард» львиную долю тратит и на вооружения и развязывания в мире войн, поэтому, кто защищается от этих бандитов, должен строить техносферные и военные объекты. Если в 1960 году в мире проживало 5 % животных, включая людей в городской техносфере, в 1940 году – 10 %, 1980 году – 20 %, сейчас более 40 %, то к концу века ожидается 80–85 %. Практически западная цивилизация загоняет не только своё, но и мировое население в города. Если учесть, что в 1970–2020 годах на Земле исчезло $\frac{2}{3}$ популяций живых организмов, то в XXI веке практически исчезает биосферная жизнь и образуется постбиосферная жизнь в техносфере на биотехнологическом воспроизводстве жизни и продуктов питания для людей и животных. Такой жизни потомков, к чему ведут сытые буржуа, не позавидуешь.

Моё обращение органически связано с начавшимися после Второй мировой войны политическими и военными операциями так называемого Западного буржуазно-империалистического мира во главе с США подчинить себе страны земного мира, уничтожив неудобные им народы и забрав их все последние природные богатства. В настоящее время это вылилось в сопротивление всех мирно развивающихся стран в разных его формах, представляющих сейчас большинство народов мира, против буржуазно-элитного диктата Америки и Запада (стран «золотого миллиарда»). Это, прежде всего, касается и России, защищающей покоряемые славянские и другие народы Западом, а также создания условий для безопасности Российской Федерации от возможного завоевания англосаксами, оформившими НАТО и создавшими базы вокруг России, начиная с конца Второй мировой войны. Это сопротивление Папа Римский Франциск представил в интервью итальянской газете «Corriere della Sera» так: «Возможно, лай НАТО у границ России привёл к реакции Кремля. Гнев, не знаю, был ли спровоцирован, но, вероятно, способствовал». Видимо, всех подробностей «зверино-собачьего лая НАТО» он не знал, но догадывался, что основное зверьё НАТО на это и даже большее способны. А для лая вместе с воем их сатанинских пушек и бомб англосаксы всегда готовы.

В данном случае – и Джо Байден, начиная с персонального лая против мирной Югославии и с воем 400 тыс. тонн бомб, упавших на Сербию в конце XX века, войне способствовал. Тогда он полагал как

советник по уничтожению Югославии. А первым же лающим псом в то время был Бил Клинтон, он организовал и вой бомб как президент США. А вторым лающим и воющим псом стал глава НАТО испанец Хавьер Солана. Благодаря приходу на папский престол предельно честного Франциска, появились и предельно честные названия мировых убийц в их тварной сущности. Сегодня другие псы у власти – президент США Джо Байден и глава НАТО Йенс Столтенберг с европсами, убивающими стариков и детей моей общей Родины – России и Украины.

Я же прошу прощения, что псами обзываю этих взбесившихся господ, но я всего лишь согласился с весьма уважаемым в мире понтификом. Не думаю, что он слово «лай» относил к пролетающим воронам. Я называю, в отличие от понтифика, их совсем по-человечески – убийцами, мировыми бандитами, а не какими-то мафиози регионального значения типа «Коза Ностра», а уже глобальными убийцами, заслуживающими глубокого презрения и научного исследования, пока они не уничтожили жизнь на Земле. Откуда же эта мировая банда появилась на свет и какие же последствия для человечества ожидаются в недалёком будущем от их лая вперемежку с пушками и воровской социально-экономической их деятельностью? Да и чем они отличаются от собак, которых кормили детскими телами их дьявольские прадеды при бандитском освоении Америки?

Этот вопрос возник не случайно, а в результате начала заключительного этапа борьбы англо-американского империализма за овладение миром и попыткой устранения или подчинения народов планеты, чтобы разместить англосаксов далее в таком же порядке, о котором помышлял Гитлер и его окружение для немцев. Правда, игнорируя тогда англосаксов. А затем уже и американско-английская послевоенная элита стала приобретать фашистский облик. Так, в 70-е годы XX века в США появилось движение неоконсерваторов, которые провозгласили о неограниченном увеличении военной мощи США. Эта сила должна доминировать во всём мире и противостоять региональным державам, способным дать вызов Америке. В 2002 году составили проект «оборонной» политики, частью его стало распространение военной сети на Центральную и Восточную Европу. Расчёт был и на «бандеровскую либерализацию» Украины, которую готовили к включению в НАТО и Евросоюз как расходный материал в борьбе против России, а заодно воспользоваться её последним чернозёмом, поскольку США и Европа проели как биосферные агропочвы, так и леса. Роберт Каган, один из главных теоретиков неоконсерватизма, понимал, что Россия готова к битве за Украину. Жена же Кагана В. Нуланд в 2013 году, как помощник госсекретаря, наладила контакты с украинскими нацистами, т.е. преемниками Бандеры, фактически руководя политикой войны на Украине.

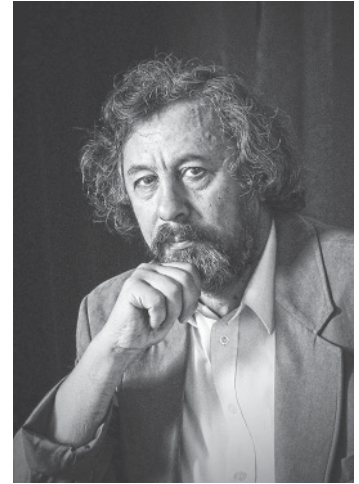
Как отмечает видный американский экономист Джефффри Сакс, США оказались в экономическом и политическом тупике с этим движением и с 30-летним курсом неоконсервативного проекта. Он убеждён, что Джо Байден направляет Украину, США и Европейский союз к политическому разгрому. По мнению Сакса, эта теория исходила из того, что политико-экономическое превосходство США позволит уже диктовать свои условия развития всему миру. Но, как показывает практика, с 1950 года США терпели поражение почти во всех региональных конфликтах. Как полагает Сакс, Россия возьмёт под свой контроль большую территорию Украины, оставив её без Чёрного моря. Но если же мы обратимся к организованной США и Западом военной битве на территории Украины, то она не ограничивается региональным конфликтом двух братских народов – России и Украины, как пытаются преподнести жирующие господа «золотого миллиарда» человечества. Она вскрывает уже более глубокие причины взаимоотношений человеческой и биосферной жизни на планете Земля, получивших в мире и понимание как экологических – взаимоотношений биосферы и техносферы, при которых биосферный мир гибнет, а техносферный приходит ему на смену. И эта битва отражает сейчас борьбу двух лагерей современного человечества – колонизаторов и тех, кого эти колонизаторы не только эксплуатируют, но и грабят и убивают постоянно. Об этом говорит множество фактов, которые просматриваются уже многими учёными, политиками и многими людьми, но требуют фундаментальных исследований, включая статистические и социологические данные.

Перед ООН стоит очень важная задача – создать комиссии по разоблачению западно-американского либерализма, поскольку тот уже превратился вместе с Зеленским в скрытую бандеровскую банду, ведущую войну против России «до последнего украинца». Я обращаюсь ко всем честным гражданам мира разоблачать этот грабительский союз англосаксов, стремящийся забрать последние биосферные богатства мира, игнорировать его на каждом шагу, вести с ним борьбу, так как он забирает не только ваши богатства, но и ваши души.

Проза

Вячеслав Куприянов

Вячеслав Глебович Куприянов – поэт, переводчик, прозаик. Родился в 1939 году. Окончил Московский институт иностранных языков в 1967-м. Публикует стихи с 1961 года. Его сборник «Жизнь идёт» (1982) – среди первых книг верлибров в русской поэзии второй половины XX века. Участник многих всемирных форумов поэзии. Переводил стихи европейских, прежде всего немецких, поэтов (Гёльдерлин, Новалис, Рильке, Трахль, Целан, Фрид, Бобровский, Энценсбергер, Яндль, Крюгер). Лауреат Европейской литературной премии (1987); обладатель Литературного жезла Македонии (1999); лауреат премий: им. Бранко Радичевича (Сербия, 2006), Министерства культуры Австрии (2007), «Моравская грамота» (Сербия, 2008), Бунинской (2010), «Европейский атлас поэзии» (Сербия, 2017), *Felix Romulana* (Сербия, 2017), «Сердце связующая нить» (Москва, 2018), «Югра» (Ханты-Мансийск, 2018), *Naji Naatan literary prizes* (Япония / Ливан, 2018), «Золотой ключ Смедерева» (Сербия, 2021).

Автор книг: «На языке всех» (русско-англ.) (Лондон, *Forest books*, 1992), «Телескоп времени» (русско-нем.) (*Alkuon-Verlag*, 2003), «Лучшие времена» (МГ, 2003), «Зарубежная поэзия в переводах Вячеслава Куприянова» (Радуга, 2009), «Ода времени» (Новый ключ, 2010), «Бумажная ложь» (русско-фламанд.) (*POINT-Edition*, 2012), «Нельзя / *Verboten*», (русско-нем.) (2012), «УРОКИ – *LEÇONS*» (русско-франц.) (*PEVO-Verlag*, Бельгия, 2012), «Дикий Запад» (*Pop-Verlag*, 2013), «Башмак Эмпедокла» (Б.С.Г.-Пресс, 2013), «Озарение» (русско-португал.) (Сан-Пауло, Бразилия, 2016), «Волчий зов» (Сербия, 2017), «*Duet of Iron*» (Япония, *Jurta books*, 2018), «Противоречия, опыты соединения слов посредством смысла» (Б.С.Г.-Пресс, 2019), «Неизвестному трусу / *Für den unbekanntnen Feigling*» (русско-нем.) (*Pop-Verlag*, 2021), «Соль на языке земли» (русско-серб.) (Сербия, Смедерево, 2021), «Как стать жирафом» (швед.) (*Faethon*, Стокгольм, 2022).

ОРДЕН ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ

Повесть

Окончание. Начало в № 3 (49)-2022

Он много раз облетал Землю, с разной высоты рассматривая её черты. Оранжевым заревом тлела пустыня Сахара, погашенная на севере дыханием Средиземного моря. Из тёмно-бирюзовых материковых полей выползал седой Нил, чтобы остужать и оплодотворять северо-восток, золотое сечение Африки, сокровенным числом подпирающее пирамиды. Облака стелились к югу, набегая на яшмовые леса и аметистовые горы. Облака так часто затягивали его поле зрения, что он привык видеть в их белом стане что-то привлекательно-женское, а сквозь белизну женского тела ему вдруг не терпелось увидеть скрытые за ним материки, моря, затонувшие корабли.

Он думал, что все женщины белые, тёмным в них отмечен только вход, заметный даже у блондинок. А однажды, после полёта над Океанией, к нему вошла абсолютно чёрная женщина, и он испугался, что не найдёт в неё вход, а потом, когда уже совсем стемнело, изумился, что она осталась плотью и не слилась с ночью.

Он различал своих наложниц по дыханию, смеху и стону, по вкусу губ и языка, но видел их в отдалённой и смутной перспективе воздухоплавания, он любил их и боялся – и потому замуривал глаза, чтобы уравновесить любовь и страх. Хотя что было толку закрывать глаза, когда по ночам и без того темно.

Ещё он закрывал глаза над Тихим океаном, когда было малооблачно, и его завораживала синяя, до черноты сгущающаяся глубина, насыщенная настоящим солнцем, а то, которое стлыло в небе, казалось только отражением.

Как-то он плыл в этом океане рядом с китами, которые не обращали на него никакого внимания. С севера они несли в себе огромных детёнышей, чтобы выпустить их из себя в потеплевших водах Мексики. Он подумал, что вся морская вода профильтрована через их ноздри. Вдруг возникла большая белая акула, он насторожился, но вблизи огромных китов, казалось, её наглость не вышла наружу, и она не тронула более мелкое существо.

Глядя на океан из противоположной бездны, он не мог не вспомнить о китах, ставших там, внизу, незаметными, хотя под водой продолжалась их мощная океанская работа. Стоило закрыть глаза, и уже неясно, плывёт ли он рядом с китами или летит высоко над ними и над женщинами, которые гораздо меньше китов и меньше, конечно, акул, но таят в себе что-то гораздо большее, чем детей, которых надо рожать в океане.

Наставники, сопровождавшие его в полётах, тревожились, если он закрывал вдруг свои глаза, обязанные быть бдительными; он поведал им о китах и о женщинах, и они подивились, почему такое с ним случается именно над Тихим океаном, он же сам не совсем уверенно объяснил, что Индийский океан более серый, Атлантический более узкий и текучий, а в Северном больше льдов, чем воды, от его стужи и стремятся уйти беременные киты.

Наставники рекомендовали ему впредь смотреть на женщин открытыми глазами.

Тогда он стал замечать, что ищет повторений, чтобы та или иная женщина появилась снова, но ожидание всегда было обмануто, а новизна оправдывалась соответствующим сочетанием звёзд, и всегда насылались новые и новые юные существа. Ему даже подумалось, что на самом-то деле это одна и та же женщина, но владеющая волшебным искусством неузнаваемо изменяться. Тогда он стал надеяться на совпадение не только точек, но и линий, рассчитывая не только на встречу, но и на путь.

Он стал мечтать, какова она на самом деле.

В его закрытые глаза вливалось ясное, как рассвет, и яркое, как закат, человеческое лицо, черты которого внутренне совпадали с его глубинным представлением о вечном наслаждении видением. Но когда он открывал глаза, этот образ сразу же забывался, на него падало совсем другое лицо, он ощущал что-то похожее на полёт кувырком в небе, когда ещё не раскрылся парашют, когда он ещё сам не установился в бесстрашном падении, а лик земли внизу пугает своим приближением.

Однажды он перепутал в пасмурном полёте дебри изумрудной Амазонки с медной патиной лесов африканской Гвинеи. Это было постыдной ошибкой, но ничем особенно не чреватой, ни там ни здесь он не намерен был приземляться. Но лицезрение таило в себе нечто более серьёзное, вплоть до опасности разбиться в падении, хотя он и сознавал, что не летит над чьим-то лицом, и, чтобы ещё убедиться в этом, он склонялся к нежной безопасности слепого поцелуя.

Ночные полёты доставляли ему меньше радости. Исчезала вся лучезарная физическая география, оставалась назойливая политическая, электрические искры городов, прикинувшиеся звёздными скоплениями, трассирующие линии дорог, внутри которых пульсировали элементарные частицы под управлением бессонных водителей с весьма ограниченной свободой воли. Ночная земля управлялась не солнечной осмотрительностью, не весёлыми порывами ветра, а суровой бессонницей ночных патрулей и вкрадчивыми страстями контрабандистов. И лишь с возмужанием он стал воспринимать ночную музыку земли, как поднимается и опускается с трагическим гулом перепонка Африки, как продувают друг в друга суховатые обертоны мощные меха Америк, как гулко гудят под смычком песчаного ветра тугие струны Азии, как в своих электрических снах смех смешивает со стоном Европа, говорящая со своим оглохшим прошлым.

В этих сухих искусственных искрах ничто не напоминало о женском волшебном тепле, которое не измерялось никакими приборами. Ночной полёт обещал только то, что этой ночью он пребудет на высоте, но без возможной возлюбленной. Эти полёты над политической географией считались для него важными, ибо ему придётся ориентироваться среди ночных звёздных роев, он может оказаться в положении ночной бабочки, наколотой на случайный острый луч, если не будет начеку, сознавая, что у каждой, даже самой тусклой, звезды может быть своя коварная политика, а то и просто страсть к накоплению мимолётностей. Иногда ему намекали, что Вселенная, скорее всего, женственна и ему предстоит изведать, имеет ли она женское тело, или женскую душу, или то и другое.

Кружа над Землёй, в тёплой атмосфере одухотворённого и не до конца отравленного человеческой жизнью небесного тела, он размышлял, откуда и куда уходит время. Стекает оно с холодных полюсов со скоростью полярных экспедиций, вынуждая землю дрожать от глубокого озноба и стряхивать со своего лица ненадёжные людские жилища? Или тратится сразу и вдруг с извержением застоявшихся вулканов, сметая доверчивые селения, искавшие тепла у их подножий? Или тает вместе с морским туманом, от которого запотевают корабельные часы, и капитаны не успевают записать в свои вахтенные журналы, в котором часу столкнулись их корабли? Пересыпается ли оно вкуче с песками пустыни под копытами верблюдов, несущих на своих горбах запрещённые грузы? Или вянет оно в городах, где скапливаются сомнительные слухи, запрещённые грузы и отравленные туманы, где замышляются тёмные дела, но ещё не тают зыбкие мечты и вспыхивают редкие светлые мысли?

Бледную луну он недолюбливал, как ночное животное, когда-то бывшее живым, а теперь, ни живое ни мёртвое, оно пугает и завораживает живых. В полнолуние вся её пустота обнажена, а в новолуние она грозно обещает наращивать свою ущербную сиятельную пустоту. Но после прогулок по Луне, по пыли, которой негде колыхаться, он увидел Землю такой же одинокой и безвременной, и он стал жалеть обе эти сферы – и ту, где ещё было время, и ту, на которой оно отмечено лишь чужими следами и отдалёнными туманными взглядами. Особенно его окрылило открытие, что можно подойти ночью к окну, отодвинуть штору и при свете луны открыть для себя лицо уже засыпающей от счастья женщины. Если у Вселенной такое же лицо, то что творится у неё во сне?

Сны ему иметь не возбранялось, но предлагалось и во сне настраиваться не на расплывчатые лица и образы, а на цели и ориентиры, выстраивая предполагаемый путь над конкретными континентами и акваториями, планетарными системами, галактиками и метагалактиками, повторяя их собственные имена и координаты с неизменным добавлением, как внушили ему наставники, – *пока: пока* Африка, *пока* Америка, *пока* Солнце, *пока* Рыба, *пока* Магелланово Облако... Почему пока? – спрашивал он. Потому что существует вероятность полной неизвестности того, что потом, так отвечали ему.

Он переносил это *пока* на имена своих возлюбленных, если они ему открывались: *пока* Анна, *пока* Аэлита, *пока* Ассоль, от многих только и оставалось это *пока*. Однажды ему приснилось, что он спит с Австралией. *Пока* Австралия. Наставники попеняли ему, что это не просто часть суши, но и отдельное государство со своими законами и проблемами, которые могут расстроить здоровый сон. Например, проблема, связанная с размножением прожорливых овец, или проблема незаконного вывоза словоохотливых попугаев. Сон больше не повторился, а наставники склонили его к более низким полётам, обращая его внимание на мелочи. Он промчался над Москвой, где извилистая линия реки понравилась ему больше, чем громоздкая панорама самого города, напомнившая ему распластанного осьминога, выпустившего над собой облако отвратительных чернил. Потому дома и кварталы выглядели смутными присосками. И таковы были многие города. От Москвы он соскользнул на Калугу, где виднелась допотопная одинокая ракета, воплотившая в себе память о чуде-велосипедисте, задумавшем здесь думу об околосолнечном пространстве. Там же рядом сохранился музей древней космонавтики, где на потолке можно увидеть сегодняшнее звёздное небо. Снизу его летательный аппарат принимали за неопознанный летающий объект, поэтому над деревнями и окраинами городов он избегал появляться, чтобы не вызывать переполоха и писем в местные газеты; в городах же ко всему привыкли и не обращали внимания на небо, зато в некоторых странах было предписание сбивать подобные объекты, которое, к счастью, не выполнялось из-за предписания не разбазаривать боезапас. Лишь однажды, в районе Билибино, где когда-то была атомная электростанция, кажется, чукчи его обстреляли стрелами из луков.

Ему нравилось отмечать среди имён городов ласковые женские: Лима, Манила, Севилья. Некоторые звучали жёстче: Прага, Рига, Калуга – или вовсе вызывающе: Аддис-Абеба, Тегусигальпа, Калькутта. При облёте планеты выбирались самые замысловатые кривые, но со временем маршруты стали повторяться, так что стали повторяться облики и названия населённых пунктов.

Он снова поднял вопрос о закреплении за ним некоторых из уже отданных ему на любовь женщин. Наставники убеждали его: это огромная честь – провести с ним ночь или даже часть ночи. Если уж он хочет вникнуть в тонкости этой специальной службы, то для него отбирают красавиц из неизменно длинной очереди претенденток, а это сложный процесс отбора, учитывающий астрологические моменты и политические убеждения, моральную чистоту и древность рода, художественный вкус и пассионарность, а в особенных случаях обращаются к оракулам и колдунам для принятия соот-

ветствующего решения. Всё это происходит на самом высоком правительственном уровне. И было бы исторической несправедливостью оборвать на ком-то эту восторженную очередь до его призвания к решающему поединку с пространством и временем. Он должен также сознавать, что в расчёте на единственную с ним встречу претендентки отдают ему такой любовный заряд, который повторить в принципе невозможно.

Он даже пожалел, что на свете так много красавиц, обращённых помыслами только к нему, веруя, что именно он добудет для них время, которое навечно сохранит их красоту.

– А как ты находишь танец нимфы, который танцует каждая из них, – ведь это каждый раз по-новому, каждый раз его ставит новый хореограф? – спросили его наставники, хотя они редко обращались к нему с интимными вопросами.

– Танец нимфы? – удивился он. – Никто никогда не танцевал никакого танца, если не считать танцем бурное раздевание.

От такого ответа наставники остолбенели и долго не могли прийти в себя.

И вот когда она появилась у него и дразняще присела, словно обещая завлекательный танец, но тут же отбросила всё притворное и вдруг спросила, как его зовут, он был так озадачен, что его собственное имя, давно всем известное, вдруг как-то выпало из его закружившейся головы. Он засмеялся впервые не от радости прикосновения, а от высказанного слова, которое продолжало кружить, как спутник, вокруг его головы, задевая волосы и приводя их в ласковый беспорядок. Обычно он не успевал никого ни о чём спросить, а тут он спросил в свою очередь, она сказала – Александрия, он вспомнил этот город, где сгорела великая библиотека и когда-то была великая словесность на забытом ныне языке, в нём проснулись какие-то неслыханные песни и по звучащему совпадению промелькнул забавный сон со спящей Австралией.

Когда все прежние поражали его молчанием и междометиями, переходящими чуть ли не в плач, видимо от долгого нетерпения в очереди, она покоряла его ритмом из речи и мановений. Прежде чем наброситься на его губы, она сказала: давай поцелуемся, и, когда они поцеловались, она заявила, что он целует не в той музыкальной тональности, и стала так перебивать его поцелуи своими, что он ощутил поцелуй, наконец, как слово, которое можно произнести только вдвоём, и не с любой, а с той, с кем находишь общий язык, и такая речь не насытится сиюминутным говорением, она через мысль спускается в нижний угол сердца и уже сердцебиением продолжается всю умную жизнь. В конце концов, ему показалось, что он перепутал себя с нею.

Потом она зажгла свечу, принесённую с собой в сумочке, и чего только у неё там не было, в этой сумочке. Расположив своё лицо между свечой, луной, заглядывающей в окно, и зеркальцем позади свечи, она стала менять для него своё лицо. Она снимала все краски, румяна, тени для век, помада и так уже была съедена с губ, откидывала волосы с чистого лба и стягивала на затылке в пучок, и он видел, что она совсем ребёнок. Она распускала золотистые у свечи и пепельные в лунном свете волосы, оттеняла веки, отчего раскосыми становились тёмные в полутьме глаза, ярко обнажала губы и приоткрывала рот, язык хищно проплывал из уголка в уголок, становилось ясно, что она вся – женщина и её любовная сущность готова вот-вот опрокинуть предел временного приличия. Чтобы его не смущать нарисованной страстью, она стягивала сызнова мягкие волосы, обнажая любопытные уши, надевала круглые стрекозы очки, глаза увеличивались, становясь важнее утончённого рта, сквозь который она начинала процеживать серьёзные слова, весь смысл которых можно было свести к математическим началам неэвклидовых пространств. Её тело лучилось положительной и отрицательной кривизной, не сводясь к линейности: стоило ему протянуть к ней руку и уронить её от груди к низу живота, чтобы убедиться: параллельные пересекаются. Она вращалась вокруг своей бесконечной оси, а он скользил ладонями от лопаток вниз через тонкую талию и убеждался, что параллельные могут расходиться не в беспредельности, а на кончиках его же пальцев. Он был больше неё, но ему мерещилось, что весь может войти в неё без остатка, и это его исчезновение становилось единственным доказательством его бытия. Ему не хотелось возвращаться в себя. Ему не хотелось, чтобы в свете дня навсегда рассеялась эта ночь, в которой он никак не мог отделить сон от яви.

Днём, уже в полёте над Канарскими островами, когда в проёме облаков мелькнул кратер потухшего вулкана, серый, а рядом зелёное пространство для игры в гольф, он заявил наставникам, что хочет видеть только Александрию. Наставники было согласились повернуть в сторону Средиземноморья, но он возразил, что речь идёт не о городе, а о человеке.

Они стали смотреть какие-то списки, посоветовались и после какого-то мыслительного тупика прямо его спросили, как попала к нему эта странная Александрия. Он вспомнил, что она вошла к нему не как все, постучав в дверь, а через окно, почему её попытка сделать танцевальное движение показалась такой весёлой. Сам не сознавая почему, он не дал своим спутникам точную информацию, сказав, что она вошла как все, как обычно. Тогда они спросили, вошёл ли он в неё как обычно или... Он смутился, но не показал виду, и они ничего не заметили, ведь научился же он владеть и сердцем своим, и дыханием, а теперь впервые возникли мысли, которые хотелось сдерживать. И он сказал, что он вошёл в неё как обычно, хотя входил он в неё именно с трудом, и при этом он заметил, что ей больно, может быть, даже страшновато, но разыграла она при этом такую радость, что он поверил в одновременную боль и радость, лучше даже сказать – в радость, острую до боли.

После приземления в Центре наставники поспешили к начальству, вид у них был озадаченный, а при выходе от начальства явно перепуганный. Видеть их ему больше не довелось. Такое бывало и раньше, но с наставниками низшего ранга, которые ни в чём его не наставляли, а просто, как ему казалось, берегли его. Страхovali, когда он полз по отвесной скале, или, когда он совершал затяжной прыжок и долго не раскрывал свой парашют, они тоже в ужасе летели рядом, но не раскрывали своих куполов, пока он не раскроет. Некоторые сопутствовали ему на расстоянии и, если бы не его цепкая наблюдательность, казались бы случайными спутниками. Как-то его забросили на полярную льдину на предмет выживания, и на него набрёл белый медведь, а он ещё раньше заметил, что его преследовал некто в белом халате с винтовкой, сквозь её оптический прицел некто время от времени его разглядывал, не зная, что он видим и без оптики. Он и решил: сейчас его спасут от медведя при помощи меткого выстрела, – но не тут-то было. Видимо, было так задумано, что с медведем ему придётся обходиться самому. Зверь смотрел на него бессмысленными глазами сильного существа, нанятого высшими силами для соблюдения относительного порядка. Он словно ожидал приказа, более императивного, чем праздное любопытство, задом осел в снег, из такой позы можно было либо встать на задние лапы и попробовать протянуть передние для освидетельствования неизвестного, либо развернуться, чтобы не пятиться, и уйти от греха подальше. Зверь выбрал второе, услышав оглушительный свист себе в лицо и решив, что к такому предмету лучше подходить потихоньку и сзади.

Свист пришёл ему в голову как самое резкое действие при отсутствии личного оружия и затруднительности маневрирования в мягком снегу. Когда опыт на выживание успешно закончился, его взяли на борт вертолёт, куда тут же юркнул и тот в белом халате. «Ну что, страшная была большая медведица?» – ехидно бросил ему белый человек. «А откуда вы знаете, что это была медведица?» – «По Полярной звезде», – со знанием дела ответил белый. Затем для согрева ему подали бутылку его любимой испанской риохи, а его соглядатаю, у которого от объятия с винтовкой заоченели руки, стакан спирта.

Когда внутри у обоих потеплело, он спросил соглядатаю, зачем ему винтовка, если он не стал стрелять в медведя, то есть в медведицу. И тот ответил, очумев от спирта, что из винтовки ему было велено уложить не медведя, а именно его, если он ради выживания отправится через полюс в Северную Америку.

Это известие его поразило настолько, что он уснул, а когда проснулся, обнаружил, что спутник его бесследно исчез, хотя вертолёт явно не прерывал своего воздушного путешествия.

И тут в одно мгновение исчезло сразу множество окружавших его наставников, хотя никакой вертолёт специально на базу не прилетал. Ему пришлось узнать страшную тайну, сообщённую ему, скорее всего, неофициально: эти уставшие от собственных монотонных наставлений специалисты решили по-своему управлять очередью за его любовью, они допускали в его объятия лишь тех красавиц, которые не отказывались перед этим пройти через их руки. Они оправдывали это необходимостью удостовериться, действительно ли они, эти девушки, сохранили для него свою девственность, а удостоверясь, они освобождали его от дальнейших, как они называли, хлопот по лишению.

Высокое начальство и непосредственные исполнители разошлись в мнениях о так называемом таинстве любви, о чём у высокого начальства оказались и более высокие представления, и ещё только им известные далеко идущие планы и замыслы. Но об Александрии никто не мог ему ничего ни прошептать, ни сообщить командным голосом, ибо в списках очередниц она не значилась. Пострадали не только непосредственные наставники, но и незримая охрана, исчезновения которой он так и не заметил.

Новые наставники не сообщали ему ничего нового, и он весьма сожалел о старых, которые, как выяснилось, оказались для него более чем близкими.

Он ещё не знал новых наставников по голосам, и, как только кто-то позвал его к окну из темноты сада, он подошёл, тот же голос предложил ему впервые в жизни спуститься через окно, и он это с удовольствием выполнил, вспомнив, что Александрия позволила себе возникнуть именно так и именно так, через это окно, исчезнуть.

Он спрыгнул в тёмную траву, и тут же его спеленали какой-то сетью, куда-то понесли, а потом, видимо, повезли. Он не сопротивлялся, ибо не имел на этот счёт никаких указаний, ему было не очень приятно дышать сквозь стягивающую всю его плоть пелену, он решил, что это очередной опыт по сдерживанию дыхания, и терпеливо сдержанно дышал. Через некоторое время, которое он вынес, он оказался в замкнутом пространстве, где его распеленали частично, высвободив правую руку, правое ухо и единственный рот.

Он получил в руку телефонную трубку, в которой услышал взволнованный голос незнакомого наставника, и он узнал, что он похищен неизвестными с целью выкупа, они требуют миллиард долларов в купюрах образца не ранее 1990 года, выплата должна быть произведена немедленно, похитители знали уже, – а он этого ещё не знал, – что уже назначен его запуск, если запуск сорвётся, то его придётся перенести на неопределённый срок, а человечество будет продолжать прозябать под угрозой неотвратимого безвременья. Ему было предложено мгновенно оценить и доложить обстановку и не предпринимать никаких самостоятельных действий, кроме непредвиденных. Он хотел переспросить, что это значит, непредвиденные действия, но, как ответственный человек, прежде всего доложил обстановку, что везли его 47 минут 14 секунд на юго-юго-запад без нарушения скорости, то есть не превышая 70 километров в час, судя по плохой дороге, в черте города, потом 30 минут со скоростью 110 километров в час точно на юг, в месте его пребывания влажность воздуха говорит о наличии водоёма, скорее всего реки, если отвести от уха трубку, слышно, что-то течёт, куда нельзя войти дважды, как учил Гераклит... При имени Гераклита стали переспрашивать, при чём здесь Гераклит, надо ли эти данные закладывать в компьютер, но тут у него отняли трубку и в неё пролаяли: «Слышь, ты, Гераклит, ваш пока жив, времени у нас в обрез, а у вас и того меньше, так что выполняйте условия и не валяйте дурака». А ему снова примотали руку, хотя ухо и рот оставили на свободе. «А что ты ему руку-то отматывал?» – сердито прохрипел ещё один живой голос. «А кто он мне такой, чтобы я ему своей рукой трубку держал?» – ответил другой живой.

Дальше события развёртывались с невероятной быстротой.

По его данным было просчитано, что он находится на даче бывшего министра культуры, после упразднения этого министерства ею завладел известный продавец лондонского тумана, нашедший оригинальный способ хранить туман в бутылках так, что последний не рассеивался. Астрологические прогнозы о скором провале Англии в тартарары были широко известны, поэтому спрос на сырой лондонский туман, расфасованный по литровым бутылкам, был велик, англomаны всего мира сделали этого изобретателя самым авторитетным среди новых русских, а безработные эрудиты, знающие наизусть любое место из Британской энциклопедии, могли хорошо зарабатывать себе на жизнь сбором пустых бутылок. Изобретатель и продавец имел некоторое отношение к пресловутой проблеме пробок, но выяснилось, что к похищению он не имел отношения, так как сам уже давно переселился в Лондон, а дачу сдал каким-то тёмным личностям. Вот за них-то сейчас и возьмутся.

Итак, они ждут миллиард американских долларов, вертолёт, который их доставит в аэропорт Чкаловский, где их должен ждать готовый к взлёту сверхзвуковой бомбардировщик, но без бомбового груза. За ними прилетает вертолёт, к нему же подвозят доллары, они выволакивают похищенного, прикрываются им от возможной прицельной пальбы, пересчитывают деньги и загружают в вертолёт, заваливая ими похищенного, так что он сможет протянуть, почти не дыша (а для этого его и тренировали), как раз до взлётной полосы в Чкаловском, где добычу быстро перебрасывают в бомбардировщик, откапывая, таким образом, похищенного и возвращая ему воздух, затем взлетают и скрываются из виду.

Операция начнётся на рассвете, так как в темноте они не смогут проверить банкноты на фальшивость и пересчитать их.

Власти беспрекословно согласились на это, они, в отличие от захватчиков, просчитали, что такое миллиард, сколько времени понадобится, чтобы его пересчитать и перегрузить.

Операция началась на рассвете, вертолёт сел на грядку с огурцами, в открытые ворота дачи к нему подошла машина с долларами, шофёр покинул её и ушёл, а похитители – их оказалось четверо – только собрались высунуться, но тут стали подходить другие машины, все гружённые мешками с деньгами, целая автоколонна. Тем не менее злодеи бросились просматривать первый мешок, забыв о намерении забаррикадироваться мешками, а уже потом их просматривать. К тому же они растерялись, выгрузив несколько мешков: где же тот, в котором похищенный? Плюнув на всё, они стали просматривать на свет долларовые бумажки, тут их и уложили снайперы.

В них опознали бывших охранников претендента на президентский пост, который в президенты не прошёл, и охранники ему больше не понадобились. Один из них до службы в охране был режиссёром детективных фильмов, он, видимо, и организовал захват заложника, основываясь на своём опыте работника культуры. Судя по подложным документам, вылететь они собирались во Франкфурт, причём двое во Франкфурт-на-Майне и двое во Франкфурт-на-Одере.

Перестреляв преступников, бросились искать похищенного, перебрали все мешки, среди которых один оказался с бутылками, но его не обнаружили.

Да и как могли его обнаружить, если он только и думал о непредвиденных действиях, что бы это могло быть. Он знал, что если Вселенная закручена в одну сторону, то раскручиваться ей придётся в другую. Он вспомнил, в какую сторону его заворачивали, и в конце концов вывернулся из пелёнок, вращаясь в сторону свободного уха. Им же он слышал, что заговорщики оставили его лежать одного, а размотавшись, он связал вместе бутылки с лондонским туманом так, чтобы они образовали нечто вроде мумии, в которую негодяи хотели его превратить навеки. Раскупорив несколько оставшихся бутылок, он выпустил туман за окно, и его никто не увидел, когда он сиганул через окно во двор, преодолел забор и оказался у реки, в воды которой он вошёл с уверенностью, что такое больше с ним не повторится.

Ему стало приятно смывать с себя следы непрошенных пут и дышать родным речным туманом, едва заметным над свежей водой. Рассматривая звёзды над головой, он понял, что это река Ока, а, когда на рассвете увидел над плотиной силуэт старинной ракеты, решил, что это уже Калуга, можно уже и выйти сухим из воды. Сотрудники музея космонавтики встретили его как родного, они долго не хотели его отпускать, уговаривая его навсегда остаться здесь, рядом с Циолковским, в качестве бесценного экспоната.

Но тут всех неожиданно настигло сообщение, что пробил его час. Слух о похитителях распространился по всем каналам массовой информации, и, хотя они должны были быть мертвы, ссылаясь на них как на источник, был назван день и час его грандиозного запуска. Некоторые выражали мнение, что ему уже небезопасно оставаться на Земле, поэтому чем скорее, тем лучше, и не только для него самого, но и для всего человечества.

Готов ли он? Да, конечно, готов, а если не готов, то готов дублёр, он и полетит. Какой дублёр? Он впервые слышал о дублёре. Некоторые независимые источники сообщали, что похищен был вовсе не он, а как раз дублёр. Другие уверяли, что похищение было организовано дублёром. Дублёр – иностранец, пока неизвестно из какой страны, страны пока молчат из дипломатических соображений.

Народу обещали, что перед взлётом он даст эксклюзивное интервью Московскому радио. Потом было опровержение, командование разрешило ему дать интервью, но ни в коем случае не эксклюзивное, но не Московскому радио, а «Немецкой волне», там лучше платят. Опять ложь, но её уже никто не опровергал.

Надо лететь.

– Как, а Александрия?

Вот-вот, и Александрия. Она всполошила всю очаровательную очередь. Её, Александрию, надо прятать от гнева очередных красавиц. Возможно, она сама это понимает и прячется. Зачем же ей прятаться от него?

Это очень важно, сказали ему, возможно, это самое важное. У него на Земле остаётся Александрия. Это значит, что он обязательно вернётся. Конечно, он бы и так обязательно вернулся, завершив свою миссию, но тут уж совсем нельзя не вернуться. И ради человечества, и ради Александрии, ради себя самого.

Подготовка к запуску была стремительной, как обряд осуждённого к гильотине, его, соответственно, облачили во вселенский панцирь, дали прощальный глоток красного вина, перепутав бордо

с бардолино, но он, поперхнувшись, ничего не сказал на это, надвинул шлем на бедовую голову, перекрестился и шагнул в бездну.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Казалось бы, взлёт – это переход из материи в эфир, из плотности в лёгкость, но всё наоборот, тяжесть нарастает стремительно, как будто ввинчиваешься во всё более жёсткую твердь. Тяготение не выпускает мягкое тело из своего кокона, плоть вот-вот соскользнёт со скелета, дерево крови шумит и гнётся, как в бурю.

Это ещё ничего. Скоро звёзды будут процеживать сквозь тебя спирт своей гравитации. Чужие планеты за комок твоего существа будут тянуть жуткий жребий. Порожняя пустота будет стремиться выудить из тебя хотя бы атом, она будет гипнотизировать тебя пустым взглядом и просить как милостыню из твоей плоти хотя бы клетку, чтобы войти в неё и стать живым опасным существом.

Он летел, как стружка, снятая с поверхности планеты. С точки зрения земного наблюдателя его полёт касался всё возрастающих сфер, шёл по вершине невидимой взрывной волны, родившейся в центре земного шара, получалась упругая спираль, пружина, которая всё ускоряла и ускоряла своё развёртывание, чтобы в конце концов запустить его, как из пращи, за пределы видимого и вычислимого. Потом он отразится от бесконечности и понесёт её бесконечную долю в ту колыбель мировой мысли, откуда он взлетел. Ожидалось, что разница между спиральным путём с точки зрения земной и абсолютной прямой его летящей точки зрения составит накопленное в полёте время, и время покажет, так ли это.

Он ещё различал проваливающиеся во всё более ничтожную копию самих себя материи и океаны. Когда-то его смущало – ибо, как и большинство детей, глобус он рассмотрел прежде, чем живую Землю, – почему, например, на связанных тонким узлом Америках не написано «Северная Америка» и «Южная Америка», летящего поражает, что планета в действительности никак не расписана, что политическая география только коверкает физическую. Как возможны топологически страны, то есть государства, как непересекающиеся подмножества? Как может Азия где-то граничить с Европой, почему, если кончилась Европа, тут же должна начинаться Азия, и наоборот? Можно было ещё понять, там, где начинаются львы, кончаются зебры, это определяется тем, кто кого кушает, но как найти умозрительное обоснование тому, что там, где начинаются русские, там непременно кончаются немцы, а где кончаются немцы, там обязательно начинаются французы, и так далее.

Иногда, снижаясь над пляжами, он в так называемых южных курортных областях мог обнаружить лежбища одновременно немцев, голландцев, французов, англичан, а в последнее время ещё и русских, которые в полуголом виде почти не отличались друг от друга, а от местного населения отличались тем, что находились ближе к воде и были раздеты, а население простиралось ещё и вдаль от моря и было одето, хотя и не всегда хорошо.

Чтобы уйти от этих проклятых несообразностей, он воздевал глаза к небу, глаза, а не руки, их нельзя было оторвать от управления. Там ему рассыпались мелким бесом бесчисленные звёзды, которые всем своим видом должны были взывать к человеческой совести. Множество звёзд в его точечном представлении должно быть счётным, поэтому, если они влияют на людей, количество совести у последних должно быть величиной постоянной.

Звёзды в небе рассыпаны более скупой, чем люди по Земле, но это касается только видимых звёзд. Невидимые звёзды соответствуют, возможно, количеству невидимых людей, которые имеют основание оставаться в тени, давая другим возможность вспыхивать фейерверками лёгкой болтовни, разлетаться петардами безопасных шуток или гореть на костре собственных неуёмных страстей. Звёзд больше, чем личностей, и личности пытаются сменой поколений во времени обверстать звёздное число. Облететь бы все звёзды, обратить бы внимание на свет каждой из них, тогда добыча времени будет столь обильна, что не потребуются никакие последующие поколения. Но хватит ли на это одной жизни?

Так думал молодой повеса, которого никто не ждал в необъятных поместьях Вселенной. Он был счастлив, что не разбился, врезавшись в стрекозу или птицу: хороший знак, можно считать, что уже ничто не сведёт его с правильного пути. Он уходил всё дальше от гармонии солнечного хозяйства, стало быть, ему уже не надо бояться ни таможенников Марса, ни пиратов Венеры. Он слышал исто-

рию о неудачном полёте к Луне, когда из-под запасных кислородных баллонов выскочили два бледных брата-близнеца и потребовали посадить корабль не в лунном море Спокойствия, а в Сан-Диего, где их ожидало наследство от фантастически богатого дяди, который в своё время продал Америке военный секрет, кажется, связанный с периодом полураспада российского флота.

Запросили Землю, Земля сообщила, что дядя ещё жив. «Скончается, – уверили близнецы, размахивая гранатой, – скончается, как только нас увидит!» Опять запросили Землю, но уже американскую, американский компьютер ответил, что братьев примут, поскольку у них есть родственники в Штатах в лице дяди, но экипажу приземляться на американской почве не положено, у них там родственников нет. Корабль дёргалось то в сторону Луны, когда экипаж решал, что там приземляться безопасней, то в сторону Земли, когда братья в очередной раз замахивались гранатой. Снова запросили Землю, откуда пришло предложение, не то от президента, не то от вице-президента, что наши могут занять Калифорнию на время вынужденного приземления, это сделает посадку законной, затем, когда экипаж высадит космических пиратов, Калифорнию снова освободят и космический корабль продолжит свой заданный маршрут.

В этот момент в эфир вышла одна из южных стран, пожелавшая остаться неизвестной, она предложила выкрасть богатого дядю, если он того стоит, и обеспечить мягкую посадку близнецов на своей горной независимой территории. Это предложение совпало с интересами некоторых отделов наших спецслужб, которые хотели бы выпытать у дяди секрет, выданный врагам и забытый нами. Но к этому времени близнецы упали в обморок, ибо не были соответственно подготовлены для космоса. У них изъяли две гранаты, выломанные, как выяснилось, у фигур партизан на станции московского метро «Площадь революции».

Путь на Луну был открыт, но горячее потрачено во время переговоров с Россией и Америкой, настроение у экипажа было испорчено, и корабль приземлился в районе Саратова, откуда родом были злополучные близнецы, всё ещё пребывавшие в обмороке.

А их дядя оказался долгожителем, возможно, благодаря калорийной американской пище. Его пришедшие в себя племянники сделали себе если не состояние, то временный достаток, выпустив книгу о своём космическом пиратстве. При этом близнецы оказывались уроженцами той страны, на язык которой переводилась книга, русскими оставались только гранаты. Близнецы требовали через космические каналы связи, чтобы Россия оставалась на пути реформ и чтобы президент лично владел ситуацией, благодаря чему каждый со временем разбогатеет и всем будет плевать на американского дядю. Для увлекательности чтения близнецы объявили себя сексуальным меньшинством, угрожали экипажу сценами насилия, которые тут же должны будут транслироваться на Землю по всем программам, включая «Время», и будут оплачены как реклама презервативов. Во многих столицах мира на центральных площадях были сооружены обелиски с указанием, что именно в этой точке легендарные близнецы намеревались посадить русский «шаттл», если их требования не будут удовлетворены. Существует предположение, что, как следствие этого события, возник миф о могучих андрогинах, двуполых чудовищах, угрожавших даже самим олимпийским богам, а так как этот миф мы встречаем в диалоге Платона «Пир», где главное действующее лицо мудрый Сократ, то учёные выдвинули предположение, что либо Сократ, либо кто-то из его круга в своё время бывали в России, откуда и вывезли свою мифологию. Мифология населила небо своими благородными героями и привязала астрономию к земным заботам...

Ещё не достигнув первой звезды, он неожиданно столкнулся с москитным флотом, кораблики которого были допотопны и убоги, он догадался, что это нищие, за тусклыми стёклами нельзя было угадать, цыгане или какой-то другой забытый народ, кто-то, как на картине Марка Шагала, залез на крышу со скрипкой, но музыки не было слышно в безвоздушной пустоте. Они скоро поняли, что ему не до них и ему нечем с ними поделиться, им было бы бессмысленно семенить за ним следом, и они печально отстали.

Его вдруг тряхнуло так, что он чуть не вылетел из своего скафандра, он скорее ощутил, чем понял: пролетает как раз созвездие Близнецов и Кастор тянет его в свою сторону, а Поллукс в свою. Наблюдать себя внутри созвездия это не то же самое, что созерцать его в планетарии, все конфигурации утрачены, а имена не написаны на звёздах. Вон и Большая Медведица заметила его, попятилась и провалилась в белом пару Млечного Пути, а потом и сам Путь, полыхающий на его шее, как шарф на ветру, соскользнул и пропал в собственной снежной буре.

Как хорошо, что его скафандр пригнан по фигуре: когда его потрянуло, будто желток в белке, скорлупа костюма не треснула, и он мог удобно продолжать высиживать сам себя. Не зря он берёт этот устаревший, но надёжный образец, в котором уже не раз приземлялся и приводнялся, всё было ему нипочём, всё складывалось до сих пор удачно. Скафандр был серый, изготовленный ещё в пору холодной войны и рассчитанный на незаметность, с потеплением отношений он стал натягивать на него оранжевые шаровары, сшитые из парашюта, на котором приземлялся первый космический слон, их тоже было рекомендовано применять как запасной парашют, но он этим ни разу не воспользовался.

Млечный Путь был лишь одной из волн мирового океана, даже не девятым валом. В промежутке между волнами была мёртвая зыбь, куда более страшная, чем промежуток между добродушными Близнецами. Мимо ухнуло какое-то низкое созвездие и скрылось за лесом. На такой скорости уже трудно было определять, что это за созвездие, пока определишь, внедришься уже в другое пространство, принцип неопределённости для элементарных частиц проявлялся здесь уже на макроуровне. Он опять не имел ни звезды на своём горизонте, когда успел подумать, при чём здесь лес, что за лес, а в ушах его щебетала стая неведомо откуда спугнутых птиц, голоса которых могли предупреждать о надвигающейся грозе. Пошёл тёплый, удивительно тропический дождь, и он предположил, что достиг уже Магелланова Облака. Всё шло пока благополучно, он ни разу не врезался ни в чужой корабль, ни в случайного ангела.

В его глаза посыпались другие звёзды, он решил, что должно же быть созвездие Александрии, и, может быть, под ним шелестит лес.

Лес шелестел многоликими листьями, в замысловатых прожилках каждого из них была зашифрована судьба грядущих деревьев. Листья отражали солнечную, летящую на них пыль, отбрасывали тень, желтели, высыхали и опадали. Теперь они у подножия стволов ожидали торопливых шагов, чтобы вспомнить о своём прежнем высоком шуме. Они не успевали разлететься, как их уже укрывал снег своим белым налётом. Силуэты деревьев отчётливо рассекали синюю эмаль неба, пока его не заволакивал снегопад, снег плотно упаковывал землю, в отличие от рыхлой, рассеянной оболочки звёзд. Снег таял, и деревья выпускали зелёные пламена новых листьев, лес уже дышал ими в ожидании нового шума. Волны зелёного снега желтели, сталкивались с волнами белого, и на этих волнах колыбался его корабль, он плыл над её лесом, и его несло её ветром. И где-то между его виском и скоплением тёмных звёзд звучала её песня.

Яблони в саду не успевали за яблоками. А потом возникали на месте лесов моря, деревья становились водорослями и кормили рыб, моря опять уходило, молнии растений ударяли в небо и снова уходило в море, блуждающее по земле. Планеты съёживались и расширялись, лопались и порождали себе на удивление бледные луны, луны возвращались в свои лона, взрывая застывшие пейзажи своих планет.

Не забывая о своей земле, он думал, что ему нравился радиус этой планеты, он не раздражал почти плоской, безутешной далью и не давил катастрофической узостью малого тела, взятого за горло собственным горизонтом. Горы не взламывали пространство, а занимали в нём достойное место посредников между теснинами ущелий и просторами небес, которых осторожно касались своими заснеженными пиками. Моря хотя и разделяли материки, но и не давали им потеряться в своей зыбкой протяжённости. И каждая река честно несла свой крест.

Он помнил, что именно там, на этой земле, ему особенно удачным казалось расстояние до солнца, дающее любому живому существу возможность продолжать своё существование. Всегда можно было в случае необходимости войти в охлаждающую воду, встать в освежающую тень или согреться от многоликого явления замедленного огня.

Очень любил он кристаллическую ипостась Мирового океана, белый снег, по которому так приятно идти рано утром от дома к дому, где тебя ждут родные души, или бежать на лыжах от леса к лесу и от поля к полю. Есть что-то гордое в стремлении пройти первым там, где ещё никто не шёл, такая дорога более медленна, зато тем, кто пойдёт следом, будет идти радостнее, так обычно идут впереди большие, а за ними торопятся дети. Идти по накатанной лыжне хорошо до поры до времени, пока она не разбита настолько, что тебя шатает из стороны в сторону и ты уже не чувствуешь благодарности ко всем до тебя прошедшим поколениям. Хотя поколения здесь ни при чём, это, скорее всего, современники, твои собратья по любви к свежему воздуху.

Он летел дорогой, о которой знал только по чужим расчётам и по наитиям своего воображения. Его вдруг осенило, почему он вспомнил о накатанной лыжной колее: его бросало из стороны в сторону, словно звёздный путь был разбит множеством прошедших здесь до него. Но это же не снег? Или пустота так же хранит в своём пустом мозгу память обо всех, кто отважился её преодолеть? И значит, кто-то должен быть впереди его?

Корабль, подобно пуле в стволе, обдирался пустотой и оставлял в ней свои жёсткие следы. Всё сгустившееся пространство – след движущейся материи с уснувшей мыслью внутри. Если лыжник бежит по кругу, то и корабль может лететь по замкнутой кривой, не замечая, когда она замкнулась. Поколения кораблей, смещая свои траектории, образуют в покорённой пустоте гигантские скорлупы, гигантские шаровые поверхности, созданные из их тончайших следов. Эти сферы, как только они замкнутся, начнут сжиматься, выдавливая, изгоняя из себя замкнутую в себе пустоту. Так образуется плотное небесное тело, несоизмеримо малое по сравнению с первоначальной полой сферой, но достаточное для построения грандиозной солнечной империи со своей историей, своими предрассудками, катаклизмами и процветаниями. Из этого жизнеспособного источника вынырнет новое мыслящее существо, которое измыслит новые беспредельные скорости, и овладевшему этой быстротой уже некогда будет дальше мыслить.

Мысль возникает при пересечении быстрого с медленным. Какой силы должно быть мгновение, чтобы оплодотворить вечность? Кто собирает яблоки в саду молний?

Увидев размытое полыхание прохладной звезды, которой никто никогда не видел на земном небе, он почувствовал стеклянную тоску телескопа по невиданному небесному телу. Большие числа много бы дали за оценку этой сияющей массы, вокруг которой на множество световых лет ни одного дошного наблюдателя, способного пережить восторг от этого неопишуемого зрелища.

Ему захотелось поскорее ввести эту красоту в память бортового компьютера, но пока он набирал код соответствующей программы, картина изменилась настолько, что источник его вдохновения стёрся из его собственной памяти. Если только что он наблюдал пульсацию сердца светила, то в следующий миг уже вздувались сетчатые лёгкие звёзды, произошёл вдох чёрного света, который будет выдохнут уже белым, это было ясно, хотя выдоха он не успел увидеть, вступив в грозное пространство солнечного сплетения, здесь зарождались блестящие мысли, но их перехватывали на пути нервные сети – хранители тайн загадочного светила, и профильтрованные лучи уже мало что сохраняли от первоначальных глубоких прозрений.

Но и это всё уже далеко позади.

Пустота продолжала строить свои козни, прикидываясь основой всего сущего. Её было больше, чем можно было предположить. Вакуум распадался на большие пустоты, которые были чем мельче, тем активнее. Они совокуплялись друг с другом, порождая всё более жадную пустоту. В пустоте действовал закон пропасти наизнанку, она выталкивала из себя любого, кто не был абсолютно пуст, но задетый пустотой долго не может оправиться от этого удара.

Его компьютер мог что угодно вытащить из прошлого и сделать любой прогноз на будущее, но он никак не был связан с настоящим. Поэтому ему захотелось записать свои непосредственные наблюдения, придав им форму слов знакомого ему языка, так он мог лучше понять промелькнувшее, но ещё не забыл, что ему запрещалось делать записи. Пославшие его опасались, что уже один жест занесения пера над бумагой может вызвать необратимые помехи в заданном курсе, а уж как это может повлиять на окружающую действительность, никто не осмеливался даже подумать.

А если он нанесёт хотя бы одно слово на бумагу, это уже может отозваться катастрофой. Возможно, кто-то читает его неразборчивые мысли, но этот поток лёгок и эфемерен, течёт себе и течёт, он не опаснее лесного ручья. А вот слово... Оно может озадачить кого-то свыше, кто, может быть, единственный имеет право запечатлевать слова...

Кроме этого, никто не мог поручиться за то, что в полной пустоте, при отсутствии звуков может учинить скрип пера по бумаге.

И последний момент (но не последний по важности): запах чернил. Запах чернил – один из немногих, соперничающих с запахом сапожного крема. Владельцы блестящих сапог не выносили запаха чернил. Какое значение имело всё это в крошечном пространстве? Что может потревожить эту бездонную, блестящую черноту?

Ещё ему категорически запрещалось даже вызывать в себе желание заглянуть в зеркало. Кто знает, в какое чудовище превратит его запредельная скорость? Кто знает, как ведут себя в искривлённом пространстве затаившие в себе ядовитую ртуть зеркала?

* * *

Какой смысл называть новые сущности новыми именами, если эти сущности сменяют одна другую с быстротой, исключаяющей их запоминание? Он сознавал себя первооткрывателем, но кому он передаст радость своих открытий? Не так же ли и каждый ребёнок сам для себя открывает впервые зелень, в зелени траву, а потом в траве крапиву, полынь, коноплю?

Его увлекало это безудержное проскальзывание, стремление иглы, забывшей о тянущейся за ней нити, тогда как истинный след оставляет не игла, а нить. Он мчался сквозь Вселенную, как мог бы мчаться на сверхзвуковой скорости самолёт через лес, стараясь миновать каждое дерево. Он сам не понимал, как ему удавалось сохранять верность назначенному пути. Скорость настолько уплотняла Вселенную, что светила, световые ямы, чёрные дыры нанизывались друг на друга, и это было чудо, что он не врезался ни в одну из этих непредвиденных вех. Он продолжал верить, что лишь его нежелание столкнуться с чужой безымянной массой хранит в пути доверенный ему корабль.

Внезапно слева по борту в океане неизвестности возникла серая точка, и с её ростом он пытался определить, на что она похожа и во что превратится – личинка стрекозы, дельфин, дирижабль... И вот уже позади затерянный в бездне мёртвый чужой корабль, с другой ли планеты, действительно ли мёртвый, или его корабль так испугал чужеземцев, что они прикинулись мёртвыми, как это делают на земле ящерицы. Промелькнуло синее солнце с проглоченным обугленным материком во чреве, ухнуло из ниоткуда в никуда, уступив своё зыбкое место рою светящихся пчёл, они несли пыльцу с полей тяготения, и вот уже были выстроены огромные соты и заполнены мёдом, мёд растекался медленно по сосудам пространства, он должен был замедлить движение любого тела, захваченного им, но этого не происходило, его скорость ещё возросла, так что мёд Вселенной как бы засахаривался, выпадал в кристаллы, и в этой среде его охватило новое ускорение, не тягостное, а сладкое, засасывающее и обволакивающее. Он вновь ощутил течение своей крови по замкнутому кругу, руки его потянулись вперёд, как для объятий, и ему страстно захотелось увидеть себя в этот миг наслаждения неосознанным чудом, он вообразил, что таким счастливым видит его сейчас в своих мечтах Александрия...

И тут ему показалось, что у него вовсе нет рук. Ещё он успел вспомнить, как наставник, который был обязан его пристрелить, если он через Северный полюс уйдёт, то есть соберётся уйти, на другой материк с другим образом жизни, так вот, этот самый грубый из наставников, особенно любивший так чистить свои сапоги, чтобы в них самому отражаться, он как-то злорадно, но со знанием дела сообщил ему, что в конце назначенного полёта невероятная скорость обратит его в плотный шар, в центре которого будет тускло проявлять себя головной мозг, омываемый и сохраняемый кровью, а скелет будет отброшен на периферию тела, образовав панцирь, скорлупу, внутри которой он будет дышать как собственный зародыш. Довольно-таки страшная картина и довольно-таки хрупкая конструкция. Где же тогда его глаза? Ведь он всё время видел и видел и не мог насытить видением своё око. Вот он падает каплей мёда в студёную воду осеннего пруда, его охватывает озноб, невозможный для тела, покрытого панцирем, он видит волны, душную глубину, водоросли, возможно, здесь затаилась гидра, одно из её щупальцев кольшется ему навстречу, как игла. Слева проскользнул, обгоняя его, мёртвый корабль, значит, он вовсе не мёртвый, или это просто его самого отбросило назад, к этому затаившемуся кораблю, это он сам совершил мёртвую петлю в чужой пустынной среде, и вот теперь...

И в этот миг стремительная игла пронзила хрупкую скорлупу и прошла сквозь уже ничем не защищённый мозг, кровь покинула стены своих сосудов, и здесь оборвались его видения.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Когда в деревне умирает колдун, разбирают крышу, чтобы его виноватая душа наконец могла освободиться. Он не был колдуном: во всяком случае, ему не приходило в голову колдовать, и его этому не учили. Иногда ему казалось, что он предвидит что-то, но предвидение, как правило, не сбывалось.

Потому он всегда полагался на опыт наставников, на расчёты конструкторов и, если уж на то пошло, на приказы руководителей центра.

Видимо, игла, пронзившая его существо, была блестящей и тонкой. Блестящей – потому что с концом его видения блеск не уходил, подобно блеску молнии, который навеки разливается в мёртвой памяти убитого. Тонкой – потому что выход был тесен даже для такой тонкой субстанции, как душа, она с трудом выбиралась из вынужденного мрака смертного тела в область запредельного небытия. Его зародышевые клетки, ещё не погибшие вместе с ним, трепетали от сопереживания с её напряжённым исходом.

И всё же ему показалось, что кто-то старательно разбирает над ним крышу.

Вначале над образовавшейся отдушиной возникла странная театральная маска, олицетворение трагедии, потом печальная подкова рта стала изгибаться снизу вверх, перестраиваясь в улыбку. Он вспомнил, что при выборе именно его для миссии полёта решающей оказалась его открытая улыбка, ибо лицо, призванное смотреть на себе подобных из крошечной высоты, должно нести на себе привлекательную улыбку, ни в коем случае не натянутую, тем более не презрительную ухмылку или горькую усмешку.

Тогда для соискателей-детей показали зрелище: вышли тощий артист с приклеенной на лице печалью и толстый благодетель с толстой пачкой денег в руке и ртом, похожим на знак минус. Благодетель с невыразительным лицом стал отсчитывать бумажки и передавать их в просящую руку артиста, отчего печаль на его выразительном лице оттаивала, преображаясь в сияющую улыбку, когда все деньги перекочевали в его ладонь; но в этот момент деньги нарушили равновесие его тощей артистической фигуры, он перекосялся и якобы замертво рухнул наземь.

«Дети, – воскликнул назидательно толстый благодетель, – умение хорошо считать есть единственно верный путь к процветанию изящных искусств!»

Но дети уже не слушали его, они смеялись над наказанной жадностью худосочного артиста. А будущие наставники в подзорные трубы выбирали наиболее подходящую для высокого взлёта улыбку.

И сейчас маска над ним улыбалась ему его детской улыбкой, а в просветах глаз маняще проступало голубое земное небо. Он видел эту ожившую маску, понимал, что она обращает своё внимание на него, но видел себя, достойного такого внимания. Потом медленно маска стала удаляться, но и он последовал за нею, будто она несёт его в зубах улыбающегося рта, словно кошка слепого котёнка, и он никак не мог понять, за что она его держит, за спину или за голову, ибо он не ощущал ни своей спины, ни головы. Он решил считать себя проглоченным, ибо маска растворилась в движущемся пространстве, и он уже не видел ни её улыбки, ни её зубов.

Он захотел заговорить, но не услышал своего голоса, хотя тут же ему стал внятным ответ на непроизвучавший вопрос, ответ потряс его в буквальном смысле, заставив дрожать подобно незримой струне, тронутой незримым, но весомым смычком:

«Я есмь твой ангел-хранитель. Да, я твой ангел-хранитель. Не пугайся меня, но и не мучай меня вопросами, которые будут отвлекать меня от нашего пути. Конечно, я буду стараться отвечать тебе, но нам предстоит очень нелёгкий путь. Тот путь, что ты преодолел силой чужого ума, нам предстоит проделать в обратную сторону силой твоей осиротевшей души и силой моего вечного духа. Я сопровождал тебя, но я был не в силах тебя сохранить. Дух веет, где хочет, но ты проник туда, где дух уже не хочет веять. Тебя занесло за пределы Божественной Вселенной. И в её пределы я обязан вернуть твою душу, так же как я обязан был следовать за тобой, чтобы успеть её, твою душу, уловить в момент исхода, чтобы она не растворилась бесследно в чужой немислимой пустоте».

Хотя известие должно было погрузить его в глубокую скорбь по самому себе, потрясение было приятным, и, когда оно утихло, он захотел снова испытать течение ангельского голоса по струне его души, ибо в замирании не было ничего, кроме всплесков новых вопросов, которые таились где-то в центре его нового существования. Он уже сознавал себя тонким смычком, настроенным на струну ангельского слуха, или, может быть, дуновением внутри ангельской флейты, которая тут же зазвучала ему в ответ.

«О, это желание увидеть себя! Ты захотел увидеть себя в зеркале, и это стало причиной разрушения твоей телесной оболочки. Ты даже не успел заметить, что это было за зеркало. Земные законы и земные константы плохо сочетаются с физическим беззаконием других миров. Не отвлекай меня

лучше вопросами, связанными с физикой или математикой! Божественны лишь редкие числа, один, два, три, менее того – семь, а какое нагромождение чисел в вашем видимом мире! И ты нёс это нагромождение в себе. Ты захотел увидеть себя как совокупность хранящих тебя в полёте чисел, но при той скорости, как твоя, твоё числовое представление в зеркале не соответствует твоей действительности. Тем более это расстояние между тобой и желанным зеркалом! Тебя предупреждали догадливые мыслители об опасности сверхдвижения. Ты просто-напросто разбился о собственное отражение. И теперь оно не принадлежит ни тебе, ни мне и летит одиноко туда, откуда никому никогда не будет возврата».

Это показалось ему печальным. Ему было очень трудно вообразить себе, как его отражение продолжает где-то играть его роль, может быть, даже оно тоскует теперь о нём, и ему стало жалко своего отражения. Обычно разбиваются отражения, оригинал остаётся, или, как в случае с Нарциссом, они сливаются и исчезают оба вместе.

Дуновение голоса ещё качало его, как лодку в океане, только плеска не было слышно. Когда-то в планирующих полётах он видел, как по земле летит его крылатая тень, сейчас он ощущал себя такой же летящей тенью, тенью ангела, но самого ангела он не видел.

«Ты не можешь меня видеть, – зазвенела в нем ангельская струна, – потому что я храню форму твоей несовершенной души, испуганной своей неожиданной свободой. Я несу в себе твой испуг, не показывая его тебе, чтобы твоя душа безболезненно приняла свою блаженную форму. Ангелы иногда кажутся страшными тем живым, которым они являются не всегда по своей воле, а втягиваясь в земное зримое пространство игрой настоящего воображения, не облагороженного святостью смиренного иконописца. Наши очертания часто очень страдают от рассеянного человеческого зрения. Особенно опасно попадать в поле ложно-невинного женского взора, когда наши крылья ломаются в воронке внешне безмятежного зрачка. Нет ничего больнее, чем удар бесконечности об единицу...»

Дуновение голоса замерло где-то в листе мирового дерева. Лёгкое покачивание челнока утратило свою блаженную амплитуду, серая, мёртвая зыбь уныло нахлынула на отсутствие его тела. Где-то, где не было сердца, разливался смутный страх.

Голос упал с мирового дерева сизым туманом, это был и не звук, и не очертание, а разрозненный алфавит, с трудом собирающийся в слова.

«Мы вернулись в опасную глушь Вселенной. Здесь пространство изъедено обиженными душами, не нашедшими или потерявшими своего ангела. Здесь есть души, до сих пор крадущие друг у друга кости. Здесь есть места страшные, как провал пустого взгляда. Ты преодолел это испорченное пространство под прикрытием мечты о чистоте снега. Крик неприкаянных душ заглушает гармонию небесных сфер и встаёт как мутный щит на путях осмысленного разговора. Мой голос с трудом в этой бездне обретает в тебе впечатление слуха. Но мы и это преодолеем...»

Голос с мирового дерева бросил ему лёгкий цветок, держась за который он не проваливался в бездну. Стали видимы покинутые им звёзды. Он впервые увидел их не над собой, а сквозь себя, отчего они стали ему ещё дороже, не умаляя его отсутствующей плоти. Возможно, что, видя чужой свет, он сам обретал способность свечения. Возможно, это помогало ему освещать обратный путь, и, возможно, это нравилось его ангелу, ибо он видел это.

Их, а может быть, только его одного, снова забеспокоило, даже закружило, но как-то необычно, неожиданными толчками и провалами, и ангел ему поведал:

«Это Большое Минное Поле Вселенной, но это не совсем точное название, а обозначает оно поле битвы исторических личностей, где продолжаются непрерывные военные действия, постоянно повторяются ошеломительные подвиги. Здесь идёт соревнование в науке разрушать, подавлять и сдерживать, что особенно трудно в едином и неделимом пространстве.

Вот крымско-татарский хан Тохтамыш тайком от Кутузова выжидает, когда Наполеон войдёт в опустевшую Москву, чтобы тут же её сжечь. Все попытки Наполеона доказать Тохтамышу, что это не его время и совсем не та Москва, тщетны. Тохтамыш свирепо сжигает то, что он считает Москвой, чтобы не было больше сомнений, кто поджигатель, и теням наполеоновских гренадеров нечего грабить. Наполеон же вместо того, чтобы поспешно отступить в родную Францию, бросается в сердцах в погоню за Тохтамышем, его конница форсирует Сиваш, громит в Крыму отступающую русскую белую армию во главе с благородным генералом Врангелем, но тут с Чёрного моря его начинает

обстреливать турецкая эскадра. Наполеон напрасно ждёт подкрепления, конница Мюрата попадает в засаду, ибо её проводник, матрос Железняк, опять завёл её не туда и французов бьют объединённые полчища половцев, гуннов и печенегов. На помощь туркам с моря подходит единая, неделимая часть Украинского Черноморского флота. Мимоходом обстреливают броненосец «Потёмкин», который ищет убежища в чудовищном кинофильме Эйзенштейна. Наполеону ничего не остаётся, как бежать вместе с остатками белого движения из России, в результате его хоронят несколько раз на разных русских кладбищах, то в Турции, то в Белграде, то в милом его сердцу Париже, где он снова собирает армию, восхищает и разоряет Европу, пока опять и опять не нарывается на одноглазого русского старика Кутузова. Вот головокружительный провал, здесь, в келье давно упокоившегося летописца, сидит участник Крымской кампании Лев Толстой и описывает и описывает борьбу Кутузова с Наполеоном, ибо всплывают всё новые и новые факты, войска несут всё новые и новые потери, одерживая всё новые победы и терпя всё новые поражения.

Человек – единственное существо, которое постоянно увеличивает расстояние своей убойной силы. Убийство на расстоянии вытянутой руки, на расстоянии брошенного копья, выпущенной из лука стрелы. С тех пор как это расстояние покрыло всю Землю, в любой точке Вселенной идёт невидимая война. Побеждённый в земном бою побеждает в бою небесном. Почему так происходит? Потому что побеждённые несут большие потери, нежели победители, и в небесном сражении силы побеждённых, как правило, превосходят зазнавшиеся силы триумфаторов. Павшие в небесной битве во второй раз ведут новые бои в следующих слоях небес, так до бесконечности. Нам очень повезёт, если мы невредимыми минуем эти небеса, если нас не заденет шальная пуля, если мы не подорвёмся на забытой мине, если нас не затопчут боевые слоны Ганнибала, не загрызут немецкие овчарки или не съедят дикари-людоеды, легендарные охотники за головами. Особенно это опасно для тебя, ведь ты – великий герой, твоя голова у разборчивых людоедов ценится очень высоко.

Не бойся, это уже другое поле, и по нему бродят другие тени, они не так ужасны, как выглядят. Нет, это не людоеды, проглотившие чужие головы, это народ, для которого желудок был превыше всего, поэтому желудок занял своё место, то есть бывшее место головы, а голова тихо переваривается там, где когда-то верховодил желудок. Это мирные люди, они умерли своей смертью и теперь продолжают жить своей жизнью.

И этих тоже не бойся, у них вместо головы то, что было превыше всего для них, поэтому они вообще потеряли голову. А эти плоские черви, замкнутые сами на себя, это рядовые сторонники отсутствия каких бы то ни было иерархий. Из них можно вить верёвки, по которым легко спускаться в пропасть глупости, но подняться обратно нельзя, любопытные вечно соскальзывают по гладким извивам вниз».

Ангел приумолк, видимо, эти тени вызывали в нём некоторое уважение, а о нём ангел словно забыл на мгновение, отчего ему почудилось, что его выронили, и если он до этого был натянут в пространстве горизонтально и ангел играл на нём как на скрипке, то сейчас на нём стало возможным играть как на виолончели, ибо натянут он был отвесно, перечеркнув таким образом собственную линию горизонта.

«Ничего страшного, – продолжал утешать его ангел, перехватив его, как падающую в пропасть виолончель, – ты попал в топкое место пустых разговоров, систематической болтовни, но здесь эти серые тени, от которых идёт пар холостого перегрева, уже не обмениваются словесами друг с другом, а только чокаются пустыми стаканами. Здесь можно встретить знаменитых государственных деятелей, которые в принципе ещё живы, но их тени уже здесь, ибо здесь они скорее находят себе собеседников. Здесь немало отставных военных, которых по тем или иным причинам не допускают к военным действиям даже в потустороннем мире. Многие столпились здесь в ожидании спиритических сеансов, с этими как раз никто не хочет говорить в заочных сферах, поэтому спиритический вызов для них единственная возможность разболтаться. Ещё здесь скопище влиятельных дам, которые и здесь продолжают оказывать своё влияние. На что? На общество? И на это общество тоже, но ещё они хотят оказывать влияние на Вселенную, в чём им не могут отказать галантные тени пребывающих здесь мужчин. И здесь не без суматохи. Вот морские пехотинцыжимают руки всем своим президентам, вплоть до первого, после чего они разочарованно расходятся, ибо очередь быстро исчерпана. Вот русские патриоты рвутся дать пощёчину Петру Первому за то, что он устроил сквозняк в России, прорубив окно в Европу. А вот огромная толпа – это народы всего

загробного мира спешат в мавзолей души Ленина, чтобы заставить её повторить все те обещания, которые прозвучали из глубины ещё живого вождя. Но эта душа молчит, она верна суровому безмолвию своего исковерканного ради земной вечности тела.

Да, запах. Этот запах многое говорит опытному чутью, этот запах сопутствует воинственному скрипу и зеркальному блеску. Мы в раю. Этот рай не исчерпывает все состояния блаженства, но это тоже рай. Нет, это не запах забальзамированных кумиров, хотя он и сродни бальзаму.

Здесь царит вселенский запах ваксы, здесь пребывают в блаженстве те, кто всегда мечтал чистить сапоги самому товарищу Сталину. Здесь сапог хватает на всех, это и есть их рай. Почитатели Гитлера не могли для себя пожелать ничего лучшего, поэтому они тоже здесь чистят сапоги господину Гитлеру. Можно подумать, что Гитлер не так часто носил сапоги, как товарищ Сталин, но здесь всё справедливо, и у Гитлера здесь не меньше сапог, чем у Сталина. И это несмотря на то, что Гитлер, так же как и Сталин, находится в аду. Ты, конечно, я понимаю это любопытство выздоравливающей души, не можешь не спросить: что же тогда такое ад?

Ад находится здесь же. В аду сгорают от зависти те, кого не удостоили чести чистить сапоги ни Сталину, ни Гитлеру.

А здесь страдают более интеллигентные личности, при жизни они страдали от более высоких видов зависти, теперь они страдают вдвойне, поскольку никак не могут понять своим интеллектом, отчего их так мучает не оказанная им честь чистить чужие сапоги.

Ты никак не возьмёшь в толк, отчего же мучается в аду товарищ Сталин? Ну, как же, ему кажется, что в его сапогах ходит Гитлер. А чем подавлен рейхсканцлер Гитлер? Очень просто, ему жмут сапоги товарища Сталина. Ты находишь эти страдания недостаточно мучительными для обоих вождей? Но в этом проявляется простота и человечность ада, и дело не в изощрённости муки, а в её безысходности.

Тебе не нравится эта бесформенная серая масса? Но она никому не нравится. Она не нравилась бы и себе самой, если бы могла выразить свои собственные переживания. Это то, во что обычно превращаются самые обыкновенные вору. Это и есть, собственно, та вакса, которой чистят вышеупомянутые сапоги. Конечно, вакса должна быть скорее чёрной, чем серой, но тогда бы чистка сапог заканчивалась несколько быстрее, чем проходит потенциальная бесконечность, а так она не заканчивается, наполняя чувством блаженства одних и удручая других. В то же время сам космос чёрен, и серое получает в нём необходимую возможность, так или иначе, блеснуть».

Промелькнуло несколько знакомых лиц, на них не было и тени страдания, он подумал: значит, они в раю, это хорошо, хотя при жизни на этих лицах не было заметно ни тени мысли. Но одно из явлений его неприятно поразило: это группы абсолютно одинаковых теней, которые мучительно вглядывались друг в друга.

«Это увековеченные, – объяснил ангел, – они блуждают среди собственных подобий, не в силах понять, кто из них настоящий».

Многих из них он никогда не встречал лично, но хорошо знал по портретам.

Кто-то играл на нём не как на виолончели, а как на контрабасе, под этот туповатый ритм с горизонта ползли полчища начищенных сапог, они нарастали, шли строевым размеренным шагом, но потом почему-то начинали заплетаться самым причудливым образом. Ему показалось, что они бегут по снегу, что они бегут в панике с какого-то исполинского поля боя, оставив своих хозяев недвижно лежать на окровавленном белом снегу. Ему хотелось ещё спасти кого-то, он попытался кого-то приподнять под огнём невидимого противника, но только провалился в глубокий сугроб.

Ангел засмеялся:

«Это не то, что тебе представляется, это переплетения самых обыкновенных букв, хотя они и говорят о бедных событиях, интересных для тех, кто в них не участвует, и провалился ты не в снег, а просто порвал свежую газету».

Не было никакого запаха, оставалась только чернота без блеска, но вот и блеск появился, обмотав его шею снежным шарфом, он узнал родной Млечный Путь, обрадовался и удивился его гордому постоянству. Все звёзды были на своих местах.

Он уже мог ухватить за пояс коренастого Ориона, и тогда бы его могли увидеть с Земли, оттуда, где ночь. Он вспомнил шутку школьного астронома. Он спрашивал: «Какая звезда ближайшая к нам?» – «Альфа Центавра!» – кричали отличники. «Ничего подобного, – ликовал астроном, – Солнце».

Как всегда, ангела не было видно, но был слышен скрип его шагов, словно они рядом идут по снегу, но следы оставляет только ангел. Как прекрасно, как очаровательно, что ангел сумел вернуть его сюда, в привычное земное небо, где каждая звезда имеет своё имя!

«Как прекрасно, как очаровательно, что ты выдержал дорогу сюда, в привычное земное небо, где у каждого есть своя звезда!» – протрубил ангел в невидимую огромную трубу, и при этом из неё вместе с известием, словно молния или змейка, вылетела маленькая флейта, таящая в себе возможность женского светлого голоса, которая повторила уже в своей тональности: «Как прекрасно, как очаровательно, что у каждого есть свой путеводный ангел!»

Была ли эта молния-флейта всё время рядом с ним, или она дожидалась его в этой близкой, надёжной Вселенной? Или это была флейта-змея, которая заставила его сделать мёртвую петлю в надежде вернуться домой?

Правда ли, что Вселенная при всей её грандиозности женственна? Ангел выплеснул ещё несколько звенящих волн:

«Конечно, женственна – и бесконечно женственна! Но она ещё и девственна, поэтому тебе не следовало ломиться в её прозрачный предел с такой безудержной поспешностью, да ещё и с желанием увидеть своё отражение! И всё же – это не тень Млечного Пути, а самый настоящий Млечный Путь, и твоя душа насытилась его молоком, и ты заслужил под ним своё тело, ты получишь его, но запомни, как желают того буддисты, это будет твоё последнее тело...»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Звёзды так плавно опустили его на землю, как будто не они это свершили, а он медленно возвёл звёзды на их места. Где-то среди них остался и ангел, уже не напоминая больше о себе. Внезапный метеор быстро пересёк созвездие Лебеда, словно яркое доказательство истинности этого неба, поскольку в нём можно сгореть. Боль этой вспышки отдалась в его спинном мозгу, он содрогнулся и опустил взгляд на линию горизонта. Конечно, была ночь, иначе звёзд не было бы видно. Во тьме тихо колыхались силуэты деревьев, они были непрозрачны, значит, одеты листвой, было лето. Он медленно приходил в себя.

Среди деревьев проступали кричащие в своей обнажённости кресты, указуя на страны света. Он понял, что попал на кладбище. Чему удивляться, побывав в глухих закоулках рая и ада. Он стоял над могильной плитой, едва освещённой тусклым светом ущербной луны, плита была очень древняя, он нагнулся, чтобы разобрать на ней своё имя, известное любому на земле. Его нисколько не удивило, что именно его имя было высечено на плите, ведь очень много детей называли в его честь, а обрадовали его даты рождения и смерти неизвестного однофамильца – это были пятизначные числа!

Надо думать, что он выполнил свою задачу – добавил времени своим отсутствием, а своим возвращением он докажет, как много ещё нерастраченного времени впереди.

Он потянулся, наслаждаясь своим вновь обрётённым телом, его фигура вышла на дорожку, обозначившуюся в наступающем рассвете, и тут его охватило чувство, которого он давно не испытывал: ему показалось, что на него кто-то смотрит. Присмотрелся и он, за крестами мелькнуло что-то, а так как бежать, минуя могилы, было непросто, эти двое выскочили прямо на него, в руках у них были охапки ещё не увядших цветов. Ну вот, его уже спешат встретить с цветами. Но они почему-то пронесли мимо и скрылись; наверное, будут встречать его на выходе из кладбища, на кладбище приветствовать несколько неудобно...

Он вышел через ворота на улицу незнакомого города, который ещё не совсем проснулся. Те, с цветами, так и не встретили его, дав ему возможность выдвинуть предположение о стеснительности местных жителей. Хмурый старик подметал за воротами улицу, он так был занят своим делом, что не заметил его, а когда наконец заметил, то только крепче вцепился в свою метлу и замахал ею ещё отчаянней.

– Вот я и вернулся, – поведал он первому встречному.

– Мог и не возвращаться, – сказал старик своей метле, стараясь не глядеть в его сторону.

Конечно, старик. Видимо, старику давно уже всё равно. В чудеса он не верит и ничего хорошего не помнит. В любые времена возможны такие старики. Все времена похожи друг на друга.

Ему было приятно передвигаться на своих ногах, размахивать в такт движению своими руками, поворачивать голову на звук или на приближение какого-то предмета, будь то птица или промель-

кнущий на перекрёстке велосипедист. Он чувствовал, что его тело подогнано к нему как всегда, как прежде, как будто не было на дне Вселенной его разбитого отражения.

Он вовремя освоил прежнюю подвижность своего тела, он только собрался пересечь улицу, как из-за угла на свирепой скорости вылетел белый автомобиль и наверняка бы сбил его, если бы на его месте был самый обыкновенный человек. Но он интуитивно рванул вперёд, и машина пронеслась мимо. Человек за рулём даже не оглянулся. Интересно, что это за человек, как он ходит по улицам, когда он ходит пешком, или он уже давно сросся с автомобилем? Автокентавр? Было ли случайным его появление, или тот на него осознанно замыслил покушение – как узнать? Он уже стоял на другой стороне улицы, и его не испугало появление ещё одной бешеной машины, тогда он понял, что так здесь ездят, значит, со временем здесь всё ещё неладно, если его так оголтело уплотняют.

Он поравнялся с дверями подвальчика, откуда слышались голоса; наверное, здесь перед выходом на службу пьют кофе с круассанами, решил он, машинально спускаясь в подвальчик.

– Занято! – бросили ему за первым же столом, хотя он и не собирался там садиться.

Все столы действительно были заняты, сидящие за ними, склонив головы к центру стола, о чём-то загадочно переговаривались, время от времени откидывались назад, и тогда они пили, но не кофе, а водку. Водку ему пить не полагалось, но он знал от наставников, что московский или калужский розлив достаточно надёжны, с остальными надо обходиться осторожнее. И то, что в ясные рассветные часы, когда вся жизнь полнится будущим, пить водку предосудительно, он тоже слышал. А здесь пили, не снимая кепок, и кепок было гораздо больше, чем шляп, которые тоже не снимались с голов, отчего лиц и их выражения уловить было невозможно. Приглядевшись, он с ужасом понял, что головные уборы были естественным продолжением головы. То же самое и с одеждой, она, подобно оперению птиц, плотно покрывала тела говорящих и пьющих. Он обратил свой взор на обувь, она, несомненно, сформировалась в результате эволюции веками не мытых ног. Его наблюдения были прерваны хозяйственным указанием официанта:

– Не видишь, что здесь за типа люди? Проваливай!

Не имея привычки ни с кем спорить, он вышел на воздух, свежесть которого настолько отличалась от атмосферы подвальчика, что ему стало приятно оттого, что его так неприлично выставили. Он никак не мог вспомнить, где ещё он встречал такую же душную атмосферу; странные головы с выступами фуражек и кепок, ноги, нарастившие на себе... сапоги...

Ещё один старик, по старости он уже не мог даже мести улицу, он одиноко сидел на скамейке и держал в руках газету, которую он по старости тоже не мог читать.

– Сынок, нет ли у тебя закурить? – прохрипел безо всякой надежды в голосе старик.

– Я не курю, отец, – пришлось ему ответить, он впервые пожалел, что он не курит.

– А что же ты не на войне, сынок?

Странную фразу сказал старик, заставив его остановиться и в свою очередь спросить:

– На какой войне, отец?

– Да я и сам не знаю на какой, но, когда я был молодой, я, помнится, был на войне, потому и остался совсем один, на войне, помнится, почти всех остальных поубивали. Да и сейчас молодых редко встретишь, где они – ясно, на войне, на какой – не знаю. Воюют друг с другом! Ты смотри, не ходи туда, а то и тебя там убьют...

Старик замолчал и тотчас забыл о нём, не растолковав своё безнадежно высказанное предостережение, куда не ходить. И он пошёл дальше в поисках людей, потому что старик был, скорее всего, не прав, просто он плохо видит и слышит, потому и утверждает, что никого не осталось. И верно, всё больше прохожих попадалось ему на пути, они выглядели празднично и бодро, они обходили его стороной, не удостоив своим взглядом, отчего можно было заключить, что у них сегодня очень важное назревает событие. Он стал замечать, что во всех этих лицах есть определённое сходство, он долго соображал, пока его не осенило: они напоминают ему усреднённые лица его второстепенных наставников, тех, которых разогнали после разоблачённого безобразия с очередью красавиц. Кто-то ещё ехидно заметил, что наставники наставили ему рога, но он не обратил внимания на ехидство, как на недостойную слабость.

Лица были большие и розовые, сосредоточенные на себе, на некоторых были роговые очки, эти были посolidнее и постарше, видимо по званию, а не только по возрасту. Но если у наставников лица были исключительно мужские, то в нарастающей толпе он узнавал и женщин, лица которых были лучше мужских, хотя и в них уже проявлялось некоторое усреднение. Как бы это лучше определить... Быть может, их головные уборы были разнообразнее, запечатлев пласти вымерших, когда-то прекрасных мод? У женщин часто появлялось мужское выражение лица; если бы не это, то многие напоминали бы ему его бывших красавиц. Прелесть, накопленная случайным совпадением любовных обстоятельств казалась погашенной служебным расчётом руководящих лиц, точнее говоря, постылые

лица наставников и охранников поставили свою печать на Божью милость. Красота вызревает род за родом, а разменивается в одночасье, подумал он, но что тогда остаётся? Лица, за которые заплачено красотой?

Он попытался заговорить с некоторыми из них, ещё раз пожалев, что не курит, иначе было проще всего попросить у них закурить, хотя и не совсем удобно просить об этом у женщин. Спросить у них дорогу? Но куда? Полюбопытствовать, что это за город, но за кого тогда его примут? Спросить, который час?

– Скажите, пожалуйста, который час?

Ему не ответили, прошли не оглядываясь мимо. Он повторил ещё раз, но на него посмотрели так, словно говорит он на неизвестном наречии или, более того, просит милостыню в непотребном месте. Тут он понял, что они не говорят, а жуют, и им этого достаточно, чтобы понимать друг друга.

Лиц становилось всё больше, и все они стремились в одну и ту же сторону, ему не оставалось ничего другого, как последовать за ними. И хотя они оставались глухи к его речи, он всё-таки улавливал в их языке знакомые слова. Да, да, без сомнения, у всех на устах звучало его имя. Как? Они устремляются встречать его, не замечая, что он уже среди них? Неужели он так изменился, выветрился на космических ветрах из своих фотографий, портретов, бюстов? Он снова пожелал увидеть себя в зеркале, чтобы понять, отчего всё это происходит, отчего он до сих пор не узнал.

К разговорам в толпе присоединилось радио, звучащее неизвестно откуда, но направляющее толпу в нужную сторону. С ужасом он вспомнил, что уже слышал всё это, но слышал не прислушиваясь, потому что это было – о нём, но не для него. Такой же торжественный шум царил в день его запуска в глубины космоса, однако тогда он не мог всего этого наблюдать со стороны.

Радио повторяло громовым голосом, что сбывается вековая мечта о сапогах-скороходах, что сегодня ОН будет послан в небывалую погоню за временем, которого всем так не хватает и которое он наконец догонит и перегонит.

Неужели снова? Значит, его первый полёт не удался? И сейчас, без дня передышки, он снова переживёт душный отрыв от земли, грохот старта, потом гробовая тишина чужого пространства! Но почему его тогда не пропускают вперёд? Почему отталкивают локтями, стараясь протиснуться туда, откуда ЕГО лучше видно перед скорым взлётом?

По усилившемуся рёву толпы, по её натиску он догадался, хотя ничего не мог понять, что ОН сейчас там, на виду у всех, и все хотят его увидеть, быть может, пожать ему на прощание руку. Он катился вместе с толпой, и ему было трудно колыхаться вместе с ней своим привыкшим к одиночеству телом.

Он хотел сдавленной грудью прокричать: «Да я это, это же я! Я!» – но ангел уже не играл на его скрипке, флейта осталась молнией в чужом, чёрном небе и змеёй на чёрной, чужой земле, она так и не грянула оземь, не обернулась красавицей и не заговорила с ним человеческими словами. «Наш народ достоин того нового времени, которое ОН добудет для нас в сокровенных глубинах Вселенной!» – гремел чужой голос в репродукторе. «Кто же ОН? Неужели не я, а мой дублёр?» – успел он предложить, но тут же захлебнулся своим именем, грохочущим со всех сторон и потерявшим в миллионах глоток своё единственное значение.

Его толкнули напиравшие сзади, толкнули навстречу этому магическому имени, он потерял в этом мире привычное равновесие, его сбили с ног, и тотчас по нему неумолимо пошли чужие чёрные сапоги, он в последний раз отразился в их чёрном блеске, свет погас в его втоптаных в родную землю глазах, тяжесть, не сравнимая с тяжестью взлёта, с хрустом смяла его последнее тело, и длилось это невыносимо долго, пока он с облегчением не почувствовал, что где-то на небывалой высоте над ним разбирают крышу.

Проза

Юрий Вылегжанин

Юрий Павлович Вылегжанин – родился в апреле 1947 года. Окончив истфак ВГУ, работал в школах и в вузе. Кандидат исторических наук. Начиная с 2007 года занимается преимущественно литературной работой: живя в небольшом районном городке Боброве Воронежской области, с помощью местной администрации выпускает литературный альманах «Битюг». Среди публикаций сборники стихов, рассказов и роман. Живёт и работает в Боброве.

ЯКУТ

Рассказ

1

Пополнение в полк майора Бородина пришло рано утром. Человек семьдесят. Люди всю ночь шли пешком по очень плохой дороге и сильно устали. Поэтому Бородин приказал людей накормить, дать им отдохнуть полтора часа и только после этого вышел поговорить и посмотреть на пополнение, так сказать, с близкого расстояния.

Опытный вояка, тянувший фронтную лямку с самого июня сорок первого, майор, только мельком взглянув на неровную шеренгу, сразу понял, что этот народ порошу не нюхал вовсе, что большая часть – мальчишки, и возни с ними будет немало. Однако, как поднаторевший в общении человек, майор держался бодро-весело, рассыпал шуточки, старался, чтобы люди с первого дня фронта не напугались страшно, до ужаса, а приняли реальность той, как она есть: здесь очень опасно, но жить можно, если, конечно, иметь голову на плечах.

Однако внутри, в душе, майор всерьёз загрустил. Опять прислали необстрелянных, неопытных, прислали ещё только материал, из которого в полку будут делать бойцов. Если этим людям удастся подзадержаться на этом свете.

И он спросил – громко, стараясь не показать в голосе безнадёжности:

– Из вас кто-нибудь стрелять толком умеет?

Строй какое-то время молчал и был неподвижен. Но вдруг на левом фланге люди задвигались и пропустили вперёд маленького человека в великоватой шинели. Как и положено, он вышел на три шага вперёд. Майор тоже сделал несколько шагов ему навстречу. Встал и молча уставился на скуластое безбровое лицо с узкими глазами.

– Я умею! – сказал новобранец довольно громко.

– Что умеешь? – спросил майор.

– Стрелять, говорю, умею!

– Фамилия?

– Обухов.

– Зовут как?

– Иваном, товарищ майор.

Майор был слегка озадачен.

– Ты же не русский?

– Не русский.

– А почему имя русское и фамилия?

– Потому что крещёный. Православный.

– Монгол, что ли?

– Зачем монгол, товарищ майор? Якут я.

- Первый раз вижу якута на фронте. Вас ведь не берут? Я слышал, у северных народов броня на этот счёт имеется. Так?
- Так. Не берут тех, кто в тундре живёт: хантов, манси, ненцев. Их мало. Боятся, что от войны их будет ещё меньше. Вот и не берут. А я лесной якут. Охотник. На войну пошёл сам, без призыва.
- Доброволец, значит?
- Доброволец.
- И стрелять умеешь?
- Умею!
- Давай поглядим... Дайте ему винтовку! Знакомое оружие?
- Почему нет? Знакомое. У нас карабины почти такие.
- Оружие заряжено?
- Якут оттянул затвор, посмотрел.
- Заряжено.
- Майор огляделся и поднял с земли жестянку из-под американской плавленой колбасы.
- Смотри! Бросаю! Попадёшь с одного выстрела – честь тебе и хвала. Ну!
- С этими словами майор с силой подбросил банку вверх. Стоявший до этого как-то лениво и неуклюже переминаясь с ноги на ногу, якут вдруг мгновенно преобразился, проворно вскинул винтовку и выстрелил.
- Немедленно банку принесли майору. В доньшке (!) банки зияло пулевое отверстие.
- Майор своей радости не скрывал:
- Вот это да! Вот это выстрел! – и, помолчав немного, сказал: – Стрелять ты умеешь. Точно. А в снайперы пойдёшь? – и, не дожидаясь ответа, зычно крикнул: – Ковальчук!

2

- Разбрызгивая грязь и одновременно поддёргивая полы длинной шинели, к майору подбежал высокий нескладный человек, который мог бы показаться с первого взгляда очень сутулым. Но это не помешало ему за несколько шагов до Бородина перейти на строевой шаг и развернуть плечи. Подойдя, он принялся, как и положено, докладывать:
- Товарищ гвардии майор! Старшина Ковальчук...
- Видал? – весело спросил Бородин. – Вот это выстрел! Возьми его к себе. Посмотри, сгодится ли... Мне, сдаётся, паренёк подходящий.
- Слушаюсь! – И старшина сделал якуту знак, который у всех людей означает только одно: «Пойдём со мной!»
- И они пошли. Старшина впереди, шагая широко и размахисто, а солдатик сзади, причём ему приходилось почти бежать.
- Они пришли в овраг. Да, да, в самый настоящий овраг: глубокий, заросший, с крутыми склонами. И что удивительно – овраг этот был обитаем. На склонах вырыто несколько хороших блиндажей, имелась крытая коновязь. Две справных лошади, предусмотрительно стреноженные, мирно щипали негустую осеннюю травку.
- Смотри туда! – скомандовал старшина и показал рукой, куда именно надобно смотреть.
- Якут посмотрел.
- Мишень видишь? – спросил старшина.
- Вижу.
- Ясно видишь?
- Ну...
- Не «ну», а «так точно».
- Так точно.
- До мишени пятьдесят метров. Ты по мишени когда-нибудь стрелял?
- Не пришлось, однако.
- Эх-ма! Ну, ладно... Попасть надо в середину. У тебя три патрона. – И подал солдату винтовку.
- Заметим, что, хотя оружие парню было знакомо, конкретно этой трёхлинейки боевого назначения он раньше в руках не держал. Тем не менее, чуть заметно пожав плечами и опять-таки стоя, то есть из самого трудного положения, выстрелил три раза и растерянно оглянулся на старшину. А тот уже

смотрел в бинокль на результат стрельбы, и горячая волна радости плеснула ему в лицо. Все три пули лежали в поле десятки. Старшина спрятал бинокль и спросил весело:

– Ты, небось, голодный? Пойдём, поешь, заодно и поговорим!

3

За непривычно щедрым обедом (старшина Ковальчук за этим особенно следил, ибо считал, что солдат должен быть сыт, тогда и воевать ему будет легче) якут выслушал от командира множество интересного.

– Кто я есть? – спросил Ковальчук. – Нет, ты спроси меня, кто я есть? И я тебе отвечу, что аз есмь старшина Ковальчук Арсений Петрович, то есть тот, кто в 1940 году на стрелковых соревнованиях в городе Борисполе взял третий приз на первенстве Киевского Особого Краснознамённого военного округа в упражнении военного стандарта: три положения из винтовки: лёжа, с колена и стоя. А ныне я командир снайперской группы в полку нашего доблестного майора Бородина. И имею намерение взять тебя к себе. Но знай, что одной хорошей стрельбы для снайпера – очень мало. По счастью, ты лесной охотник; маскироваться умеешь, двигаться без шума умеешь. Только нужно помнить, что охотиться ты будешь не на глупую белку или ещё на какую живность. А охотиться ты будешь на человека. А он, надо полагать, с мозгами. Кроме того, может случиться, что и за тобой откроют охоту. Так что жизнь твоя будет интересная, это я тебе обещаю. Отдыхать много не дам. Может быть, даже завтра выпущу в паре с кем-нибудь на нейтралку. Поел? Пошли. Хороший солдат на кухне задерживаться не должен.

4

Так началась новая жизнь снайпера Ивана Обухова, который с первого дня стал показывать удивительную сообразительность, силу, ловкость, а главное, весьма точную стрельбу. Так что через неделю Ивана уже выпустили на «охоту» самостоятельно, а через месяц Арсений Ковальчук особым порядком пригласил якута в свой блиндаж – поговорить секретно.

Разговор начал старшина как бы с пустяков.

– Ты когда на позиции лежишь, по сторонам смотришь?

– Смотрю.

– Линию горизонта на сектора делишь, как я учил?

– Делю.

– А справа за лесом далеко, километров за десять, дым замечаешь у немцев?

– Замечаю.

– Ну и что ты об нём думаешь?

– Это не пожар. Он то появляется, то исчезает.

– Правильно. Дальше.

– И это не лес горит. Тогда дым был бы другой.

– Опять попал. Что же это за дым?

– Дрова горят. Сухие. Печной дым, светлый.

– Соображаешь. Мы туда разведку посылали. Знаешь, что там? Баня и прачечная немецкие. Причём капитально устроенные. Немцы там со вшами воюют, ну и вообще, отдыхают трошки. Снимают окопную усталость. И есть у меня одна мыслишка. Они там чувствуют себя вроде как на курорте. Даже музыку крутят. Наши туда лазили, сами слышали. Так вот. Треба с них курортный слой снять. Понял? Туда надо послать человека нашего. Хорошо вооружённого. Скажем, «дегтярём» с десятком дисков снаряжённых. И пусть он там у них наделает переполоху. А после всего – спокойно и со знанием дела уйдёт от погони. Понял? Ребята у нас толковые есть, сам понимаешь. Но я так думаю, что выполнить задание это может только один человек.

– Кто? – спросил якут.

– Ты, вот кто! И не потому, что стреляешь хорошо. Другие тоже умеют стрелять. Ты ведь охотник. Стало быть, ходок отменный. Замаскироваться сможешь так, что немцы по тебе пройдут и не заметят. Ведь верно?

– Ну, не знаю...

– Правильно, что не знаешь. Вот сделаешь дело, вернёшься, тогда узнаешь. Ты должен понимать, что никакие сигналы твои оттуда мы не увидим. И тебе их подавать никак нельзя. Немцы могут засечь сразу. Поэтому сделаем так: у тебя будет точное время, когда ты должен будешь рядом с немцами на позицию устроиться. Выбирай местечко повыше, чтоб обзор был. И жди. В нужное время наша артиллерия устроит по этому дому отдыха налёт огневой. Чуешь? Немцы выскочат наружу, забегают по территории, станут прятаться в окопы да в щели, а ты в это время кладёшь на выбор всех, кого хочешь и сколько хочешь. Понял? – весело спросил старшина.

– Понял. Хорошо получится. Только вот вдруг меня наша артиллерия... того, а?

– Риск, конечно, есть, – со вздохом ответил старшина. – Опять правильно мыслишь. Но ведь интерес-то какой, а? Ведь ты можешь их полсотни там положить. Ну как, согласен?

– Попробовать можно.

– Ты если о смерти думаешь – выброси всё из головы. О жизни надо думать. На подвиг идёшь, понял? Я все оргвопросы уже решил. Время тебе дадим щадящее – ровно сутки. Чтоб дошёл без усталости. И чтоб глаза успели отдохнуть. И руки не дрожали. Ну а когда сделаешь дело, назад выходи к нам. Мы тебе «зелёную тропу» обеспечим. Гарантии полной, конечно, нет, но пошарим добре и мины выберем, сколько сможем. Живой придёшь – к награде тебя представлю. У тебя уже медаль «За отвагу» есть, так что теперь орден может быть.

– Какой? – спросил якут, задохнувшись от радости.

– Ну, на «Знамя» ты не потянешь, а «Звёздочку» я тебе обеспечу. Красную Звезду, значит. Слово даю. Майор обещал. Ну, давай. До завтрашней ночи отдыхаешь. Мы с тобой мелочи ещё кое-какие обмозгуем – и вперёд, за славой!

5

Назавтра ночью Якут с объёмистым вещмешком за плечами, одетый тепло, но легко, в сопровождении двух сапёров выполз на нейтралку, посреди которой сапёры повернули назад, а Якут двинулся вперёд. Он очень точно понимал смысл задачи, которую должен был решить: к полудню завтрашнего дня, никак не раньше и не позже, он должен быть готов и находиться поблизости от немецкого военного банно-прачечного заведения, потому что в двенадцать дня с нашей стороны должен был последовать энергичный огневой налёт средствами дивизионной артиллерии. А дальше придётся действовать по обстоятельствам. Во всяком случае, он определённо знал, что у него будет минут десять, в течение которых он должен был положить «фрицев» как можно больше. А когда огневой налёт закончится, или даже лучше, чтобы тот ещё минуту-две продолжался, он, Иван, должен быстренько покинуть свою позицию и – дай бог ноги – как можно быстрее оттуда уйти. Хорошо, если немцы не сразу хватятся и у него будет время уйти подальше. Тогда полегче будет. Если же немецкая полевая жандармерия быстро придёт в себя и начнёт наступать на пятки, то он должен где-то затаиться, переждать, пропустить погоню вперёд и далее уже действовать по обстоятельствам. Во всяком случае, немецкий трофейный «вальтер», смазанный и снаряжённый, лежал у Ивана в нагрудном кармане телогрейки и предназначался для стрельбы напоследок. Причём последнюю пулю он должен был использовать для себя.

Таков вышел примерный план операции. Посторонних отягощений Обухов на себе не тащил. Разве что часы наручные и ракетницу с двумя зелёными ракетами. Их передал ему, прощаясь, старшина Ковальчук. Но погибать Иван не планировал. Он очень хотел вернуться. И проверить, выполнит ли своё обещание насчёт ордена товарищ гвардии майор Бородин. Задание он, конечно, не мог не выполнить, об этом и разговору не велось. Но «Звёздочка» в юном мозгу молодого снайпера сияла как путеводная звезда. Он думал о ней, когда полз через нейтралку, думал, когда прошмыгнул передний край немцев чуть ли не под носом у патрулей, думал, когда, зарывшись в небурную с прошлого года копну сена, наблюдал местность и выбирал точку, с которой будет вести огонь, думал и ночью, когда на небольшом холмике заботливо отрывал для себя огневую ячейку. Причём немецкие банные бараки были у него на виду, а из репродуктора неслась бодрая песенка на поганом немецком языке в исполнении неизвестной Ивану фрау-артистки. При этом он бы очень удивился, если бы узнал, что у этой артистки есть имя и что зовут её Моника Рокк.

Без десяти двенадцать Якут был уже полностью готов к бою. Из окопчика искомый немецкий комбинат чистоты солдатского тела был как на ладони. Сноровисто собравши пулемёт Дегтярёва, он все остальные снаряжённые диски расположил в удобной от себя близости и принялся ждать.

Волновался ли он? Вот уж не знаю. Наверное, волновался, но не о том, как придётся стрелять. На этот счёт он был совершенно спокоен. Немцы станут выскакивать из барачков в таком виде, что их трудно будет не заметить. Так что положит он их столько, сколько получится. Он волновался о другом. О том, как будет бежать, и уже определённо решил, что, если станет совсем плохо – бросит и пулемёт и вещмешок. Пистолета ему за глаза хватит. И ещё ракетницу бы не обронить. Тоже важно.

6

До сих пор Иван немцев вблизи не видел. Самое близкое – на мушке – далёкий размытый силуэт, о котором он точно знал, что пройдёт секунда-две и немец будет убит. Силуэт исчезнет. Навсегда. Для этого он, Иван Обухов, и стрелял в него из винтовки с оптическим прицелом. Но, наблюдая немцев на этот раз из более близкой засады, он поразился сам себе и им тоже. Оказывается, ведь это люди! Вот они приезжают, набившись в кузов огромного грузовика, спрыгивают на землю – весёлые, громкогласые, начинают толкаться, хохотать, что-то петь. Чего это вдруг? Какой бес в них вселился? И он понял: бес никакой не вселился. Просто немцы почувствовали себя в безопасности, в ситуации, когда в них не стреляют, когда через полчаса предстоит приятнейшее для солдата мытьё с мылом и мочалкой, когда уже готовы к работе свои же товарищи, которых Бог наделил умением стричь отросшие в траншеях рыжие, блондинистые и всякие прочие немецкие волосы. Поэтому-то они и веселились. Но, тем не менее, вся эта толпа немедленно подчинялась – даже не крикам фельдфебелей (немецкий фельдфебель, как понял Иван, кричать не особенно любит), а... свисткам. Серая солдатская масса тотчас понимала и чётко выполняла эти звуковые сигналы. Вот тут-то Обухов и уяснил, что немецкое войско – даже здесь, в тылу, в ожидании помывки в бане, не перестаёт быть машиной, механизмом, для которого распространённая человеческая речь большей частью не нужна. Достаточно свистка.

7

Иван посмотрел на часы. Было без трёх минут двенадцать. Сложность для артиллеристов Иван понимал отчётливо. Пристрелки не будет. Все эти цели и трубки высчитали по таблицам и должны были все снаряды сразу пустить в дело по назначению. Это было сложно. Это было почти невозможно. Но это был единственный способ помочь выполнить задачу, которую должен был решить Иван Обухов: то есть разжечь панику и, пользуясь этой паникой, прицельным огнём из пехотного Дегтярёва положить здесь немцев как можно больше. Так, чтоб хватило на Красную Звезду.

Секундная стрелка едва только начала отсчёт первой минуты после двенадцати, как брызнул первый снаряд. Во дворе бани уже никого не было. Даже шофёр машины ушёл мыться вместе со всеми. Но как только брызнул второй снаряд, немцы стали выскакивать из помывочного барака как ошпаренные: одетые и раздетые, они металась по двору в поисках укрытия.

И тогда наступило время Ивана Обухова. Сдвинув шапку на затылок, он повёл «дегтярём» слева направо, а потом справа налево. Пули ложились ровно, и немцы падали тоже красиво – группами, кучками по несколько человек. Ситуация для немцев была поистине катастрофическая. Сверху густо летели наши снаряды, и первые секунды уловить, что основная опасность угрожала совсем из другого источника, они никак не могли. А когда догадались, уже ничего не могли сделать. Просто градус паники поднялся до немыслимого: немецкие крики ужаса слились в сплошной рёв, и это была самая прекрасная музыка для грубых и непривычных к симфонизмам ушей Ивана Обухова. Он даже не замечал того, что снаряды падали и возле него тоже. Но того, единственного снаряда, того прямого попадания в заботливо вырытый окопчик так и не последовало. Не нашёлся этот снаряд. Может, и не должен был найтись. Ведь это был **наш** снаряд, и было бы с его стороны очень плохой услугой попасть в тот окопчик, из которого вёл свою, в полном смысле слова призывную, стрельбу Иван Обухов.

Однако надо было буквально кожей чувствовать время. И он чувствовал: закончил стрельбу, когда артобстрел ещё продолжался. Подхватив Дегтярёва с начатым диском, Иван быстренько выполз из своего подлинного пулемётного гнезда и... да, да, читатель абсолютно прав: Иван побежал. Бежал он

расчётливым средним темпом, определённо зная, что так-то вот сможет пробежать больше, а устать – меньше.

С какой-то минуты он услышал за собой погоню: собак. Немедленно спустился в ручей и, надсаживая дух, полез вверх по течению, зная, что ищейки в воде след ни за что не возьмут.

8

Закончилось всё почти благополучно. Почему «почти»? А потому что уже прямо перед нашими окопами, на нейтральной полосе, Иван вспугнул не выбранную нашими сапёрами мину. И хотя во время рухнул в чапыжник и осколки прошли у него над головой впритирку, один из них попал-таки Ивану в руку. В левую. Выше кисти.

Плохой осколок. Попал так, что руку ниже локтя в госпитале отняли, а самого Ивана комиссовали. Хотя в госпитале он лежал героем. Ему там сам заместитель командира дивизии полковник Шулинский Красную Звезду и вручил.

* * *

А куда ему однорукому, даже и с орденом? Ясное дело, домой. И поехал Иван Обухов в свою Якутию, в село Нерюнгри. Это потом здесь что-то такое геологи нашли, вырос крупный город, и всё такое. Но как приехал Иван, как назначили его председателем районного Осоавиахима, так он на этой должности до конца жизни и просидел. После его, правда, в ДОСААФ переименовали. Но Иван с первого дня детишек стрелять в тире учил. И хорошо у него получалось.

А о своей военной жизни рассказывать не любил. Чего там рассказывать, если три месяца на фронте всего и побыл. И в школы к детям тоже не любил ходить. Почему? А вот почему. Спрашивали его детишки примерно так: «А сколько вы немцев убили?» И он чистосердечно отвечал: «Не знаю». И этим порождал у детей недоуменные размышления: как, мол, так, снайпер – и не знает? Ведь им положено было счёт вести строгий! А он действительно не знал. Не знал точно, сколько он немцев в том своём бою уничтожил. Когда вернулся, сказал: «Человек тридцать, а может, и больше».

Такие вот у него были послевоенные сложности с любопытными детишками. Но это с детишками. А в целом – всё было как надо. В президиумах сидел безотказно, с достоинством, и Красную Звезду со своего парадного серого пиджака никогда не снимал.

Проза

Михаил Попов

Михаил Константинович Попов (02.08.1947) – уроженец Русского Севера с берегов реки Онеги. Окончил Ленинградский государственный университет, факультет журналистики (заочно). Работал на оборонном предприятии, в геологоразведке, служил в армии, был профессиональным рыбаком. За его плечами – около десятка газет различного уровня, в которых он прошёл все ступени профессионального и карьерного роста. Был создателем и редактором ряда литературных изданий. Сейчас главный редактор литературного журнала «Двина». Автор почти четырёх десятков книг, в том числе прозы, публицистики, изданий для детей и юношества. Некоторые его произведения переведены на основные скандинавские языки, повесть «Последний патрон» – на английский. Повесть «Дерево 42-го года» экранизирована. Лауреат полдюжины общенациональных премий и четырёх международных – им. М. А. Шолохова, им. П. П. Ершова, создателя «Конька-Горбунка», «Русский Stil» (Германия) и «Полярная звезда». Живёт в Архангельске.

ПЕРФОРМАНС, ИЛИ ПЕЙЗАЖ С ОТЧИМ ДОМОМ

Повесть

Завершение. Начало в № 5 (51)-2022

25

Раечка легла в то место, которое сама себе и определила. Это произошло как раз на Покров, едва выпал первый снег. Могила – глина да супесь – на фоне белого сеянца выглядела странно, как-то неправдоподобно и неправильно.

Недоумение, возникшее при виде разверстой среди белизны ямы, было привнесено в дом, куда тихой чередой возвратились те, кто провожал Раечку. Помянуть покоенку собрались редкие вообще, а в эту пору особенно, порядовые соседи, Раечкины товарки – бывшие доярки и телятницы да несколько помятых мужиков, коих ещё не доконала палёная водка. Поминальный стол готовила Манефа Гаревских, старшая Раечкина подруга. Конечно, не одна – с помощницами, но заправляла всем именно она – крепкая, осанистая, широкой кости баба. А чтобы всё вышло ладом да по-людски, Ульяна не покупилась, накупила всего, что водилось в окрестных магазинах.

Поминали покоенку ласково и со слезой, искренне и сердечно. А Манефа даже заголосила по-старинному. Иные заплачки были столь стары по языку, что она прерывалась, спокойным голосом поясняла смысл и опять переходила на причитания. А напоследок пропела-проводела даже своё – так она пояснила:

*Ой, подружия моя ненаглядная,
Да на кого ты меня spokинула?
Как мне жить-горевать теперича,
Сиротиной несчастной маяться?..*

Один из подвыпивших мужиков, видать, проникшись общим духом, решил подхватить заплачку, но за неимением репертуара, запел-закукарекал что-то разухабистое, и его без лишних уговоров живо выставили. Выяснилось, что это Манефин доможил – очередной примак. Тут же вспорхнул вопрос:

- А как же ты, Манефушка, теперя без мужика-то? Уйдёт ить...
- А, – отмахнулась плачя. – Надоел дак! Всё равно выганивать собиралась...

* * *

На девятый день грянул мороз. Не дожидаясь никого, Ульяна отправилась на кладбище одна.

Лёгкий снежный саван съединил-выровнял все могилы. Ей неожиданно вспомнилось детство. Так, бывало, они, детвора, лежали впокатку на полатах под одним семейным одеялом. А здесь-то...

– Одна, – вслух прошептала Ульяна, – совсем одна.

Никто не слышал её. Разве что заречный тягунок, что подпихивал в спину, словно норovia сронить в ряд, да тонкая рябина, что качалась в материнском взголовье. Слёзы размыли всё вокруг – ближние и дальние окрестности, а смерзаясь, замыкали веки. Зарёванная, она смотрела перед собой, ничего не различая. И чувств никаких не было – одна пустота. Ни чувств, ни мыслей, ни желаний... Казалось, если бы заречный ветерок был поупорней, то и добился бы своего, до того ослабла нить её жизни.

А ведь тягунок, похоже, услышал её. И слова её услышал, и даже мысли. Кульбит через голову – и он очутился спереди, крыло его легко смахнуло слёзы и высушило лицо. И тут до Ульяны наконец дошло. Не пихал он её в ряд. К другому побуждал. И она вняла. Она смиренно склонилась над могилой матери и испросила прощения. За всё, за всё. Тягунок стих, исполненный свершённым. Ульяна выпрямилась. И тут дрогнула рябинка, качнув алой гроздьё, словно на неё порхнул невидимый снегирь. «Ма-ма», – выдохнула безмолвно Ульяна.

Долго стояла Ульяна у родных могил. Глядела вдаль, поднимала глаза к сизому небу, опять оглядывала окрестности, словно давала сродным душам полюбоваться родимым краем с житейского мирского насеста. С кладбищенского увала открывалась половина земли: приглушённая чернота вставшей реки, забелённые порошей песчаные плёсы и заречные пойменные луга, старая полузатопленная пристань, казённые амбары под берегом, на самом угоре покосившаяся деревянная церковь и прямая, как исписанный карандашик, колокольня, дальше – избы в два ряда, образующие одну – в километр, деревенскую улицу, а на другом краю и ближе к лесу – уже в дымке – скотные дворы, наполовину развороченные...

Глаза художника видят больше. Ульяне здесь и там открывались цветные пятна: деревня – чернёное серебро, река и окрестности – чистая графика. А ещё проступали акварельные пятна, словно кто-то слегка коснулся кисточкой белого листа: чья-то красная крыша, свежие доски заколоченных окон, пестрядиновые половики на верёвке, покосившийся, но ярко-зелёный забор... И совсем попростому Ульяна вдруг умилилась: какая же тут ширь, какая мощь и какая красота! Вот в такой красоте и шири до горизонта и жить надо человеку.

Эта мысль, словно чей-то шёпот, донесённый ветерком, метнувшимся над могилами, с тех пор уже не оставляла Ульяну. До того она ходила как тень, жалась к печке, не в силах согреться в родном доме, а после девятого дня, похоже, стала оживать. Место её теперь здесь. Она здесь останется и будет его обустраивать. Возродить деревню, может, не удастся, но отложить смертный час её, она, Ульяна, в силах. Это и будет памятью о родных. А начать это возрождение Ульяна решила с родного дома.

* * *

Она мыла, скребла, протирала и чистила. И не только полы, посуду, утварь, то есть самое привычное, но и стены, и потолки, и мебель. Буквально всё, заглядывая в каждый угол. К любому предмету, к каждой вещи она подходила едва ли не как музейный работник, как исследователь: здесь ли стоит? из «той ли это оперы»? а как это было в её детстве и ещё до того – при пращурах? Мебель, утварь, отцовы ордена и медали, фотографии... – всё подвергалось исторической ревизии и устанавливалось или укладывалось на должное, на «своё» место.

В своей светёлке, настылой и нетопленной, Ульяна прибралась в последнюю очередь. Работала, облачившись в старую шубейку и Раечкины катанцы. Стёрла пыль, вымыла оконце, полы, сменив не одну подогретую воду. После неё здесь никто не обитал. Как притворили, так и не входили уже, не смея ни очистить, ни использовать даже для хозяйственных нужд. Поэтому переставлять тут Ульяне ничего и не понадобилось. У окна стол, рядом мольбертик – папушкино изделие, в простенке узенькая кровать, по стенам репродукции с картин, которые она повесила в том счастливом после второго курса году. Иные из них – против окна – выцвели, а те, что на боковинах, ещё вполне смотрятся – и Дега, и Матисс, и Гоген... Поэтому стены только вымыла. А надумала обновить одним. Именно

здесь, в светёлке, о которой она много рассказывала Петру Григорьевичу, Ульяна решила повесить его подарок – портрет дома.

Рамку для работы старик сделал сам, а про подвеску, видать, забыл. Ульяна обычно ставила картину на столик или на комод. А тут надо было её повесить. Прибивая гвоздики, Ульяна обратила внимание на верхний угол. В стыке планок что-то белело. Она взяла гвоздик и это нечто подцепила. Оказалось – клочок бумаги. Сердце почему-то забилося. Она развернула этот сложенный вчетверо листок – он был размером со спичечный коробок – и обомлела. Рукой старика на нём было выведено два слова: «Скорее Фирс». Ответ на её давнюю реплику о брате Раневской Гаеве.

– Боже мой! – выдохнула Ульяна, слепо нащупала стул и без сил села. – Сколько же лет прошло! Боже мой!

Она уставилась в окно, которое перед тем тщательно промыла, но ничего за ним не увидела, хотя оно выходило на речной простор.

«Скорее Фирс». Вариации на темы «Вишнёвого сада». В чужой стране как в забитой усадьбе. В чужой земле, среди чужих могил. А эта пауза! Какая невероятно длинная пауза! Ни один театр не выдержит... А нынешнее их бытование – её, Ульяны, и его, Петра Григорьевича... какое-то зазеркалье по отношению к чеховской пьесе: он – там, она – здесь, то есть всё наоборот. И тут же осеклась. Нет, он не там, он выше, он воочию любит небесными красками.

Поднявшись со стула, Ульяна вернулась к задуманному. Гвоздики были прибиты и согнуты. Привязывая бечёвку, она то и дело косилась на листок. Фирса забыли – и листок не обнаружат... Так он, верно, думал, когда писал свою реплику. В душе Ульяны шевельнулась обида. Но не горькая, а какая-то щемяще-грустная, которая плавно перетекла в вину. На исходе жизни Пётр Григорьевич жил одним: её, Ульяны, судьбой. О нём, старике, они тогда не говорили. Так уж получилось. Она, Ульяна, свою боль сносила к нему. А Петру Григорьевичу не с кем было поделиться... Одно оставалось у него – картины. Ими он и лечил свою болезнь – неизбывную тоску по Родине.

– Вот и вернулся, – сказала вслух Ульяна. На душе у неё полегчало. Пусть так, одной неброской работой, старик и впрямь вернулся в Россию, ведь в этом пейзаже, простой русской избе, запечатлелось его состояние, последние токи любящего сердца. А коли так, эта работа, может быть, значительнее, чем многие из этих шедевров, что представлены в репродукциях. И в порыве благодарности и дочерней нежности Ульяна повесила картину Петра Григорьевича на самое видное место. Повесила, окинула её ласковым взглядом и совсем не придавала значение тому, над чьей репродукцией оказалась картина старика, запечатлевшая отчее гнездовье.

26

Пришла весна. Зимы, лютую стужу, Ульяна переждала в городе, сняв там квартирёшку. В деревне бывала наездами, когда отпуская мороз, да и то лишь проведать: старый дом – топи не топи – тепла не держит, никаких дров не напасёшься. А по весне, ещё река не стронулась, перебралась уже окончательно и принялась за обустройство. Работала Ульяна и по дому, и в огороде, а ещё в поисках природы бродила по окрестностям. Что искала её душа?

Ульяна задумала оживить пространство, этот земной уголок, где она явилась на свет, одухотворить его художественными средствами. Одной воплотить задуманное было не под силу. Требовались всевозможные умельцы – художники, дизайнеры, модельщики и просто мастера на все руки. Есть крыша над головой, будет стол, пусть и без изысков, но сытный. А что ещё надо творческому человеку, если его не покинуло вдохновение!

Первыми на зов Ульяны прилетели птицы. Загалдели-застрекотали скворцы, обустроиваясь в скворечниках. Едва прошёл ледоход, над Двиной закружились речные чайки, над крутоярами засновали ласточки-береговушки. А потом препожаловали гуси, утки, чирки, кулички...

Ульяна позвонила сыну: приезжай – и отдохнёшь, и поможешь. С дочкой переписывалась, но не приглашала, как и дочка не приглашала её. Впрочем, она бы и не поехала – сдалась ей эта Америка. Да и дочка сюда едва ли поедет. Тут она в неё, мать. Но пригласить-то, чёрт бы её побрал, могла!

На послания Ульяны откликнулись сокурсники – семейная пара с внуком; затем – несколько студентов, парней и девочек, которые были её подопечными в художественной школе, тогда совсем малыши, а ныне старшекурсники. Ещё к художественному табору прибилося несколько мальчишек и девчонок из ближних деревень и, само собой, местные...

Одухотворить окружающее пространство – это задача для художников и дизайнеров. А смысл этого? Конечная цель? К чему же всё-таки вела Ульяна?

Ульяна решила использовать свой немалый творческий опыт – навыки художника, декоратора, галериста, создателя перформансов и инсталляций, чтобы привлечь внимание местных властей, а также партий и общественности. Её не оставляла надежда если не возродить, то хотя бы оживить родную деревню. И первым шагом, как подсказывал тот самый опыт, должна была стать презентация – смотрины её родимого уголка. Вот за этим Ульяна и скликала единомышленников.

Бригада мастеров и подмастерьев, руководимая Ульяной, трудилась дни напролёт, воплощая проекты своей закопёрщицы. К концу июня деревенские окрестности изрядно преобразились. Они напоминали вернисаж под открытым небом или театральные декорации. Из бросовых досок, гипса да мешковины было создано несколько декоративных рам, вроде огромных багетов, в одной из которых – Ульяна высчитала – к первой декаде июля должно было вставать солнце. В другом месте поднялись созданные из реек да светлого пластика дорические колонны – меж ними будет дивно смотреться короткий закат. Старые молочные бидоны, облепленные серебристой фольгой, должны были создать образ молочной реки, играющей под солнцем...

Много чего напридумывала Ульяна, готовя смотрины деревни. Напечатала несколько газетных заметок, разослала персональные приглашения, накануне презентации в особо важные кабинеты сделала серию звонков. Чего она добивалась? Найти поддержку во властных структурах, причём не только района. От властей зависели субсидии, гранты, то есть деньги, а стало быть, и будущее деревни.

Увы и ах, чиновники не приехали – ни областные, ни даже районные. Отозвались художники, слетелись артисты, чтецы, музыканты, музейные работники. Собрались земляки, жители окрестных сёл. А власти не удостоили...

Ульяна была огорчена – она так надеялась! – но виду не подавала, занятая разворачивающимся действием. Из себя её вывело другое.

За несколько дней до презентации в окрестностях деревни появился человек, явно нездешний – среди местных и окрестных таковых не было. Он стоял на песчаном, слегка покрытом хворостом ивняком островке, каких под деревней к середине лета открывалось несколько. Облачённый в длинный плащ или балахон, он опирался на суковатую палку и неустанно взирал на декоративные приготовления, которые захватили не только деревню, берег, но и песчаную косу, сомкнувшуюся с деревенским берегом. Незнакомец выстаивал в неподвижности весь дневной упряг, не меняя положения, только незаметно поворачивался вслед за солнцем. Весёлые студиозусы предложили вписать это явление в задуманный проект и даже названия стали придумывать: «Погонщик Времени». – «Было». – «Погонщик верблюда, который никогда не войдёт в игольное ушко». – «Длинно». – «Доктор Чехов на Сахалине». – «О!» – «Харон среди Леты». – «Тут что-то есть!» – «Харон, упустивший лодку». – «Ништяк!» – «Время без Харона». – «На хрена!» – «Хронос без Харона». – «Заумь!» – «Харон, утопивший обол»...

За час до полудня, начала презентации, неизвестный в дождевике стоял на том же месте, посреди реки. Ульяне бы отмахнуться, не обращать внимания, а она почему-то озадачилась, а потом и настожила. Больше того, её не так огорчило отсутствие чиновников, коих она ждала, сколько раздосадовало, вызвало тревогу, если не смятение, присутствие этого взирающего на её проект странника. У неё даже сердце закололо.

Удар колокола – знак начала действия – раздался в полдень. Ульяна машинально глянула на реку. Островок, на котором все эти дни стоял неизвестный, был пуст. Однако тревога и душевная смута от этого не исчезли.

Второй раз Ульяна была дальновидней. Она поняла, что такое нынешняя местная власть – администрация и пальцем не пошевелит, если не будет указующего перста или уже твои пальцы не сделают сулящего жеста. На сей раз она решила зайти с тылу. И вот что придумала.

В область зачастили скандинавские делегации – специалисты по местному самоуправлению. Приезжали финны, норвеги, но чаще всего – шведы. Не то их приглашали, не то они сами вызывались, однако цель у всех была одна – поделиться своим богатым хозяйственно-жизненным опытом, и прежде всего опытом сельского мироустройства. Они ездили по северным деревням, оценивая условия той

или иной местности – пастбища, водные ресурсы, дороги, транспорт... И если условия, на их взгляд, были подходящие, пытались создать там нечто вроде сельской коммуны, занять оставшихся на селе людей овцеводством, сыроделанием, разведением диковинных и особо яйценосных птиц, например страусов. Такая трудовая деятельность могла приносить доход и закреплять людей в сельской местности. При этом заезжие миссионеры не только помогали советом – для предприимчивых поселян, буди такие ещё не вывелись, правительства тех стран готовы были предоставлять технологии и даже первоначальный капитал.

На один из таких проектов Ульяна вышла. Это были представители Норботтена, той самой провинции, где она до последнего времени жила. Пригласила навеститься в свою деревню. Приглашение шведы приняли. Договорились о визите в начале августа. К той поре Ульяна планировала расширить оформление окрестностей, а уже созданные объекты обновить.

В июле в деревню из своей неведомой дали приехал сын. Он уже служил в Иностранном легионе. Сергею предстояла какая-то серьёзная командировка, и ему дали две недели отпуска.

Куда лежит его путь, Ульяна выпросить не посмела: сочтёт возможным – сам скажет. Хотела сводить на кладбище – поклониться могилам сродников, да остановил суеверный страх. Вот так и жила, боясь соединять прошлое и настоящее, не говоря уже о будущем.

Сергей на родине матери доселе не бывал, если не считать того дня и ночи в грудном возрасте, когда она принесла его под окна родного дома и получила вместе с сыном от ворот поворот. Потому всё здесь ему было внове и в диковинку, хотя внешне, как всегда, это и не проявлялось.

Сергей вставал на заре, в одних шортах, босой носился туда-сюда по росному лугу, бегал по плёсам, делал немислимые прыжки, кульбиты, перевороты, растяжки, кидался в реку, нырял, плавал, чуть передохнув, опять бегал, прыгал, боксировал, круша кулаками невидимого противника. Под вечер иногда ходил со спиннингом и пару раз притаскивал крупных щук. А днём Ульяна вовлекала его в свои приготовления.

Перед усадьбой на угоре Сергей сколотил стол и скамейки. Тут можно обедать, а при желании – и рисовать. А ещё предложил поставить навес, чтобы непогода не мешала. Ну а заодно сложил и простенький очаг, натаскав с задов бани старых кирпичей, а из оврага – деревенского карьера – глины. Приедут новые волонтеры, сварят сами, а кухня – вот она.

Глаза и руки сына искали работы. Ульяна попросила его сделать мольберты; но не те, классические на треножниках или подставах, а простейшие: крепкий еловый кол, на нём – прямоугольник фанеры, а на фанере – картон или лист ватмана.

– А зачем это? – уточнил Сергей, когда сколотил первый такой мольберт. – Если вбить кол даже до половины – до листа и то не всякий дотянется...

– Верно, – кивнула Ульяна. – Но мольберт этот не для людей...

– Для кого же?

– Живописцем будет... – Ульяна сделала почти театральную паузу: – ...будет ветер.

На сей раз Сергей не переспросил, а вскинул брови, дескать, поясни.

– Есть штативы, напоминающие автомобильный «дворник». Вместо щётки в них крепится маркёр, или фломастер, или даже несколько карандашей. Двигаться они будут от малейшего порыва ветра. Расставим мольберты по самым открытым местам и – «Извольте, маэстро Аквилон, пожалуйста, мэтр Шелоник!»

Сыну затея матери понравилась. Он изготовил полдюжины таких мольбертов и вкопал их в облюбленные ею места. Только хмыкнул напоследок:

– А может, ветер и стрелять научить? Вот так же ствол приладить, и пусть по мановению ветра палит в белый свет, как в копеечку. Авось, и попадёт...

Ульяна не ответила, только беспокойно посмотрела на сына. Как он изменился! Ничего ведь не осталось от вихрастого мальчишки, каким она вывезла его с родины. И тут опять заныло в груди: что же она наделала?!

Перед отъездом, чтобы как-то умягчить сыновье сердце, Ульяна показала фотографии Лариски. Сначала хотела открыть на мониторе – в ноутбуке скопилось множество. Но потом извлекла пачку отпечатанных и отобрала те, на которых, по её представлениям, не было показных взбалмошности, самодовольства и неприкрытого торжества. Сергей просмотрел снимки молча, на лице не отразилось никаких эмоций. Надо же, как он научился владеть собой! Даже по глазам не прочитаешь!

– Возьми, если хочешь, – предложила Ульяна. – На память...

Сергей вновь взял один снимок. На переднем плане стоял Гарри – муж Лариски. На нём была форма не то шерифа, не то национального гвардейца. Такие фото – в сомбреро и пончо, в рванине пирата или перьях индейца – делают на всех широтах земли, особенно на пляжах. Они вызывают улыбку, у одних снисходительную – чем бы дитя ни тешилось... у других добродушную. Сергей не улыбнулся. Он вытянул снимок на длину правой руки и прищурил левый глаз. Рука при этом не дрожала.

Тут Ульяна уже не мешкала:

– Куда теперь, сынок?

Сергей достал из кармана компактный атлас и раскрыл развёртку Африки.

– Сюда. – Он ткнул пальцем посреди континента.

28

Предваряя приезд шведской делегации, в деревню, видимо, по поручению свыше, наведались чиновники из района. Закопёрщицей тут была дородная неопределённых лет особа, о коих говорят: кровь с молоком. Этак по-свойски, но не нарушая некоей дистанции, она сказала, что хотела бы поделиться недавними впечатлениями. В конце июня она побывала в командировке в Ленинградской области, и ей приглянулась идея «живой деревни».

– Представляете, – обратилась она к собравшимся в клубе сельчанам. – Одно хозяйство, а в нём несколько звеньев. Приезжают гости. Одно звено пироги печёт и угощает их чаем. Другое звено баню топит. На повети рыбацкой избы хозяин с подручными показывают старинные способы ловли...

При этом ораторша кивнула мужику, с нею прибывшему, и тот принялся перечислять снасти и их детали: мерёжа, бредень, кибасы, ботало...

– Вот-вот, – вновь перехватила бразды правления районщица. – И так далее. Правда, интересно?

– Дак чего на пальцах-то показывать! Нать ловить, тогда и смекнут, – встрял подвыпивший мужичок, новый доможил Манефы Гаревских.

– А и то, – тут же согласилась районщица.

– Да, – пробухтел прокуренно другой мужик. – Дадут вам бреднем ловить! Скажите ещё – невод раскинуть... А рыбинспекция!

– Договоримся, – повела могучей рукой чиновница. – Лицензию оформим на весь сезон. И можем одно звено на реке поставить. Совместная с гостями-туристами ловля, а потом уха...

– Из петуха, – прокукарекал поддатый доможил, но его не удостоили вниманием.

Только Степанида, бывшая доярка, ровня Раечки, отвернувшись на реку, глухо обронила:

– Ране звенья по пожням да наволокам. Весной – навоз на поля, летом – сенокос в дальних чище-нинах. А теперь, стало быть, пьянь разводить под ушное...

– Во-во! – хмыкнула Катюня, Манефина сестра. – С девахами заезжими...

– Ну, зачем вы так, – с кокетливой укоризной – губки бантиком – сказала чиновница.

– Кто она? – коснулась Ульяна плеча Манефы.

– Да Танкетка, – ответила, не оборачиваясь, Манефа. – Ране в комсомоле руляла. Танька Рукосуева. Из заречья она...

– Каждая ваша изба, – Танкетка пальцем потыкала вокруг, – для приезжего – неведомый мир. Ой... – она припоминала услышанное на стороне слово. – Ойкумена. Предметы быта, утварь, сельхозинвентарь... Вот скажите, у кого есть хомуты, бороны и... что там ещё? Что было век назад?

Ульяна давно устроила на повети целую экспозицию. По одну стену стояли дровни, старые расписные сани, тележные колёса, на вешалах висели хомуты, дуга, упряжь, чересседельник, вожжи... По другую – вилы всякого вида и назначения, грабли, топоры, пилы – лучковые и поперечные. А ещё был рыболовный раздел – сети, мерёжи, камень-грузила, оплетённые берёстой, берестяная же поплавь... Много было всего в Ульянином хозяйстве. Хотела было отозваться, да почему-то смолчала. Что-то не то слышалось в речах заезжей чиновницы.

* * *

Через неделю в деревню пожаловала представительная делегация. Верховодили здесь чины из области, следом шли районщики, а замыкали процессию три шведские дамы, представительницы

межправительственного фонда «Меридианы сотрудничества». Сопровождал иностранок переводчик, крупный румяный и улыбающийся мужчина, русский, выпускник филфака ЛГУ и, как оказалось, едва не сокурсник Кайи. Мир тесен.

Первое слово дали гостям. Дамы говорили о сыроделании, о породах доходных коз, о льноводстве и ткачестве, то есть о многом из того, что испокон веков водилось в русской деревне, да веяниями отошедшего века – увы – поветрилось. Переводчик, звали его Валерий, доводил выступления подробно, иногда задавал дамам дополнительные вопросы, а затем давал уточнения на русском.

Потом слово молвила Танкетка. Она снова завела речь о «живой деревне», не чувствуя, что её представления о живом напоминают пьесу, которую предлагала ставить ежедневно вот этим жёнкам да мужикам. Станиславского только не хватало. Усмешливый ропот она не чуяла или пропускала мимо ушей. Будет небольшой доход, уверенно твердила Танкетка, – будут и инновации. Это словцо она катала на все лады и склоняла его, как ляжет на язык: инновации, и инновация, возможно, имея в виду иностранные субсидии, и даже инновации. Оно нравилось Танкетке.

Взяла слово и Ульяна. Она с болью говорила о разрухе – истреблены фермы, телятники, запущены поля и луга. Кругом всё затянуло ивняком. Без помощи, без организации ничего здесь с места не стронуть. Нужны средства. Одним из источников мог бы стать дом художников. Приезжая на пленэр, художники оплачивали бы жильё, стол. Оплата шла бы частично на возрождение села, а ещё они оставляли бы здесь по одной-две своих работы, которые составили бы деревенскую галерею. Ульяна говорила горячо, искренно. Но, глянув по рядам, особого отклика в глазах земляков не заметила. Не было его, того отклика.

Потом от президиума вышел чиновник из областного центра. К трибуне он не пошёл, а встал у края низенькой сцены. Остроносый, сухопарый, то ли усталый, то ли от природы хмурый, он подводил итог. Помянул все выступления, в том числе и Ульянино, оценив, что тут тоже есть рациональное зерно. При этом поднял палец. Потом заговорил про современный вектор развития села. Говорил, глядя вбок, в окно, за которым блестела река, а руки скрестил внизу, как футболист.

Резолюция сельского схода была длинная, но малопредметная – в духе речей последнего генсека: усилить, ускорить, углубить.

Потом в деревенской столовой, которая давно не работала, но к этому дню её почистили, помыли, был устроен банкет. Его спонсировал местный бизнесмен – владелец сети деревенских продмагов, в своё время отсидевший срок за взлом торговых точек.

Гости пили осторожно, да и то больше морошковую настоечку, сладенькую до приторности. Переводчик Валера принимал умеренно: у него продолжалась работа. Зато Танкетка и областной чин до рвались. Особенно чин, этот subtilный субъект. Откуда в этом остистом туловище столько прыти взялось. Пил, ел, обнимал жёнок. Сначала своих, потом принялся за шведок. Те ему явно не глянулись: не те округлости – не для горсти, а для щепотки, – да и податливости мало, так и топорчатся, отёсанные топором феминизма. Вернулся к своим.

Он попевал везде, этот областной аграрий, точно широкозахватный агрегат. В сумрачном уголке умудрился и Ульяну прихватить. Да она окоротила его, дав хорошую затрещину. Чин поморщился, но не обиделся. Только сказал, что она – дура. Это относилось не столько к отказу, сколько к её планам.

– Возродить! С этими?! – он презрительно крутанул языком по дёснам, обнажив крупные жёлтые зубы и цвиркнул. – Это же похороны, затяжные поминки. – И, словно сам удивившись сказанному, почти всхлипнул: – У-у-у-уби-ли, суки, деревню! Убили, да ещё измываются! Дескать, вы уж спроворьте, обмойте покоенку, саваном покройте, да покадите, да цветочков в изголовье, да свечечку в оберучие...

Так он говорил, этот областной чиновник. Его, видать, прорвало. И это, осознала Ульяна, были самые честные слова, которые в тот день прозвучали.

Письма от сына приходили не часто. Начинались они обращением, усвоенным им с детства: в ту пору во всю крутили «Мами-блюз» в исполнении самых разнообразных групп. А заканчивались одной подписью: Серж Амон. Зато регулярно приходили эсэмэски. Тут он подписывался тоже одинаково: лейтенант Глан. А вот обращался всякий раз по-разному: мой генерал, господин колонель, товарищ

генералиссимус или мой капрал, понижая или повышая звание, видимо, в соответствии с уровнем настроения. Подробностей в этих весточках было не много. Да уже и то отрадно, что приходили. Жив-здоров. Много ли матери надо?!

Однажды они встретились с сыном в Израиле. Ульяна вычитала в Интернете, что в Хайфу требуется учитель рисования с классическим художественным образованием. Дело было зимой, и она, не мешкая, заявила. Ответ пришёл живо: русская школа рисования, как и балет, в мире ещё котировались. И тогда она сообщила свои координаты сыну. Впереди три месяца, неужели им не удастся встретиться, находясь на одном континенте?!

Эта поездка ознаменовалась тем, что в течение всего учебного семестра её обхаживал один еврей – выходец из России, которого вывезли на историческую родину в юношеском возрасте. Шлёма – так звали его – на третий день признался, что Ульяна – копия его первой любви, оставленной в Витебске. Через неделю он заявил, что Ульяна вновь вернула его в юность. А потом стал молить о взаимности, обещая порвать со всем, что у него сейчас есть, – с семьёй, традициями и обычаями, чего она только не пожелает...

Как потом язвила по этому поводу Кайя: «А крайнюю плоть он не обещал заштопать?» Ещё жёстче оказался Сергей. Дело было в ресторанчике. Шлёма подсел к их столику. Весь в себе, погружённый в свои чувства и переживания, он совсем не озаботился, как это выглядит. Сергей же воспринял это как бесцеремонность. Зажав меж пальцев одной руки мельхиоровую ложку, он согнул её, а потом точно так же без видимых усилий разогнул. Шлёме этого оказалось достаточно, он всё понял и ретировался. Но Ульяне было жаль его, этого нетипичного еврея, который тосковал не то по первой любви, не то по России, не то по всему вместе, что осталось в юности.

Сергей вырвался со службы на три дня. Они побывали в Иерусалиме, обошли все Места, омылись в Иордане. Это были тихие, покойные дни, которые потом грели сердце.

В последний вечер – снова в Хайфе – они сидели на открытой веранде. Слева от Ульяны синели в дымке невысокие горы, справа – море, а у Сергея – наоборот.

– Не похоже на Норвегию? – не то спросила, не то сказала Ульяна.

В разговорах Сергей был, как всегда, немногословен, а подчас и замкнут, но тут его что-то встрепенуло.

– Ты, мам, там одного не поняла...

У него была привычка, осмысливая что-то про себя, начинать разговор с полуслова, точно предыдущее уже проговорено и собеседнику и так понятно. Иногда Ульяна схватывала всё на лету, с того самого полуслова, а на сей раз замешкалась, потому что предмет разговора остался далеко в прошлом. И всё же после нескольких фраз догадалась, о чём речь: книга Кнута Гамсуна «Пан», которую она предложила сыну несколько лет назад.

Сергей говорил чётко, предельно лаконично, и было понятно, что этот монолог – не порыв, а нечто давно осмысленное и укоренённое. Влюблённые молодые люди, Глан и Эдварда, совпадая в пространстве, не совпадают во времени. «Счастливые часов не наблюдают» почему? Потому что в такт бьются сердца. А тут для счастья не хватает совпадения, словно кто-то не так ставит их часы. Кто же этот настройщик, который расстраивает сердечную механику?

Тут Сергей напомнил один давний разговор, точнее, рассказ её, матери, об его, Сергея, отце – их непростых поначалу отношениях, ссорах и обидах и заключил, что, в отличие от книжных персонажей, они, его отец и мать, сами настраивали сердца. А потому – тут он сделал паузу и глянул ей в глаза – она, мать, до конца и не поняла той истории.

Ульяна слегка приподняла брови. Ей не понравился этот тон, несколько поучительный, если не сказать менторский. Но не ссориться же было. Проглотив обиду – что с молодости возьмишь! – она даже слегка улыбнулась, тем подбодрив его, дескать, ну-ну?! Да и любопытно было.

Те невидимые часы, расстраивая чувства влюблённых, вертел лавочник, господин Мак, отец Эдварды. В его планы не входила эта любовь: малоимущий лейтенант и его дочь, на его взгляд, не составляли пару. История, старая как мир. А в основе её – жажда власти и наживы. Господин Мак искал себе зятя пусть не молодого, но обеспеченного. Только выгодно выдав (точнее, продав) замуж дочь, он смог бы расширить торговлю на фактории, укрепить власть в городке и вершить здесь свою волю. Лейтенант заметил, какой он умный, то есть какой коварный, хитрый и опасный человек. Но одолеть эту невидимую, ускользающую, но злую волю не смог. И господин Мак, не ис-

пытывая душевного трепета, по сути, погубил три человеческие души. Во-первых, Еву, не то дочь, не то жену кузнеца, которая, видимо, была наложницей Мака, но полюбила Глана и тем обрекла себя. Во-вторых, Эдварду, свою дочь, которая по его воле вышла замуж за богатея, а потом слала Глану покаянные, полные мольбы письма. И наконец лейтенант Глан, который, потеряв любовь, стал искать смерти.

Сергей говорил возбуждённо, да что там возбуждённо – вдохновенно. Таким Ульяна никогда его не видела, даже в детстве. Не случилось ли чего подобного с ним?

Сергей нахмурился, отмахнулся: дескать, если и было, то в прошлом, и, словно подсадовав, что мать перебила его, заговорил жёстче и резче и рассуждал уже не столько о Маке – персонаже книги, сколько о коварной и двойственной природе лавочника. Его предок торговал в храме (Сергей мотнул головой) и был изгнан оттуда бичом Божиим. Его голос осел до шёпота. Где тот бич? Ведь нынче торгаш захватил всё: власть, земные недра, воды и воздух, жизнь и любовь. Он около храма и в самом храме. Товаром ему служат святыни, разменной монетой – совесть и честь.

Глядя на Сергея, Ульяна тихонько вздыхала. Не впервые она сокрушалась, что плохо, совсем плохо знает сына. А оправдание было только одно: он мужает, развивается, это происходит в отлучке. Что тут поделаешь?! Такова жизнь.

30

В аэропорту, уже прощаясь, Сергей протянул матери чёрную пластиковую папку. «Почитай, мам, – сказал он. – Просветись на досуге...»

К иронии сына Ульяна уже привыкла, но тон опять задел. Наверное, поэтому сразу и не раскрыла ту папку. Наткнулась на неё спустя месяц, когда стала собираться из Хайфы домой. Рейс на Москву задержали, вот тогда, в ожидании самолёта, Ульяна и достала папку из чемодана.

И что же она обнаружила? Это были распечатки статей и интервью на английском и на русском языках, которые были объединены одной темой – ювенальная юстиция. Ульяна помешкала – читать не читать? – но всё же не отказалась и выбрала несколько коротеньких.

«Русские матери» пикетируют финское консульство

Сегодня, 24 марта, представители движения «Русские матери» намерены пикетировать финское консульство в связи с визитом детского омбудсмена Финляндии Туомаса Куртилла.

«Представители движения “Русские матери”, объединяющего русских матерей, пострадавших от ювенальной юстиции, вместе с представителями других родительских организаций Петербурга намерены сорвать намеченный на сегодня визит в наш город финского уполномоченного по правам ребенка Туомаса Куртилла», – сообщает в пресс-релизе движения.

Представитель ювенальных служб Финляндии, по информации родителей, решил приехать в Петербург, чтобы договориться о сотрудничестве с местной Уполномоченной по правам детей Светланой Агапитовой, которая, как отмечается, охотно контактирует с ювенальными службами иностранных государств. В частности, при её непосредственном участии в Петербурге появились представители норвежского фонда ReddBarna.

Представители движения обращают внимание на то, что финский омбудсмен посещает Петербург в разгар очередного скандала с изъятием ребёнка у русской матери, петербурженки Любови Власовой. Но, как отмечается, ни сам Куртилла, ни Светлана Агапитова до сих пор никак не высказали отношения к этой истории. Не значит ли она, скорее всего, и в повестке намеченной на сегодня встречи – равно как и десятки подобных историй, в которых страдают дети выходцев из России.

По словам правозащитника из Финляндии Йохана Бекмана, финские власти стараются не замечать скандальных изъятий детей из русских семей, в результате чего и возникло движение «Русские матери», а в Финляндии появилось т. н. «Октябрьское движение» объединяющее финских родителей, пострадавших от ювенального фашизма.

Узнав о приезде в Санкт-Петербург детского омбудсмена из Финляндии, «Русские матери» решили провести пикетирование финского консульства с требованием вернуть ребёнка Любови Власовой, а также всех детей, которых отняли у россиянок финские власти, и заявить Туомасу Куртилле, что его визиты в Россию крайне нежелательны. Пикет состоится в 15.00 непосредственно у финского консульства Петербурга на Преображенской площади. «Если нас не услышат, то мы сегодня

же вечером пойдём на вокзал “проводить” этого финского омбудсмана и выскажем ему всё, что думаем о нём и о финской ювенальной системе», – заявили организаторы акции.

Отметим, что на сегодняшний день финская ювенальная система считается одной из самых жестоких по отношению к семье в мире. На недавней петербургской конференции «Разрушение семьи под видом борьбы с семейным насилием» финский правозащитник Йохан Бекман заявил: «В Финляндии у родителей нет никаких прав, детей забирают из семей под любым предлогом: за шлепок по попе, за замечание, потому что соседи видели, как мать выпила бокал вина (именно это стало причиной последнего скандального случая с петербурженкой Любовью Власовой), или просто потому, что сотрудники социальной службы решили, что ребёнку будет лучше в приёмной семье».

5-летнего ребёнка изъяли из семьи россиян в Норвегии

Из семьи россиян, находящихся в Норвегии, был изъят 5-летний ребёнок. Об этом сообщил уполномоченный по правам ребёнка в РФ Павел Астахов.

«Мальчик не вернулся из школы домой, так как был сразу направлен в приёмную семью по решению Службы защиты детей Норвегии, – написал Астахов в Twitter. – Поводом к изъятию ребёнка стал его рассказ в школе про то, как мама вырвала ему молочный зуб. В Рапорте записано – “выбила зуб ребёнку”».

Родители Оскара Наталья и Сергей имеют гражданство РФ и приехали в Норвегию временно по работе.

«Реализация властями Норвегии доктрин “онорвеживания” и “гендерного освобождения” всё чаще бьёт по детям. Прежде всего иностранным», – заключил уполномоченный по правам ребёнка в РФ в своём микроблоге.

По словам руководителя движения «Русские матери» Ирины Бергсет, ребёнка уже поместили в наёмную норвежскую семью и норвежское государство оплатит наёмникам все расходы по воспитанию ребёнка до 18 лет.

Причиной инцидента, говорит Бергсет, стал языковой барьер, так как мальчик очень плохо говорит по-норвежски. «Фраза о том, что мама вырвала зуб, по-русски звучит вполне понятно и безобидно, однако на норвежском её можно растолковать как насильственное действие», – добавила она.

Напомним, это не первый случай изъятия российских детей в странах Скандинавии. Так, в январе прошлого года сообщалось, что финские органы опеки изъяли у россиянки Светланы Карелиной из Петрозаводска двоих детей – шестилетних двойняшек Артёма и Соню. Дети якобы были отняты, когда гостили у отца в Финляндии, куда приехали из России по туристической визе. При этом дети имеют только российское гражданство, родители разведены, а двойняшки проживают с матерью в России, в Петрозаводске.

Имя Ирины Бергсет Ульяна где-то слышала – не то по норвежскому радио, не то по тэвэ. А тут, перебирая листы, наткнулась на интервью с нею, напечатанное в московской газете.

Кошмар современной Европы

«ЗАВТРА». Ирина, расскажите, как вы попали в Норвегию, и какое впечатление произвела на вас эта страна?

Ирина БЕРГСЕТ. В 2005 году в Москве я вышла замуж за гражданина Норвегии. Моему сыну было тогда 7 лет. Мы поехали жить в Норвегию, в коммуну Аурског-Хёкланд в деревню Аурског.

Тогда я ещё не знала, что полвека назад Норвегия была страной, по уровню цивилизованности сравнимой со странами Центральной Африки. В 1905 году Норвегия впервые перестала быть зависимой не только от Дании, но и от Швеции. Эта страна как была, так и осталась государством крепостных, причём барина её жители никогда не видели. Только платили оброк. Развития культуры не было. Жители говорили то на датском, то на шведском языках – то есть на языках поработителей. Позже эти языки смешали и сделали один искусственный язык, называемый букмолем. Хотя и сейчас каждая семья в Норвегии говорит на своём собственном диалекте. До сих пор языкового государственного стандарта в Норвегии не существует. Можно было бы сказать, что это страна только сейчас формируется, если бы не шёл встречный процесс. Норвежское общество стремительно морально деградирует, копируя американские законы и порядки. Нефть нашли в море 50 лет на-

зад. Ясно, что страна, у которой отсутствовали наука и культура, не могла обладать технологиями добычи нефти из моря – Норвегия воспользовалась иностранной научно-технологической помощью.

Всё это я узнала потом. Когда я покидала Россию, я знала только то, что в Норвегии – самый высокий в мире уровень жизни.

Несмотря на то что я закончила факультет журналистики МГУ и являюсь кандидатом филологических наук, Норвегия не признала моё образование. Мне предложили работать учительницей в соседней с нашей Фет-коммуне в сельской школе нового типа – по прогрессивному датскому образцу под названием «Риддерсанд», что в переводе означает «школа рыцарей». В сравнении с нашей российской системой все норвежские школьные госпрограммы выглядят как, по сути, для умственно отсталых. С 1-го по 7-й классы – там начальная школа. Задача государственной программы – выучить алфавит до 13 лет и научить детей считать – читать ценники в магазинах. Вслух в классе читать нельзя, потому что «стыдно». Специальный учитель выводит ребёнка в коридор, и только там, чтобы не позорить «мальшиа», слушает, как он читает. Учитель имеет право разобрать с детьми два примера по математике в день, если дети не усвоят материал, то через три дня ещё раз пытается им объяснить пройденное. Домашнее задание на неделю – пять слов по-английски или восемь, на усмотрение ребёнка.

Норвежская школа – это пример полной деградации образования. Литературы нет, истории нет, физики нет, химии нет, естествознания нет. Есть природоведение, называется «обзор». Дети окружающий мир изучают в общих чертах. Они знают, что Вторая мировая война была. Все остальные подробности – это, видите ли, насилие над ребёнком и его психикой.

Мой старший сын учился в России в обычной школе. Поэтому в Норвегии он стал вундеркиндом. До 7-го класса он не учил ничего – там не надо учить. В школах висят объявления: «Если родители попросят тебя сделать уроки – позвони. Мы поможем освободить тебя от таких родителей».

Единственным способом тренировки памяти сына стало пианино. Я говорила: «Только пианино где-нибудь, что у тебя такая требовательная мама...»

С медициной в Норвегии просто беда! Нам нужно было удалить родинку – у Саши теперь шрам в 5 см, его располосовали ножом. Хирург из Осло, с 20-летним стажем, очередь к которому мы ждали больше семи месяцев, – этот хирург сработал, как сельский ветеринар.

Следует знать, что врачей в Норвегии нет. Ведь для этого надо много лет учиться в университете. Поэтому докторов вербуют кое-как по всей Западной Европе.

Нам повезло, что родинку не стала удалять наш участковый сельский врач в Бьорклангене. То была дама из Восточной Германии. Она нам прямо сказала: «Вы знаете, я никогда этого не делала. Я работала в Германии в страховой компании. Там было так: если кто-то ногу сломал, то я приезжала и говорила: да, это нога сломана». А потом она вдруг добавила: «Не волнуйтесь, я всё сделаю...» На голубом глазу открыла при нас медицинский справочник и говорит: «Так, здесь написано: намочите ватку спиртом, протрите это место...» Я, конечно, взяла сына в охапку и на выход...

«ЗАВТРА». Весь это «местный колорит» может создать определенные проблемы, но с какого-то момента ваша жизнь в Норвегии стала просто невыносимой. Почему?

И. Б. Несчастье случилось через шесть лет моего пребывания в Норвегии. Я ничего не знала об их системе «Барневарн».

Я жила своими заботами: работа, дом, семья... Жила, мало вникая в государственное устройство страны, в которую переселилась. У кого-то, я слышала, отбирали детей, но я же была нормальной матерью.

Я развелась с мужем через три года совместной жизни, после рождения второго сына. Это был конфликт культур. Мне сейчас говорят: «Зато там в каждом деревенском доме есть унитаз и душевая кабина». Да, – отвечаю я на это, – но при этом норвежцы по привычке ходят мочиться за дом.

Три года я с детьми прожила одна. Взяла кредит в банке, купила квартиру, наладила нормальную жизнь, никогда не была социальным клиентом: работала, уделяла достаточное время детям. Дети были только со мной. Поскольку папа обижал сына от первого брака, я поставила вопрос, что не будет никаких свиданий.

С маленьким по закону он был обязан встречаться. Я держалась, как могла, чтобы ребёнок у отца не ночевал – была угроза избиения. Но детский сад, иные госструктуры давили на меня, чтобы

я отдавала ребёнка. Поэтому маленький сын оставался у отца сначала по два часа в субботу или воскресенье. Но последний раз провёл у него почти неделю – ребёнок был с температурой, когда он его увёз в тридцатиградусный мороз к родственникам в Тронхейм.

В 2011 году, седьмого марта, я пошла в полицию посёлка Бьоркеланген (Bjorlelengen), потому что мой маленький мальчик рассказал, что тётки и дяди, родственники его папы, делали ему больно в ротик и в попку. Рассказал о вещах, в которые я не могла сначала поверить...

Дыхание Ульяны сбилось. Как была похожа судьба этой женщины на её собственную историю и историю её детей. Но последний эпизод её потряс в буквальном смысле: её знобило, лихорадило, она никак не могла справиться с собой и, чтобы согреться, достала из чемодана вязаную кофту.

Читать дальше было невыносимо, но она заставила себя это сделать.

...Есть в Норвегии некая народная традиция, увязанная на интиме с детками: с мальчиками и девочками, – учиняемая кровными родственниками, с последующей передачей их соседям. Поверить в этот бред или ад – я сначала не могла. Я написала заявление в полицию. Восьмого марта нас пригласили в службу опеки детей Барневарн. Допрос длился шесть часов. Была только я и мои двое детей.

У них есть образцово-показательная система защиты детей, созданная для вида, что они борются с инцестом. Потом я поняла, что центры Барневарн, имеющиеся в каждой деревне, нужны только для того, чтобы выявить проговорившегося ребёнка и недовольную мать или отца и изолировать их, наказать. Из газет я узнала про случай, когда девочку семи лет суд приговорил оплатить судебные издержки и выплатить компенсацию насильнику на содержание его в тюрьме. В Норвегии всё повернуто с ног на голову. Педофилия, по сути, не является преступлением.

Восьмого марта 2011 года у меня изъяли первый раз двоих детей. Изъятие происходит так: ребёнок не возвращается из детского сада или из школы, то есть практически крадётся у вас, исчезает. Это потому, что его прячут от вас на секретном адресе.

В тот день мне сказали: «Вы понимаете, такая ситуация, вы рассказываете о насилии над ребёнком. Нам нужно, чтобы вас освидетельствовал врач и сказал, что вы здоровы». Я не отказывалась. Поликлиника была в десяти минутах езды на машине. Меня в неё посадила сотрудница Барневарн, сказав: «Мы вам поможем, поиграем с вашими детьми». Дети остались не где-нибудь, а в службе защиты детей. Сейчас я понимаю, это было неправомерно. Когда я доехала до поликлиники, старший сын Саша, ему было тогда 13 лет, позвонил и сказал: «Мама, нас увозят в приёмную семью». Я была на расстоянии десяти километров от детей, которых увозили на секретный адрес. По местному закону, детей изымают без предъявления каких бы то ни было бумаг. Единственное, что я могла, – взять себя в руки. Плакать в Норвегии запрещено, это расценивается как болезнь, и Барневарн к тебе может применить принудительную психиатрию.

Оказывается, в Норвегии есть государственный план, квота на изъятие детей у родителей. Органы опеки даже соревнуются по его выполнению – это своего рода госсоревнование. Графики, диаграммы публикуются каждый квартал – сколько детей в каком районе отобрали.

Недавно ко мне попал документ – отчёт шведов. Это доклад о случаях изъятия детей из семей в Швеции и соседних Скандинавских странах (<http://www.familypolicy.ru/read/1403>). Речь идёт о странном феномене. В этом докладе говорится, что в Швеции у родителей изъято 300 000 детей. То есть речь идёт о целом украденном у кровных родителей поколении. Учёные, криминологи, юристы, адвокаты – люди с традиционными ценностями, которые ещё помнят, что семья в Швеции была, – недоумевают. Они говорят, что происходит что-то странное. Идёт государственный погром семей.

Специалисты называют цифру – 10 000 крон (это примерно 50 000 рублей) в день. Такую сумму получает новая семья за одного приёмного ребенка, причём любого. Отдельный агент организации Барневарн получает из госбюджета огромную премию за разорение родового гнезда, за кражу потомства. Так происходит во всех Скандинавских странах.

Причём приёмный родитель может выбрать детей как на рынке. Например, вам понравилась вот та русская голубоглазая девочка, и вы именно её хотите взять в приёмные. Тогда вам достаточно только позвонить в Барневарн и сказать: «Я готов, у меня есть небольшая комната для приёмных»

ша...» И называете имя. Вам именно его тут же доставят. То есть сначала находится «наёмная» семья, а уже потом у кровных родителей изымается «под заказ» ребёнок.

Правозащитники Норвегии пытаются бороться со всемогущей карательной системой Барневарн. Они всерьёз считают, что это коррупционная система по торговле детьми. 3 мая пострадавшие от Барневарн в Норвегии организовали митинг протеста против насильственного разлучения государством родителей и детей в Норвегии. В плане краж детей у родителей Норвегия впереди планеты всей, здесь разлучение детей с родителями – это государственный проект. Заголовок в норвежской газете: «Одна пятая детей в Норвегии уже спасена от родителей». Одна пятая – это, к слову, от одного миллиона всех детей в этом государстве – почти двести тысяч «спасённых» и живущих теперь не дома с мамой, а в приютах.

Пособие приюту на ребёнка в Норвегии составляет примерно двенадцать миллионов рублей в год. А если вы ребёнка делаете инвалидом, вы получаете ещё больше пособий и дотаций. Чем больше травм, тем выгоднее приюту, который является ничем иным, как тюрьмой семейного типа.

Согласно статистике, опубликованной в газетах Норвегии, из каждых десяти новорождённых детей, только два ребёнка рождаются норвежцы, а восемь из этих десяти рождается у мигрантов. Мигранты дают здоровое население Норвегии, потому что у них близкородственные браки не практикуются.

Больше всего в Барневарн попало детей, рождённых на территории Норвегии от русских. То есть русских детей отбирают в первую очередь. Практически все дети, рождённые от одного или двух русских родителей, ставятся на учёт в Барневарн и состоят в группе риска. Они претенденты «номер один» на отбирание.

«ЗАВТРА». Если ребёнка отбирают, что в этом случае могут сделать родители?

И. Б. Чуть ли не каждый месяц в Норвегии кончает жизнь самоубийством одна российская женщина. Потому что когда к вам приходят и отбирают у вас детей, вы безоружны, вы – один на один с Системой. Вам говорят: «Ты делаешь омлет не по норвежскому рецепту. Ты заставляешь ребёнка мыть руки. Ты хромаешь, не можешь сидеть с ребёнком в песочнице. Значит, ты – плохая мать, ребёнка мы отбираем!»

Система защиты детей в Норвегии построена на презумпции виновности родителей. Родитель виновен заведомо. На родителей выливается море лжи. Начинается всё с простого утверждения: «Вы хотите уехать в Россию». И вы не можете этого опровергнуть, ведь у вас есть родственники в России. Или: «Вы хотите убить своих детей». Это потому, что русские в сердцах говорят: «Я тебя убью!»

Вас постоянно ставят в ситуацию, когда вы должны оправдываться. И вы понимаете, что оправдаться невозможно. Одному вам не остановить норвежскую государственную машину, построенную на баснословных премиях адвокатам, сотрудникам опеки, судьям, психологам, психиатрам, приёмным родителям, экспертам и прочим... Премии выдаются за каждого изъятый голубоглазый малыш. У вас нет шансов спасти своего сына или дочь от норвежского приюта, увы. Я прошла все инстанции норвежских судов. Всё схвачено, везде коррупция. Дети – это товар. Их не возвращают.

Все материалы русской прессы о моих детях переводились адвокатом Барневарн и использовались в качестве обвинения на суде. «Она сумасшедшая, она защищает своего ребёнка в прессе!» На Западе нет свободы прессы в отношении детей. Апеллировать к обществу невозможно. Там действует закон о конфиденциальности, который активно проталкивается сейчас и в России.

«ЗАВТРА». Вы дали понять, что действующая в Северной Европе система уничтожения семьи поощряет сексуальное насилие над детьми. Как работает этот механизм?

И. Б. Министерство по делам детей в Норвегии называется «буквально» чуть ли не Министерством по делам детей и равноправию всех форм сексуального разнообразия. Сексуальные меньшинства в Норвегии – это уже совсем не меньшинства. Натуралы – это меньшинство... Имеющиеся в свободном доступе материалы социологов свидетельствуют: к 2050 году Норвегия будет на девяносто процентов гомостраной. Что понимается под «гомо», нам трудно себе представить. Говорят, что наше российское представление о «геях» и «лесбиянках» – это прошлый век. На Западе легализовано как минимум тридцать видов нетрадиционного брака. Самая «передовая» в этом плане страна – Норвегия, там «мужчина» и «женщина» – это отживающие

понятия. И не случайно в Норвегии нет возможности защитить ребёнка, рождённого в натуральной семье.

Казалось бы, вас это не касается. Вы говорите себе: «Пусть они делают что хотят! При чём тут я и мои дети?» Я тоже когда-то так рассуждала, ибо пребывала в полном неведении относительно того, что во всей Европе введены сексуальные стандарты, которые регламентируют воспитание детей в определённом ключе (<http://yadi.sk/d/oa3PNRtG3MysZ>). Этот регламент обязателен для всех стран, подписавших соответствующую конвенцию, принятие которой активно лоббируется сейчас в России. Там прямым текстом говорится, что родители совместно с медиками и детсадовскими работниками обязаны учить крохотных детей «разным видам любви». А специальный раздел этого общеевропейского сексстандарта сообщает, почему учить европейских детей мастурбации родители и сотрудники детсадов обязаны строго до четырёх лет и никак не позже. Для нас, пецирных россиян, это очень полезная информация. На стр. 46 упомянутого документа указывается, что новорождённый должен осознать свою «гендерную идентичность». Приказным секспросветом уже в час рождения ваш ребёнок обязан определиться, кто он: гей, лесбиянка, бисексуал, трансвестит или транссексуал. А так как из равноправия гендеров понятия «мужчина» и «женщина» исключены, то вывод делайте сами. Если ваш ребёнок всё же не выберет «гендер», то ему в этом помогут всемогущая норвежская Барневарн или финская Ластенсуоелу, немецкий Югендамт и т. д.

Норвегия чуть ли не одна из первых в мире стран создала научно-исследовательский институт при Осло-Университете, который изучает суициды детей от 0 до 7 лет. На взгляд обывателя, очень странно. Как же новорождённый ребёнок может покончить с собой? А на взгляд местной Барневарн, это естественно. Если дети после садистских оргий действительно погибают, то тогда официально это можно списать на «суицид».

«ЗАВТРА». Ирина, давайте вернёмся к вашей личной истории...

И. Б. У меня отобрали детей второй раз 30 мая 2011 года. В дверь позвонили два полицейских и два сотрудника Барневарн. Я открыла дверь на цепочку, выглянула. У всех полицейских чуть ли не револьверы, приехал даже сам начальник полиции Бьорклангена и говорит: «Мы пришли забрать ваших детей». Я звоню адвокату, она говорит: «Да, по законам Норвегии вы обязаны их отдать. Если вы окажете сопротивление, детей всё равно заберут, но вы их не увидите больше никогда. Вы должны отдать детей, а завтра они вам объяснят, в чём дело...» Детей забрали сразу, даже не дали переодеться, и при этом не показали мне никакой бумаги, никакого постановления. После процедуры изъятия я пребывала в состоянии шока: теперь я должна была доказывать, что я – хорошая мать.

В норвежских газетах описали случай: одного мальчика, которого забрали у матери в детском возрасте, насильовали во всех приютах. Он дожил до 18 лет, купил ружьё, пришёл «домой» и расстрелял приёмных родителей.

Другого норвежского мальчика забрали – он плакал, хотел к маме. Врачи сказали – это паранойя. Его закармлили лекарствами и сделали из него овоц. После криков прессы его отдали обратно маме в инвалидном кресле. Он уже не мог говорить, похудел на 13–15 кг. Это была дистрофия, произошли необратимые процессы.

После единственного свидания со мной мой старший мальчик сказал, что он написал письмо в русское консульство: «Я умру, но я всё равно убегу из Норвегии. Я не буду жить в концлагере». И он сам сумел организовать свой побег. По интернету он связался с поляком Кишиштофом Рутковским, которому уже удалось спасти польскую девочку из норвежского приюта. Поляк позвонил мне в самый последний момент, когда всё было подготовлено, и сказал: «Если я вывезу вашего сына без вас, – это будет киднепинг, кража чужого ребёнка, а если с вами, то я просто помогаю семье». Мне было тяжело решиться, но выбор был страшный: погибнуть всем троим в Норвегии или спасти хотя бы себя и старшего сына... Не дай бог, никому испытать такое!

В Польше мы пробыли три месяца. Кровная мать только в России имеет принадлежность к своим детям, является субъектом семейного права. В Европе – нигде. Мой ребёнок сначала получил норвежскую приёмную мать. Потом нас остановили по запросу якобы «другой» официальной норвежской мамы. В запросе значилось: «Некая тётя – то есть я – выкрала ребёнка с территории Норвегии». Тогда Польша, по законам Европы, предоставила моему ребёнку польскую приёмную мать. А чтобы взять ребёнка из Польши в Россию, моя мама – то есть бабушка моего сына, ста-

ла российской приёмной матерью. Таким образом, состоялся обмен между польской и российской приёмными матерями. Вот вам норвежский родитель номер один, польский родитель номер два и российский родитель номер три. Родная мать в Европе не в счёт.

«ЗАВТРА». После вашего возвращения в Россию к вам стала стекаться информация о похожих случаях. Расскажите о вашей общественной деятельности.

И. Б. Вот ситуация: Ирина С. восемнадцать лет прожила в Англии. У неё там был друг. Родилась дочка. Однажды Ирина случайно узнала, что её сожителю – члену садомазохистского клуба. Девочка её смотрит телевизор – показывают местного гонимца. Дочка говорит: «Мама, а этот дядя приходил ко мне играть в доктора. О! А эта тётя со мной играла в ванной...» Представляете, когда тебе твой ребёнок говорит такое?.. Ирина пошла к английскому детскому психологу, а тот ей сказал: «Дорогая, вы – отстой, вы – вчерашний день. Это не извращения, это креативный секс для элиты». Она заткнулась и потихонечку стала собирать вещи, готовить своё отступление в Россию. Мудрая женщина...

Сначала в Норвегии были легализованы однополые браки. Потом легализовано усыновление детей однополыми родителями. Там священники – женщины и мужчины – открыто заявляют о своей нетрадиционной ориентации. А сейчас там появились смельчаки среди однополых, которые ставят вопрос о праве венчаться с детьми, жениться на детях.

Если мы, традиционные родители, как овощи, будем сидеть и ждать, то мы проиграем эту битву с однополыми или с иными гендерами за наших с вами родных детей. Сегодня зоной эксперимента являются Северная Европа, Германия плюс США и бывшие британские колонии: Канада, Австралия, Новая Зеландия – это «горячие точки», откуда я получаю сигналы «SOS» от русских матерей. Это первые всполохи войны за священный образ традиционной русской семьи. Мысль о необходимости открытого сопротивления давала мне возможность не сломаться, не сойти с ума там, в Норвегии.

Каждый из родителей в России должен понимать. За последние 30 лет структуры, заинтересованные в торговле детьми, занятые перераспределением демографических масс, узаконили положение, что родитель и ребёнок – это вовсе не одно целое. Теперь дети принадлежат некоему абстрактному обществу или государству. Мало того, по Гаагской конвенции о краже детей 1980 года, которую Россия подписала в 2011 году, дети принадлежат территории, на которой проживали последние три месяца.

Философию этих нелюдей отчасти раскрывает проект правящей в Норвегии Рабочей партии, о котором я только недавно прочла в норвежских СМИ. Лисбаккен, министр по делам детей, не стесняясь, говорит: «Я – гомосексуалист. Я хочу, чтобы все дети страны были такими, как я». Он инициировал государственную программу провести эксперимент: в детских садах была изъята вся литература типа «Золушки», все сказки братьев Гримм. Вместо них была написана другая литература, половая – «щён литератюр» по типу «Король и король» или «Дети-геи». Там, например, принц влюбляется в короля или принца, девушка-принцесса мечтает жениться на королеве. По закону, детям уже в детском саду на горшках воспитатели обязаны читать такие сказки и показывать картинки.

Был такой случай. Русские туристы поехали в Новую Зеландию с краткосрочной визой, например 7-дневной, – мама, папа и ребёнок. Родители то ли крикнули на ребёнка, то ли ребёнок громко плакал – из кафе или отеля позвонили в службу защиты детей. Приехал наряд «спасателей», и ребёнка изъяли, «спасли» от «родителей-садистов». Российские дипломаты боролись больше года за то, чтобы ребёнок мог иметь свидания со своими биологическими родителями.

Каждые пять лет Барневарн делает отчёт по мигрантам, чьих детей больше всего в Барневарн. Топ-лист возглавляет Афганистан, потом Эритрея, потом Ирак. Из белых детей Россия на первом месте, в общем списке стран – на четвёртом.

Кровные родители получают от государства разрешение на свидания с украденными детьми – по 2 часа один раз в полгода. Это максимум. Сейчас мой старший сын, который сбежал в Россию, виртуально обязан находиться в их детском доме, как собственность норвежского бифолкнинга (населения), до 23 лет.

Речь надо вести не о педофилии как таковой. Это другой феномен. В одной только Норвегии 19 000 негосударственных обществ по перепрофилированию детей из «древних» (мужчина, женщина) в иные нетрадиционные гендеры.

Ребёнок принудительно развивается в определённой нетрадиционной гендерной категории. То, что рассказывал мой кроха-сын, это уже не примитивная педофилия, а некий «организованный» тренинг, нацеленный на иную ориентацию.

«ЗАВТРА». Во все эти ужасы трудно поверить...

И. Б. Пока вы рассуждаете, верить или не верить, уже появилось целое поколение родителей, которым приходится с этим ужасом жить.

Всё это в современной Европе преподносится как вид толерантности. Мол, дети якобы имеют право на сексуальные предпочтения с нуля лет, имеют право на секс-разнообразие. Против нас с вами, против родителей и детей, орудует хорошо организованная преступная мировая сеть. И похоже, наступило время, чтобы признать это честно и открыто и начать в каждом райотделе российской полиции и по всей её вертикали вводить спецподразделения по противодействию этим международным группировкам демографического бандитизма.

Я призывала людей на марше «Защиты детей» разглядеть за красивой маской западной «ювенальной юстиции», которая преподносится нам под видом якобы «спасения детей от родителей-алкоголиков», – глобальный эксперимент по смене гендера у наших детей. Чудовищный эксперимент, который почти тридцать лет уже идёт по всей Европе.

Там, в Европе, да и в Канаде, и в США, в Австралии и Новой Зеландии, повсюду за пределами России, – родительство раздавлено и разобцено. Родительство, как связь родителей с ребёнком, планомерно уничтожается. Цифры изъятых детей – 200 тысяч в Норвегии, 300 тысяч в Швеции, 250 тысяч в Финляндии, в Германии, в Израиле – такое же огромное количество – это украденное поколение.

«ЗАВТРА». На этом фоне наша страна Россия выглядит островком христианского уклада...

И. Б. Про меня часто говорят: «Вот, сначала сбежала на Запад, а сейчас стала ярой патриоткой!» Да, я – патриот поневоле. Для того чтобы оценить нашу Россию, может быть, и нужно сначала всё потерять. Я слишком дорого заплатила за свою ошибку – собственным ребёнком и страшным опытом.

Более ста российских семей сегодня стоят на коленях вокруг России и кричат: «Мы – гости из вашего будущего. У нас украли на Западе наших детей. Смотрите на наше горе и учитесь. Проснитесь, остановите чуму третьего тысячелетия. Поставьте железный занавес толерантности к извращениям. Выдавите эту нечисть за пределы России!»

Беседовал Андрей ФЕФЕЛОВ

Международное общественное движение «РУССКИЕМАТЕРИ» <http://www.russkiemateri.ru/>

Ульяна до того была потрясена прочитанным, что едва не прозевала свой рейс. И потом, уже в кресле самолёта, всё думала о той женщине и её рассказе о своих детях... Ирина была наивная, отправляясь за лучшей долей в чужую и богатую страну. А она, Ульяна, разве не такая была?! Ирина столкнулась с явным насилием её детей. Её, Ульяны, дети, такого не испытали. А на самом деле? Всё ли она знает о судьбе Сергея и Лариски? Ведает ли она, что с ними происходило за пределами дома? Они ведь долго находились вне поля её зрения, обретаясь в школе, спортивных залах, на молодёжных вечеринках...

Сергей сказал: «Просветись, мам!» А может, она и впрямь недалёкая и непросвещённая? Отгородилась от мира мольбертами да стенами дома – и дела нет ни до кого и ни до чего. Даже до собственных детей. Последнее вынесло сознанием в запале. Она даже покосилась по сторонам: не брякнула ли вслух? Однако тут же и осекла себя: не юли! Чем иначе объяснить, что Лариска, ещё малолетка, обязанная по струночке ходить перед матерью, начала уросить, хамить и наконец провоцировать, вызывая её, мать, на необдуманные шаги? Переходный период? Да. Но только ли?

Теперь, по прочтении чёрной папки (надо же какой психолог Серёжа!), она иначе стала смотреть на выверты дочери. Находясь внутри системы, чуждой её русскому духу, дочка, возможно, стала искать выход из неё. Наивно, по ребячески, грубо и хамовато, но если поставить себя на её место, другого пути у Лариски не было. Ведь она, мать, не внимала дочери, потому что, в отличие от дочери, слепо подчинялась системе, в которой оказалась по своей воле и в которую затащила своих детей. А то, что

не ведала канализационных глубин этой клоаки, вовсе не оправдывает её. Мать обязана упреждать беды, сердцем просвечивая возможные опасности.

Вот с такими чувствами и настроениями Ульяна вернулась на Родину и едва ли не впервые ощутила, как же она соскучилась по родному небу, воздуху и необъятной шири.

31

Дочка родила. Ещё вчера, кажется, посылала фотки, где ничем ничего – ни в полный рост, ни боком, а тут вдруг огорошила: родила, да притом двойню. Ульяна терялась в догадках: когда? как? и как тогда понимать те сброшенные по электронке фотки, что Ларка посылала на прошлой неделе? Они старые или дети худосочные, что беременности было не видно? или... она так опять шутит? Была бы рядом – таких вопросов не возникло бы. Или даже далеко, но с живым разговором... А через этот сухой телеграфный стиль разве чего поймёшь...

В который уже раз Ульяна едва не запустила мобильник в стену – чёрт бы побрал это изобретение! – да вовремя одумалась: ведь стену-то молчания этим снарядом не прошибёшь, хоть и не броня. И в который уже раз, помянув мысленно Петра Григорьевича, сказала себе так: могло быть и хуже, а пока радуйся тому, что есть, может, и такого не будет...

Сдерживая слёзы, Ульяна нашлёпала поздравление, мысленно пожелав, чтобы Лариска никогда не испытала того, что испытала и испытывает её мать. Захотелось узнать, как назвали новорождённых. Эсэмэска пришла тотчас, точно была уже заготовлена: «Мальчика назвали Артур». Человек сторонний решил бы, что это в честь Овода, героя книги американской писательницы Этель Войнич, или короля Круглого стола... Только не Ульяна. Она-то знала, в честь кого. Это было имя Ларкиного отца, того залётного.

«А девочку?» – слегка дрожащим пальцем набрала вопрос Ульяна. Ответа долго не было, словно связь и впрямь переключилась на телеграф. Наконец мобильник отозвался. «Ула», – читалось на экране. И второй раз: «Ула». Но приглашения в гости так опять и не последовало.

Весь этот день Ульяна была сама не своя. То садилась к окну и смотрела на заречный лес. То подхватывалась и суетливо металась по избе, словно искала чего-то. Потом вдруг приходила в себя, бралась за мобильник, но, набрав пару цифр, тут же отключалась. То выходила на крыльцо, рассеянно окидывала окрестности, зябко ёжилась, хотя утренники ещё не донимали, и возвращалась в избу.

Хотелось с кем-нибудь посидеть, поделиться своей горькой, как рябина за окном, радостью. Но с кем? К соседке пойти, Манефе, так разговор с нею, пожалуй, не успокоит, а только ещё больше накалит душу. У Манефы какой уж по счёту примак-доможил, зато дети-то справные: сын в городе шоферит, недавно женился, но каждые выходные – к маменьке; дочка – учительница, живёт с семьёй в дальнем леспромхозовском посёлке, но тоже постоянно навещается к матушке, а уж дети, внуки Манефины, всё лето при бабуле... А тут что?!

Ульяна поймала себя на том, что думает совсем по-бабьи и сидит, кручинясь, в раскорячку – тоже по-бабьи, как сживали от веку жёнки-горемыки, которых неведомо или ведомо за что наказывала судьба. Тут ей вспомнилась матушка, которая до последнего не отпускала её, послушницу, от своей юбки. Калила сердце, пальцем грозила, аки боярыня Морозова. Увидев образную связь, Ульяна, бывало, ёрничала по этому поводу, как всякая поперечина. А тут-то, вспомняв, вдруг осеклась. А не узрела ли матушка в старопрежних книгах, что читала затвором в своей келейке, горевой судьбы своей дочери, её грядущего несусветного одиночества! Не потому ли и корила её за послушание, а мужа – за потачку?! Выходит, видела и предвидела то, что стряслось с нею. Дочка за океаном, в чужих людях. А теперь вот и внуки... Сын неведомо где. Вернее, там, где война. А война теперь повсюду – и там и там, она покосилась на старую – своих ученических времён – карту.

Рука потянулась к мобильнику. Позвонить Серёже или хотя бы передать эсэмэску. Мол, поздравляю, ты теперь дядя, причём дважды. Да осеклась. Обрадуется ли этому сын?

Мужская психология, раньше казавшаяся понятной – до чего уж бесхитростен и открыт был папушка! – всё больше ускользала от её понимания. И особенно странно, да и досадно, что это происходило в отношениях с сыном, её кровинкой. Сергей не просто менялся, он отчуждался, его потаённая жизнь открывалась только в деталях: новый шрам на предплечье, мазок седины на висках – это в тридцать-то! – и этот вечный прищур левого глаза...

Она не стала звонить сыну – оставила новость до встречи. Может, к той поре Лариска фотки пошлёт, ведь интересно же глянуть на новых кровников: ей – на внуков, ему – на племянников.

Снимки действительно пришли. Ульяна воочию, пусть и заочно, увидела своих наследников. Девочка чертами походила на отца, то есть на фермера Гарри. А мальчик был в Ларку, точнее, в её отца, того залётного. У девочки на снимке стояла надпись «Мисс Америка – 2030». А у мальчика – ни много ни мало – «Артур Маккормик – будущий президент Соединённых Штатов». Амбиции семейства Маккормиков с появлением в их стане Лариски, судя по надписям, возросли многократно. Поэтому Ульяна только усмехнулась. А как, интересно, воспримет это дядя?

Ульяна поджидала Сергея в начале осени – он сам говорил, что после африканской командировки ему посулили отпуск. Однако прошёл сентябрь, минул октябрь, а сына не было. Утешало одно, что регулярно приходили эсэмэски: «Жив-здоров» или «Всё о'кей!».

32

В начале зимы Ульяна отправилась на заработки в Скандинавию. Остановилась, как уже случалось, у Кайи – та по-прежнему жила в Лулео. И сразу погрузилась в работу.

Что её потянуло навестить Йона – она и сама толком не знала. Они были уже разведены – это произошло заочно. Каких-то особенно памятных вещей в том доме не осталось. А вещи, пусть и не особо поношенные, не представляли для Ульяны большого интереса: она никогда не была тряпичницей. Просто захотелось проведать, конечно, поблагодарить, Наверное, попросить прощения. А ещё, пожалуй, показать эти фотографии – две славные мордашки, своих внуков. И тем, может быть, смягчить его сердце, чтобы не держал зла. И своё хотя бы немного успокоить.

Увы, картина, которую Ульяна рисовала в воображении, не сложилась. Сердце у потомка викингов оказалось не более защищённым, чем сердце среднестатистического русского мужика – даже и потомка витязей. Годное для битвы, для солёной мужской работы, оно не выдержало семейного разлада. Как у поэта, «любовная лодка разбилась о быт», так и их Ковчег потерпел крушение, столкнувшись с неведомым вывертом природы, сотворённым хромосомами и обстоятельствами.

Пережить разрыв Йон пытался, но способ для этого выбрал самый банальный, как и тот самый среднестатистический русский мужик. За злоупотребление спиртным поплатился службой. Теперь перебивался случайными заработками. Подрабатывая на фактории, он научился от русских рыбаков нескольким словам. Небритый, опустившийся, Йон продемонстрировал эти знания почти с ходу. Причём не просто как набор звуков, а с полным пониманием смысла. Матерщина в России, ставшая, кажется, уже повсеместным звуковым фоном, здесь, в Норвегии, вызывала оторопь. А уж в устах человека, который ещё недавно в ней, Ульяне, души не чаял...

Что скрывать, была у неё тайная мысль остаться здесь подольше. Раньше она этого сделать не могла – всё было свежо и невыносимо. И когда подавала на развод, всё ещё не пришла в себя. Но теперь, когда осталась совсем одна, захотелось что-то исправить, может быть, подлатать тот Ковчег, ведь были же они в нём счастливы.

И вот... встреча. И непотребные слова в лицо. И искривлённые непривычной артикуляцией губы. А она-то строила планы. Горько! До чего же горько! А ещё странно. Ведь ещё не так давно он, Йон, учил её остойчивости. «Держи горизонт!» – твердил он. Повторял раз за разом, словно заклинал. И думалось, не было сомнения, что сам-то он держит горизонт. А выходит, нет. Или же держал до поры, да не выдержал. Но отчего? Неужели причина – развод? Неужели та формальность подкосила? До той поры была надежда, что она, Ульяна, вернётся, ведь и вещи оставались, и звонила, и разговаривала... А тут, выходит, всё?..

Опоздала! Ульяна почувствовала это с порога. Опять опоздала. Вся отдавшись судьбам непутёвых детей, она упустила из внимания Йона. Йон спас её много лет назад, взяв к себе. Он единственный откликнулся на её объявление, напечатанное в межрегиональной русско-норвежской газете. Не побоялся «хвоста», смело протянул руку, открыл свой дом, обогрел, обласкал. А она...

Как же затмила глаза та мерзкая сцена. Весь свет, кажется, померк. Упёрлась в эту стену мрака – и всё, словно прежде ничего и не было: ни умиротворения, ни радости, ни счастья. Неблагодарная, бесчувственная, бессердечная – корила себя Ульяна. Изводила и кляла себя самыми распоследними словами, только что не била по щекам, дескать, вот тебе, вот тебе, вот тебе! Но при этом в доме не осталась, не попыталась дожидаться утра, напроць забыв русскую поговорку «Утро вечера мудренее».

Зато опять вспыхнула. Заслышала ненормативную русскую лексику с норвежским акцентом и вспыхнула, точно доселе знать таковую не доводилось...

В смятенных чувствах вернулась Ульяна в Лулео. Кайи дома не оказалось. Открыла двери – записка: «Вернусь через день. Надо подменить заболевшего дятла. Чайка». Кайя, как всегда, шутила, словно предвидя настроение подруги. Ульяна слабо улыбнулась, отдавая должное. Потом, не раздеваясь, села в кресло и заплакала. Тихо так, поскуливая, словно брошенная Каштанка...

Наплакалась Ульяна, повсхлипывала – и вроде легче стало. Обвела мутным взглядом комнату, собралась уже встать, и тут раздался звонок. После, восстанавливая последовательность тех минут, Ульяна вспомнила, что, прочитав записку, она хотела скинуть пуховик, разуться, затем принять душ, то есть совершить ряд привычных бытовых действий. Однако какая-то неведомая, но настойчивая сила посадила её в кресло, заставив снять напряжение последних суток, а затем во благо отворила слёзные заплоты. Ведь если бы не было этих распускающих закаменевшую душу облегчающих слёз, тот звонок мог и добить её...

...Кайя вернулась вечером. Ульяна сидела в кресле, так и не раздевшись, и не мигая глядела в стену. Приход Кайи она, возможно, отметила, но взгляда от той невидимой точки оторвать не смогла, настолько сильным оказалось оцепенение. Что-то стряслось – Кайя смекнула это сразу. Тихонько раздевшись, она подошла к Ульяне, присела на корточки и взяла её за руку. В озябших – с улицы – ладонях рука Ульяны казалась ледяной. Тут главное было не спешить, не паниковать. Кайя поглаживала попеременно руки Ульяны, что-то прищёптывала, меж делом укутала её пледом, даром что Ульяна по-прежнему была одета. Потом разула её, надела на ноги шерстяные чуни – она называла их сибирками, а то декабристскими катанцами. Потом мягко поводила по ушам, по щекам, коснулась лба, словно снимая докучную паутину. И тут Ульяна пошевелилась, наконец-то оторвала свой оцепенелый взгляд от стены и уже осмысленно посмотрела на Кайю. Кайя уже поняла:

– Сергей?

Ульяна кивнула. В глазах её сквозила беда.

* * *

Тот звонок был из штаб-квартиры Иностранного легиона. Мажорный женский голос, последовавший за бравурными позывными, принадлежал пресс-секретарю.

– Я говорю с мадам Ульсен?

– Да, – отозвалась Ульяна. – Разговор шёл по-английски. – Что случилось?

– Ничего особенного, мадам Ульсен. Сообщение от господина Глана. Это была проверка линии. Через пять минут мы вновь с вами свяжемся. До скорой связи.

Ульяна недоумённо посмотрела на мобильник. Сказала «до связи», а сама не отключилась. Уловка? Едва ли. Скорее всего, забылась, отвлечённая кем-то. Ульяна машинально прижала аппарат к уху. Два мужских голоса обсуждали формулировки информации и допустимые её пределы. Ульяна насторожилась, вся уйдя в слух. Речь шла о подразделении, в котором служил сын. Во время патрулирования они попали в засаду. О том успел доложить радист. Потом связь оборвалась, но стрельба ещё доносилась.

– Что с моим сыном? – закричала Ульяна. Вероятно, секретарша заметила свою оплошность и отключилась. Но минуты через две мобильник вновь зазвонил.

– Госпожа Ульсен. Не волнуйтесь. Ситуация под контролем, – затараторила секретарша. – Ваш сын жив. Временно прерывалась связь. Сейчас она восстановлена. Всё в штатном режиме. Всё в порядке. До связи, госпожа Ульсен.

Однако и на этом связь не оборвалась. В трубке раздался мужской голос – говорил один из тех собеседников.

– Госпожа Ульсен, прошу извинить, – он кашлянул, – за... бестактность. Вы вправе иметь полную информацию. Ваш сын жив. В этом можете не сомневаться. Но он находится в плену. Мы прилагаем все усилия для его скорейшего освобождения. Поверьте. Вот то, что возможно сказать на этот час. Ещё раз извините. Всё будет хорошо. Верю и надеюсь. Точнее, надеюсь и верю.

* * *

Ульяна засобиравалась домой. О работе, о заработках не могло быть и речи – всё валилось из рук. Домой! «Хоть на карачках», – твердил Пётр Григорьевич, вот так и она. Дома и стены помогают, тем паче стены родного дома. А ещё Ульяну слёзно потянуло в родной храм – в тихую русскую церквушку, чтобы там, у икон, вымолить своему чаду пощады и спасение.

Балтику Ульяна пересекла самолётом, а из Питера отправилась в свою архангельскую сторону поездом. Колёса стучали заунывную песню. Глядя на белые снега, которые рано меркли под декабрьским небом, Ульяна вспоминала минувшее лето, точнее, канун отъезда сына. Он показал карту, а на ней место, куда предстояло ему отправляться. «Надо же! – задавливая страх, отозвалась она. – Это же места, описанные Гумилёвым. Был такой поэт. Дай вспомню...» Ульяна читала на память стихи, медленно перебирая губами строки, а сердце обмирало, и она боялась только одного – лишь бы не разрыдаться. А здесь, в поезде, ей уже не надо было таиться и сдерживаться. Что предчувствовала –стряслось. Она только отвернулась к окну, которое совсем уже померкло, и стала снова вспоминать памятные строфы. Читала теперь про себя, а огоньки за окном вагона всё размывались и размывались, пока совсем не потеряли очертаний.

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

*Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озёр.*

*Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полёт.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.*

*Я знаю весёлые сказки таинственных стран
Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.*

*И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

Ульяна не отступила и довела стихотворение до конца, словно исполнила некий обет. Но странное дело, дважды сбивалась на одной и той же строке. Вместо «изысканный» твердила «пленительный» и ничего не могла с собой поделать. Потому что так наставляли колёса:

*пленительный бродит жираф...
пленительный бродит жираф,
пленительный бродит...*

34

Мобильник тоном перегруженного трансформатора проуркал сообщение. Оно, скорее всего, поступило с номера сына. Однако Ульяна не торопилась его открывать.

Когда такое произошло через день после разговора со штаб-квартирой Иностранного легиона, она аж вскрикнула. «Серёженька! Мальчик мой! Жив!» Сообщение было короткое: «Всё о'кей. Служба идёт. Лейтенант Глан». Ульяна тотчас связалась с Парижем, дескать, что же вы говорите?! Вот же эсэмэска; всё у него в порядке, никаких причин... Увы, её ожидало разочарование. Тот самый военный – полковник Санти – хорошо поставленным и в меру предупредительным голосом – объяснил, что

в среде их военнослужащих существует правило: отправляясь в командировку, они набивают тексты эсэмэсок, а таймер с заданной периодичностью их «выстреливает». Вот так, видимо, обстоит дело и с эсэмэсками лейтенанта Глана. Что же касается реальности, то новостей пока нет. Но как только они появятся, штаб-квартира немедленно известит об этом госпожу Ульсен.

Ульяна отрешённо глядела на мобильник. Подсветка давно погасла, но текст читался. И она всё ещё не верила, никак не хотела верить, что это техническая уловка, что это не сын несколько минут назад набирал текст, а сработал счётчик, который послушно, и точно автомат мороженого, выдал порцию утешения. Отщёлкав череду сообщений, Ульяна стала их последовательно перечитывать, пропуская эсэмэски дочки. И что же оказалось? Тексты сообщений от Сергея варьировались четыре раза и поступали на её мобильник с периодичностью в три дня. Колонель Санти оказался прав.

Странное дело. Сын никогда не лгал. Либо молчал, не выдавая правды, либо выкладывал всё без утайки. А теперь, выходит, слукавил. Лукавство во благо, обман во спасение – так это, кажется, называется.

* * *

Деревня встретила Ульяну снегами и стужей. В избе было стыло, как на улице. Она с трудом разживила печь и так возле заслонки и сидела, подставив огню спину. Её знобило. И от холода знобило, и от бесконечного ожидания. Она никак не могла согреться, сколько ни куталась, ни пила чаю. Лишь к вечеру на печи в овчинных ворохах да уже отдающем печном тепле Ульяна немного оживела.

Вот так же много лет назад она лежала на печи у бабени Паладьи, которая приветила её с грудным Серёжей. Серёжа сопел, не ведая ничего о том мире, в который явился. А она, уже многое изведавшая, тихо и беззвучно плакала.

На просторную – для большой семьи – печь забралась бабеня. Умостив на тёплых камнях старые косточки, Паладьи завела разговор. У гостюшки горе: родима матери на порог не пустила. Чем подсобить? Как утешить? То о своей юности, замужестве баяла – там всякое бывало. То о дочках да сыновьях... А напоследок, смекнув, что боль Ульянину снять не удастся, надумала старая растворить её в общем котле.

«Эко, деушка, чего творится ноне. И не война, кабыть, а всё будто гражданска... Воюем да воюем... Али порода у нас, у русских, така – всё сердцем, всё нутром?! Калим друг дружку и калим. Всё, вишь, по правде натъ, даром что та правда витая да гнутая, что вон батог вересковый... Девка парня не полюбила али, хуже того, разлюбила – он ружьё в рот и пулей-то полголовы... Али што страховитей – стрелит под ейным окном, чтобы уж разом и её... Али батька, бывает, – лихоимец, всю родню в кулаке держит, пикнуть никому не даёт... А то – сын наперекор батьке, чуть что – за вожжи, а опосля – и за вилы... Свекрови невестка не пришлась – поедом будет есть... Зятю тёща поперёк – он – на жену с кулаками...»

Бабеня тягуче вздохнула, явственно переживая представленные и, видать, памятные картины.

«Кажись, чего надо! – продолжала она. – Всем ить места хватит. Земля-то вон кака! Отойди – не теснись. Здесь – твоё, здесь – моё, здесь я царую, сюда без приглашения не ходи, но и я не ступлю на твоё. Дак и что? Да в заводе такого нету. Всё боем, всё горячкой... А конец один – али тюрьма, вон на Сахалин ране гонили, – али смерть...»

Старуха поворочалась, не то обминая лежанку, не то дожидаясь отзыва, а потом, словно спохватившись, что в неурочный час нагнала того боле мраку, принялась себя очурывать.

Нет, не везде так. Сохранились ещё остатки добросердечных племён, кои лелеяли свой лад в глубинах тайги, по далёким приимным речушкам, петляющим среди болот да буреломов. Там, в стороне от торных путей, они вынынчивали свои вековые правила, по которым старому почёт, а молодому планида. И оттого вырастали от веку покладистые да степенные мужики и ласковые да многогородные жёнки. А доброхотство это передавалось из колена в колено, не растрчиваясь. И туда норовили отдать замуж девушек, а то и парня в примак посылали.

Голос Паладьи окрасился ласковыми попевками, будто отведала из родника живой водицы. Да сама же опять и пригасила его. Ведь не осталось, считай, такого доброхотного семени даже и по нашим северным окрайкам. Вымерла реликтовая порода. Одних красным палом сожгли. Других война скосила. А доконала то древо богоданное, заразив и выточив сердцевину его, уголовная шашель, что высеялась из многочисленных лагерных зон...

Напоследок, уже засыпая, Паладья тихо обронила:

«Ты на мать-то не сердчай, Улюшка. Мать дак... Теперича сама мати... Опосля поймёшь...»

А в утрах, уже на крыльце, подав узелок со снедью, старая Паладья благословила её:

«Окрести ребящёнка, Улюшка. Как уж там... а окрести. И сама окрестись».

И ночью, и в утрах Ульяна слушала бабеню, а вроде и не слышала, убитая горем. У неё погиб любимый, отец новорождённого. От неё отвернулась мать, а значит, и вся семья. Сердце плакало от тоски и каменело от обиды. А выходит, всё осталось, сбереглось в памяти и душе, коли сейчас, на печи, она вспомнила то, что слышала тридцать лет назад.

* * *

Известий от сына по-прежнему не было. Сообщения из штаб-квартиры, хотя и регулярные, разнообразием не отличались: «Лейтенант Глан всё ещё в плену», «Ваш сын жив, госпожа Ульсен, тому есть подтверждения», «Мы всё держим под контролем, мадам Ульсен»... А эсэмэски «от сына», поступавшие по воле таймера, взрывались, как бомбы с часовым механизмом. Ульяна их ждала, в ожидании напрягалась, а они всегда настигали врасплох.

Долго не решалась Ульяна сообщить о беде дочери. Остерегалась, что Ларка отзовется чем-нибудь поспешным, поверхностным, а то и фривольным, едким или пошлым. С неё станется, ведь язык у Ларки без костей: брякнет – не задумается. А зачем ей, матери, такие слова, которые ранят и без того усталое сердце.

Ульяна ошибалась. Неожиданно для себя она получила от дочери поддержку. Сказать, что в той эсэмэске было много сочувствия и сострадания, она не могла. Но текст свидетельствовал о волнении: не два-три слова – целых пять предложений. Такое было впервые. Ульяна исследовала эсэмэску, как врач рассматривает кардиограмму. Она вчитывалась в слова, оценивала их порядок, анализировала, что находится между ними. Первое ощущение её не подвело, потому что следом – не в ответ даже – пришла ещё одна эсэмэска. Дочка сообщала, что ездила в соседний штат, где есть православная церковь, и заказала молебен, естественно, о здравии. Ульяна до того растерялась, что даже не нашла, что ответить. Отбила, с трудом различая буквы на мобильнике, только два слова: «Спасибо, доченька!»

Сама Ульяна молилась о сыне непрестанно. Она ездила в монастыри – Сийский, а потом дальше – в Веркольский. Обошла все окрестные церкви, где теплился огонёк веры. Не по разу ездила в областной центр, где стояла на службе во всех храмах...

А ещё она стала навещать свою – разорённую и осквернённую деревенскую церковь. Затепливала свечу, раздвигая церковные потёмки, которые отягощали зимний сумрак. Ставила перед собой маленький складень и молилась. А помолившись, принималась за уборку. Хламу в поруганном храме было немерено. Битый кирпич, обломки и обрезки досок, остатки земли от картофельных клубней, мешковина, куски толя – чего там только не было, чего не скопилось за годы беспомыслия. Даже бюст Ленина, покрытый серебром, лежал.

Уборку в храме, как и приборку в доме, Ульяна повела методично. Освобождала один придел, потом другой. При этом не просто вытаскивала мусор и хлам наружу, а сортировала. Кирпичи, которые могли пригодиться, выкладывала возле стены, так же отбирала доски. Негодное сносила в яму, где когда-то находился ледник, а горючий хлам складывала в костёр, чтобы потом спалить.

Своей службы Ульяна не оставляла и в самые лютые морозы. Несмотря на стужу, упорно шла в храм. Молилась и работала. Работала и молилась. И так каждый день.

Ближе к весне, когда маленько потеплело, Ульяна принялась за двери да рамы. Где скобелем, где рубанком, где топором – художник ведь любым инструментом должен владеть, даже если у художника женские руки. А она к тому же – деревенская. Навыки натоделной работы – от папушки, да и материнское наследие в руках не иссякало. Даже стёкла стала вставлять.

Деревня на хлопоты Ульяны глядела молча. При встречах на улице никто из земляков ничего не говорил и не спрашивал. Ну, работает жёнка, убивается, чего скажешь на это, коли охота дак... Но где-то в феврале, когда в былые времена начиналась деревенская страда и перво-наперво крестьяне-колхозники вывозили на поля наём, в церковь пришли Манефа Гаревских и её сестра. Оглядели своды, стены и, особо не спрашивая, сами нашли, что делать. Скоблили стены, убирая непотребные надписи. Потом принялись за полы. Манефа крикнула нового доможила – неказистого, но хватисто-

го мужичка – велела ему развести костёр да заварить в молочном бидоне воды. А потом, когда вода поспела, принялась вместе с сестрой скоблить да намывать полы. Вехоть с дресвой отчищал плахи, как наждачная бумага. А вода в ведре с каждой сменой оставалась всё светлее.

На дым костерка, на голоса у церкви потянулись и другие обитатели деревни, кто ещё не покинул отчину-дедину и земной мир. Всем дела хватило. Работали слаженно, дружно и сами себе дивовались. Что-то радостное было в этом труде, как бывало в поры общинной работы – сенокоса ли, уборки урожая. Но и как-то по-особенному, словно намывали ни много ни мало небеса, словно отмывали от вековой грязи мир Божий.

35

Ульяна вымолила-таки сына. Вырвала его из беды. Был знак. Однако час встречи затянулся. С последнего свидания минул почти год, прежде чем они увиделись вновь.

Изменился ли сын за эти долгие месяцы? Ульяна вглядывалась в черты родного лица, в глаза сына, примечала жесты, повадки. Но определить так и не могла. Как будто особых изменений не произошло. Замкнутый, неразговорчивый? Так он всегда был таким. От первого его крика, отчаянного крика новорождённого, до первого слова, им произнесённого, прошло четыре года. Шутка ли! Думала, уж совсем будет немым... То, что на лице его не отражается чувств, так тоже понятно: научился управлять своими эмоциями так, что даже по глазам ничего не прочитаешь. Белые отметины на руках и предплечьях – тоже не внове. Дрогнули её губы уже тогда, когда увидела исполосованную белыми шрамами спину. Но и тут взяла себя в руки: это в чередё прочего.

В день приезда они сидели с Сергеем за столом. Поглядев в окно, сын кивнул на ближний островок, который её подручные-студенты ещё прошлым летом обратили в подобие лодки: что это? Ульяна проследила за его взглядом:

– Островок-то? Да вроде плавсредства. От алых парусов мои гаврики отказались. Иное поколение. Обратили в лодку. Там и спасательный круг был. Половодьем унесло. Хотели на тех брёвнах написать «Харон», да я отговорила: слишком мрачно. «Стикс» – обидно для Двины. Назвали «Обол». Видишь, красным...

– Обол? А что это?

– Монета такая. Кажется, оловянная. Её вкладывали покойнику в рот. Плата Харону за перевоз в царство мёртвых.

Реакция у сына была военной.

– Хм, – отозвался он и метнул взгляд в телевизор. Лакеи из масс-медиа там наперегонки вылизывали пучеглазого олигарха: – А этому тоже оловянный, ежели... – Сергей прищёлкнул языком.

Лишних вопросов Ульяна сыну не задавала, он этого не любил, только всё смотрела да украдкой вздыхала. Поразили её его тренировки. Приехал на отдых, а носится как угорелый. Кроссы по просёлочным дорогам проходили вне видимости. О нагрузках свидетельствовали только мокрые майки, шорты да хлюпающие от пота кроссовки. Но заплывы проходили на глазах. Ульяна не помнила, чтобы кто-то из деревенских мужиков, даже силачей, отважился перемахнуть реку в их местах. А Сергей умудрялся без передышки сплавить на тот берег и обратно, а иной раз и повторить такой заплыв. Ещё больше поражала его зарядка. Все эти растяжки, шпагаты, перевороты, сальто, которые доступны гибким, «гуттаперчевым», с детства тренирующимся гимнасткам, казалось, без усилий продельвает и он, уже матёрый, тридцатилетний мужик. А прыжки в высоту через щитовой барьер!

– Сколько же это, Серёжа? – Она вскинула руку.

– Немного, ма, – отозвался он.

– И всё-таки?..

– Мировой рекорд двадцатилетней давности.

Для тренировок Сергей использовал всё, что попадалось на глаза. А на повети устроил из подручных средств настоящий тренажёрный зал. Самым опасным и коварным снарядом здесь был «маятник», как то ли он назвал, то ли она определила. Тележное с железным ободом колесо Сергей привязал к стропилам и, раскачав его, вставал на пути. Да не просто вставал, следя за размахом «маятника», а при этом делал комплекс упражнений, отклоняясь корпусом влево, вправо и подчас видя приближающийся снаряд лишь боковым зрением. Но самое жуткое наступало тогда, когда он

отворачивался спиной и угадывал грядущий удар, который приходился по позвоночнику, в самую последнюю секунду.

Ульяна вскрикнула, тайком наблюдая за этими истязаниями, а после, не выдержав, упрекнула.

– Не смотри, – был ответ. А потом, уже за столом, объяснил: – Когда без тебя, я ведь это делаю. Это надо, маме. Если бы я не делал этого, не владел бы так телом, разве бежал бы из плена, из того каменного мешка, будь он неладен! – И, помешкав, добавил: – Может, этого как раз не хватило отцу...

Он не был бесчувственным, её сын. Но жизнь его по какой-то странной планиде теперь была подчинена войне, где не допускалось места чувствам. Во имя чего шла та война? Что он отстаивал на том поединке? Добро? Но разве может быть добро в чистом виде, если война идёт на чужой территории? Разные племена, разные традиции – они и сами подчас не могут объяснить, в чём корень их противоречий. А тут ещё сторонние интересы, борьба за недра – за нефть, за алмазы... Нет там чистой правды, сынок. Это вот дед твой воевал за правое дело – Родину защищал. А ты-то кого?

Ульяна подумала, но не сказала, не посмела сказать. Однако решительно повела сына на родовые могилы. Рассказала о всех кровниках. Строго и просто. Особо, конечно, о деде-солдате, своём папушке. Ей было важно это. А сыну? Видимого отзвона в лице Сергея она не заметила, словно ничего не связывало его с этими крестами и памятниками. И тут она не могла оправдать его даже тем, что он всегда такой – замкнутый и отстранённый.

Возвращались с кладбища молча. Ульяна сокрушалась, но виду старалась не показывать и волю слезам дала только в своей горенке. Она мысленно корила сына, упрекала за бессердечность, равнодушие. Таким ли был его отец! И вдруг осеклась. А на каких дрожжах он вырос, её сын?! Разве не война стала его люлькой?! Да что люлькой! Война свила гнездо в её утробе, на его детском месте. Даже, может быть, в миг зачатия. Игорь был ещё с нею, был в ней, а уже шёл приказ о его отправке – направлении в погибельную даль.

...Дни отпуска пролетели мигмом. Казалось, только что встретились, обнялись, а надо уже расставаться. Ульяна была сама не своя. Не успела наглядеться, толком поговорить. Где уж тут понять что-то... И всё-таки перемены в сыне не ускользнули от её сердца. Сергей стал ещё суровей. Может, поэтому она остереглась позвать его в церковь, которую обустроивала. Убоялась его холодности и, как следствие, – своего сокрушения. Потом-то она жалела об этом и каялась. «Как же так, Ульяна, – корила она себя. – Здесь, под этим сводом, ты молила за сына, к Богу взывала, а сына в Божью обитель не привела?!» Зато снова обратила его к своим художественным затеям – перформансам и инсталляциям. Два года назад она бы не нарадовалась, что сын помогает обустроить деревенское пространство, сколачивая планшеты, щиты, каркасы. А нынче испытывала какую-то смуту. Поначалу-то думалось, что это от жалости, чувства вины: сынок, мальчик её настрадался, а она – со своими нуждами. Но после смекнула, что причина, скорее, не в нём, а в ней. Ведь того первоначального задора и вдохновения, с которыми она приступила к художественному преобразению деревни, в ней уже не было. Да и сын явно подостыл к этим затеям. Нет, просьбы матери он выполнял: что-то сколачивал, строгал, вбивал. Однако «без энтузиазма», как сам признался. Мало того, затею с оживлением деревни он назвал утопией. А потом и затею, и всё, что уже сотворено, оценил ещё жёстче – «мартышкин труд». Ульяна не перечила. «Мартышкин труд» – это все её усилия, все мечты и упования. Может быть. Но ведь выходило, что надежды нет и для окружающего – ближнего и дальнего. Значит, всё, что ни делается, – пустое дело? Всё – «мартышкин труд»? Да, без пощады рубил Сергей. И всё, что в стране – происходило и происходит, – тоже.

– Открой глаза, маме, – показал он на телевизор, шли новости из Москвы. – Где тут делатели? Где тут власть? Вот этот? Или вот этот? Полно! А эти картинки об успехах? О нано и модерне? О-нанизм! Ты же художник, маме. Разве ты не видишь, что всё вылизано языком подхалимов, лгунов и прохвостов?! Не жизнь, а имитация, сплошная и многослойная лакировка действительности.

Ульяна была удручена и соображала плохо. Про картину мира, нарисованную сыном, она ещё помнила. А вот то, что он сказал о какой-то картинке из её галереи, в памяти не отложилось. Ни в памяти, ни в сердце...

Сын был во многом прав. Ульяна и сама кое-что стала понимать. Это началось с пьяных, но честных слов областного чиновника. Продолжилось оценкой соседа-доможила: тот бросил ехидную фразу

«Турусы на колёсах», имея в виду телегу с парусами, что входила составной частью в её экспозицию. А завершилось всё сыновним приговором.

Ульяна мысленно соглашалась, что все эти паруса, даже и алые, не принесут ожидаемого – возрождения родной деревни. Жизнь – не сказка, это факт. Но ведь и без сказки в жизни нельзя. Она была убеждена в этом. Иначе разве могла бы считать себя художником?!

Не оставляя своих художественных упражнений, Ульяна всё больше сил отдавала восстановлению церкви. Здесь, особенно в погожую погоду, она пропадала дни напролёт. Трудилась много и, казалось, без усталости. И сама себе удивлялась, как полётно ей работается.

После церковного упряга Ульяна выходила на угор и с тихой радостью окидывала взглядом открывающиеся во все концы дали. Чего тут не хватало? Живности. Всё чаще она стала задумываться, что не инсталляции да перформансы могут по-настоящему украсить живописные луга, а живые коровушки. Так, как было в её детстве.

Жёнки-доярки, пусть уже в годах, как Манефа, или её, Ульяны, ровня ещё оставались в деревне, стало быть, сбереглись и навыки. Нужна была база, то есть ферма. Коровники, строившиеся из силикатного кирпича, огромные, мощные, были разрушены, частью увезены проворными людишками для своих нужд, частью прибраны соседним совхозом-техникумом. Восстановить их было невозможно, да и бессмысленно. Ульяна подумывала о лёгком утеплённом дворе, в котором стояло бы десятка два холмогорок. На первое время достаточно. Но где на этот коровник сыскать деньги? Взять кредит? А что положить в залог? Родительский дом? Так он не покроет того кредита. Занять частным образом? А вдруг прогоришь? А не вернёшь – долговая тюрьма. Одолжить у детей? Тоже не выход. Как и что объяснишь дочери, коли связь только эсэмэсками? А просить у сына – и вовсе страшно. Это ведь деньги, заработанные на войне, на чьей-то, возможно, – она боялась даже думать – крови...

Оставалось одно – живопись, искусство, её художественные навыки. Скопить на вернисажах, которые ей устраивала в Скандинавии верная подруга Кайя, да на перформансах, заявки на которые по-прежнему поступали на электронный адрес агентства «Арт Амон», – вот тот путь, который определяла Ульяне жизнь.

* * *

Очередная поездка в Скандинавию затянулась почти на три месяца. Ульяна устала, вымоталась, но была довольна – удалось хорошо заработать. До заветного ангара – скотного двора – доставало совсем немного. Но в конце августа она внезапно свернула все дела и махнула домой.

Что же сорвало Ульяну? Отчего так спешно она покинула Скандинавию? Из Норвегии пришла страшная весть. Некий Андрус Брейвик расстрелял из автомата почти восемьдесят человек. Случилось это на острове Утойя, где когда-то она, Йон и дети отдыхали в кемпинге. По дороге Ульяна услышала «Немецкую волну». В Германии тоже полно мерзостей, и как тут в своё оправдание не вставить шпильку «скандинавским партнёрам». Оказывается, Брейвик – сам жертва: его с малолетства пустили по «приёмным семьям», где он нахлебался грязи по уши. А потому, возненавидев порядки, заведённые в стране, и взял в руки оружие возмездия. Но больше всего Ульяну зацепило то, что убийца оказался ровесником её сына. Холодом опануло. В состоянии тревоги, каких-то смутных предчувствий и опасений возвращалась Ульяна домой. Почему-то не радовали даже заработанные деньги, которые сулили скорые перемены. А приехала в деревню – и батюшки светлы! – не узнала её.

Под берегом стояли мощные катера и баржи. На угорах, в проулках, за околицей – всевозможная техника: тяжёлые джипы, огромные фуры для перевозки габаритных грузов, тягачи, трелёвщики – чего тут только не было. Правда, порядок держался армейский, не абы как, а в линейку, если стояло две-три машины. А ещё пестрели камуфляжем просторные армейские палатки. А ещё – по мачте поняла – передвижная армейская радиостанция.

Вся эта картина вызывала оторопь и опаску. Деревенские на улицу не казали носа. Колыхнулась тревожно занавеска на окне Манефы – знать, смотрела, а выходить не решалась. Зато повсюду ходили уверенно-озабоченные чужие люди. Облачённые в полувоенный камуфляж без погон, в импортной выделки охотничьи костюмы, холёные, крупные, решительные, они напоминали пришельцев – десантников с НЛО.

Возле родительской избы стоял чёрный джип. На него Ульяна глянула мельком: кроме недоумённого отращения, эта каракатица ничего не вызывала. Зато издали обратила внимание на крыльцо.

На верёвке висела одежда. Футболка цвета хаки, обычного армейского цвета, ни о чём не говорила – таких много. Но вот ветровка была наособицу: украшенная народными африканскими узорами, она явно принадлежала Сергею, он в такой приезжал прошлым летом после плена. И, уже не мешкая, Ульяна устремилась к дверям.

Сын сидел в передней вместе с двумя незнакомцами, облачёнными тоже в хаки. Они смотрели в ноутбук, что-то обсуждали, делали пометки на какой-то схеме. При появлении Ульяны Сергей поднялся.

– О, мам!

Следом поднялись его напарники. Отрекомендовавшись, они обменялись с Сергеем взглядами и удалились. Мать с сыном обнялись. Взгляды их – его несколько возбуждённый деловой и её тревожный – пересеклись.

– Что это, Серёжа? – опасливо спросила она и повела рукой, имея в виду и избу, и его окружение, и всю деревню, уставленную техникой.

– О, мам, – пропел и почти увлёк её в танец сын: – О, мам-блюз, о, мам-блюз...

Таким она никогда его не видела. Ей бы радоваться – в кои-то веки сын улыбнулся и даже всхотнул – но она ещё больше озадачилась и вопрос повторила.

– Всё тип-топ, мам! Всё тип-топ! – отшутился Сергей, от него пахло спиртным. – Перформанс, какой тебе и не снился! Ты знаешь, какие тут люди! Э-э! Тут вся Москва и Европа в придачу. Или наоборот? – последнее он кинул своему приятелю, заскочившему за забытым беретом. – Впрочем, кому как нравится. От перестановки слагаемых сумма не меняется. Верно?

Глаза острые, ноздри раздуваются. Мужик мужиком. А давно ли, кажется, сидел на коленях?! Давно ли словечка не мог вымолвить?! И радостно это, и грустно. И ещё почему-то тревожно. Что он затеял, Сергей?

Ульяна принялась распаковывать вещи, но неожиданно бросила, заслышав рёв автомобиля, и вышла на крыльцо. Сергей, перекрывая шум движка, переговаривался с одним из своих компаньонов. Речь шла о какой-то конструкции, которая требует дополнительного крепежа. Ульяна дождалась, когда тот уйдёт, и спросила сына, что они делают. Это же её деревня. Она здесь родилась. Здесь её дом. Кому же, как не ей, знать, что тут готовится.

– Хорошо, мам, – ответил Сергей. – Вот там, – он показал на зады, в сторону лесной опушки – будет экран во всё небо. На экране изображение. А слева будет воспроизведение того изображения. Живое. Зримая песня, так сказать. Что ты, мам! Это будет грандиозно! Не зря же съехались все тузы. Все, мам... Тут ведь такие есть. – Он повёл подбородком, точно уже не хватало рук.

– Но кто это разрешил, кто дозволил? – Ульяна не могла ничего понять и пыталась добиться какой-нибудь ясности.

Сергей усмехнулся, ткнул пальцем на зады дома. Там в крапиве лежал какой-то человек. Ульяна только сейчас его заметила. Явно пьяный, измазанный в зеленях, заблёванный – она не сразу признала в этом куле того сухопарого областного чиновника, который характерным скрещиванием рук напоминал футболиста. Сейчас его руки были безжизненно раскиданы, а сам он походил на живой труп.

– Мам, мы это всё купили.

– Кто мы?

– Мы – это я и мои единомышленники, партнёры по бизнесу. Документы без сучка без задоринки. Вот она может подтвердить. – Сергей показал пальцем на фигуру в камуфляже. Ульяна с трудом узнала в ней Танкетку, районную, комсомольского разлива, чиновницу. Ишь, как расфуфырилась, теперь и впрямь как танкетка: грудь что пулемётные пупыри, задница как переполненные бензобаки, а рука кренделем, и на гаке этом, как на буксире, висит какой-то заезжий, тоже в камуфляже.

Ульяна вернулась в избу. Стала собирать на стол. Сына покормить, да и самой с дороги не мешало перекусить. Но опять всё оставила, вытерла руки, скинула фартук, набросила на плечи неприметную куртку и задами вышла из дома.

Она двигалась к брезентовому ангару, который стоял на отшибе. Почему-то именно это не очень видное среди обилия яркой техники сооружение притянуло её с самого начала. Шла осторожно, прикрываясь кустарником, складками луговины, точно не дома, точно в чужом стане. Опасения её оказались не напрасны. У дверей ангара – они смотрели на лес – топтался охранник. Оружия, похоже, при нём не было. Но глаза вострил, ушки были на макушке – и приглядывался, и прислушивался, обходя ангар по периметру. Ульяна, приникая к земле, подобралась к сооружению сбоку. Брезентовая обо-

лочка состыкована была крепко, но в одном месте на самом низу ткань оказалась надорвана, видно, её чем-то зацепили. Ульяна осторожно отогнула уголок. В лицо пахнуло животинной. Она приникла к отверстию глазом. В ангаре горел свет, кто-то там ходил, стучал каблуками. Глаз обтерпелся. Не каблуками, поняла Ульяна – копытами. Вдоль стен и посредине стояли вольеры, а в них – господи ты боже мой! – чего-то тревожно ожидали антилопы, зебры и – что самое диковинное – жирафы. Ей не померещилось – посредине ангара, под гребень крыши были поставлены жирафы. Тут донеслось покашливание, охранник, видать, на ходу закурил и сейчас должен был появиться из-за ближнего угла. Ульяна шмыгнула в кусты, подождала, пока караульщик не скроется из глаз, и, приседая, бочком-бочком поспешила обратной дорогой.

«Вдали он подобен цветным парусам корабля...» Строчка вертелась неотступно, словно колёса поезда. Ульяна вернулась к дому. Вечерело. Воздух посвежел, загустел. Она села на крыльцо. И вдруг ясно представила прошлое. Вот здесь, на этих ступенях, тридцать с лишним лет назад она сидела возле папушки, тихо поглаживала его раненое плечо, спину, а он что-то говорил – со слезой, стоном и кашлем рассказывал. Что он рассказывал? Что вспоминал? Свой последний бой. Это было в Германии, в предместьях какого-то большого города возле... зоосада. Всё кругом горело. И к вольерам подбирался огонь. Животные и звери, мечась по тесным клетушкам, выли, кричали, визжали и плакали. И среди них жирафы. Шеи длинные, глаза, точно блюдца, а из них – слёзы. Папушка, тогда рядовой Трофим Артамонов, хотел помочь – муклой сердечной было для него видеть погибающую животину, словно родная коровушка пропадала среди других. А как ведь иначе деревенскому человеку?! Сам погибай, а кормилицу выручай, коли в беду попала. Сунулся Трофим Артамонов к вольерам, а от туда – снайпер...

Ульяна зашла в избу. Сергей сидел возле ноутбука, что-то печатал или искал. На кромке стола стояла чашка, из которой он то и дело прихлёбывал. Ульяна подошла и молча на него уставилась. Он не сразу оторвался от занятия и поднял голову. Взгляды их встретились, он понял застывший в глазах матери вопрос.

– Это деньги, мам. Большие деньги. Там, – он похлопал себя по спине, напоминая о шрамах на собственной шкуре, – я этого не заработаю. А здесь... Один час – и куча денег... Мы тут всё отстроим, мам. Всё. И ферму, и школу, и детсад. И церковь выстроим. Для этого надо выместить тех футболистов, – он мотнул головой, имея в виду чиновный вехоть, что валялся в офсайде, – всю эту футбольдскую команду, всю снизу до верха по всей вертикали. Всех до единого. Но прежде, мам, – он поднял указательный палец и завершил тираду свистящим шёпотом, – их надо подоить...

Ульяну знобило, полная смятения, она поднялась в свою горенку. Присела возле темнеющего окна. С улицы доносились резкие голоса, чужой, нездешний смех. Из утробы зверообразного джипа раздавался тяжёлый рок – музон для людей с тяжёлыми комплексами. Ульяна задёрнула занавеску, включила свет. Взгляд её потянулся к картине Петра Григорьевича. Она как-то потускнела, померкла, словно подёрнулась болезненной дымкой, пеплом. С чего бы? Взгляд Ульяны скользнул ниже. Там темнело пятно. На этом месте висела репродукция, а теперь темнел прямоугольник невыцветших обоев. А где же картинка? Сергей! Да, прошлым летом он мимоходом обмолвился, что взял какую-то картинку. Что же тут висело? Она обежала взглядом репродукции и вспомнила: Дали. Это была репродукция с картины Сальвадора Дали, и называлась она «Горящие жирафы». Ульяна похолодела. Она повесила работу Петра Григорьевича – портрет родного дома – над этой репродукцией? Собственными руками повесила? Не может быть! И сама же себя осадилась: может, Ульяна! Всё так и было: и репродукция, привезённая много лет назад в родной дом; и папушка при виде неё, скорчившийся от боли; и портрет дома, повешенный как раз **над** «Горящими жирафами»...

Стало совсем зябко и муторно. Кутаясь в шаль, старую вигоневую материнскую шаль, Ульяна вышла из избы. Гремела канонада хеви-металл. Почудилась война. Опять вспомнился папушка.

Ульяна вышла за калитку. На пути к ангару она обратила внимание на палатку, от которой приторно пахло. Сейчас она устремилась туда. Палатка стояла на остатках фундамента молочного склада. Сюда в детстве Ульяна сносила излишки молока. Пеструнюшка обильно доилась. Теперь пришьельцы устроили здесь склад ГСМ. Ульяна отогнула полог и включила фонарик. На бочках красным по жёлтому полыхнула надпись. Это был авиационный бензин...

Проза

Галина Чудинова

Галина Васильевна Чудинова – прозаик, литературовед, публицист. Кандидат филологических наук. Автор нескольких книг. Кавалер ордена Достоевского III степени (2013). Член Пермской краевой общественной организации СП России с 2015 года. Публиковалась в журналах: «Литературная Пермь», «Сибирский старообрядец» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Всерусский Собор» (С.-Петербург), «Крылья» (Луганск), «Берега» (Калининград). Публицистические очерки и рассказы были опубликованы на порталах: «Российский писатель», «Русская народная линия», «Новый социализм XXI века», «Луганский информационный центр», «Луганск-1», «Окопка.Ру», на авторской страничке Проза.Ру. Трижды – с 2015 года – приезжала в Донбасс и писала очерки о каждой поездке. Более десяти рецензий на луганские альманахи и книги писателей Луганска и Донецка стали её поддержкой современной, талантливой литературе Донбасса.

ПЛЫВУЩИЕ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Рассказ

С превеликой радостью смотрела Марина Сергеевна на каждого, кто входил в церковь поздно вечером 31 декабря 2021 года. Знакомые, родные лица! Вот престарелая мать с болящим сыном приехали за восемьдесят километров, а вот – весь родственный клан с противоположного берега Камы, из Закамска. Лёгкой походкой вошёл студент-выпускник, все годы учёбы проживший при Храме, совмещавший учёбу с работой да помогавший при этом многодетной родительской семье в Шамарах. Прибыл уставщик и певчие-крылошане, появились оба батюшки – протоиерей Никола, настоятель Храма во имя Святителя Стефана Пермского и священник о. Георгий. Раскатисто зазвучал-загудел колокол: ровно в десять вечера началось полунощное бдение, ставшее для многих прихожан уже доброй традицией.

Молились в эту ночь Святому мученику Внифантию, исцеляющему людей от пьянства и прочих грехов. Мысленно попыталась Марина Сергеевна представить себе его Житие. То было порубежье с третьего на четвёртый век новой эры от Рождества Христова, времена правления императора Диоклетиана. Вольными были нравы тогдашнего Рима, однако тайное учение Христа, входя в силу, уже противостояло всем видам разврата.

Знатная римлянка Аглаида порой любила посещать невольничьи рынки, и в один из дней приглянулся ей выставленный на продажу молодой красивый раб, чей облик, исполненный внутреннего достоинства, привлёк внимание сразу нескольких покупателей. Завязался торг, и своевольной дочери проконсула пришлось выложить немалую сумму за свою прихоть.

– Не вздумай убежать! – строго предупредила она юношу, садясь в богатую повозку и поручив стражнику его охрану.

– Госпожа, – учтиво поклонился он, – вижу, что служить тебе – воля богов.

– А коли так, разрешаю тебе найти занятие по душе, – улыбнулась Аглаида, уже восплававшая к красавцу тайной страстью.

Неделя понадобилась Внифантию, чьё знание языков и ум удивили римлянку, чтобы обойти сады и поля в обширном имении своей хозяйки, посетить все службы и мастерские, потолковать с десятками людей – вольнонаёмными и рабами.

– Тебя постоянно обкрадывают, госпожа, – сказал он ей в один из знойных полдней, когда Аглаида возлежала в беседке под сенью дерев в саду. – Вот книга, где сделал я записи того, что

производится в имении и что вывозится отсюда на продажу. Посмотри на разницу в ценах: твой управитель наживается вместе с помощниками.

Оттолкнув записи, разгневанная Аглаида позвонила в колокольчик, сбежались служанки и стражники.

– Управителя выпороть плетью, заковать в цепи, отвезти на рынок и продать в рабство. Негодяй заслуживает смертной казни, но я вновь являю свою милость. А ты, Внифантий, с этой минуты будешь распоряжаться моим имением!

Едва новый управляющий приступил к своим обязанностям, как дела круто пошли в гору, доходы увеличились, Аглаида стала одной из богатейших женщин Рима. Вскоре стала она вечерами приглашать Внифантия в свои роскошные покои, угощать изысканными блюдами да лучшими винами из своих погребов. Его отчёт о каждодневных новшествах в имении был лишь поводом для встреч: желание избалованной, искушённой римлянки молодой мужчина читал в её глазах. Аглаида была лет на семь старше его, молодые служанки заглядывались на Внифантия, взоры их щедро обещали ему свои ласки, но, помня судьбу прежнего управителя, новый отвергал все соблазны, пока в один из вечеров, выпив поданного хозяйкой какого-то особого вина, он уступил её греховной страсти.

С тех пор они всецело – без оглядки – предавались винопитию и блуду. При этом Внифантий от природы был человеком добрым и щедрым, с радостью оказывал он гостеприимство порой заходящим в имение странникам, а отправляясь по делам в город, любил раздавать милостыню неимущим.

Так пролетело нескольких лет, пока Аглаида однажды не услышала от христиан, что человек, почитающий мощи святых мучеников, по их заступничеству получит от Господа прощение грехов. С годами всё острее ощущал своё падение и Внифантий, и вот Господь дал ему возможность кровью искупить грехи. Повеление хозяйки отправиться в Малую Азию, где христиане подвергались жесточайшим гонениям, приобрести там святые мощи и привезти их в Рим – стало долгожданным и обрадовало его.

– А что, госпожа, если я не найду мощей и привезу тебе собственное тело, будешь ли ты почитать меня как святого? – улыбнулся ей слуга.

– Сейчас не время для шуток, – с укором ответила Аглаида. – Поспешి отправиться в путь!

И вот во главе многочисленной свиты, имея при себе много золота, Внифантий прибыл в город Тарс в Киликии с искренним желанием забальзамировать останки святых и с почестями перевезти их в Рим. Согласно Житию, он немедленно направился в амфитеатр, где в то время происходила жестокая казнь двадцати христианских мучеников. С ужасом наблюдал управляющий имением Аглаиды, как одного из них разрывали на части, привязав за руки и за ноги к четырём столбам, другого подвешивали вниз головой, третьих яростно бичевали, а иным раздирали бока железными крючьями. На призывы отречься все они оставались тверды и непоколебимы в вере, что поразило Внифантия в самое сердце. Позабыв о прошлой нечестивой жизни, в слезах бросился он к стопам мучеников, благоговейно облобызал их оковы и во всеуслышание объявил, что отныне он также является последователем Христа.

Внифантия доставили на суд к правителю Тарса: с презрением отверг он служение идолам, а вскоре был отвезён в цирк, где по молитвам святых мучеников переносил различные истязания с таким бесстрашием, как будто уже покинул этот мир и был чужд собственному телу. По легенде, ему вонзали под ногти заточенный тростник, лили в рот расплавленный свинец, опускали в котёл с кипящей смолой, но никакие мучения не могли сломить его дух. С радостью выслушал он вынесенный ему смертный приговор, осенив себя крестным знаменем перед казнью.

Спутники Святого Внифантия поначалу искали его в питейных местах, но позже местный палач рассказал им о казни римлянина. Они выкупили его тело за пятьдесят фунтов золота и с почётом доставили в Рим.

В это время явился Аглаиде Ангел Господень и произнёс: «Встань и иди навстречу тому, кто был твоим слугой и товарищем в блуде, а ныне стал нашим братом. Прими его как господина, ибо благодаря ему простятся тебе все твои грехи». С радостью в сердце женщина снарядила пышную свиту, чтобы достойно встретить святые мощи ещё на пути в Рим. Так в точности исполнилось невольное пророчество, произнесённое Святым Внифантием перед отъездом. Вскоре построила Аглаида на месте встречи святых мощей большую и красивую церковь во имя мученика, и в ней на протяжении веков совершались многочисленные чудеса. Сама же она, раздав всё своё состояние

нищим, всецело посвятила себя подвигам благочестия. Бывшая блудница почил в мире тринадцатью годами позже, и все прегрешения её прошлой жизни изгладились заступничеством Святого Внифантия.

Размышления Марины Сергеевны о неисповедимых путях Господних прервали залпы фейерверков в первом часу ночи. Небо над особнячками близ церкви расцветилось мириадами бенгальских огней и вспыхнувших петард. Гулкие хлопки звучали один за другим, посылая вверх синие, зелёные и багряные россыпи. Бесовская красота, видимая из окон, на пару секунд заморозила её, но женщина тут же перевела взор на иконостас, где сами лики святых, казалось, осуждали огненную вакханалию в дни поста.

Вспомнилось староверке, что по указу Петра Первого празднование нового года перенесено было с середины сентября на первое января, как на излюбленном царю инославном Западе. Пётр повелел украшать дома ёлками и хвойными лапами, зело пить, гулять до полнейшего опьянения, запускать петарды да шутихи. Всех противников греховных нововведений ожидали лютые расправы, начало которых положил его отец, Алексей Михайлович Романов. Пожалуй, не было в русской истории большего царя-антихриста на троне, любившего жестокие пьяные оргии, уничтожившего треть работоспособного народа, но не было и другого правителя, так неоправданно возвеличенного западными и отечественными борзописцами. Как же, Пётр Великий, портрет которого украшает рабочий кабинет Путина! Китайцы, как и ревностные исламисты, напрочь отвергли бы всякие попытки переноса нового года, а мой горестный русский народ, подумалось Марине Сергеевне, лучше согласится вымирать, чем отказаться от новогодних празднеств, фейерверков и возлияний.

* * *

В ночь на первое января года две тысячи двадцать второго Владыка Евфимий молился в больной палате Святому Внифантию.

– Отдохнул бы, батюшка, поспал, – с укоризной молвил заглянувший к нему доктор. – Сердечко у тебя слабое, понадобится ещё одна операция.

– На всё воля Божия! – продолжал молитвы Владыка, вспоминая непростой свой путь к истинному Православию. В кратких перерывах между молитв видел он себя мальчонкой из села Шатки Горьковской области. Отец его содержал семью, работая научным сотрудником в ядерном центре: воспитанием детей, старшего Жени и младшего Саши, в основном занималась мама – медсестра по профессии, с детства привившая сыновьям трудовые навыки. Школу Евгений окончил в Арзамасе в 1976 году и сразу же устроился токарем на электромеханический завод. Ему – как не вступившему в комсомол молодому парню – поступление в институт было закрыто, пришлось полтора года поработать токарем. Зато узнал, что такое рабочая специальность и как дороги заработанные своим трудом деньги.

Следующей вехой на его жизненном пути стала армия, сначала сержантская школа под Симферополем, потом полтора года под Евпаторией. Служба в Крыму отнюдь не оказалась синекурой.

– Все отдыхают, – вспоминал Владыка, – а мы бегаем взводом по жаре тридцать два километра. Бывало, из тридцати человек выдерживало десять...

Отслужив в армии, устроился Евгений лаборантом в ядерном центре, поступил в техникум в Арзамасе, закончил первый курс на одни пятёрки. Женился, стал отцом двух дочерей, но мечта о высшем образовании не отпускала талантливого парня. Пришлось вступить в комсомол, и только после этого удалось ему поступить на вечернее отделение в Арзамасский филиал МИФИ. В школе у Евгения математика и физика всегда шли на отлично, учёба в институте давалась ему легко. На контрольную по черчению обычно давалось два часа: быстро делал он своё задание да помогал ещё девяти однокурсникам. Даже дипломную написал без отрыва от основной деятельности. Закончил МИФИ с красным дипломом, и – более того – его дипломной работе было присвоено второе место среди всех прочих работ выпускников. Получил премию, устроился научным сотрудником в ядерный центр, где работал его отец. К тому времени его рабочий стаж был изрядным, но реализовать себя в полной мере удалось не сразу. Рвения к комсомольской деятельности у него не было ни малейшего: дважды пытались его выгнать из комсомола, а к двадцати семи годам он сам вышел оттуда.

– Жил, как и все в советские времена, – вспоминал Владыка, – не был крещён, а брата крестила бабушка. Мои родители – с реки Ветлуги, из заволжских кержацких деревень. Заходил в деревню, где жила бабушка, она брала меня с собой на молитвы, скорее всего – беспоповские. Когда речь заходила о вере в Христа, никониане о нас говорили: «Это староверы, что с них взять?» А мы о них: «Это никониане, что с них взять?» Ныне все заволжские деревни вымерли, но всё, что было заложено у меня в детстве, всплыло!

Прийти к Богу мне помог удивительный случай. Отличаясь редкой добросовестностью во всех делах, я сам разработал и собрал установку, на которой проводил научные эксперименты. В канун памятного для меня дня мне приснился сон, что лежу я в могиле, а справа и слева – усопшие. Вверху – полупрозрачная земля. В тот драматический день с восьми до десяти утра я, как обычно, готовил установку. Дальше – по расписанию – должны были быть эксперименты и обед, после – проверка. Но в тот день я явственно услышал чей-то голос: «Пока не напишешь красными буквами на стене “03”, не начинай работу!» Конечно, не придавал этому значения, но странности продолжались. В десять я прилип к табуретке и целый час не мог оторвать от неё ног. При первом же наборе тока возникла нештатная ситуация – ток триста килоампер, или сорок киловатт.

Я отключил всё, стал проверять приборы, искать причину. Полез наверх под потолок с тестером. Дотрагиваюсь до прибора, меня бьёт током. Пытаюсь отдернуть руку – и не могу! И тут что-то подлетает ко мне, вытаскивает провод через фаланги пальцев. Я падаю со шкафа вниз – прямо на рулон резины, который по стечению обстоятельств положили накануне прямо под шкафом. Помню, как я падал вниз вертикально, но мой напарник-лаборант, бывший десантник, видел, что я летел горизонтально, потом упал. Вся кровь ушла в стопы. Я остался жив, но на правой руке и на обеих ногах, когда с них сняли носки, оказались отверстия – через них выходил ток. Тестер расплавился и согнулся. В этом происшествии для физиков было много непонятных вещей. Коллеги не понимали, как я вообще остался жив, после такого удара током. Поначалу никто не мог вспомнить номер вызова скорой – 03, наконец вспомнили. Пролежал я какое-то время в больнице, перешёл на другое место работы и вновь услышал внутренний голос: «Бросай это дело, иди к Богу!»

Поставили меня быть руководителем молодых дипломников, а голос твердит – или к старообрядчеству. А где искать староверов? Пошёл в библиотеку, нашёл, что в Москве есть Рогожский посёлок и кладбище, но туда не поехал. Потом в Костроме нашёл старообрядческий Храм, там меня встретил о. Василий Терентьев и направил в Арзамас к отцу Алексею Думнову. В ту пору я уже был с бородой, а росла она у меня быстро. Бывало, в армии побреюсь, а к обеду опять борода вырастала. Офицеры даже велели мне всегда иметь при себе бритву. Когда я женился, то догола сбрил бороду, потом отращивал снова. Видно, был мне на то знак свыше.

Помню, что жена Лариса была из семьи очень активных коммунистов: они даже выходили с флагами на Красную площадь. Будучи в профсоюзе, Лариса постоянно подшучивала над моей политической неграмотностью. Расхождения во взглядах нарастали, углублялись, однако мы договорились, что поставим на ноги детей. Обе наши дочери закончили институты, и мы с женой мирно разошлись: каждый пошёл своим путём по дальнейшей жизни. Отец Алексей Думнов окрестил меня, стал я ходить как мирянин в арзамасскую старообрядческую церковь, потом стал читать священные книги. В субботние и воскресные дни ночевал при Храме, там с огромным интересом слушал рассказы бабушек, особенно Марии Анфиногеновны, матери отца Алексия. Она заставила меня читать псалмы – от простых чтений к сложным, – стал я читать Апостол. К 2004 году читал каноны и Апостол.

К тому времени митрополитом стал Владыка Андриан, при нём развернулась большая кадровая работа в старообрядчестве. Владыка узнал мою биографию и решил вызвать меня к себе. Четвёртого июня 2004 года приехал я в Москву, в Рогожскую слободу, где Владыка поставил меня в диаконы. Тогда-то я понял, что воле Божией сопротивляться нельзя, но надо многому учиться. Я ещё работал в институте, но понял, что со служением Богу это несовместимо: в курилке – мат, анекдоты – от всего этого надо было срочно уходить.

– Будешь и диаконом, и сторожем при церкви, – услышал я в Арзамасе, – будем давать тебе поначалу и маленькую денежку за службу.

Так стал я служить, а заодно изучать архивные материалы о старообрядчестве. Любил залезать на колокольню, читать там книги да любоваться на окрестности.

Помню, как в 2005 году Владыка Андриан совершил поездку на Дальний Восток с протодиаконом Виктором Савельевым, постоянным своим помощником. По окончании её Виктор предложил Владыке взять меня с собой в поездку по Уралу, подробно объяснив при этом, что и как нужно делать. Вначале мы приехали в Екатеринбург, где провели общее собрание уральских староверов, потом отправились в Шамары, там от часовни Священномучеников Константина и Аркадия сплавлялись по реке Сылве на лодках. После наш путь лежал в Очер, Верещагино, Пермь, заезжали мы и в небольшие деревенские церквушки. Я очень волновался, мало спал, вникая во все тонкости службы, присутствовал на освящении храма в Менделеево. Для меня это был настоящий марафон, который закалил меня: в ходе его я освоил архиерейско-диаконскую службу.

Едва я вернулся в Арзамас, как Владыка Андриан снова вызвал меня в Москву на Совет Митрополии, поставил вторым секретарём Совета. Последующие события моей жизни развивались стремительно. Помню, как о. Евгений Чунин не советовал Владыке идти на Великоорецкий крестный ход, но митрополит пошёл, возглавив колонну верующих, и скончался во время хода от сердечной недостаточности. Я оставался в Москве, и вскоре при новом митрополите, Владыке Корнилии, в июне 2006 года меня поставили в священники. На Соборе в Белой Кринице – кандидатом в епископы, а вскоре по воле Божией я стал епископом Казанским и Вятским. Объехал все приходы епархии, особенно любил сельские, вроде того, что в Кильмезе, укрепил вятское священство.

Помню, как решением октябрьского Освящённого Собора 2018 года меня поставили во главе ещё и Уральской епархии с её обширными землями, охватывающими Западный, Средний, Восточный и Южный Урал. Сразу же посетил я ряд приходов, в том числе Оренбургский, один из самых отдалённых. Но особенно понравилась мне Пермь, порадовал просторный Храм во имя Святителя Стефана Пермского и его прихожане, где каждый по-своему талантлив. После инфаркта в ушедшем тяжёлом 2021 году пришлось мне расстаться с Уралом, да только душа рвётся туда...

Вновь заглянувший в палату доктор увидел молящегося Владыку, а чуть позже поделился откровениями с медсестрой:

– Это же старовер, что с него взять!

* * *

К вечеру первого января стали известны трагические последствия новогодней ночи. В Рязанской области при запуске ракеты погиб полковник МВД, ему оторвало голову. Погибший полковник приехал из другого региона РФ в гости к знакомым, чтобы отпраздновать Новый год. В Набережных Челнах петарда разрушила балкон в одной из квартир, вызвав пожар. Красноярске из-за искры от фейерверка сгорела квартира. В подмосковных Химках петарда взорвалась в руках 15-летнего подростка. У него травмированы пальцы, осколки петарды повредили лицо. Подростка госпитализировали. По данным МК.RU, ему оторвало два пальца на правой руке. Прокуратуре предстоит установить место приобретения петарды, будет проверена её сертификация и качество.

Пять человек получили ранения из-за пиротехники в Нижегородской области. По данным регионального управления МЧС, троих из них пришлось госпитализировать первого января. 43-летнему мужчине в Нижнем Новгороде обожгло руку бенгальским огнём, его отвезли в Институт травматологии. 39-летнему жителю города оторвало фалангу пальца на правой ладони, его отвезли в больницу. Туда также попала 39-летняя женщина, глаз которой был травмирован взрывом петарды. Более десяти человек в Москве получили ожоги и травмы из-за неосторожного обращения с пиротехникой. Нескольких пришлось госпитализировать в московские клиники.

В Татарстане в городе Набережные Челны шальная петарда пробила балконное остекление квартиры на пятом этаже. Хозяйка квартиры рассказала, что фейерверки запускали из машины. В балконное окно залетела петарда и раздался взрыв – балкон, полностью обустроенный, разворочен: горели кресла, плавился линолеум, выбило окно, везде разлетелись стёкла. «Гады, хорошо повеселились, устроили праздник», – возмутилась женщина.

В Иркутске из-за неосторожного обращения с пиротехникой загорелся дом. Из него эвакуировали семьдесят трёх жильцов. Горела обшивка на уровне шестого-восьмого этажей. Пожар локализовали на площади 60 кв. метров. В Красноярске на втором этаже жилого дома из-за фей-

ерверка загорелась квартира. Петарду запустили во дворе дома. Пожарные эвакуировали десять человек, из них четверо детей.

За первые два дня 2022 года к медикам по всей стране обратились тысячи пострадавших от неосторожного обращения с пиротехникой – с ожогами и тяжёлыми травмами. И только те, кто плыли в новогоднюю ночь против мутного течения общероссийской жизни, сохранили телесное здоровье и душевное спокойствие.

Проза

Геннадий Гусаченко

Геннадий Гусаченко – окончил филологический факультет Дальневосточного государственного университета, журналист-востоковед (японский язык). Военно-морскую службу проходил на подводной лодке Тихоокеанского флота, работал оперуполномоченным уголовного розыска во Владивостоке, электриком на китобойных судах, учителем в сельской школе, егерем в уссурийской тайге, корреспондентом в газетах Приморского края и Новосибирской области, машинистом электровоза на Западно-Сибирской железной дороге, офицером-воспитателем в кадетском корпусе. Богатый жизненный опыт и несомненный талант позволили ему опубликоваться практически во всех современных литературных журналах и создать фундаментальные романы: «Жизнь-река», «Рыцари морских глубин», «Покаяние», «Китобойная одиссея», «Долгая дорога в Рай», «Ротмистр Олиферов», «Слуги Люцифера», сборники рассказов: «Тигровый перевал», «Венок Соломона», «Вещий сон» и др.

ЧЁРНЫЕ БРАТЯ

Рассказ

Плавзавод «Всеволод Сибирцев» сиплыми гудками давал о себе знать в сотне миль западнее Броутона, небольшого острова в Южной группе Курил. За кормой океанского монстра в страдные дни путины тянется неровная цепочка сейнеров, ожидающих выгрузки рыбы на плавбазу. Крошечные силуэты рыболовных судов, с полными трюмами сельди осевших в воду по ватерлинию, чуть видимые издали, напоминают глупышей, бултыхающихся в волнах. После удачной поставки сетей капитаны, наперекор штормовой погоде, стремились кратчайшим путём прийти к плавбазе, к причалу рыбокомбината. Это сравнимо с полевой жатвой, когда водители грузовиков, наполнив кузова зерном из бункеров комбайнов, торопятся на хлебоприёмные пункты, невзирая на бездорожье и осеннюю распутицу.

Промозглой апрельской ночью, захваченные тайфуном «Шерли», мы идём проливом Уруп к плавбазе с трюмом, что называется «под завязку», набитым рыбой. Наш пузатый СРТ – средний рыболовный траулер, неуклюже переваливаясь с борта на борт, то зарывается тупым форштевнем в пенящиеся волны, то с невероятным трудом, словно взмыленная лошадь, везущая в гору тяжёлый воз, взбирается на вздымающийся перед судном штормовой вал, чтобы снова ринуться с него в кипящее море. Огромные волны с шумом перекатываются через палубу, к радости боцмана отмывая её от рыбьей чешуи, с грохотом ударяются в фальшборты, сотрясают облезлый за шесть месяцев путины, в пятнах ржавчины корпус. Солёные брызги хлещут по стёклам задраенных иллюминаторов, долетают до ходового мостика. Корма сейнера то оседает в воду до лееров, напрягая машину, то взлетает на гребень высокой волны, оголяя бешено крутящийся винт. На тысячи миль вокруг непроглядная ночь с морозящим, вперемежку со снегом, дождём, с завывающим в снастях встречным, дующим с Охотского моря ветром. Вода течёт с капюшона, прикрывающего мокрое лицо, струится по складкам прорезиненной армейской плащ-палатки, купленной мною на базаре в Курильске. Мои руки, держащие штурвал, немеют от холода. В ожидании конца «собачьей» вахты, я всё чаще подношу к глазам часы, всматриваюсь в светящийся циферблат. Кажется, стрелки замерли, не двигаясь с места, но размеренное, чуть слышное тиканье не вызывает сомнений: часы идут! Как утомительно долго тянется время вахты, и нескончаемыми представляются дни, недели, месяцы промысловой путины.

В рассеянном дождевой пеленой луче прожектора изредка мельтешат чайки. Ничего не вижу перед собой, кроме заливаемого волнами полубака и вздымающейся палубы, освещённой тусклым светом топовых огней. Я неотрывно смотрю на картушку компаса, то и дело норовящую крутнуться

влево – вправо, потому что волны швыряют судно, сбивают с курса. Лёгким поворотом штурвала удерживаю непослушную картушку, а значит, и судно, на отметке 270 градусов. Справа по курсу, всего в десяти милях от нашего штормующего «рыбака», во мраке ночи притаились скалистые утёсы Чёрных Братьев – двух вулканических островов с остроконечными семисотметровыми вершинами, окутанными клубами ядовитого дыма. Сколько парусных ботов, шхун, кочей, шлюпов разбилось на предательских камнях Чёрных Братьев, не видимых в ночи, в тумане, вынесенных на них неистовыми бурями и ураганами. Ни на миг не расслабляясь, не забывая о невидимых во тьме Чёрных Братьях, молчаливо курящихся до поры до времени, чтобы когда-нибудь извергнуть из кратеров потоки огненной лавы, ещё крепче сжимаю рукоятки штурвала. Пристальное внимание к дрожащей картушке компаса во время такой дикой качки сродни быстрой езде на автомобиле: задремал на секунду за рулём – и авария неизбежна.

Я стою «собачью» вахту вместе с опытным штурманом Петром Петровичем Мельниковым, бывшим капитаном траулера, затонувшего зимой в Олоторском заливе Камчатки. Обледеневший сейнер с трюмом, вот как у нас сейчас, полным сельди, опрокинул ураганный шторм. Команде удалось спустить на воду надувные плоты и спастись на них. Портовое начальство признало Мельникова виновным в гибели судна. «Не выбросил за борт груз... Не сколол намерзающий глыбами лёд... Не принял во внимание метеосводку... Не обеспечил...» – гласили строки приказа о лишении П. П. Мельникова капитанского диплома.

Всецело полагаясь на верный компас, я мечтаю о тёплой каюте, о горячем чае, о шерстяном одеяле, под которое, приняв душ, заберусь и под drobный стук дизеля с нервным дребезжанием переборки провалюсь в глубокий сон, пока громыхающие на трапе сапоги матроса Ивана Буряка, идущего будить смену, не возвестят о начале новой вахты. В который раз я думаю о мужественных мореплавателях, ходивших этим проливом под парусами, без грохочущего дизеля, без радиолокатора и навигатора, без точных морских карт. Наяву ощущая, как в дикой качке палуба уходит из-под ног, мне не составляет труда представить бедственное положение тех моряков, застигнутых штормом. Ночь... Ураганный ветер, треплющий, рвущий в клочья паруса... Неуправляемый корабль, относимый волнами на скалы... Прибой, с оглушительным гулом перекатывающий камни, разбивающий деревянное судно в щепки... Но более всего я мечтаю, чтобы прекратился свирепый шторм, чтобы утихомирилось море, стало гладким, как в тропических широтах, и тихим. Когда я вслух выразил эту мысль, штурман усмехнулся:

– Если бы в море была тишь да гладь, тогда бы здесь одни лодыри плавали и прочие хитрованы, любители прохладиться на лёгкой работе... Это про них сказано: «Кто в море не бывал, тот горя не видал».

За семь путин по добыче рыбы я так и не привык к качке. Морская болезнь изматывает тошнотой. Всякий раз, бросаясь к обрезу – жестяной банке из-под галет – с позывами рвоты, проклинаю день и час, когда поступил матросом на сейнер. В такие минуты уверяю себя, что всё, последний рейс и больше никогда не поднимусь на палубу, пропахшую рыбой. В глубине души знаю: вернёмся в порт, поброжу по твёрдой земле, широко расставляя ноги, и тоска по морю вновь приведёт на причал, заставит взойти на борт, встать к штурвалу траулера, где нет выходных и праздничных дней, где все работают как одержимые, где нет места боли, усталости, унынию, страху, отчаянию. Я с затаённой завистью смотрю на вахтенного помощника капитана, не подверженного морской болезни. Со спокойным видом, словно и нет ревущего шторма, Мельников развалился в кресле, привинченном к полу. Прикрывая лицо полкой плаща, штурман поглядывает на репитер компаса и, скорее по привычке, чем по необходимости, бросает короткое: – Не рыскать на руле!

– Есть не рыскать! – отвечаю, хотя и так изо всех сил стараюсь держать надоевшие мне 270 градусов на верхней отметке компаса.

Мельников спускается в штурманскую рубку, уточняет координаты, сверяется с картой, просматривает окружающее нас мрачное пространство на экране локатора. Вернувшись на мостик, усаживается в кресло, строгим голосом предупреждает:

– Точнее на руле! На траверзе остров Брат Чирпоев... Семь миль до Чёрного Брата... Черти с квасом съели бы этого родственничка и не подавились!

– Есть точнее на руле! На румбе – двести семьдесят!

Откинувшись к спинке кресла, Мельников прикрывшись от дождя, от брызг плащом.

– Петрович, – нарушил я молчание, чтобы отвлечься от дурноты морской болезни. – Кто и почему назвал эти острова Чёрными Братьями?

Мельников молчит. То ли задремал штурман, то ли говорить громко, перекрывая шум ветра, не хочет. Но вот он откинул полу плаща, пристально посмотрел на репитер компаса, потом на меня и, не найдя причин сделать рулевому замечание, сказал, вернее сказать прокричал:

– Василий Головин на шлюпах «Диана» и «Камчатка» в начале девятнадцатого века исследовал Курильские острова... Вероятнее всего, он Чёрными окрестил Чирпоя и Брата Чирпоева... Опасные для мореплавания острова в Южной группе Большой Курильской гряды... Брат Чирпоев, мимо которого сейчас идём, пять километров в длину и почти столько в ширину... А другой Чирпой и того меньше: чуть больше трёх километров в ширину и в длину... По три семисотметровых вулкана на каждом. Пресной воды на них нет... Узкий пролив Сноу разделяет зловредных братков... Ширина его всего чуть больше мили... Да ещё в нём островок Морской Выдры и несколько скал, торчащих из воды, на которые легко напороться... В общем, ничего, кроме неприятностей, Чёрные Братья морякам не сулят... Голые камни, застывшая лава... Вечно курятся... Издали всегда чёрными видятся... К слову сказать, находились, смельчаки, ходившие проливом Сноу...

– Сноу? Это кто? Мореплавателю?

– Генри Сноу? Хозяин зверобойной шхуны... Лет сто назад или больше этот предприимчивый англичанин промышлял в проливе морских котиков... Лежбища у этих ушастых тюленей здесь... Меха у них очень ценятся... Байка есть, что якобы именно Сноу послужил прообразом капитана Ларсена в романе Джека Лондона «Морской волк». Так ли это, не могу утверждать... Во всяком случае, смелый моряк был Сноу... Были и другие смельчаки, кто, сокращая путь до плавбазы, ходил между Чёрными Братьями... Один такой сорвиголова на Итурупe живёт... Илью Муромца видел?

– Богатыря на картине Васнецова?

– Да нет... Водопад на Итурупe... Самый высокий в России... Высота падения воды с него – сто сорок один метр! Могучий водопад! С неприступной горы Дешон низвергается прямо в океан. Грохот от него далеко слышен... За то и назвали его именем русского богатыря... Увидеть его можно только со стороны моря...

– Жаль... Не довелось увидеть такое чудо природы... Только в толк не возьму, Петрович... Чёрные Братья и водопад... Что к чему? Какая связь между ними?

– Самая прямая! Дело в том, что сорвиголова тот летом у подножия горы в бамбуковой хижине живёт... Бывший капитан сейнера, а ныне пенсионер Геннадий Дмитриевич Савельев... Митричем его зовут на Итурупe... От корреспондентов, от туристов у Митрича отбоя нет. На своём катере возит любителей экзотики к Илье Муромцу... Сувениры из бамбука им продаёт: циновки, корзинки, панно, засушенных крабов и морских ежей... Пограничникам, браконьерам, перекупщикам рыбы, кальмара, крабов он лучший друг. Японцы, айны есть на острове... Не всех выселили после войны... Общаясь с ними, Митрич так поднатерел в японском, что на их языке договаривается о сбыте японцам лосося, икры, креветки, крабов... А уж те своим передают условия договора... И всем навар, все в барыше... Квартира у Митрича в посёлке Буревестник... Только дома его застать непросто... Мотается он по всему острову на своём джипе... В прошлом году в августе мы зашли на Итуруп заправиться пресной водой, пополнить танки соляром. У пирса в посёлке Рейдово на швартовых поскрипывал канатами сейнер, с которого сбежал... капитан! В разгар сайровой путины! До Шикотана рукой подать! Для рыбаков там самый денежный сенокос в это время года, а «Кальмар» без капитана стоит. Забавная история с ним вышла... И вот какая...

...В интересах читателей я позволил себе придать рассказу штурмана Мельникова некую художественную форму, стремясь, однако, в точности отобразить подробности курьёзного случая, происшедшего с безвестным мне капитаном СРТ.

Представьте мысленно картину маслом: маленький сейнер, одиноко стоящий у причала на фоне суровой, но живописной природы Южных Курил. Вершины высоких вулканов, вознёсшихся к пасмурному небу... Горные склоны, зеленеющие хвойными и широколиственными лесами. Ели, пихты, лиственницы, дубы, калопанакс, черёмуха, вишня, перевитые лианами... Непроходимые заросли бамбука на побережье... Множество водопадов... Скалистые утёсы... Представили?! Тогда вместе с журналистами, художниками, туристами и прочими искателями приключений виртуально перенесёмся в своих романтических мечтах на край света, на Итуруп, в небольшой город Курильск...

...В августе на Южных Курилах установилась обычная в этом месяце ясная солнечная погода. Прохладный ветерок с Охотского моря освежал западную часть Итурупа. На восточном побережье острова, покрытом тропическим бамбуком, напротив, чувствовалось тёплое дыхание Тихого океана. Синие зубцы островерхих вулканических гор окаймляют горизонт на севере. Где-то там, вдали, среди скалистых утёсов низвергаются водопады, и в разноголосых птичьих базарах тонет грохот прибоя.

В один из таких благодатных дней по кривой и пыльной улочке посёлка Китовый шёл человек в форме капитана морского флота. После длительного плавания в штормовом море его ноги ещё не отвыкли от постоянной качки, и моряк шагал не торопясь, вразвалочку, широко ступая по твёрдой земле. Был он средних лет, подтянут, русоволос, коротко стрижен, гладко выбрит, в наутюженных брюках, в кителе с шевронами. Начищенные до зеркального блеска туфли, белоснежная сорочка и чёрный галстук с золотой заколкой-якорьком дополняли опрятный вид моряка, для которого морская честь превыше всего. В одной руке капитан нёс ящик-«разноску» с плотницким инструментом, в другой держал «мицу» – фуражку с «крабом», которой обмахивал потное лицо. У крайнего домика, напоминавшего старый амбар, огороженного почерневшим от дождей штакетником, сохранившим кое-где следы зелёной краски, моряк остановился, поставил ящик у расхлябанной калитки. Узкая тропинка, натоптанная между грядками моркови, свёклы, лука, картофеля и капусты, вела к дощатой двери домика. Фанерная вывеска, неровно обрезанная по краям, прибитая над входом, гласила: «Царство Иеговы». Здесь по воскресеньям читались проповеди, проводились молебны, богослужения, собрания секты исследователей Библии, свидетелей Иеговы. У забора «царства» в бурьяне копошились куры. По огороду слонялись молчаливые члены общины свидетелей Иеговы. Грязные оборванцы лениво рвали траву, выбрасывали охапки сорняков через изгородь. Белокурая девица в спортивном костюме, перегнувшись в поясе, склонилась над морковной грядкой. Занятая прополкой, она искоса, скорее из любопытства, поглядывала на незнакомца. В Курильске, в посёлках Китовый, Рейдово, Буревестник полно моряков, морской формой здесь никого не удивишь.

– Вот они, безропотные свидетели Иеговы... Изнуряют себя непосильным трудом в наказание за содеянные грехи, – тихо проговорил капитан. – Приобщимся же и мы к богоугодному делу.

Сказав так, пришелец повесил на забор китель и галстук, водрузил на покосившийся столбик фуражку. Окинув взглядом ловеласа стройную фигурку девицы, капитан мысленно приобнял её за талию, но тотчас, спохватившись, пробормотал:

– Господи, прости...

Утерев лицо носовым платком, надушенным дорогой туалетной водой, моряк произнёс нечто, напоминающее молитву, взял из ящика молоток, несколько гвоздей и глубокомысленно, словно требовалось решить сложную техническую задачу, уставился на обветшалый забор. Горластый петух взлетел на прогнившую прожилину в том месте, где не доставало нескольких штакетов, хлопнул крыльями, отчего забор зашатался, и прокричал своё неизменное «кукареку». Не лучшим образом выглядел и домик «царства Иеговы», глядевший на залив парой небольших окон с разбитыми стёклами. Крыша «царства» прогнулась, у стен валялись обломки шифера с бугорками застарелого мха.

– Н-да-а... – покачал головой капитан, обозрев «царство» глазами человека, привыкшего видеть во всём безупречный флотский порядок. – Не блещут дела в общине... Требуются немалые материальные затраты, чтобы обрести здесь душевный покой и смирение.

Подняв оторванную штакетину, валявшуюся неподалёку, капитан приложил её на прежнее место в заборе. Прежде чем вогнать в неё гвоздь, порывшись в карманах висевшего кителя в поисках пачки сигарет «Bond» и зажигалки. Вспомнив, что бросил курить, тихо ругнулся, попытался приладить штакетину к прожилине, однако та не прилегала, мешал торчавший ржавый гвоздь. Капитан достал из ящика гвоздоёр, подцепил им гвоздь, нажал, но выдернуть не смог. Капитан выругался сильнее, поняв, что гвоздь не поддаётся, забил его, часто промахиваясь по шляпке. От трухлявой прожилины в разные стороны разлетались щепки. Наконец, старая штакетина прилегла как нужно, капитан воткнул в неё новый гвоздь, ударил по нему молотком. Гвоздь стрельнул в траву. Капитан выдал по этому случаю целую тираду терминов на морском сленге, произносимую им прежде с мостика сейнера на нерасторопных матросов. Он наживил в штакетину другой гвоздь, ударил по нему, но опять не совсем удачно. Воткнувшись немного в доску, гвоздь загнулся, и сколько ни бился моряк над ним, пытаясь выправить, упрямый гвоздь никак не желал подчиниться.

– Да и чёрт с вами... – сплюнул капитан, как попало всаживая в штакетину один за другим ещё несколько загнущихся гвоздей. К сказанному он хотел добавить солёную морскую поговорку, однако обет, данный свидетелям Иеговы не сквернословить, не позволил выразиться непристойно. Капитан с состраданием к самому себе и с сожалением посмотрел на фанерную вывеску «Царство Иеговы». Таким же образом, неумело, но с одушевлением он ударял молотком до тех пор, пока, разгорячившись, не саданул по большому пальцу на левой руке.

– Чёрт бы побрал этот забор и всех иеговых свидетелей вместе с ним! – глядя на «царство», вскричал взбешённый капитан, зажимая в ладони ушибленный палец. На сей раз он не сдержал переполнявшие его эмоции и «выпустил на волю» сборище лохматых, бородатых, рогатых и прочих парнокопытных из преисподней. Приколотив ещё пару штакетов, капитан решил, что для спасения души в этот благостный день сделано им немало. Он устало присел на скамейку возле калитки. Рука потянулась за сигаретой, но тотчас безвольно упала: китель висел на заборе. К тому же капитан знал: в кармане, куда так хотелось запустить пальцы за пачкой «Bond», было пусто. Мысли, одна мрачнее другой, навевали щемящую тоску. «Всего лишь три дня прошло, а как будто вечность не курил... – подумал капитан. – Не выпил ни одной кружки пива... Не ел мяса... Нет уж... Если вступил в царство свидетелей Иеговы, смирись, брат Кирилл, с решением отказаться от греховной жизни, не помышляй о табаке, водке и пиве, о копчёной грудинке и о... Боже! О хорошеньких официантках из ресторана “Утёс”! Да... Салаты из огурцов, помидоров, капусты, редиски с укропом и петрушкой, политые постным маслом, намного полезнее... А чем плохи гречневые, овсяные, рисовые каши? Опять же, морковный сок, варёная свёкла, винегрет, глазунья... Нет... Яйца нельзя... Употреблять животную пищу – грех... Да... Кок Федя, бывало, запечёт в духовке картошечку с ломтиками колбасы и под майонезом, яиц набьёт в неё, зарумянит и горяченькую, с пылу с жару, подаст прямо на противне. А к ней хрустящих солёных огурчиков, груздочков, графинчик с холодной водочкой... О, Господи! Опять я о греховном...»

Капитан оттянул ворот сорочки, оголяя шею прохладному ветерку, дующему с моря. Сквозь тонкую белую ткань сорочки виднелись тёмно-синие полоски тельняшки, обтягивающей крепкую грудь моряка.

– Эх, сейчас бы пива с холодильника, и с пенкой... А после такой изнурительной работы не лишне стаканчик водки пропустить. Известное дело: пиво без водки – деньги на ветер! – вслух мечтательно произнёс капитан, опасливо косясь на вывеску «царства». Он с болью в душе осознал своё неординарное решение вступить в общину свидетелей Иеговы, несвойственное его сильной, волевой натуре уверенного в себе человека. Перед его глазами снова и снова возникало одно и то же видение: летящие в воду бутылки с водкой, с коньяком, плававшие на волнах пачки сигарет «Bond», в отчаянном порыве выброшенные за борт с кормы сейнера. Ещё ему вспомнились смазливые личики хорошеньких официанток в ресторане «Утёс».

– Господи! – вскочил со скамейки капитан, срывая с ограды китель, блеснувший на солнце золотом нарукавных нашивок. Он похлопал по нему с тайной надеждой отыскать в нём завалящую, смятую сигарету и, поняв, что поиски тщетны, воззрился на фанерную вывеску с надписью «Царство Иеговы». – Господи! – ещё громче крикнул капитан, обратив на себя внимание свидетелей Иеговы, работавших в огороде. – Не устою! За что ниспослал Ты мне такие кары небесные? Нет сил стерпеть столь бесчеловечные муки!

Скрипучая дверь «царства» распахнулась, выпуская на свет божий обрюзгшего, неряшливо одетого мужчину в потрёпанном пиджаке, в продранных на коленях джинсах, с рыжеватой щетиной на одутловатом лице. Мятая засаленная шляпа с обвислыми полями прикрывала его лысеющую голову с торчащими на висках седыми волосами. Шкрябая стоптанными кроссовками по тропинке, выходец из «царства» воздел руки к небу. Он увидел стоящего у распахнутой калитки моряка с молотком в руке, издали приветственно помахал ему. Сложив ладони вместе, обратив взор к небу, настоятель секты иеговистов воскликнул:

– Свидетели «царства Иеговы» приветствуют тебя, любезный брат Кирилл! – изобразив пухлыми губами умильную радость, воскликнул он. – Наконец-то ты, отринув все греховные дела и плотские утехы, занялся богоугодным трудом! В Писании сказано: «В поте лица своего будешь есть хлеб твой». Бог возблагодарит тебя, дорогой брат Кирилл, за бескорыстный труд на пользу общине...

– Не ищу от Всевышнего наград... По вашему совету, брат Авессалом, я сегодня работал бесплатно для очищения дурных помыслов... Однако, должен заметить, брат Авессалом, прожилины в заборе

трухлявые... Пора их заменить новыми... Штакетник тоже непригоден... Заборов деревянных сейчас не ставят, а всё больше из цветного металлопрофиля.

Ревностный служитель «царства Иеговы» оставил слова капитана о заборе без внимания. Растянув в притворной улыбке сальные губы, блестевшие после съеденной свиной грудинки, Авессалом отёр лоснящиеся щёки рукавом рубахи, доверительно понизил голос:

– Жизнь верую в Господа даст тебе, сердечный брат Кирилл, возможность всё более полагаться на Бога, доверяться Ему во всех помыслах и поступках... Открывай в молитве Богу все свои сомнения, трудности, радости, заботы и мечты... Твори добрые дела с любовью и верой... Свидетельствуй людям о Боге, приводи неверующих ко Христу, в нашу общину «царства Иеговы»... Костёр хорошо горит, когда поленья собраны вместе. По отдельности они быстро погаснут. Так происходит и с верующими. Праведный верую жив будет.

– Добро, брат Авессалом... Завтра снова приду чинить забор с любовью и верой...

С лица Авессалома сошла вежливо-угодническая улыбка, и оно приняло хмурый, недовольный вид.

– Чинить забор – это хорошо. Но для обустройства нашей общины нужно что-то более значимое... Сотворить доброе дело – это сделать жертвоприношение «царству Иеговы» с любовью и верой, а главное, не сожалея о движимом и недвижимом имуществе, о денежных средствах, переведённых на счёт общины. Твоя разгульная жизнь, беспутный брат Кирилл, теперь в прошлом... Освободись от накоплений, от сейнера своего... Ведь, согласись, от них одни неприятности...

– Да, это так, – вздохнув, кивнул капитан, мечтая о холодном пиве и солёных креветках, о солянке с копчёностями, о наваристом борще с кусками жирной телятины... – Да... Прежде я так жил... Но теперь всё... Баста! Стоп, машина! Начну с нового листа!

– Вот это правильно! – оживился Авессалом. – Продай сейнер, щедрый брат Кирилл, а вырученные за рыболовное судно деньги положи на счёт общины свидетелей Иеговы. Ты войдёшь в семью божьих детей... Христос войдёт в твою жизнь... Бог простит все твои грехи... Ты обретёшь вечную жизнь, начнёшь путь к великой цели, ради которой Господь сотворил тебя.

– До сегодняшнего дня у меня была одна цель – поймать много рыбы, кальмаров, крабов, креветок для нужд народных. Разве не угодным Богу трудом был занят я?

– Э, нет, заблудший брат Кирилл... Ты работал за деньги, чтобы насытить чрево своё неуёмное, потратить их без пользы, – возразил капитану Авессалом, присаживаясь с ним рядом на скамью. От иеговиста мерзко пахло нестиранной одеждой, давно не мытым телом. Моряк с отвращением отвернулся, но служитель «царства» расценил это как нежелание вникнуть в смысл проповеди, которую намерен был донести до глухих ушей нечестивца.

– Зря, грешный брат Кирилл, не хочешь слушать.

– Я слушаю, – прикрывая рот и нос надушенным платком, прогудел капитан. – Да, я работал за деньги... Как все нормальные люди... Прилично зарабатывал...

– И тратил деньги на развлечения... Вместо того, чтобы отдать их нашему братству... Сегодня ты трудился бесплатно для очищения дурных помыслов и для укрепления духа. Скоро осознаешь, что деньги, полученные за выловленную рыбу, тебе не нужны... И сейнер лучше всего продать, а вырученные за него средства передать в нашу общину на общее благо. Готов ли ты искупить свою вину перед Господом за прошлую распутную жизнь и сделать достойное тебя жертвоприношение?

Свидетель Иеговы незаметно поглядывал на сосредоточенно-задумчивого моряка. Сорочка на спине капитана повлажнела от пота.

– Я не один на судне... – глухо проговорил капитан. – Это я бобыль... Ни жены у меня, ни детей... А у всех членов команды семьи, которые надо содержать... Со мной они хорошие деньги имели. Куда им идти с «Кальмара»?

«Ещё немного, – думал Авессалом, – и скиталец морей согласится на продажу сейнера... Интересно, сколько у него денег на счёте в сберегательном банке?..»

Авессалом разинул было рот в нетерпении задать столь волнующий его вопрос, но побоялся насторожить капитана. «Ладно... Повременю... Не созрел ещё новичок для внесения пая в общину...» Вслух сказал:

– Понимаю... Смущается твой дух... Но не сомневайся, благородный брат Кирилл... Божья благодать вытеснит плесень сатанинских похотей... Бескорыстно трудясь в общине нашего братства, ты

сочтёшь за великое благо перечислить деньги за сейнер «царству Иеговы». И возрадуешься своему чистосердечному жертвоприношению, совершённом во имя Господа...

– Да... И возрадуюсь... – машинально повторил капитан, не отрывая взгляда от стройной девицы, распрямившейся во весь рост, чтобы поправить сбившийся на голове платок.

– Кто эта красотка, брат Авессалом, столь старательно рвущая сорную траву?

– Дарья... Сестра во Христе... Одинокая женщина... Муж и сын погибли у неё в автокатастрофе... Работала поваром в ресторане «Золотой рог» во Владивостоке... Продала свою квартиру... Деньги нам в общину перечислила...

– А те три мужика на божьей похожие? Они кто?

– Бывшие предприниматели... Все накопления от бизнеса «царству Иеговы» перевели... Последуй же и ты, славный брат Кирилл, примеру истинных христиан, свидетелей Иеговы... Неправедным курсом ходил ты на «Кальмаре». Продай сейнер другим грешникам, очисти душу от скверны и обретёшь счастье в раю.

Адепт иеговистского учения вынул из-за пазухи замусоленную тощую книжицу с устрашающим названием «Башня Стражи». Похлопал по ней грязной ладонью холёной руки.

– «Башню Стражи» мы получаем от издателей бесплатно... – Авессалом молитвенно сложил ладони: – Да возблагодарит их Господь за столь щедрый дар! В номере... журнала для верующих... Назовём его так... Кстати, изданном миллионным тиражом на многих языках мира... Найдёшь в нём ответ на извечный вопрос: что делать с денежными накоплениями? Прочти, уважаемый брат Кирилл, – вкрадчиво-вразумляющим голосом, каким торговцы на базаре хвалят перезрелые овощи и недоспелые фрукты, наставительно произнёс Авессалом. – Узнаешь, как счастливо живут братья-иеговисты в Штатах и в других странах... Отринув от себя богатства в пользу общества исследователей Библии, они обрели духовную свободу... На странице... Э... Запомнил... Притча мудрого Соломона, царя израильского, о богатстве: «Не заботься о том, чтобы нажить богатство; оставь такие мысли твои. Устремишь глаза свои на него и – его уже нет; потому что оно сделает себе крылья и, как орёл, улетит к небу»... Перечислив все сбережения общине, свидетели Иеговы работают на общину, а та, в свою очередь, заботится об их благе, об отпущении им грехов...

– Напоминает научный коммунизм Маркса... На ум приходят слова из песни советских лет: «Раньше думай о Родине, а потом о себе...» Или ещё: «Всё вокруг колхозное, всё вокруг моё!» – смеясь, заметил капитан, поглядывая на стройную фигурку девушки в «Адидасе» и с граблями.

– Не совсем так, невразумительный брат Кирилл, – досадливо буркнул иеговист. – У нас всё делается по доброму согласию братьев... Никто не принуждает свидетелей Иеговы переводить в общину денежные средства и недвижимость. Дело это добровольное... Если желаешь, чтобы Господь отпустил грехи...

– Откупиться деньгами... Как в Средневековье... Купил индульгенцию, и всё... Безгрешен...

Авессалом вскочил, нервно теребя подол замызганной рубахи, однако желание опутать капитана сектантской сетью охладило его пыл.

– Великодушный брат Кирилл... Ты пока далёк от сущности иеговистского учения. Убедить тебя в необходимости избавиться от бремени частной собственности и вступить в общину на равных правах с братьями совсем не просто, как показалось мне при нашей первой беседе на берегу моря. Там, в компании приятелей-рыбаков, ты пил водку и громко пел: «В дальних причалах чужие огни, ищут кого-то лучи маяка, солёные волны, холодные дни, а в небе горит, горит, горит звезда рыбака...»

– О! Вы знаете эту песню, брат Авессалом? Всю душу она мне переворачивает... Как жить мне без моря? Без сейнера? Без тех надёжных, отчаянных ребят, ждущих моего возвращения на судно? Что я скажу им? Всё... «Кальмара» продаю, а вы гуляйте на все тридцать два румба! Я уйду в секту свидетелей Иеговы... Буду вегетарианцем... «А что это за секта такая?» – спросят они. А я и сам не знаю...

– Американец Чарльз Гейз Рассел ещё в 1870 году основал «Кружок исследователей Библии». Позже в Пенсильвании появилось «Общество Сторожевой Башни, Библий и трактатов». Потом течение оформилось как «Свидетели Иеговы»... В воскресенье в «Царстве Иеговы» состоится собрание исследователей Библии... На этом празднике души мы продолжим нашу беседу.

– В «Царстве Иеговы»? В этой развалюхе? – усмехнулся капитан.

Сектант сделал вид, что не заметил иронии моряка.

– Исследуя Библию, отказавшись от приобретений, личной собственности и денежных накоплений, наши прихожане не считают зазорным молиться в столь бедном помещении... Скромность бытия приближает к Богу... Но я должен покинуть тебя, добрый брат Кирилл... Паства ждёт моей проповеди, – избегая дальнейших каверзных вопросов капитана, прервал беседу Авессалом. Не поднимая ног, шаркая подошвами по пыльной тропинке, сектант удалился в «царство», захлопнув за собой проскрипевшую на ржавых петлях дверь.

Капитан, задумчивым взглядом проводив сектанта, раскрыл «Башню Стражи», отпечатанную в Бруклине на качественной бумаге в цветном исполнении на высоком полиграфическом уровне. Каждую страницу религиозной брошюры украшало фото счастливых «свидетелей» Иеговы. Вот на фоне богато меблированной комнаты негритянская семья пьёт чай... Вот, обнявшись, стоят на палубе яхты молодожёны... Вот с сияющими лицами скачут на породистых жеребцах довольные всем муж и жена... Вот пожилые мужчина и женщина на собственной вилле пьют чай на веранде, уставленной вазами с розами... Вот члены общины на зелёной лужайке играют в гольф... На всех фотографиях «Башни Стражи» безмерно радостные иеговисты, наслаждающиеся роскошью, богатством беззаботной жизни.

– Как же понимать слова Авессалома о скромности бытия, приближающей к Богу? – листая брошюру, с недоумением рассматривал капитан фотографии преуспевающих иеговистов, явно не прозябающих в бедности.

Покачав головой, он заткнул «Башню Стражи» между штaketинами, повязал галстук, надел ту-журку и фуражку, по давней привычке ребром ладони, приставленной к носу, убедился, что «краб» «прямо по курсу», и поднял разноску с инструментом. Прежде чем уйти, вперился глазами в молодую женщину, надеясь, что она почувствует его пристальный взгляд. И действительно, «свидетельница» распрямилась, посмотрела в его сторону и, как показалось капитану, одарила улыбкой. По мобильному телефону капитан вызвал такси и, садясь в машину, коротко бросил водителю:

– В Рейдово!

Подъезжая к пирсу, он ещё издали увидел группу рыбаков у борта «Кальмара». Размахивая руками, они горячо что-то обсуждали. По их взволнованным лицам нетрудно было догадаться, что речь шла о судьбе сейнера, а значит, об их собственной. Моряки стояли у входа на трап, и пройти мимо них в свою каюту не представлялось возможным.

– Не спешите, капитан... Народ хочет знать... – выступил вперёд моторист Павел Сычѳв, комкая в руках лоскут промасленной ветоши. – Вы продаѳте «Кальмара»?

– Да... Продаю, – вынимая платок и утирая вспотевшее лицо, с трудом произнѳс капитан.

– А как же мы? – выкрикнул боцман Белоусов. – Куда нам теперь? Все суда в море ушли...

– Проваливайте ко всем чертям собачьим! На что похож наш сейнер? На судно рыболовное? Нет! Скорее на корыто, на калошу, на лохань! Сколько раз говорил я тебе, Белоусов, что надо выкрасить «Кальмара»! Так твои забулдыги, боцман... Я имею в виду этих двоих парней, считающих себя матросами... Загнали две бочки белил местным огородникам... Деньги, разумеется, пропили... В клюзы вас! Во все шпигаты! Гальюны вам драить на барже, а не в море ходить! – распаляясь всё больше, вскричал капитан, не терявший самообладания даже во время жесточайшего шторма. – А ты, Сычѳв! – подступил он к мотористу. – В машине чѳрт ногу сломит! Поѳлы закисло от грязи... В трюмных выгородках вода плещется, мазут плавает... Тебе, Сафонов, надо десять раз напомнить, что в моей каюте розетка искрит, – резко обернулся капитан к электрику. – Но моѳ ли это дело тыкать вас свинячьими рылами в ваше дерьмо? Я вас спрашиваю, уважаемые помощники... старпом и стармех!

Обвиняя моряков в нерадивости, капитан тем самым как бы оправдывал своё решение продать сейнер.

– А на камбузе что творится? Плиты, кастрюли чѳрные от нагаров и копоти... Противни, посуда грязнее, чем у Федоры в сказке Корнея Чуковского! Кстати, где этот стряпчий, возомнивший себя непревзойдѳнным кулинаром? – ища глазами кока, спросил капитан. При упоминании о коке на ум ему тотчас пришли котлеты по-киевски. «Классно делает их Лапшин», – подумал капитан, пытаясь отогнать от себя назойливую мысль.

– Ушѳл на другое судно Лапшин... Простите, капитан, но кок... – подал робкий голос моторист, поглядывая на других моряков, ища в них поддержки.

– Говори...

– Он постучал чумичкой по своей лысой голове и назвал вас круглым идиотом... Чокнутым... Сказал, что у вас надстройку... То есть башку снесло девятым валом... Что вы с головой не дружите... Ну, и всё в таком духе...

– Так и сказал?

– Да! Да! – в один голос подтвердили остальные члены команды.

– Только ненормальный, говорил он, продаёт судно, когда сайра так и прёт... И ещё Лапшин трепал, что наш капитан свихнулся, – осмелев, продолжал моторист. – Спутался, говорил он, с чёрными братьями...

– С кем, с кем?

– Ну, с этими... С иеговистами...

– Так и сказал?

– Да, да... – дружно закивали рыбаки. – Называл вас олухом царя небесного... Только, извините, дурак, говорил он, бросит судно в разгар сайровой путины... Жрите теперь консервы, сказал... И ушёл...

– Огузок куриный! Огрызок! Лушпайка! Ну и пусть катится вместе со своей колбасой ливерной! Будет вам отличный кок! Из ресторана! Лапшин в подмётки не годится ей... Новому коку, – поправился он.

– Пока вас не было, из Курильска приезжал Митрич, – вступил в разговор старший механик. – Он договорился с япощками по хорошей цене сбыть сайру, которую мы выловим... А как узнал, что вы... Того... Ударились в сектантство, сильно ругался... Говорил, что отпетые мошенники эти самые иеговисты... Вымогатели... Чёрными братьями их зовут... Тюрьма по ним плачет...

– Что ещё говорил Митрич?

Моряки переглянулись, переминаясь с ноги на ногу, стыдливо опуская глаза.

– Ну?! Что молчите?

– Да уж не знаем, как сказать... Обидно слышать было от него, что наш капитан... Будто бы вы трусите в море выходить... Что никогда вам в шторм не пройти с полным трюмом проливом Сноу между Чёрными Братьями...

– Я – трус?! Не пройду в шторм между Чирпоями?! Ну, погоди, старая швабра! Плетёнщик корзин и циновок!

Забористо ругаясь, капитан вернулся к ожидавшей его «Тойоте», сел в такси, громко хлопнув дверцей, и машина запыхала обратно в посёлок Китовый.

– И куды его понесло? – глядя вслед столбу пыли, недоумённо пожал плечами моторист.

– Куды, куды? На Кудыкину гору! В Китовый... К этим... К чёрным братьям, – ответил боцман, снял фуражку, затылок поскрёб. – Красить или не красить судно? А ну, как впрямь не вернётся...

– Э-э... Не скажи... Вернётся... Ему жизнь без моря – не жизнь... Лихо зацепил его Митрич! – засмеялся стармех. – Раздумает наш капитан бросать якорь на берегу, как узнает, что Митрич назвал его трусом.

Вечером в кают-компании сейнера собралась команда на скудный ужин. С унылым видом моряки взрезали банки с надоевшей камбалой в томатном соусе. Неожиданно в дверном проходе появился сияющий капитан, пропустивший вперёд себя привлекательную женщину.

– Вот вам новый кок... Как обещал... Из ресторана «Золотой рог»... Дарья Шуваева... Прошу любить и жаловать... Идёт с нами в путину... А сейчас, Даша, пройдите на камбуз и займитесь своим делом.

Капитан обвёл рыбаков торжествующе-пристальным и властным взглядом.

– Через час по местам стоять! Время пошло! Отдаём швартовы и берём курс на Шикотан! С Чёрными Братьями потом разберёмся... Ну, Митрич! Ну, замолол! Не пройти мне в шторм проливом Сноу с полным трюмом!

...Мельников поднялся с кресла, запахнулся в плащ.

– Вот такая забавная история приключилась на сейнере «Кальмар», – закончил рассказ штурман, поднимая к глазам бинокль. – Ладно... Пойду в радиорубку, запрошу, каким бортом будем подходить.

Вдали мерцали огни плавбазы.

Проза

Елена Лебедева

Елена Алексеевна Лебедева – родилась в 1949 году. Представитель Межрегионального Шаляпинского Центра, родственница второй жены Шаляпина. Публикуется около 20 лет, написала около 70 статей, в том числе для парижской русскоязычной газеты «Русская мысль», автор более чем 20 статей о русской эмиграции. Данный материал публикуется впервые.

О ТОМ, ЧТО БЫЛО

Рассказы

Коммунальная квартира с творческой интеллигенцией

По соседству с Куприным и Фальком

Описанные события и забавные случаи происходили в годы моего детства в первой половине 1950-х годов в московской коммунальной квартире, в которой я прожила 25 лет. В эти годы наша семья (мои родители, бабушка и я) жила в большой коммунальной квартире на четвёртом этаже в доме, стоящем на углу Соймоновского проезда и Пречистенской набережной недалеко от станции метро «Кропоткинская». Этот дом до революции принадлежал Зинаиде Перцовой (жене железнодорожного инженера Петра Перцова). Дом был построен в 1907 году в неорусском стиле.

У нас было шесть соседей. В квартире располагались мастерские художников и жила творческая интеллигенция. Отличительной особенностью квартиры в то время было наличие большой ванной комнаты, в которой в субботу и воскресенье появлялась горячая вода, и все записывались по времени, когда они будут мыться. При этом газовая колонка отсутствовала, и горячая вода подавалась снизу из котельной. У нас не было коммунальной кухни. У каждого жильца имелась своя кухня с газовой плитой. Газ провели, и плиты установили в середине 1950-х годов. А до этого готовили на керосинках, примусах или печках. Ими и обогревались. Квартира имела большой коридор с двумя окнами. В нем я даже могла кататься на трехколёсном велосипеде. У многих соседей имелись в комнатах антресоли при высоте потолка четыре метра. В квартире регулярно убиралась уборщица. Творческая интеллигенция собирала ей деньги за уборку.

* * *

Мой дед, Лебедев Павел Михайлович (1882–1946), был художником. Любил писать пейзажи, портреты близких людей и создавал декорации и костюмы в театрах. Он вёл большую общественную работу в Петрограде. Молодожёны (мои дед и бабушка) снимали комнату в квартире в доме на одной из линий Васильевского острова. Когда произошла революция, хозяева квартиры вскоре уехали в США, оставив все вещи в квартире. В самом начале 1920-х годов дед получил назначение на работу в Москву. Он работал в Госплане СССР. Несколько лет бабушка работала в Художественном театре художницей по костюмам. Вначале семья жила на улице Ленивка (вблизи Пречистенской набережной), а затем переехала неподалёку в мастерскую дома Перцовой. Бабушка рассказывала, что моего отца, Алексея Павловича, который родился в 1921 году, она перевезла на санках. Деду в комнату поставили телефон. Это был единственный телефон во всей квартире. Дед умер в 1946 году – за несколько лет до моего рождения. В коммунальной квартире у нашей семьи было две комнаты. Одна большая – около пятидесяти метров. Это была проходная комната, разгороженная шкафами и большой занавеской между двумя белыми колоннами...

В комнате было четыре окна. Два выходили на восток, и два окна были на юг. Окна на южную сторону выходили на здание Французской военной миссии. Стёкла в них были рельефные. Свет проходил через них, но из комнаты в окно ничего не было видно. Через большую комнату можно было попасть в меньшую комнату – примерно в двенадцать метров.

Когда мне было несколько лет, я выходила в коридор часто с мамой. Я была единственным ребёнком в нашей коммунальной квартире. Одна из наших соседок, Наталия Ивановна Рождественская, имела двух белых кошек с чёрными пятнами. Она была женой художника Василия Васильевича Рождественского (1884–1963). Детей в семье не было. Наталия Ивановна заботилась о кошках, и я часто видела её в коридоре, выпускающей их из комнаты, чтобы они побегали или посидели на двух столах у окон с цветами, растущими в горшках. Я рассудила так, что моя мама выходит в коридор со мной, а соседка выходит с кошками, и она, следовательно, кошкина мама. Один раз, увидев соседку с кошками, я спросила громко у своей мамы: «Мама, а это вышла кошкина мама? Да?» Соседка разозлилась и задала вопрос моей маме: «Чему вы учите девочку?» При этом моя мама никогда мне ничего о ней не говорила, а я сказала это из своих логических выводов ребёнка.

* * *

У нас в семье в эти годы жил серый котик Барсик. Его мой папа принёс домой маленьким котёнком с работы в боковом кармане пиджака. Я любила играть с ним. Сажала его в коляску для куклы и возила по комнате. Ему, вероятно, это нравилось, так как он сидел в ней и не выпрыгивал. Я иногда ходила в гости с Барсиком к супругам Куприным. Пожилые супруги Куприны жили в самой первой комнате у входа в нашу коммунальную квартиру. Александр Васильевич Куприн (1870–1960) был двоюродным братом писателя Александра Ивановича Куприна (1870–1938), который незадолго до своей кончины вернулся из Франции в СССР. Куприн писал натюрморты и пейзажи. В 1911–1917 годах художник входил в самое крупное творческое объединение раннего авангарда «Бубновый валет». Позже он стал мастером индустриального пейзажа. В комнате стоял орган, который смастерил сам Куприн. Иногда он играл на нём. Стоял большой чёрный рояль. Жена художника Анастасия Трофимовна была маленькой хрупкой женщиной, но она очень заботилась о своём муже и иногда готовила ему на обед три супа, чтобы он мог сделать выбор. Когда я приходила в гости с котом, жена Куприна устраивала угощение моему и своему котам.

У супругов Куприных был сын, но он утонул, будучи подростком, в Москве-реке, на берегу которой стоял наш дом. Потом к Куприным с конца 1940-х годов начал заходить паренёк Володя, который жил с родителями этажом ниже в нашем доме. Александр Васильевич очень хорошо относился к нему и дарил ему подарки.

У Александра Васильевича была дама сердца – художница Татьяна Сергеевна Анисимова. Она была значительно моложе Куприна. Роста выше среднего, полная женщина с резкими движениями. Когда она приходила в гости к Куприным, Анастасия Трофимовна уходила из комнаты. Моей маме она говорила в коридоре: «Пусть сидят одни». Летом Куприны уезжали на дачу. У них была дача по Казанской дороге на станции Пески. Анастасия Трофимовна имела там грядки с овощами и зеленью. Как-то летом, находясь в огороде, она потеряла сознание, упала и умерла. Куприн вначале жил один. У него было большое сердце, и семнадцатилетний Володя ночевал несколько месяцев вместе с ним, оказывая помощь ему во время сердечных приступов.

После смерти жены Куприн иногда вечером заходил к моей бабушке и читал в нашей комнате ей свои воспоминания о годах учёбы. Интересно, сохранились ли они?

Потом Куприн женился на Анисимовой. Визиты Володи к Куприну прекратились. Однако начал приходиться племянник Анисимовой – очень высокий и худой молодой человек, вид которого не вызывал особой симпатии. Лето по-прежнему проводили в Песках. Прожил Куприн вместе с новой супругой около трёх лет. Художника отпевали в церкви Ильи Обыденного. Как рассказывала моя бабушка, в эту церковь ходил Куприн. Церковь находится недалеко от дома Перцовой – через сквер у дома. В день похорон, когда я шла из школы, я увидела у входа в церковь толпу. Многие хотели проститься с Александром Васильевичем Куприным.

После смерти Куприна Татьяна Сергеевна жила уже одна в нашей квартире. Она не была хозяйственной женщиной и не очень внимательно относилась к своему больному супругу. Она дружила

с Наталией Ивановной Рождественской. У вдовы Куприна не было газовой плиты, так как Куприны не проводили к себе в комнату газ. Она пользовалась газовой плитой Рождественской. Подруги жили в разных концах коридора. Можно было слышать громкий голос в коридоре: «Наталия Ивановна, вы были на выставке?» и громкий ответ: «Нет, но я собираюсь пойти».

* * *

В нашем коридоре жил известный художник Роберт Рафаилович Фальк (1886–1958), который писал картины в стилях русского модерна и авангарда. Он жил в мансарде. В его мастерскую и комнату, где он обитал, надо было подняться по высокой железной винтовой лестнице, состоящей из двух десятков ступенек. Когда мне было несколько лет, Фальк, увидев меня, сказал моей маме, что хочет нарисовать меня. Мама была молоденькой и решила посоветоваться с моей бабушкой, Серафимой Фёдоровной (она приходилась ей свекровью), так как бабушка была художницей. Она писала пейзажи и натюрморты в реалистическом стиле. Бабушка, узнав о намерениях модерниста Фалька, сказала моей матери: «Ни в коем случае. Он изуродует девочку». Мой портрет поэтому им не был написан. Сейчас это вызывает у меня сожаление.

Роберт Фальк пользовался большим успехом у женщин. У него было несколько жён и двое детей. В браке с первой женой, художницей Елизаветой Сергеевной Потехиной (1882–1963), у него родился сын Валерий (1916–1943), который умер в больнице, будучи раненым в тяжелых боях под Сталинградом. Первый брак продлился десять лет. Вторая жена Фалька, Кира Константиновна Алексеева (1891–1977), была дочерью К. С. Станиславского (1863–1938). Брак продлился меньше года, но родилась дочь Кирилла (1921–2006).

Почти девять лет Фальк жил в Париже. Уехав из Москвы с третьей женой, художницей и поэтессой Раисой Идельсон (1894–1972), в 1928 году для изучения творческого наследия, он вместо положенных шести месяцев остался во Франции до 1937 года. В этот период он очень плодотворно работал и много путешествовал по Франции. Летом 1929 года Раиса Идельсон уехала из Парижа, оставив там Фалька, но все парижские годы переписывалась с ним. Даже когда в 1931 году, будучи в Москве, она развелась с ним после девяти лет совместной жизни, чтобы ещё раз выйти замуж, их переписка продолжалась. Вероятно, у Фалька в Париже были любовные увлечения. Такой любвеобильный и творческий человек не мог быть один всё это время.

Я хорошо помню последнюю (четвёртую) жену Фалька, Ангелину Васильевну Щекин-Кротову (1910–1992) – преподавательницу немецкого языка. Она познакомилась с Фальком в 1939 году. Супруги жили в нашей квартире. Быть женой такого художника, как Фальк, было нелегко. В нашем доме на первом этаже при входе сидела дежурная, которая следила за порядком и могла даже не пропустить в дом посторонних личностей. Одной из дежурных была тётя Катя, которая много лет проработала в доме. Она любила поговорить и пошутить со мной. Тётя Катя рассказывала моей маме, что Ангелина Васильевна, когда приходила с работы, иногда садилась рядом с ней и не шла сразу домой. Когда тётя Катя поинтересовалась у неё, почему она не спешит домой, она получила ответ о том, что Роберт Рафаилович работает, и у неё договоренность с ним – прийти в определённое время. Прийти раньше этого времени она не может, чтобы не мешать ему работать. Вот такова была жизнь жены художника Фалька.

Все три художника – Фальк, Куприн и Рождественский – были членами общества «Бубновый валет» в 1910-е годы. Поэтому знали друг друга ещё в молодости. Фальк дружил с Куприным задолго до переезда в дом Перцова. Находясь с ним в одной квартире, он часто заходил к гостеприимным Куприным. Иногда два художника вместе прогуливались и заходили в церковь Ильи Обыденного.

* * *

Отец рассказывал мне, что до Фалька в мансарде жил и работал не менее известный художник Павел Петрович Соколов-Скаля (1899–1961). Он много работал и был обеспеченным человеком. Этим решил воспользоваться другой житель нашей квартиры, фамилия которого была Смирнов. Смирнов любил выпить, и часто у него не было денег на краски для рисования. Он повадился хо-

дить к Соколову-Скале за красками и, как он говорил художнику, раскулачивать его. Соколов-Скаля несколько раз давал ему краски. Визиты с попрошайничеством не прекращались, и при очередном визите с раскулачиваем Соколов-Скаля спустил Смирнова с высокой винтовой лестницы.

Вот такие инциденты были в среде творческой интеллигенции.

* * *

В середине 1970-х годов наш дом начали расселять. Стали давать отдельные квартиры. Здание дома должно было занять Управление дипломатического корпуса.

Вдова Фалька начала волноваться. Она жила одна и боялась, что ей дадут маленькую площадь, на которой она не сможет поместить картины Фалька. Но всё получилось неплохо. Она разговаривала в коридоре по городскому телефону, и я слышала, что она кому-то говорила: «Он обещал мне похлопотать о получении однокомнатной квартиры. Передай ему, что это не надо делать, так как я уже получила двухкомнатную квартиру». Иногда её навещала родная сестра. Моя мама говорила, что сестру очень не любил Фальк, и она старалась не появляться, когда он был дома. Иногда заходил племянник (сын сестры), которому в начале 1970-х было около двадцати лет.

К Ангелине Васильевне приходило много посетителей смотреть картины Фалька. По выходным иногда это было настоящее паломничество. После смерти Фалька она пропагандировала его творчество и устраивала выставки у себя дома. Её соседям было это не очень приятно, но ей замечаний никто не делал. О ней часто судачили в коридоре и называли её «Верхняя». Такое прозвище закрепилось за ней, так как она жила наверху в мансарде. Когда Ангелина Васильевна пошла на пенсию в 1967 году, она написала несколько книг и статей о Фальке, и даже одну статью «Из жизни рядом с Фальком» удалось издать в ГДР, в Дрездене, в книге на немецком языке. Много картин художника она отдала в художественные музеи.

Обитатели квартиры начали уезжать.

Уехала Ангелина Васильевна, покинув свою двухкомнатную мансарду. Уехала Татьяна Сергеевна Анисимова. Наталия Ивановна – вдова художника Рождественского, никуда не переехала. Она получила ордер на квартиру, но вскоре скончалась, не успев собрать вещи. Её имущество в комнате после смерти оценивал оценщик.

Наша семья переехала в Тёплый Стан в октябре 1974 года. К тому времени я успела окончить серьёзный технический институт и два года работала в одном научно-исследовательском институте, успешно занимаясь программированием. По заданию мамы, когда все вещи из нашей комнаты после нескольких поездок грузовых машин были вывезены, я должна была приехать за бабушкой (ей было 86 лет) и нашей пожилой родственницей Варварой Ивановной, которые оставались в пустой комнате, и отвезти их в Тёплый Стан на такси. Варвара Ивановна была вдовой двоюродного брата моего отца Николая. Он погиб в 1943 году под Курском. Формально она не являлась нашей родственницей. Но она с большой теплотой относилась к нашей семье и часто приезжала к нам, помогая морально. Поэтому мы считали её нашей родственницей.

Я вернулась из Тёплого Стана и зашла в комнату. Бабушка лежала на старой кровати, которую мы не забирали, а Варвара Ивановна сидела около неё. Видно было, что бабушка очень волновалась, так как она прожила в этой комнате больше пятидесяти лет. Все были одеты и поехали вниз на лифте. Пройдя через парадное, мы стали выходить из дома. Когда бабушка спускалась со ступеньки парадного, она сказала: «Ну, в последний раз». Она простилась с домом и шагнула со ступеньки на асфальт. Прошло около пятидесяти лет, но я помню, как мы покидали дом и эти её слова. Я посадила в такси двух своих подопечных, и мы все вместе втроём поехали в Тёплый Стан.

Так судьба распорядилась с обитателями нашей квартиры.

На отдыхе в деревне

Я впервые в жизни попала летом в деревню, когда мне было пять лет. Я увидела там деревенский быт, деревенских жителей, многих животных. И конечно, там были разные забавные ситуации.

Папа, мама и я отдыхали в деревне Обинь в Тульской области в 20 километрах от городка Белев. В этой деревне родилась моя мать в 1923 году. До революции её родительская семья имела наёмных

работников и была зажиточной. После революции, когда началась коллективизация, моему деду посоветовали уехать из деревни с семьёй. Иначе всех могли бы сослать в Сибирь, как поступили с братом деда, у которого была большая пасека. Бабушку начали посылать на лесозаготовки, мучая её непосильным трудом. Вначале дед, а потом и вся его семья переехали в Москву и жили в шестиметровой комнате на Пироговской улице. Дед сумел устроиться лаборантом. Он занимался анализами и работал в медицинском институте имени Пирогова. Так как зарплата была маленькая, то он ещё подрабатывал в цирке, где ухаживал за животными. Бабушка работала на овощной базе.

Дедушка и бабушка не теряли связи с родственниками в деревне. Мы остановились в деревне, как рассказывала потом мама, у тёти Аксюши. Из-за смены воды и изменения продуктов питания я начала болеть. Так как ближайшие доктора были только в городе Белеве, куда можно было добраться в то время лишь на лошадях, маме посоветовали лечить меня заговором в деревне. Ко мне привели какую-то женщину, которая быстро говорила какие-то заклинания и дёргала меня за косички. Не знаю, то ли от этой знахарки, то ли со временем я поправилась. И мы продолжали отдыхать в деревне, где помимо нас были ещё и другие москвичи.

Я много времени проводила с отцом. Мой отец был молодым мужчиной высокого роста и интересной внешности. Он нравился женщинам. Несмотря на то что с тех пор прошло более шести десятков лет, я очень хорошо помню разговор, услышанный мною, когда я играла недалеко от отца. Рядом с ним сидела одна молодая москвичка, которая, видимо, решила, что я маленькая и ничего не понимаю. Поэтому она говорила моему отцу: «Алексей Павлович, поехали с вами вдвоём в Москву». На что мой отец ей сказал: «У меня семья. Зачем я поеду с вами?» Она поняла, что к нему приставать бесполезно и отстала от него.

Как-то раз мама послала меня к соседям что-то отнести. Я побывала у них. И потом рассказывала матери: «Ну и нищета у них страшная. Пол холодный в доме, а посередине курица наделала». Некоторые жили в доме в те годы с земляным полом.

В целом отдохнули мы неплохо. Иногда ходили на Оку в нескольких километрах от деревни и купались в реке с песчаными берегами. Когда было время покоса, к нам принесли перепёлку с одним отрезанным крылом. Отец смастерил ей клетку, но иногда мы выпускали её, и она гуляла по избе. Мы решили взять её с собой в Москву.

Наступило время отъезда. На лошадях нас отвезли на какую-то станцию железной дороги. На станции было очень темно и безлюдно. Лишь несколько фонарей освещало её. Нас провожали. Все стояли на перроне. Я – небольшая девочка с клеткой, в которой была перепёлка, держалась за папину руку. На этой станции мне было очень страшно, и я говорила родителям: «Не бросьте меня здесь, пожалуйста». Мама запомнила это на всю жизнь, и потом, уже спустя десятилетия, смеясь, напоминала мне об этом. И ещё – про перепёлку, которая радовала и забавляла нас. Она жила у нас в Москве несколько лет, ходила по обеденному столу и клевала сахар из сахарницы. У меня даже есть фотография, где я в школьной форме с перепёлкой на плече.

Проза

Илья Чесноков

Илья Владимирович Чесноков – родился в г. Чимкенте в Казахстане. В 90-е годы публиковался в чимкентской прессе: «Своя газета», «Элитар», «Спутник молодёжи» (рисунки, афоризмы, стихотворения, статьи в рубрике «Интервью на корточках»). В 2000 году переехал с семьёй в Россию, в г. Белгород, где в 2001–2003 годах публиковался в газетах «Наши Белгород», «Белгородские известия», «Белгородская правда». В 2020 году стал многократным призёром конкурса «Крылья Победы» как автор стихотворений на тему Великой Победы. Имеет публикации в журнале «Ротонда» (Киров), «Молоко», альманахах «Земляки» (Нижний Новгород), «Парус» (Москва). В настоящее время пишет стихотворения, басни, афоризмы, миниатюры и рассказы. Занимается в литературной студии «Младость» под руководством члена Союза писателей России поэтессы Людмилы Петровны Брагиной. Афоризмы напечатаны в юбилейном коллективном сборнике «Серебряный браслет» студии «Младость». Преподаватель общественных наук в ОГА-ПОУ «Белгородский педагогический колледж». Женат, имеет двух сыновей.

ПОЛСПИЧКИ

Рассказ

Это было солнечным апрелем 1992 года. После распада Советского Союза в моём родном Чимкенте только и разговоров было о том, как теперь будет жить и развиваться Казахстан. Разорванные производственные и торговые отношения между республиками и городами сразу сказались на поставках сырья, материалов и потребительских товаров. Товарный голод надвигался быстро и беспощадно обрушивался на людей. В ходу были ещё советские рубли и копейки. Национальную валюту, тенге, начнут печатать только через год, и то не в Казахстане, а в Великобритании и Германии. Я учился на четвёртом курсе педагогического института. Что будет дальше после учёбы, я не имел никакого представления. С работой было непросто. Мой папа работал, как и раньше, слесарем на фабрике, а мама продавцом в хлебном отделе продуктового магазина «Колос», который находился на проспекте имени Ленина. Магазин располагался на первом этаже пятиэтажного жилого дома и пользовался огромной популярностью среди жильцов соседних многоэтажек. Товарооборот в хорошие времена был в магазине всегда огромен. Но наступили девяностые, и всё изменилось. Об одном из случаев того времени я и хочу рассказать.

Я только вернулся из института и начал разуваться, как вдруг зазвонил телефон. В трубке зазвучал тревожный голос мамы:

– Сынок, приезжай быстрее в магазин! Здесь такое творится! А папа пришёл с работы?

Ничего толком не поняв, я ответил:

– Папа ещё не пришёл. А что случилось?

– Не спрашивай. Напиши записку папе, чтобы он срочно, не переодеваясь, ехал ко мне на работу.

– Хорошо, мама, не волнуйся. Выезжаю.

Быстро обувшись, я моментально выбежал из квартиры. Записку папе я написать забыл. Встревоженный, я не заметил, как промчался через весь город двумя транспортами. И вот, выскочив из троллейбуса, я направился к магазину к той стороне, где был служебный вход. В этом магазине мама работала уже много лет, и поэтому я знал здесь все ходы и выходы.

Магазин имел три входа, и у той двери, которая вела в хлебный отдел, стояла толпа людей, хаотично раскачивающаяся из стороны в сторону. Из толпы вылетали крики и ругательства. Над людьми грозовой тучей повисла гнетущая тревожность. Я обошёл толпу и стремительно вбежал на террасу со

стороны служебного входа, где грузчик принимал тележки с хлебом. Зашёл внутрь, промчался мимо раздевалки, склада и очутился в торговом зале, где находились хлебные полки.

То, что я увидел, поразило меня, как молния. Весь торговый зал был туго набит людьми, толкающимися, орущими и хватаящими хлеб. Были, конечно, и раньше большие очереди, но вот такого я ещё не видел. Передо мной оказалась стена спин и затылков,двигающихся в разных направлениях. В нос ударил запах свежего хлеба и чего-то кислого и пропотевшего.

– Мама, я здесь. Где ты? – закричал я поверх голов, в сторону двери.

– Сынок, я за кассой! Двигайся ко мне.

И я начал двигаться. Протискиваться сквозь плотно прижатых друг к другу людей было непросто. Приходилось искать удобный момент и проныривать, продвигаясь вперёд. Мне это быстро надоело, и я прокричал:

– Дорогу! Дорогу! Свежая краска!

Люди на какое-то мгновение замерли, осматриваясь вокруг. Я воспользовался этим замешательством и пробрался к кассе.

– Что делать надо?

– Держи кассу! Они двигают её. И не позволяй, чтобы уходили без оплаты. Помогай, без тебя никак!

Раскинув руки и сдвинув угрожающе брови, я встал в проходе между кассой и стеной, за которой находился соседний отдел.

Кассовые аппараты в то время стояли в магазинах старой модели. Это были огромные и тяжёлые счётные агрегаты, похожие на печатные машинки, с большими клавишами, на которых были выдавлены цифры и буквы. Внизу этого аппарата находился выдвижной отдел для денег, а справа сбоку имелась ручка для движения кассовой ленты. Кассы устанавливались на тумбочках, которые крепились к столам. Продавцы-кассиры сидели на высоких стульях, принимали деньги и проби-вали чеки. Вот на таком возвышении и находилась моя мама. Она тогда была старшим продавцом хлебного отдела и отвечала за весь процесс торговли – от получения товара до сдачи выручки.

Имея высокий рост, мне несложно было наблюдать за движениями покупателей. Первые мои слова, обращённые к покупателям, были ещё сдержанны и даже интеллигентны:

– Товарищи, соблюдайте очередь! Не спешите! Всем хлеба хватит! Скоро привезут новую партию.

Произнося «новую партию», я, студент исторического факультета педагогического института, представлял себе совсем иное. Но реальная ситуация говорила сама за себя, и я, отбросив всяческие размышления, настроился на серьёзную работу.

Народ наседал, и, как бы ни старался регулировать движение входящих в отдел и выходящих из него, я постепенно сдвигался то к стене, то к кассе. Посмотрев в сторону мамы, я увидел её раскрасневшуюся и немного растерянную. Очень быстро она принимала деньги, отсчитывала сдачу, отрывала чеки и что-то ещё успевала говорить покупателям. А в воздухе стоял гул, похожий на грохот перекачиваемых камней горной реки.

– Мама, – крикнул я, – где Вася, рабочий? Почему он не помогает? Где он сейчас?

– Я не знаю, – долетели до меня её слова, утопая в разноязыком многоголосье, – наверное, в соседнем отделе.

Соседним отделом был вино-водочный. Мне стало душно. Я расстегнул пиджак, приподнялся на цыпочки и, приложив ладони ко рту, изо всех сил крикнул:

– Вася! Василий!

Из толпы вынырнули одновременно три мужские головы с взъерошенными волосами и приоткрытыми ртами. Они одновременно крикнули мне в ответ:

– Не?¹ Что? Не болды?²

Может быть, это и были Васи, но не те. Я со злостью махнул в их сторону рукой. Головы скрылись. Сжав кулаки и сверкая глазами, я крикнул в толпу:

– А ну прекратить орать! Выстраиваемся в очередь! Встали по одному! Заранее готовим деньги, и без сдачи! Не отвлекайте продавца!

¹ Что? (Перевод с казахского языка.)

² В чём дело?

Во мне забурился сплав из ненависти и уверенности в своей правоте. И это позволяло мне держаться на ногах. Я поймал благодарный взгляд мамы, и мне стало немного легче.

Вдруг я почувствовал чью-то руку на своём плече и тут же обернулся. За мной стоял покачиваясь Вася. Это был мужчина лет сорока – сорока пяти, трудноопределимой национальности, в помятом комбинезоне бутылочного цвета. Седящая и одновременно лысеющая голова его была покрыта замусоленной кепкой неопределённой формы. Из его редкозубого рта изрыгались какие-то нечленораздельные звуки попеременно с отравляющим всё живое дыханием.

– Ты пьян, что ли? – крикнул я ему в лицо.

– Нет, – ответил он, отшатнувшись от меня и ударившись затылком об угол стены. – А что, собственно, случилось? Я был в соседнем отделе, помогал разли... расставлять бутылки. Коллеги настоятельно попросили.

Я понял, что Вася ничем сейчас нам не поможет, отвернулся от него и продолжил сдерживать людей у кассы. Касса двигалась, как живая, словно было землетрясение в отдельно взятом магазине. Было уже половина шестого. Люди возвращались с работы и сразу шли в магазин. В это время начались перебои поставок хлеба в магазины города. Другие же продукты также стали пропадать с прилавков. Только хлеб оставался палочкой-выручалочкой для многих людей, которые не могли прийти домой с пустыми руками. Почувствовав на себе эти перебои, люди начали нервничать. Паника росла. Мне в одиночку справиться с этой ситуацией было невозможно.

Люди, боясь остаться без этого ценного продукта, превращались в неуправляемую толпу, забыв культуру, вежливость и элементарный порядок. Они хватали булки, поднимали их над головой, чтобы не помять, и двигались к кассе. В их глазах читалось желание побыстрее выйти из магазина, но мимо кассы сложно было пройти незамеченным. В отдел заходили новые покупатели, брали хлеб, а выйти уже не могли, застревая в массе ожидающих своей очереди. Вот я и занялся тем, что пытался контролировать поток людей на входе, следил, чтобы никто не уходил, не уплатив за товар.

Я повернул голову к кассе и крикнул:

– Мама, а где твоя помощница Нурия?

– Она сейчас должна прийти на смену. Ждём машину с товаром. Она будет принимать хлеб. Привезут триста серого хлеба и двести батонов белого.

Покупатели с тревогой осматривали торговый зал, жадными глазами прощупывая хлебные полки снизу доверху и наоборот. Но, услышав о скором привозе хлеба, немного успокоились и начали выстраиваться в очередь. Мимо окон магазина проехала будка «НАН»¹ и остановилась у заднего входа магазина. Одновременно с этим из приёмочного отдела выглянуло заспанное лицо Нурии. Продавщице было на вид около тридцати лет. В её располневшей фигуре виделось безмятежное спокойствие и равнодушие к происходящему.

Она, протерев глаза и прикрыв ладонью рот, сонным голосом визгливо выпалила:

– Лидия Дмитриевна! Хлеб привезли! Принимать?

– Принимай, пересчитай внимательно, прими документы и распишись, – крикнула в ответ мама, не отрываясь от работы.

Я, уже немного успокоившись, скомандовал:

– Товарищи, привезли свежий хлеб! Подождите немного. Сейчас продавец принимает товар. Всем хлеба хватит.

Мне срочно нужно было найти Василия, и я отправился к соседнему отделу. Тот, из-за угла заметив моё появление, наклонил голову и хотел было уже скрыться в дверях.

– Василий, туру²! – требовательным голосом скомандовал я.

Тот резко развернулся, подошёл ко мне вплотную и, вытирая пальцами уголки губ, проскрипел:

– Да знаю я, знаю, что машина приехала. Сейчас вот только товарищам руку пожму...

– Василий! – я грозно придвинулся к нему и схватил его за рукав.

– Всё, иду, иду.

И, грустно улыбнувшись, он обернулся на закрытые двери соседнего отдела, откуда доносилось звяканье посуды, и облизнулся.

Пробираясь между людьми и направляясь к складу, он закричал:

¹ ХЛЕБ.

² Стоять!

– Ну, где ты там, айналайн¹, моя Нуриечка? Где ты, стройная ты наша? Давай хлеб принимать, мать...

Приёмка хлеба началась энергично, но продолжалась она совсем недолго. Уже через несколько минут из приёмочного отдела высунулась голова Васи и, обращаясь к маме, прокричала:

– Командир, товар приняли! Сто штук хлеба и сто штук белого батона. Накладные на столе. Водила уехал в другой магазин. Когда будет новый завоз, не знает.

Услышав это, мама, чуть не плача, пригрозила ему кулаком. Хотя чему это могло помочь? Вася, конечно, видя такую напряжённую ситуацию, мог бы подойти и тихо ей это сказать, чтобы не поднимать волну тревоги. Но, находясь в приподнятом настроении, ему хотелось покуражиться и быстрее вернуться к собутыльникам. Нурия же начала неспешно раскладывать булки по полкам и поправлять ценники. Люди, не выдерживая её медлительности, стали выхватывать батоны, просунув руки сквозь полки, прямо из её рук.

Услышав о недопоставке хлеба, толпа с новой силой взорвалась: «Нан жок!»², «Хлеба не хватит!», «Нас обманули!», «Припрятали хлеб себе!», «Будем жаловаться!», «Чёрствый привезли!». Я понял: всё, что было до этого, – только цветочки. В воздухе над головами летали искорки хаоса. Ко мне присоединился Василий, почему-то быстро отрезвевший. Я поставил его в проходе, а сам направился к кассе на помощь маме. Пробираясь сквозь людей, я услышал за спиной голос отца:

– Сынок! Куда мне идти? Я ничего не вижу.

– Папа, иди к проходу, к Васе. Держите оборону!

Отец, уставший после смены, натянув на брови потёртую кожаную фуражку, глубоко вздохнул и рванул в толпу:

– А ну посторонись! Зашибу!

Обладая сильным голосом, он мог перекричать кого угодно. А под хорошее настроение его крик превращался в пение. У него был сильный тенор. Папа много лет выступал в фабричной художественной самодеятельности, был запевалой мужского хора из сорока человек вместе с другим вокалистом по фамилии Соловей. Понимая, что его слова тонут камнями в бурлящем море звуковой какофонии, он мгновенно перешёл на пятиэтажный ненормативный лексикон, как на русском, так и на казахском языке. Услышав до боли знакомые выражения, народ немного поостыл, всматриваясь в небритого мужчину, рвущегося в проход. Папа, доплыв до Василия, вцепился в него как в родного. И они, схватив друг друга за руки, образовали живую цепь, качающуюся в волнах человеческой нервозности. Я увидел эту картину и, желая приободрить отца, крикнул ему:

– Так держать, Владимир Ильич!

Папа успел мне кивнуть, не выпуская рук грузчика Василия, как вдруг из центра толпы раздался чей-то визгливый крик:

– Бабке плохо!

Я приподнялся и разглядел, как в центре зала образовалась воронка из десятка согнувшихся спин. Люди сочувственно цокали языками, выкрикивая советы, как спасти старушку. Её подхватили под руки, оттащили подальше из эпицентра событий к окну и прислонили спиной к батарее. Когда ей стало лучше, она прижала к груди свежий хлеб, откусила кусочек и, озираясь по сторонам и шмыгая носом, начала энергично перекачивать его во рту. Пока всё внимание было приковано к спасению старушки, подросток лет пятнадцати неожиданно оказался около кассы. Это был невысокий паренёк с растрёпанными волосами и в распахнутой рубашке. В его узких азиатских глазах вспыхивал огонёк азарта и голод. Он прикрыл батон рубашкой и, стараясь незаметно продвигаться мимо кассы, вдруг резко рванул и устремился к выходу. Я успел это заметить и крикнул отцу:

– Папа, держи пацана!

Отец быстро среагировал и выставил ногу вперёд. Но воришка, видать, ожидал этого и перепрыгнул через неё. И тут же он на мгновение оглянулся назад, чтобы показать отцу язык. А зря он это сделал. Парень не успел заметить, как из соседнего вино-водочного отдела выехала тележка, доверху гружённая ящиками с водкой. Беглец на полной скорости наскочил на тележку, перелетел через неё и грохнулся на бетонный пол. Батон вылетел из его руки, пролетел мимо мясо-молочного и галантерейного отделов и влетел прямо в зевающую пасть случайно забежавшей дворняги. Пёс,

¹ Дорогая.

² Нет.

не растерявшись, мотнул головой и выбежал из магазина, пугая прохожих, но радуя ожидавших его четвероногих друзей. Несколько бутылок водки «Пшеничная» вдребезги разлетелись по сторонам длинного коридора магазина. Такой дезинфекции помещения в этом магазине ещё никогда не было. На мгновение все покупатели превратились в зрителей. Я воспользовался этими секундами тишины и спокойно проговорил:

– Товарищи, соблюдайте порядок! Не проходите мимо кассы, не оплатив за товар!

По мере того как постепенно заканчивался хлеб на полках, у мамы в кассе заканчивалась мелочь. Окидывая взглядом весь торговый зал, она, приподнявшись со стула, обратилась ко всем покупателям:

– Товарищи! Мелочи для сдачи нет. Готовьте, пожалуйста, деньги под расчёт. Соблюдайте порядок и тишину.

Люди тут же углубились в свои карманы, кошельки и сумочки. Раскрылись ладони и на лбу проявились морщины. Люди начали считать и пересчитывать. Кто-то радостно уже зажимал в руке подготовленную сумму, а кто-то растерянно шарил где только возможно в надежде найти недостающую копеечку. В очереди было много жильцов этой пятиэтажки, где находился магазин. Люди, живущие по соседству на одной площадке много лет, наконец-то встретились. Послышались вежливые слова и засверкали улыбки. Они перезанимали друг у друга мелочь, обещая сегодня же вечером отдать долг. Но некоторые были в полной растерянности, и в таком состоянии их толпа подносила к кассе.

У кассы, обняв два батона правой рукой, оказалась высокая женщина мощного телосложения. На голове у неё красовалась высокая причёска, из которой торчали заколки. Вытаращив глаза на продавца, она протянула мятую купюру вперёд и пробасила:

– Вот мои деньги за товар. Дайте мне сдачу копейка в копейку.

– А помельче у вас нет? – на всякий случай спросила продавец.

– Нет! – язвительно выдавила женщина. – Вы должны иметь мелочь для сдачи, чтобы рассчитаться с покупателем!

– Мелочи было много, но вы ведь видите, что происходит. Люди дают только крупные деньги, и вся мелочь закончилась. Могу вместо мелочи дать, например, спички из расчёта, что коробка спичек – это рубль. Возьмёте сдачу спичками?

Поддавливаемая толпой то справа, то слева, женщина была похожа на пароход, качающийся на волнах у причала. Люди, окружившие её со всех сторон, стали возмущаться:

– Да отдайте же вы ей эту сдачу! Что она очередь задерживает! Хоть спичками, хоть птичками, хоть чем!

Продавец, почувствовав, что волнение опять нарастает, крикнула в толпу:

– Кто готов сдачу взять спичками вместо денег, встаньте к кассе, а те, кто хочет получить сдачу деньгами, отойдите в сторону и ждите, когда мелочь появится.

– Почему я должна ждать, – протрубил качающийся пароход, – я и так проторчала в вашей очереди полчаса! Вы обязаны обслужить меня как полагается. Я буду жаловаться!

На пароход с боков наседали мелкие судёнышки, выдавливая его в сторону. К кассе потянулись руки с честно заработанными то сложенными вчетверо, то свёрнутыми в трубочку, а то и просто смятыми деньгами.

Сверив запасы спичек, лежащие у неё под столом, мама обратилась ко всем:

– Товарищи, учитывая сложившееся положение, буду выдавать вместо двух копеек одну спичку, а вместо рубля одну коробку спичек. Иначе не получается!

В эти дни в торговле были перебои почти на всё. И на спички тоже. Проблемы были уже и с зубной пастой, и с туалетной бумагой. Всего и не перечислишь. Покупатели осознали и то, что другого выхода нет, и то, что продавец как-то всё-таки пытается решить проблему.

Мама кивнула мне головой, указывая под стол. Я понял, что там лежали коробки спичек. Подошёл, достал коробки и начал подавать их ей в раскрытом виде.

Теперь всё перемешалось: и бумажные деньги, и монеты, и коробки, и вынутые спички, и чеки. Всё это летало, мелькало, шелестело, стучалось, щёлкало. Кассовый аппарат, словно живое существо, гудел и скрежетал. Клавиши, как зубы, лязгали, пожирая в своей утробе деньги. Чековая лента безостановочно вылетала из узенькой щели, издавая стрекочущие звуки. А мама, как укротительница, нависала над кассовым аппаратом, тыкала в него пальцами, требуя подчинения. Мне показалось, что

она разговаривала с ним, нежно похлопывая по корпусу. А я был похож на солдата, подающего из окопа снаряды наверх.

Людской поток ускорил движение. Люди хватали спички, кидая их в ту же сумку, куда и хлеб. С видом победителя они выползали из объятий толпы и, глотая на ходу слюну, устремлялись к выходу. Я, папа и Василий могли немного отдохнуть. Но всё же в этой суматохе недовольные голоса продолжали нарастать: «Обманули!», «Обсчитали!», «Недодали!».

Отдохнув у подоконника и набравшись сил, старушка постепенно продвинулась к кассе. Продолжая жевать корочку, она внимательно пересчитала сдачу. Зажав в сухощавой ладонке монеты и подняв небесной голубизны глаза, старушка плачущим голосом произнесла:

– Что же ты, дочка, меня обманываешь! Я всё просчитала. Ты мне должна вернуть три копейки, а даёшь только одну спичку. А где ещё одна?

– Бабушка, – ответила мама – возьмите ещё одну спичку и не задерживайте людей.

– Нет уж, дорогая моя. Мне чужого не надо! Я за правду стою, за честность! Ломай спичку пополам и отдай мне половину!

– А зачем вам половина спички? – улыбаясь, спросила мама.

– Из принципа, доченька! Из принципа! Ломай, говорю, и дело с концом.

Люди, стоящие рядом, подняли гул, который можно было принять как одобрение честности и принципиальности бабушки.

За старушкой горой возвышался мужчина. Он был одет в чёрный костюм и белую рубашку, на которой красовался галстук в горошек. В руке он держал пухлый коричневый портфель, застёгнутый двумя широкими ремнями. На его голову была нанизана фетровая шляпа до самых бровей. По его щекам и подбородку катился пот, огибая ещё не состарившийся рельеф лица. Мужчина достал платок, вытер пот, кашлянул и, чётко выговаривая, произнёс:

– Позвольте, позвольте! Мне тоже нужна будет сдача в три копейки. И что же, извольте мне ответить, я получу? Полторы спички?

– Другого выхода нет, товарищ. Я разломаю спичку пополам и каждому дам по полторы спички, если вам так угодно, – ответила мама, едва сдерживая улыбку.

Из толпы подал голос Вася:

– Мужик! Ты что копаешься? Тебе полторашку и старухе полторашку. И все довольны! Двигай корпусом на выход. Как Днепрогэс перегородил здесь народный поток. Дышать уже нечем.

Старушка, быстро сообразив, что к чему, протянула руки к продавщице и протараторила:

– Давай, дочка, быстрее спички мои. Но мне половинку спички с головкой. Мне с головкой, так как я раньше его подошла.

Мама поломала спичку и протянула ей одну целую и половинку с головкой. Старушка быстро засунула спички в карман кофты, надгрызенную булку кинула в сумку и, прихрамывая, засемила вперёд.

Мужчина, зажав свою огромную ладонь со спичками, округлил глаза и завизжал фальцетом:

– Это что же получается? Меня обставили? Это старухе с головкой, а мне без головки? Я требую справедливости и уважения к покупателю!

Мужчина, надувая щёки, взметнул вверх руки и затряс ими. Портфель навис над людьми, как топор палача. Шляпа с головой затряслись от возмущения. Мужчина стал похож на горную вершину при землетрясении.

– Я найду на вас управу, – загрохотала вершина, не упуская из виду удаляющуюся старушку.

Вася, держась за живот от смеха, прыснул:

– Мужик, ты сперва со своей головкой разберись. Каждому по головке не получится! Тебе достался холостой патрон! Старуха, ковыляй быстрее, а то эта гора тебя сейчас раздавит!

Весь хлебный отдел взорвался от хохота. Мужчина, расстегнув пиджак, пустился вдогонку за старушкой:

– Товарищ бабушка! Бабуля! Остановитесь! Давайте найдём компромисс. Я хочу вам предложить...

Что хотела предложить эта горная вершина в шляпе пожилой женщине, мы так и не узнали. Нам было уже не до этого. Потому что Нурия, высунувшись из-за занавески и поправляя причёску, рывкнула на весь зал:

– Машина приехала! Хлеб привезли!

И все находящиеся в зале разом грохнули: «Ура! Победа!» Все начали жать друг другу руки и обниматься. Нервное напряжение мигом спало. Вася обнял моего отца и начал его целовать, вытирая слёзы.

Мама, защёлкнув кассу, сказала:

– Нурия, садись за кассу. Я сама хлеб приму.

Устало облокотившись на стол, она выдохнула:

– Выручка сегодня будет что надо!

Мы с папой быстро направились к запасному выходу помогать маме и Василию в выгрузке долгожданного хлеба. И только тут я вспомнил о записке, которую должен был написать папе.

– Пап, а как ты узнал, что нужно срочно ехать сюда на помощь?

– А мне позвонил мой товарищ по хору, Соловей. Он в этом доме живёт. Он зашёл за хлебом, увидел то, что здесь творится и сразу позвонил нам домой. Хорошо, что меня не перевели сегодня на вторую смену.

Мы закончили с выгрузкой, подождали, когда мама переоденется, и отправились все вместе домой. Горячая смена закончилась. Но завтра всё это могло опять повториться. И уже в троллейбусе, как бы очнувшись, я спросил:

– Мама, а ты домой-то хлеб взяла?

Ответом была нежная и усталая улыбка.

Проза

Виктор Фоменков

Виктор Васильевич Фоменков – родился в 1958 году в деревне Гомзяки Никифоровского района Тамбовской области. Окончил Мичуринский сельскохозяйственный техникум. Служил в Советской армии. После демобилизации работал бригадиром-полеводом, агрономом, киномехаником. Член Союза литераторов РФ. Публиковался в журналах: «Подъём», «Литературный Тамбов», «Александръ», «Русское эхо», «Роман-газета», «Бийский вестник», «Памир» (Таджикистан), альманахе «Словесность», коллективных сборниках, региональных СМИ. Автор прозаических книг: «Деревенские просторы», «Чертополох», «Деревенские мотивы», «Зять, коза и тёща». Живёт в деревне Гомзяки.

ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК ОДИН...

Рассказ

В середине июля в деревню Долгиновку к деду Степану и бабке Клавдии Фроловым приехал племянник Илья Петрович. Симпатичный мужчина невысокого роста, худощавый, начинающий художник, но уже имевший несколько выставок-вернисажей в своём городе Санкт-Петербурге и в Москве. Состоял он и в Союзе художников России. А за неделю до его приезда Фроловым на велосипеде привезла телеграмму почтальон. Зовут её Марина, но по-уличному она «Гулящая». Так односельчане окрестили почтальонку за то, что ещё в девках нагуляла ребёнка. Живёт Гулящая в родной деревне вместе с престарелой матерью и дочкой Юлией. Почтальоном работает давно. Обслуживает три деревни, находящиеся одна от другой неподалёку. Если случались задержки почты, от сельчан доставалось Марине, хотя вины почтальона в этом не было.

– Гулящая наша опять загуляла! – роптали они.

В тот вечер Клавдия Ивановна в палисаднике обрывала крыжовник и не заметила, как подкатила на велосипеде почтальонка.

– Клавдия Ивановна! – позвала Марина. – Вам телеграмма! Из Санкт-Петербурга.

– Что за телеграмма? Что там в ней? – заволновалась старушка.

– Да вы не волнуйтесь. Всё хорошо. Просто Илья сообщает о своём приезде к вам.

– Степан! – закричала бабка Клава мужу, возившемуся за домом у сарая с телегой. – Телеграмма нам!

Марина вручила телеграмму и газету, перенесла ногу через раму велосипеда, оттолкнулась и шустро заработала педалями...

...Илья Петрович проснулся утром рано. К обеду переколол кучу напиленных чурбаков на дрова к зимней топке и сложил всё в сарае. Затем взял альбом для набросков (возможно, материал для своих будущих полотен), мягкий и твёрдый карандаши и отправился в окрестности Долгиновки рисовать с натуры. Деревня на самом берегу реки. За нижними огородами начинается луг. За ним – река, заросшая камышом. С луга виднеется церковь. При солнечных лучах золотятся купола. Над ними возвышается крест. В пасмурную погоду он как бы цеплялся за низко плывущие облака.

– Какая красота! – восторгался, идя по лугу, Илья Петрович.

Яркие луговые цветы приманивали к себе бабочек и пчёл. В воздухе стоял медовый аромат.

Художник остановился, сел на большую луговую кочку. Раскрыл альбом. Начал рисовать. На бумаге вскоре вырисовались река, на ней привязанная за корягу лодка, на берегу – камыш, а в сумерках вечерней зарницы виднелась старинная церковь.

Лёгкий ветерок донёс до слуха художника из камышей речного озера всплеск воды, девичий вскрик, затем приятный голосок, что-то мелодично поющий. Художник посмотрел по сторо-

нам, прислушался. Никого не увидев, из любопытства встал, по-кошачьи, беззвучно приблизился к тому месту, где продолжались всплески воды. На берегу заметил бельё, на нём – цветок ромашки. Художник притаился за ивняком, стал изредка выглядывать из укрытия. Вскоре из воды на берег вышла совершенно обнажённая блондинка. Илья залюбовался тонкими линиями её тела и пышными округлостями девичьих грудей.

«Русалка!» – восторженно подумал он.

«Русалка» вдруг остановилась и, ничего не прикрывая, спокойно спросила: «Чего уставился? Смотри, а то глаза полопаются».

Художник раскраснелся от смущения и стыдливости и неловкого положения, в которое его завело любопытство, снова спрятался за ивняком. А девушка, абсолютно не смущаясь и не волнуясь, как будто она на берегу одна, спокойно подошла к белью, взяла махровое полотенце и так же спокойно стала вытирать им своё тело. Надев нижнее бельё, девушка не спеша начала расчёсывать длинные русалочьи волосы.

Наблюдавший с прежним наслаждением за дивной «русалкой» художник, отвернувшись, невнятно произнёс из укрытия:

– Здравствуйте!

Девушка не ответила, продолжая своё дело. Потом постыдила:

– Нехорошо подглядывать.

– Вы простите меня. Я... нечаянно как-то это получилось.

– А что вы тут делаете? – усмехнулась девушка.

– Я-то? – переспросил рассеянно Илья.

– Вы-то, – не зло передразнила она.

– Гуляю и работаю.

– Здесь? Работаете? – засмеялась девушка. – Работаете и бесплатно получаете наслаждение эротической картиной...

– Говорю же, случайно так вышло. Извините меня.

– Ничего, проехали, – ответила она, почти совсем одевшись. Заметив альбом, заулыбалась: – А это-то зачем? Никак вы меня из-за кустов рисовали с натуры?

– Не успел. Да и не мог без разрешения.

– Вон вы какой! Культурный... Вот я уже кое-что знаю о вас. Вы – Илья. Из Санкт-Петербурга. Приехали к Фроловым...

– Верно. – Художник широко раскрыл глаза от удивления. – А вы откуда всё это узнали? Вы волшебница или добрая фея?

– В каком-то роде – да, – довольно хихикнула девушка.

– В таком случае и вы откройтесь. Вы обо мне вон сколько знаете, а я о вас ничего. Скажите хотя бы, как вас зовут.

– Мариной мама назвала, – прозвенела весело. И чуть серьезнее: – А ещё Гулящая. Работаю почтальоном.

– Это за что вам такой ярлык люди приклеили? – удивился он.

На этот вопрос Марина не ответила, собирая мокрые волосы под резинку в «хвостик». Вдруг вновь повеселела, вознесла руки к небу, потом чуть опустила, показывая ими на воду.

– Люблю в жаркий день после работы здесь на озерке поплескаться нагишом! Одно удовольствие! – И уже совершенно неожиданно предложила смело: – Если вы не возражаете, давайте купаться по вечерам вместе.

Илья, захваченный врасплох таким смелым предложением, совсем засмутился, растерянно глядел на неё и молчал.

– Стесняетесь меня? – то ли просто спросила, то ли упрекнула Марина мужчину. Взяла полотенце, мыло и лёгкой походкой удалилась.

Илья опомнился, догнал девушку и предложил тихо, несмело:

– Разрешите, я вас провожу?

– Разрешаю, – кокетливо изогнулась Марина. – Только помните, здесь деревня небольшая, а не Питер. Поди женаты?

– Увы, не успел пока, – ответил Илья.

– Да?! – удивилась Марина. И захохотала: – Тогда вам повезло. – Вдруг остановилась, приложила палец к губам, спросила шёпотом: – Слышите?

– А что слышать?

– Ничего не слышите, Илья? Чибис же кричит, трясогузка трезвонит! Послушайте!

Илья сделал вид, что слушает, а в голове – залихватистый смех девушки. Она сильно заинтересовала его ещё там, на берегу. И он перевёл разговор на нужную ему тему:

– А вы, Марина, замужем?

– Вот это знать вам ни к чему, – побледнела девушка.

– Почему же?

– Вы что? Я так вам понравилась? Один раз голую меня увидели и уже жениться решили?

– Почему бы и нет?

– По кочану... – Марина отвернулась от провожатого. Тихо, с лёгкой дрожью в голосе ответила: – Поживёшь, Илья, узнаешь. Я ведь баба гулящая. – И уже немного со злом бросила: – Кому я нужна?! У меня дочка. Восемь лет ей...

– Понятненько, – задумчиво протянул провожатый.

– Понятливый, – окинула Илью вопрошающим взглядом. Отрезала: – Дальше провожать меня не надо. Одна дойду, не заблужусь. – Скользя ещё раз по парню изучающим взглядом, быстро зашагала к деревне.

– Завтра встретимся, Марина? – крикнул он вдогонку.

– На озерке, – не оборачиваясь, ответила девушка.

...Прошёл месяц...

Илья за это время познакомился с дочкой Марины Юлей, нашёл общий язык и с её мамой. Об этом деревенские слухи, распускаемые сарафанным радио, дошли до бабки Клавдии и деда Степана. А однажды к ним пришла соседка Марфа и поинтересовалась:

– Клавдия, это правда, что художника, племянника вашего, Гулящая охмурила?

– Ну, и охмурила. Ну и что такого? – буркнула Клавдия. И более спокойно разжевала: – Оступилась в девках Маринка. Ну. Так её вообще захаяли: гулящая! гулящая!

– Ага, раз оступилась, – запротестовала настойчиво соседка. – Как бы не так! Да не раз! Она с мужиками это...

– А ты что, свечку, что ли, в то время держала? – огрызнулась хозяйка, оборвав гостью. – Видала, как и с кем она?..

– Нет.

– Чего тогда мелешь пуще мельницы?

– Так гулящая она! А Илья... жалко молодого мужика.

– Марфа! – раздался голос Степана из горницы. Войдя к ним, прикрикнул: – Ступай с глаз моих! Жалостливая нашлась. Мужика молодого шибко жалко ей... Сам разберётся, не маленький.

...В начале августа Марина, развозя на велосипеде почту пораньше, увидела у дома Фроловых незнакомку. Она в купальнике небесного цвета лежала спиной вверх на байковом одеяле, загорая под жарким солнцем. На крыльце сидел мальчик лет одиннадцати в белой маечке и в шортах.

– Мама! Тётя почту привезла! – крикнул он.

– Сынок, подай твоей мамочке газетку, – томно попросила мать.

Марина заинтересовалась, что это за новые люди в деревне, да ещё и у Фроловых, где находится Илья. Отдавая почту, спросила:

– Мальчик, тебя как зовут?

– Олег, – щурясь от яркого солнца, ответил наивный мальчонок.

– Вы приехали к дяде Илюше?

– Ага, – сказал он и убежал, не желая разговаривать с незнакомой тётей-почтальонкой.

У Марины ёкнуло сердце и неудержимо забарабанило. «Соперница! Брехал Илья! Женат он!» – выдыхала зло, в такт нажимания ногами на педали. Два дня она старалась избежать встречи с художником. Даже почту Фроловым носить заставляла Юлю. Марина не знала, что Илья, провожая ту женщину на поезд, объяснил ей произошедшее: «Лариса, ведь между нами всё кончено. Могла бы и не приезжать. Тем более что я теперь полюбил другую женщину». Проводив Ларису и вернувшись из райцентра в деревню, Илья сразу направился к Марине домой. Её не было.

- А где Марина? – спросил он у её матери.
- Мама почту разносит, – ответила за бабушку внучка.
- Я подожду Марину на крыльце. – Илья вышел из дома, закурил.

Ждать пришлось долго. Марина вернулась домой довольно поздно.

Уже наступали сумерки. Увидав на крыльце Илью, Марина остановилась на дорожке, не зная, подойти к нему или убежать. Он сам подошёл к ней.

– Мариночка, ты почему избегаешь меня? – взволнованно спросил Илья, забирая у неё велосипед.

– Потому что нам незачем встречаться, – дрожащими губами произнесла она. – Я ведь гулящая! И дочка у меня от командировочного нагульная! Тебе уже, наверное, все уши прожужжали про это. В общем, Илюша, не пара мы. Ты художник, известный уже, а я всего-навсего почтальонка. Притом деревенская.

– Ты злишься, Мариночка. Успокойся. Я понимаю тебя, ты из-за Ларисы. С ней всё давно кончено. Сюда она приехала без приглашения. А главное, Мариночка, я люблю тебя. Тебя! Выходи за меня замуж, любимая. Ты согласишься? – Илья замер в ожидании ответа. Он боялся отказа.

– Я... я тоже... – с трудом выдавливая слова из перекрытого тугим комком волнения горла, на её глазах блеснули бисеринки слёз – слёз огромной долгожданной радости, – тоже люблю... тебя, Илюшенька! Я согласна быть твоей...

– Она не успела сказать главного слова. Женой. Он и так понял ответ, крепко обнял любимую и прикоснулся губами к её голове. Волосы её ответили его губам речной влагой.

– Ты снова была на озерке, на нашем месте? – с волнением спросил художник.

– Я не изменила привычке. Да, купалась там. Потому так задержалась.

– Купалась тоже, как привыкла? Русалкой? – засмеялся Илья.

– Русалкой, – ответила Марина и тоже рассмеялась, вспомнив их первую встречу...

...В конце августа все трое, Марина, Юля и Илья, весёлые и счастливые, отправились в Санкт-Петербург. Навсегда. Их провожали тоже трое и тоже счастливых людей: бабушка Клава, дедушка Степан и мать Марины. Только у второй тройки глаза были на мокром месте, хотя и от счастья. Они волновались за будущее их родных. До асфальтированной дороги, где ходили рейсовые автобусы, добрались быстро в телеге, в которую была впряжена справная и шустрая лошадь Серуха. Уезжающих в Питер посадили в автобус. Когда он тронулся, они махали руками до тех пор, пока он не скрылся за холмом.

А деревня встретила проводивших неугомонным судаченьем.

– Проводили? Вот те и гулящая! Гуляла, гуляла, а такого парня отхватила! И красавец, и маляр!

– Не маляра! – поправляла другая женщина. – Художника!

– Вот-вот. Да ещё в такой городище подалась. Говорят, там и ночью светло как днём.

– Да ты что? Это как это?

– Вот так. Всё время день и день. Ночи нет совсем.

– О, Господи! А как же спать молодые будут? Когда?..

Поэзия

Елена Безрукова

Елена Безрукова – родилась в 1976 году в г. Барнауле, столице Алтайского края. Автор шести поэтических книг. Член Союза писателей России. По образованию юрист, психолог, в разные годы работала адвокатом, юрисконсультантом, последние 15 лет работает в отрасли культуры. Лауреат премии журнала «Сибирские огни». Стихи публиковались в журналах: «Алтай», «День и ночь», «Сибирские огни», «Плавающий мост», «Урал», «Этажи», «Юность», «Невский альманах», «Новая Немига» и др.

* * *

Доходя до прозрачности,
Воздух находит предел
Состояния, где ни спешить,
Ни теряться не надо.
Ты стоишь в ослепительной точке
Огромного сада:
Это света прибавилось
Или же сад поредел?

Доходя до прозрачности,
Речь опускает на дно
Прошлогодную траву,
И камни, и лодку, и остров.
Остаются такие слова,
За которые просто
Поллюбить и простить,
Но остаться собой заодно.

И стоит небывалая синь
На земле, на реке.
И летит в измеренье другое
Последняя мошка.
Доходя до прозрачности,
Память оставит немножко.
Чтобы было смешно и свободно
Ходить налегке.

* * *

Лёгким, безумным, оранжевым
Сбудься, случайная жизнь!
Шарик воздушный, не спрашивай,
Стой на мосту и держись.
За осторожную ниточку
В небе, контрастном до слёз.
Ах, человечешко, выскочка,
Что же ты миру принёс?

Что там за бред про служение?
Что там за рок огневой?
Может, ты лишь приложение
К шарикку над головой.
...А по мосту, по бетонному,
Слепо, предсмертно, как страх,
Едет в тебя многотонная
Гибель на всех скоростях.
И за секунду до окрика
Вздрагнув, как будто живой,
Шар понесёт тебя в облако
Вверх, над твоей головой...

* * *

Стюардессы, летящие в Питер,
прозрачны, как снег.
Некрасивые, лёгкие,
голосом воздух полощут.
Завтра выпадет снег поутру
на Дворцовую площадь,
и они в этом городе
выпадут жить на просвет.
Некрасивые женщины – дар,
мимо глупой судьбы
неизбежно всем нравиться –
в русло свободы весёлой.
Быть сильнее своей красоты,
быть почти невесомой!
Быть почти тишиною
среди бестолковой стрельбы.
Почему же опять
ты летишь в человеческий плен?
Зверь не ищет в своей красоте
ни забавы, ни смысла.
Что ты тащишь её,
будто вёдра несёшь коромыслом?

Будто жизнь опасаясь пролить
в ослепительный тлен.

* * *

...А то, что имеет значение для нас,
другим не понятно.
Другим непонятно, а бабочка жжёт
себя на лету.
Неси свою речь, взбивая её
конфеткою мятной,
чтоб шёл холодок
дымком вертикальным во рту.
А то, что имеет короткую жизнь
и звонкую скорость,
тогда веселило, сегодня – дыхание жмёт.
Теперь – я останусь.
Теперь – я поймала твою невесомость,
В которой никто не торопит
И бабочка ждёт.

* * *

Молоком горьковатое слово запить,
Чтобы вдох был по-прежнему светел.
Глубина, на которой нельзя разлюбить,
Всё прощает, заметил?
Через медленный сад, где гудит чернозём,
А листва говорит еле слышно,
Мы идём, будто мы никогда не умрём,
Собирать перезрелую вишню.
Что делить нам с тобою на этой Земле?
Нам и так-то по темечку било:
Не остаться в гордыне, в обиде, во зле.
А иначе – зачем это было?..

* * *

Вереск, полынь, вереск, полынь, вереск.
Помнишь И-цзын, спички, игру всерьёз?
Мысли мои идут по воде на нерест,
Им очень тесно жить, поднимаясь в рост.
Сколько нас – глупых, дерзких неутешимо,
Знающих всё, как надо, на сто рядов?
Вереск, полынь, женщина и мужчина,
Крестик и нолик, смерть моя и любовь...
Мало мне вдоха – неба речного шире.
Взгляд в глубину твою – осторожный брод.
Вот и опять мы бабочек засушили
Этим «я знал», «я знала всё наперёд».
Падают в руки нам грозовые тучи.
Двор наш от детских прятков по швам трещит.
Я не хочу заранее – это скучно.
Если я прячусь – ты всё равно ищи!
Кто там меня с пустыря из-за дома кличет?

Луч в голове саднит, если можешь – вынь.
Пусть не судьба, а просто игра на вычет –
Вереск, полынь, вереск, полынь, полынь.

* * *

Снеговая простуда, любовь – голытьба,
Аритмия прозрений, нелепых, как чудо.
Отведи эту ночь с воспаленного лба,
Как ладонь убирая прохладную чью-то.
Чтобы выпить воды непроснувшейся, встать
Между полночью липкой и ведьминым часом
И отправить полуночных вестников вспять,
Через утлую речку за каменным счастьем.
...Мне четырнадцать лет. Я всё знаю дотла.
Я ночных переправ собираю канаты.
И скучны мне любые другие дела
За порогом рассвета, распада, расплаты.
Но с утра – за шелчком забурлит кипятик
Полосканья людской непроветренной речи.
И опять перегон, и опять кровотоков,
И опять это страшное вочеловече...

* * *

Ничего я не знаю.
Иду по холодной стране.
С каждым шагом моим
становясь всё странней и странней.
Или страньше.
Потому что, вмещая в себя
её судьбы и сны,
Я вместить не могу
постоянно растущей страны.
А была она маленькой раньше.
Поначалу размерами с маму,
Потом уже с двор,
Расширяя маршруты,
Круги, глубину и простор
Потрясений, времён, революций.
И хотел бы, возможно,
Грибком подремать в кузовке.
И хотел бы пройти
мимо шторма по узкой реке.
Только поздно уже разминуться.
Только стали острее
слова эти: свой и чужой.
Только предки следят
за любой неумелой межой
через неотменённое детство.
И пока я смотрю
уходящему времени вслед,
остаётся во мне
вертикального воздуха свет.
От которого некуда деться...

Поэзия

Игорь Тюленев

Игорь Николаевич Тюленев – родился в 1953 году на Урале в славном посёлке Ново-Ильинский Пермского края. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве (мастерская Юрия Кузнецова, 1991). Автор 23 сборников стихов и многочисленных публикаций в альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского. Лауреат премии Союза писателей России «Традиция» и Международной литературной премии «Имперская культура». Награждён Министерством культуры Российской Федерации памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Постоянный участник Московских и Санкт-Петербургских международных книжных ярмарок;

25-го Парижского Книжного Салона во Франции; XIII Международной книжной ярмарки в Пекине. Секретарь Союза писателей России. Живёт в Перми.

* * *

Весна прошла. Минуло лето?
Нет, ещё август на дворе.
И изумрудная планета
Шумит, как брага в бунтаре.

Нам горевать с тобою рано.
Ещё не вырублен наш сад.
Пегас мой не порвал аркана
И служит мне, как Росинант.

Как при царе, мы безземельны,
Хоть нет тех мельниц ветряных...
Живём буржуям параллельно,
Как люди русские в пивных.

Как принято – живём, не тужим
Полвека на Святой Руси.
Садясь с молитвою за ужин.
Скворчат в сметане караси.

В буфете есть коньяк и водка.
Для женщин – лёгкое вино.
Есть в сундуке косоворотка –
Не надевал её давно...

Как на полотнах Васнецова,
В окне – родимая земля.
А за дверьми – шинель отцова,
Словно кольчуга, тяжела.

* * *

В пустом лесу трезвонят коростели,
Медведь берлогу ищет потеплей.
Лосиный след, как дырочки свирели,
На узенькой тропинке между пней.

Душа полна восторга и любви,
А сердце одинокое – печали.
Не пойте длинных песен, журавли,
И не звените райскими ключами.

На дно берлоги падает медведь,
Как в омут со скалы замшелый камень.
Листва темнеет, как от солнца медь,
И гаснет по лесам и рощам пламень.

МАМА

Выносит из прошлого Кама,
Флотилии и имена...
Я вижу, стоит моя мама,
Красивая мама моя.

Стоит на носу парохода
И смотрит на наши края.
Я спрятал в стихи твоё фото,
Красивая мама моя.

Жизнь пахнет сырыми груздями,
Ржаною горбушкой – поля.
Моргает большими глазами
Красивая мама моя.

Моргает? А может быть, плачет?
 Былую печаль не тая...
 Плыёт мимо старенькой дачи
 Красивая мама моя.

Мне вплавь до неё не добраться,
 Руками излуку кроя.
 Не сможем с тобой повидаться,
 Красивая мама моя.

Мы в разных мирах и столетях –
 Из чащи февральского дня
 Живого меня не заметишь,
 Красивая мама моя.

ДЕРЕВНЯ

Заросла лопухом и крапивой,
 Не найти ни окон, ни дверей.
 Замутились нечистой силой
 Озерки, где таскал карасей.

То, что брошено, – не безобразно.
 Значит, я этот вид заслужил.
 Потому что бездумно и праздно
 Я отцовскую жизнь доносил.

Покаянная ночь бесконечная,
 За свечой догорает свеча...
 Лишь поэзия – стерва сердечная,
 Из-за левого смотрит плеча.

ВАСИЛИЙ ШУКШИН

На Новодевичьем калина,
 Как Русь, прижалась к Шукшину!
 Шагает русская равнина,
 Чтобы отбить поклон ему...

Его душа в небесных сферах
 Хранит суровые слова,
 Не для московских маловеров –
 Банкира и ростовщика...

Он жил, «перо макая в правду»,
 Служил народу своему.
 И кирзачи сидели ладно
 На мужиках в моём роду!

Я точно видел с гор Уральских,
 Как вдоль Пикета облака,
 Как струги Разина по-царски
 Бросали тень на берега...

Тень, словно плат, накрыла Сростки,
 Храня гнездовье Шукшина.
 А под калиной у дорожки
 Седлает паренёк коня.

Калина красная такая,
 И паренёк простой такой,
 И в окна машет Речь Родная,
 Как мать в «Калине красной» той!

НИКОЛАЮ КЛЮЕВУ

Сын великих озёр и лесов,
 Града Китежа огненный ус,
 Задыхаясь от варварских слов,
 Окликал уходящую Русь.

Да не слушали люди тебя,
 Непомерный тянули свой воз,
 И стонала родная земля,
 Как на дыбе, от скрипа колёс.

И пошёл ты к ним ради Христа
 С перемётною нищей сумой,
 И оставил родные места,
 Путь закончил Нарымом-тюрьмой.

Пролетарские дети скорбят,
 Прозевавши апостольский стих.
 Но и нынче с креста ты не снят,
 Неизвестен, не понят и тих.

Знай, что Русь не умолкла навек,
 Видишь, дым с олонецких полей...
 Просыпается человек –
 Утро вечера мудреней!

РИХАРД ВАГНЕР

Как хорошо играют Вагнера!
 Как струнные звучат под медь...
 В России собственное правило,
 Где ходит по ушам медведь!

Но три трубы и три тромбона
 Вдруг да ударят в унисон!
 «Полёт валькирий» вне закона,
 На фоне струнных медь – закон!

И с просветлёнными сердцами,
 Чуть сдерживая трепет крыл,
 Застыли ангелы над нами!
 И я там был, мёд-пиво пил.

Мне ангел ближний был ответом,
По кромке света проведя,
Вернул за стол: – Пиши об этом,
Ведь Слово было до тебя!

* * *

Князю А. М. Горчакову

Опять завещанное море
Целует Русская Земля!
Крым за спиной, и в пене спора
Всплыла турецкая зола!

Кораблики смешные НАТО
Отскакивают от границ,
Как мячик теннисный... Не надо
Нам крови и чужих столиц.

Вам было, Горчаков, полегче,
Вы были просто поумней...
Но дураков не стало меньше,
А тёмных сил в сто раз темней!

С Европою противоборство
Не кончится и в этот век.
Но Правду Божию с упорством
Взыскует русский человек.

* * *

Время выпало внуку поэта родиться,
Невзирая на строй, на политику, лица...
Первый день, а он что-то мудрит о своём.
Мы в губастике этом себя узнаём!

Прокричал на весь мир, на секунду забылся,
Потому что не верилось – взял и родился?
Грудь терзая у матери ангельским ртом,
Он не знает, что будет – сейчас, я – потом.

Внуку я отдаю города и деревни
И великий язык – в мире есть ли напевней?
И от моря до моря людей океан.
И рассвет, и закат, и зенит, и туман.

И космический атом, затерянный в штольнях.
Шашку в ножнах, посева пшеничные – в зёрнах.
Ум и разум с талантом, чтоб дыры латать
У Державы, которую будут кусать.

Но врагов я пока оставляю себе,
Ведь не зря же у деда разряд по борьбе.

ВНУКУ ИГОРЁШЕ

Не обижайте малышей,
Они воркуют, словно птицы.
Их ангелоподобны лица
В лучах цветных карандашей.
Откроет небо створ зари,
Тепло просыпав из авоськи.
Слова взлетят, как снегири,
От лая беззаботной моськи.
Не обижайте Игорька
За то, что Игорьку не спится.
Уж колесом без ободка
Светило катится на спицах.
Он ещё дитячко, дитя.
Любви сеченье золотое.
Он отвечает вам, шутя,
На замечание любое.
Ну а пока он слишком мал,
Хотя растёт невероятно!
Но как непостижим Байкал –
Речь ангелов нам непонятна.

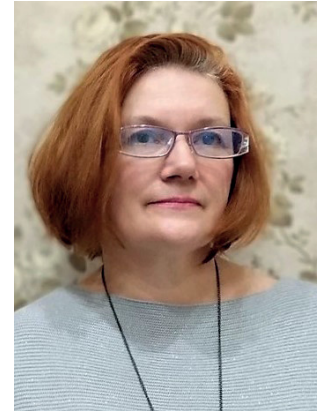
ПАСХА НА БЕЛОЙ ГОРЕ

Христос воскрес! Воскрес Спаситель!
Он спас нам будущие дни.
Воскрес Отчизны искупитель.
Мы на холме пред Ним одни.
Уже и солнце закатилось.
Коснулся рощи мрак ночной.
Гора пред Ним к земле склонилась
Своей гранитной головой.
Снега сошли, и реки вскрылись.
Запахла родиной земля.
И те враги, что ополчились, –
Вспять повернули от кремля.
Воскрес Победы Повелитель!
И Православия Отец!
Сегодня каждый вторит житель:
Христос воскрес! Христос воскрес!
Евангелие вслух читая,
Почувствуйте – какой замес!
Строку поэта повторяя:
«Сказал: “Воскресну!” – и воскрес!»
И с гулом звонов колокольных
Взмывает в небо шторм молитв!
И злобы нет, и слов крамольных,
Молящийся – благочестив.
Ты – Царь поэтов и науки.
Ты искру Божью людям дал.
Как смертный принял злые муки
За всех. И смертью смерть поправ.

Поэзия

Елена Русанова

Елена Германовна Русанова – родилась в 1964 году в г. Самаре. Детские и юношеские годы прошли в Астрахани и Астраханском заповеднике. С 1986 года жила и работала в Тюмени. Публиковалась в журналах и альманахах: «Нижний Новгород», «Врата Сибири», «Сибирское богатство», «Литературные знакомства», «Бийский вестник», «Александр», «Православный просветитель», «Земляки», «Русский орнитологический журнал», «Охота и охотничье хозяйство», на сайте «День Литературы» и др. Автор 13 книг поэзии и прозы, в том числе для детей, программы эколого-литературного воспитания школьников. В настоящее время живёт в Подмосковье. Член Союза писателей России.

* * *

В этот пасмурный день потеряли свою белизну
Старорусских красавиц стволы в золочёной оправе.
То ли дым, то ль туман, то ли смог города затянул,
И лютует всё зло, и мечтает о скорой расправе.

Но ещё в деревнях ткут свои шерстяные ковры,
А их розы и маки святою пронизаны силой.
И ещё в глубине мы-то знаем, что все мы добры.
И никто нас не сможет отрезать от Родины милой.

ВОЛГА

Ах, как матушка наша богата.
Словно белый платочек, плывёт
Мимо гор Жигулёвских куда-то
В необъятную даль теплоход.

Волга – символ величия и власти,
Волга – образ размаха души.
«Ты подарена людям на счастье», –
Шелестят в берегах камыши.

Так она многоводна, родная, –
Как кормящая мать – в разлив,
От истока до южного края
Пол-России на плечи взвалив.

Сердце Волги сильнее столетий:
Что она не смогла пережить?!
Ах, какие мы глупые дети –
Не умеем беречь и любить.

Тихо катятся гладкие волны,
Распушился туман над рекой.
Тут всегда вспоминаешь невольно
Всю Россию в лице бурлаков,

Русских женщин, с мостков на коленях
Отжимающих в реку бельё,
Жизнь народа в трудах и болезнях
И опричников злых вороньё.

Эти птицы всё кружат и кружат,
Светлых кладбищ темнят деревья.
Сколько Родина-матушка тужит,
Сколько молятся слёзно в церквах.

Отражаются храмы и небо,
А водичка – то кровь, то слеза.
Сердце Волги по самые недра,
В полной силе увидеть нельзя.

Ах, как матушка наша богата.
Где ловец добывал осетра,
Скажем скоро: «Бывало когда-то».
Нам самим бы дожить до утра.

* * *

Всё взморье – как лебедя белый полёт
В небесных волнах величавый.
То спящих сомов в мелководье вспугнёт –
Встревожит в подводных дубравах,
То крачек весёлых с плавучих куртин
Прогонит летящая лодка.
И только с коряги гербовый один –
Орлан нас проводит наводкой
С египетских росписей

царственных глаз
И снимется чуть запоздало...
И словно из пуха лебяжьего гладь –
Бликует, и взора ей мало.

ТРОСТНИК

Ты высоко над травами царишь,
Метёлок поднимая пух и зёрна.
Графическим рисунком ты, камыш,
Стоишь на фоне всех времён покорно.

Вот утреннее марево зари
Встречаешь ты, в безветрии застывший.
Вот – в час пожара с треском ты горишь,
Апрельский и сухой, до неба взмывший

Тяжёлым дымом, мётлами огня;
Ты остаёшься гарью, чёрной костью.
Как лезвием, ты полоснёшь меня
Своей листвою – непрошеную гостью.

В твоём шуршанье – шум дворцовых зал,
Парчи и шёлка плеск и оживленье.
Ты в небе и воде звезду достал,
На змей твоё похоже отраженье.

Ты – камышовок говорливых сад,
Немолкнувшего пеня их свидетель.
Хирономид чуть видимый наряд
Малёк, приблизясь, на тебе заметил.

Ты – логово, постель для кабана,
Укрытие для хищного енота.
Ты – плотно перекрывающая стена
Обзор с реки и повод для работы.

О, как же человека ты спасал,
В строительстве надёжное подспорье.
Ты тёплой крышей – мазанкою стал,
Сорняк полей, любитель акваторий.

Твоих метёлок пламя – серебро,
Ты строгостью и простотой пленяешь,
Зимой – охряный, в инее перо
Твоей листвы; ты бисер рос роняешь,

Как вся трава, как ива и рогоз,
Кудрявая прибрежная амёрфа.
Ты в паутинках – осенью стрекоз,
Листву и мотыльков качаешь мёртвых.

Ты прячешь гнёзда белых лебедей.
Ты сам красив, как акварель японца.
«Камыш» – ты в просторечии людей,
Тростник – свеча, горящая на солнце!

* * *

Нимфёйник – откуда название такое?
Вкрапления солнца на летней воде,
Звезда-колокольчик с пропиской речною,
Гнездящихся крачек цветочный удел.

Легчайшие гнёзда на листьях плавучих
Качают яичные сны на волнах.
О нежный нимфейник, счастливчик, везучий:
Увидит всю сказку об этих птенцах.

Он пух лебединый судёнышком белым
Тепло принимает к себе на причал,
Плодов не даёт и добра нам не делал,
Он лишь красотой к себе приковал.

Нимфейник – откуда название такое?
Уж, верно, его стерегут по ночам
Цветочные нимфы без сна и покоя,
Чтоб он без изъяна запомнился нам.

А днём, как известно, прозрачная фея –
Крылатая спутница вод – стрекоза
На нём восседает, на солнышке греясь.
Нимфейник не рви... Очень жалко. Нельзя...

* * *

Богаты росы, шёлковы леса,
Все вышиты черёмухой цветущей,
Тяжёлый бархат елей – чудеса,
Нам ни за что дарованные кущи.
Не будет нас – останутся они,
Красоты, искалеченные нами.
И памятью позорной станут пни
На землях, нарекавшихся лесами,
Пустыни – где исчезнут сотни рек
С кувшинками, уклеями, чирками.
Где хищный зверь с названием человек
Погибели оставил начертанье.

* * *

А летом, когда разнотравье
Похоже на царский ковёр,
Бушуют на грядах муравы –
Ярутка, сурепка, костёр,
Горошек, анютины глазки,
Торжественно-белый вьюнок
И любящий прятаться в злаки
Звездой полевой – василёк.

Сорняк не сдаётся без боя.
Но как человек ликовал,
Когда он с такою любовью
Земные названья давал!..

* * *

Мы скоро уйдём... Оставляем вам эту планету.
Она как весна, как черёмуха в нежном цвету.
Она и в крови, и страницу не вычеркнуть эту.
О, не позабудьте, что надо беречь красоту!
Когда и огонь, и коварная злоба, и пепел
Охватят пространство, то ярче увидится вдруг,
Как хрупко красив сотворённый не нами и светел
И может уплыть из-под ног, раствориться из рук
Земной этот шар...

* * *

Невиданное диво, неслыханное чудо
К нам лебединым пухом летит невесть откуда.
Но где же, где тот лебедь вселенского размаха?
Его укрыло небо лазоревой рубахой.
И рукавом кровавым утёрлось утром небо.
О, нам бы только зрелищ! О, нам бы только хлеба!
Зачем, зачем охота на лебедя в законе?
Стоят лебяжьим пухом снега на небосклоне...

* * *

Люблю тебя, мой верный карандаш,
Во всём послушен ты, со всем согласен.
Ты в трудный час и в день счастливый наш
Не возведёшь укоров и напраслин.

Такого друга сердцу и уму
Иметь лишь с благодарностью пристало.
Но я тебя ещё и потому
Так чествую, что нас роднит начало.

С глухой тайгой невидимая связь –
Далёких хвой тяжёлое шуршанье,
Взлёт поползня, осинки, что, дымясь
Зелёною пыльцой, хранят молчанье.

Лишь лёгкий шум разбудит их красу –
Лёт ветерка – и вновь всё замирает.
В тебе, гранёном, леса песнь несущу
Дремучую – то жизнь твоя вторая.

Не уставай творить и разрушать,
Случайные вычёркивая строки...
Ты так похож на стрелы камыша,
Как этот лист – на лезвие осоки.

* * *

Да здравствует эпоха примитива!
Где нанотехнологии царят,
Уходят в стратосферу небоскрёбы,
И камни рассыпают ультразвуком,
И даже кое-кто меняет пол,
Но налицо все признаки гангрены.
Мерцает исторический момент
Нечистоплотным зраком преисподней.
И даже то, что вечно, на весах
Колеблется, подвержено сомнению.
И мозг превозносящийся изъеден
Пустившей всюду корни клеветой,
И упрощаться некуда отныне...
Да здравствует падение империй,
Которое должны мы пережить!
Да здравствует эпоха примитива!
Хотя, кто знает, это, может быть,
Аукнулось «господство» над природой...

* * *

Скоро появится озеро.
– Где ты?
Я, словно друг, тебе рада всегда,
Нежный Эльтон, чудо нашей планеты,
Пусть безыскусное – соль и вода.
Я тебя розовым помню зарёю,
Это природы сюрприз и секрет.
Хочешь, от хищного взора укрою
Твой драгоценный и редкостный цвет,
Свет твой, сокровище полупустыни?
Пусть никогда не ступает нога
Варвара, вора – запрет им отныне
На золотые твои берега.

Поэзия

Юрий Богомолов

Юрий Богомолов – родился в 1940 году в г. Москве. Окончил Московский геологоразведочный институт им. Серго Орджоникидзе, кандидат геолого-минералогических наук (1970). Эксперт ООН (уровень Р-5), ветеран труда. В 2001–2003 годах был помощником на общественных началах сенатора Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. П. Орлова, а в 2013–2015 годах – помощником депутата Московской городской Думы народного артиста РСФСР Н. Н. Губенко. В настоящее время член учёного совета ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации им. А. Н. Костякова», действительный член Русского географического общества и член Союза писателей России. Лауреат «Национальной экологической премии им. В. И. Вернадского» в номинации «Наука для экологии» и премии Союза писателей России «Имперская

культура им. Э. Володина» по разряду «Наука», награждён Российским геологическим обществом медалью им. А. Е. Ферсмана «За заслуги в геологии».

ОСЕНЬ

Душу мою подсмотри наизнанку –
Жёлтые листья её облепили,
Птицы теперь не кричат спозаранку,
И петухи захандрили.
Буднично, просто всё стало и мило...
Кажется, люди решают задачу,
Будет ли солнце, иль миру
Можно рассчитывать лишь на удачу?
Рыхлое небо ползёт, не закончится,
Лужи лежат зеркалами,
Что-то земле и томится, и хочется...
Листья хрустят под ногами.

ОЖИДАНИЕ ЛЮБВИ

Солнце в ясном небе,
Океан в лазури дня,
Золотой песок и ветер –
Все алмазы для тебя!
Кладовые вдохновений:
Моцарт, Пушкин и Шекспир –
Интеллекты поколений,
Отдаю тебе весь Мир.
И души моей страданья,
Боль, впитавшую века,
Только ты назло гаданьям
Покажись издалека,
Подари мне хоть мгновенье –
И тогда, любовь моя,
Буду счастлив, как Есенин,
Прискакав в начале дня.

БЕРЁЗЫ

Берёзки плакали тихонько
На крайнем Западе Руси,
Никто не знал тогда, насколько
Их ранил гомон сатаны.

Чтоб не засохнуть на корню
И не исчезнуть в русской ссоре,
Они вручили жизнь свою
Родным собратьям в диком поле.

И вновь славянская мечта
Сработала надёжно,
Тысячелетия всегда
Встречали нас тревожно...

90-е ГОДЫ

На этом хрупком переломе
Мир лихорадило везде.
И Русь была почти что в коме
На радость недругам извне.

Но государство развернулось
Своей глубинною душой
И осторожно потянулось
К забытой истине простой...

Исток, закатанный в бетон,
Стал пробиваться властно,
Мир ошарашило, что он
Ещё был жив негласно...

БОЛЬ

Душа болит в славянском теле,
Который год горит свеча –
На край Руси химеры сели
И осквернили купола.

Там русский дух, там Русью пахнет,
Дозорный на ветвях сидит,
Там олигарх над гривной чахнет
И незалежностью смердит.

Там мелодичностью, как песней,
Гипнотизируют весь мир,
Там теплота, но лик беспечный
И в хромосоме бесконечной
Закамуфлирован вампир...

Нас всех когда-то разделили,
Неслышно нелюди вползли –
И вот тогда нас всех стравили,
И шёпот Гоголя в могиле,
И эхо Пушкина в Пальмире
Помочь с тех пор нам не смогли.

Вот и встаёт вопрос столетий:
Кто раздербанил нашу кровь?
Как под покровом лихолетий
И вновь возникших междометий
Угасла к Родине любовь?!

Душа болит в славянском теле,
Который год горит свеча,
На край Руси химеры сели,
Глаза и руки онемели,
И сердце требует врача.

Душа болит в славянском теле,
Который век горит свеча!

ЗАВИСТЬ

Люцифер задумал тайно
Человечество казнить –
И шепнул на ухо Кайну:
«Зависть – способ идеальный,
Чтобы Авеля убить».
Жаба зависти всегда
Нападает ниоткуда.
Наша главная беда –
Мы расчёт ведём всегда
Вместо разума – на чудо.
Вы слышали – древний Каин
Воплотился в наши дни? –
Враг Руси сам Джон Мак Каин
С чёрной завистью в крови.

Есть, по правде говоря,
Зависть белая такая –
В прошлом веке сказка для
Непридуманного рая.
Вязким слоем испражнений
Всех мутантов поколений
Зависть льётся по Земле,
Просим срочно наводнений,
Государственных решений,
По России и везде...
SOS...

ТАК ПОБЕДИМ!

Собор Парижской Богоматери
Не тронул ариев сапог,
Но сатана пробрался к паперти
И там Святилище поджёл...
Поджёл Варшаву и Хатынь,
Под Сталинградом был опознан
И был впечатан в нашу пыль,
Как паразит и червь навозный.
В собор Парижской Богоматери
Бессмертный полк я заведу
И подержу масонов взаперти,
Как Бог – преступников в аду.
Так принужденье бесов к миру
Увидит мир наверняка,
И броневой своей лирой
Поэт расплатится сполна!
Тогда солдаты в сорок пятом
Родятся заново в душе,
Как и Создатель, в ночь распятый
За всех погибших на войне...

2019

ГОГОЛЬ

Душа кристальная с рожденья
Не подводила никогда,
Сам Городничий наважденьем
Его преследовал тогда.

Свой дух воистину Вселенский
Он к мёртвым душам обратил,
Но, к сожаленью, сэр Белинский
В нём жажду истины убил.

Уродство липких либералов
И бесовщину от сохи
Никола показал не сразу,
Но постепенно вник «в проказу»
И вдруг расстроился с тоски...

Поэзия

Эльдар Ахадов

Эльдар Алихас оглы Ахадов – родился в 1960 году в г. Баку, в 1983-м окончил Санкт-Петербургский горный университет, с 1986 года живёт в г. Красноярске. Пенсионер. Ранее работал в Сибири и на Крайнем Севере в геологоразведке и горнодобывающей промышленности (разработка и эксплуатация месторождений золота, драгоценных и поделочных камней, бурого угля и углеводородов). Публиковался в журналах и альманахах: «Москва», «Молодая гвардия», «Мурзилка», «Дети Ра», «Зинзивер», «Кукумбер», «День и ночь», «Енисей», «Двина», «Александръ», «Иван-да-Марья», «Северяне», «Обская радуга», «Сибирские огни», «Неизвестная Сибирь» и др., в газетах: «Литературная газета», «Литературные известия», «Поэтоград» и др., произведения неоднократно звучали на «Радио России» (Красноярск и Ямал). Автор 68 книг поэзии и прозы, изданных на русском, английском, испанском и сербском языках, член Красноярской писательской организации с 1998 года, Союза писателей России с 2000 года, Русского географического общества с 2016 года.

НЕЖНОЕ

Сквозь облачка струится свет,
Прозрачный, нежно-золотистый,
Так слову доброму вослед
Душа становится лучистой.
В дали небесно-голубой
Она, как прежде, ищет чуда...
Не плачь. Ну что ты... Бог с тобой.
Ты видишь: Он с тобой повсюду.

ГОЛОС ВО СНЕ

Тот голос был так радостен и звонок,
Так пел и звал, рождаясь в тишине,
Что сердце шевельнулось, как ребёнок,
Прислушиваясь к музыке во сне...
И вот оно – летит из кельи тесной
Туда – на свет, на радость поутру,
Где кружится и тает гром небесный –
Влюблённый в шёпот листьев на ветру...

НА ПУСТЫННОЙ ПЛОЩАДИ

На пустынной площади ночной
Тихий дождь беседовал со мной.
Всё вздыхал: «Не время для свиданий».
Всё шептал: «Опомнись и не жди!»
В поздний час меж фонарей и зданий
Бродят только мысли и дожди».

Всё ходил за мной, не умолкая,
А потом смутился и исчез...
И огни последнего трамвая
Мне тебя доставили с небес.

ТАЙНЫЙ СВЕТ

На земле есть истинное чудо,
Мир не знает, в чём его секрет:
Где бы ни являлась ты, повсюду
От тебя исходит тайный свет.
Он невидим равнодушным взглядам,
Всё привыкшим мерить на рубли,
Но когда живое сердце рядом
Бьётся, задыхаясь от любви,
Ты одна, окутанная светом,
Неизменно видишься ему...
И оно, признавшееся в этом,
Вслед тебе рассеивает тьму.

МЕЖДУ НАМИ ЖИВЫЕ ОГНИ ГОРОДОВ

Между нами живые огни городов,
Между нами пески без дорог и следов,
Между нами вершины сияющих гор,
Между нами морской и небесный простор,
Между нами лавины несказанных слов,
Шелест утренних листьев и шёпот снегов,
Поезда, самолёты, ветра, корабли –
Между нами... и крыльями нашей любви!

СНОВА СНАМ НЕ ДАНО
ПРИКАСАТЬСЯ К ОЧАМ

Снова снам не дано прикасаться к очам,
Снова двое в разлуке не спят по ночам:
То подушка не та, то не в тему кровать!..
Им ведь некого в ней до утра целовать.
Но другим не расскажет ни он, ни она –
Отчего они оба не ведают сна...
Там, где нужно друг другу себя подарить,
Право, незачем что-то другим говорить.

ТЕКЛИ БЕСКОНЕЧНЫЕ
КАПЛИ ДОЖДЯ

Текли бесконечные капли дождя,
Трамваи блестели устало,
Вдруг ты оглянулась, почти выходя
Во тьму из торгового зала.
И вздрогнуло сердце моё от любви,
На душу твою откликаюсь...
А в кассах всё так же звенели рубли,
И девушки не отвлекались...

КАК МОЛНИЯ

Как молния – глаза в глаза –
Пронзительно и безнадежно,
Любви внезапная гроза
Душой командует мятежно.
Кромсая плоть кипящих луж,
Отверзшаяся, словно залежь,
Она берётся вновь за гуж,
Во всём надеясь на себя лишь.
Взметнётся, жизни не щадя,
И стихнет, громом истекая...
Лишь в окнах искорки дождя
Да в камне жила золотая.

НОЧНОЕ ТАКСИ

Нам больше невозможно жить поврозь!
В тебе – моё, во мне – твоё дыханье...
Той ночью я пропах тобой насквозь,
А мир притих на лезвии сознания.
Летело сумасшедшее такси.
Шофёр косился в зеркало обзора.
Прости влюблённых, Боже, и спаси
От взоров ошалевшего шофёра!
...И шелестел букет стыдливых роз,
Собой укрыть пытаюсь безуспешно:
Глаза мои, счастливые до слёз,
Глаза твои – сияющие нежно...

ПРИВЫКАЮ К ТВОЕМУ ТЕПЛУ

Привыкаю к твоему теплу,
Льну к нему доверчиво губами...
За окном всю ночь следя за нами,
Барабанит дождик по стеклу.
Впитывая капли теплоты,
Лишь тебя я чувствую повсюду
В ранний час, когда, подобный чуду,
Возникает день из темноты.

КОГДА ТЕБЯ МОИ ЛАСКАЮТ РУКИ

Когда тебя мои ласкают руки,
Похожа ты на робких учениц,
Неискушённых в таинствах науки:
Куда и как глядеть из-под ресниц,
О чём шептать, как вздрагивать умело,
Где пауза важнее, чем жест и вздох...
Но сможет всё неопытное тело,
Когда любовь войдёт в него как Бог!

ПРИТЯЖЕНИЕ ЛЮБВИ

Ты ножницами рук и ног
Кроишь и раздвигаешь воздух,
И небо за глотком глоток
Искрится в радугах и звёздах,
И всё ожившее вокруг
Иного не имеет платья
Помимо ног моих и рук,
Стремящихся в твои объятия.

МЁД

«Возьми меня! Люби меня! Войди!» –
Почти кричало вздрагивая тело...
Мёд струйкой растекался на груди,
И капелька у губ твоих блестела.
И вся постель, и всё вокруг – в меду,
В восторге сладком и неутомимом.
«Люблю тебя! Возьму тебя! Войду!» –
Шепчу глазам неистово любимым.

ПРОЩАНИЕ С ЭГЕЙСКИМ МОРЕМ

И в этот день мы тоже были там,
На яхте, с птицей утреннею схожей,
Где волны льнут к просмоленным бортам
Прохладной и морщинистою кожей...
Стихал закат. Тянулись корабли,
И дальний порт темнел многоголосо...
В последний раз о море и любви
Нам пели итальянские матросы.

Людмила Быкова

Людмила Александровна Быкова – родилась в 1951 году в пригороде Узловой Тульской области. В 1971 году по распределению приехала на работу в Калининградскую область. Работала мастером, технологом, главным инженером на Краснознаменском сыродельном заводе. Без отрыва от производства получила высшее гуманитарное образование, несколько лет работала на выборной должности. Автор пяти поэтических сборников: «Волишебные звуки» (2011), «Неоконченный роман» (2012), «День за днём» (2014), «Параллельные миры» (2016), «За шторкой – немое кино» (2017), а также сборника переводов стихов восточнопрусской поэтессы Иоганны Амброзиус «Поющая душа» (2017) и сказки в стихах «Сказка про царя Гороха и кота его Демьяна» (2021).

В ДАЛЁКОМ СЕНТЯБРЕ

К столу склонился абажур,
Тень разбросал по всей квартире.
Я над блокнотом ворожу
Без сна уже часа четыре.

Порвать листок черновика,
Вернуться к звонким песням лета?..
Ах, нет, печалится строка
О доле славного поэта.

Ноябрь стонет во дворе,
Вот-вот в окно ворвётся ветер,
А в том далёком сентябре
Осенний воздух тих и светел.

Под позолотой дремлет лес,
Огнём пылают шапки клёнов...
Там – дуб могучий до небес,
Там – Пушкин, в Болдино влюблённый.

Очаровал его пейзаж,
Раскрыла тайны панорама,
Капризной Музы верный паж
Ступил под свод святого храма.

К ключу заветному приник,
Испил живительной водицы,
И чувства радостные вмиг
Легли стихами на страницы.

Рука роняет серебро –
Манжет завёрнут на запястье.
Спешит гусиное перо
Увековечить в рифмах счастье.

Дала согласие Нагали,
На сердце раны отболели,
И скрыт за вёснами вдали
Залп пушечный той дуэли.

Ещё шесть лет до января,
Когда нагрянет рок незрячий,
И вздрогнет, и зайдётся плачем
По сыну русская земля.

НАШ МЕССИЯ

Обеды званые, балы,
Где каждый шаг заметен,
Где за спиной у похвалы –
Наветов грязь и сплетен;

С хозяйкой дома полонез
Под тихий скрип паркета,
Под шёпот радостный повес
И светские беседы;

Призыв во взгляде визави,
И жар истомы в теле,
И ночи, полные любви,
И глупые дуэли;

И грусть, что в песне ямщика,
И шум могучих сосен,
И предрассветная тоска,
И Болдинская осень.

Отточенность бессмертных фраз,
Страданья юной Тани,
Союзы тайные, Кавказ,
Онегина метания.

Горячий кофе по утрам,
Веселье в час пирушки,
Стихи в альбомы томных дам –
Во всём – он, Пушкин, Пушкин!

Долгами чаще жил поэт,
Прославивший Россию.
Не пожелал тщеславный Свет
В нём разглядеть Мессию.

Он красил золотом свой век,
Презрев и лень и робость,
Известный миру человек,
Державы нашей гордость.

Великой следуя судьбе,
Он, Музой окрылённый,
Смог вечный памятник себе
Создать, нерукотворный.

МИР ПОЭЗИИ

Хочу туда, где солнца лик
Сияет дивною улыбкой.
Хочу туда, где каждый миг
Как вечность. Здесь несносной пыткой
Дожди, туманы, серость, хмарь.
Ушёл с морозами январь,
Февраль умчался вдалеку позёмкой,
Март на дворе, но где ж весна?

Чуть поиграв капелью звонкой,
Вдруг ливнем хлынула она.
Лучи, едва мелькнув, пропали:
Нет сил пробиться сквозь свинец
Унылых туч. Уйдут? Едва ли.
Где этой серости конец?
Где жаркий лик, который ждали?
Он там, куда стремится взор!

В цветастый нарядив убор
Край бесконечной благодати,
Разжёт там яростный пожар.
Огонь среди хмари очень кстати:
В нём ожил данный Небом дар,
Дождём прибитый монотонным.
Разбужен мир, такой огромный,
В душе сокрытый странный мир.

Он не безрадостен, не сир,
Он только дремлет иногда,
Но там живёт земное чудо,
В ночи горит одна звезда,

Свет посылая свой оттуда,
Который ляжет вмиг строкой
На лист под быстрою рукой,
Начав весёлый шумный пир.

ЧУЖАЯ ДАЛЬ

Мчится время к старости из детства,
Непрерывно вертится спираль.
Вот уже спокойней бьётся сердце,
Чаще манит взор чужая даль,
Даль, что укрывает бесконечность.
Знают тайну звёзды, облака
И бесстрастно-ледяная млечность,
Людам не узнать её пока.

Одолели частые сомненья:
На земле кончается ли жизнь.
Разные сейчас бытуют мненья –
Тут одной гипотезы держись.
Я определилась однозначно:
Есть другие в космосе миры.
Небо голубое не прозрачно,
Не прозрачно только до поры.

В миг, когда душа покинет тело
И вольётся в пенный поток,
Разомкнутся грозные пределы,
Устремится штопором виток
К новым неизведанным высотам,
Где сияет золотистый свет,
Где покой в неслыханных красотах,
Где ни мрака и ни боли нет.

От картинок ярких станет легче
Страхами измученной душе:
Ведь её надежда только лечит –
Истина, не мёртвое клише.
Я раскрою чистую тетрадку,
Подточу острее карандаш
И проникну в вечную загадку –
Я себе позволю эту блажь!

ВСЁ, КАК ОБЫЧНО

Всё, как обычно: закаты, рассветы,
Оттепель, морось, прохлада и зной,
Вечно куда-то спешащее лето,
Грустная осень пред долгой зимой.

Всё, как обычно: знакомые лица,
Встречи, разлуки, рождение, уход...
Мчится во времени жизнь-колесница,
Жмётся к обочине прожитый год.

Рядом в пути безмятежность и грозы,
Беды, страдания, радость и смех,
Только чем дальше, тем больше вопросов:
Что за чертой, где кончается бег

Там, на просторах бескрайней Вселенной?
Что укрывают от нас облака?
Всё на земле быстротечно и тленно,
А в небесах спрессовались века.

Нам не проникнуть в сакральные тайны,
Не посвящает в них мудрый Господь,
Но понимаем: совсем не случайно
Духом питает он бrenную плоть.

Стройной мелодии космоса внемлю,
Знаки ищу в ней опять и опять...
Нет, не напрасно приходим на землю,
Этот порядок должны мы принять!

В спальню проник аромат земляничной,
Сладко дурманил всю ночь до зари...
Пусть быстротечно, пусть всё как обычно,
Но коль родился, живи и твори.

В РИТМАХ МАЖОРНЫХ ТРЕЗВУЧИЙ

Строчку, одну только строчку прошу,
Право, одну только фразу.
Спящие мысли свои разбужу,
В памяти им отыскать прикажу
Красную нить для рассказа.

Быстрым потоком польются слова,
Свяжутся крепкой цепочкой.
Цепи сплетутся потом в кружева,
Ляжет на лист непорочный едва
Строчка, начальная строчка.

Сколько мне счастья опять принесут
Тайные эти мгновенья!
Душу излечат, а может, спасут,
Освободят от невидимых пут,
Страхи прогонят, сомненья.

Снова захочется славить весну
В ритмах мажорных трезвучий.
Воздуха чистого жадно вдохнув,
Трону звенящую в сердце струну,
Стих создавая певучий.

Небо, молю, подари мне строку,
Лучиком брось на бумагу.
Музыку я из неё извлеку
И обернуть твою щедрость смогу
Страждущим душам во благо.

ИСПИСАНЫ СТРАНИЦЫ

Исписаны страницы,
Стройна, мудрёна вязь.
Поэту бы гордиться,
Что книга удалась,
Что в чётком ритме мысли
Легли за рядом ряд,
Войдя в людские жизни,
Всех учат и корят.

Слова как будто рады
Клеймить нещадно ложь,
Хотя цена их правды
Всего лишь жалкий грош:
Устал простой читатель
От горестей и бед,
Не критик, а мечтатель –
Вот кто его поэт.

Писать он должен сказки,
Где много добрых врак,
Где сорваны все маски,
Умён Иван-дурак,
Где простачок Емеля,
Пригревшись на печи,
От древности доселе
Вкушает калачи.

Где слово души лечит,
Где шутка правит бал,
Где даже злую нечисть
Счастливым ждёт финал.
Где кличут Русь святою,
Не льют людскую кровь,
Где платой для героев –
Красивая любовь.

Поэзия

Александр Гахов

Александр Константинович Гахов – родился в 1952 году в г. Обоянь Курской области. После окончания средней школы поступил в Тамбовское военное авиационно-техническое училище им. Ф. Э. Дзержинского. Окончив его, в 1973 году получил направление в г. Черняховск Калининградской области, 25 лет посвятил служению армии в разных гарнизонах нашей страны. В 2005 году в калининградском издательстве «Янтарный сказ» была напечатана первая книга стихов «Пока надежды теплится свеча». Позднее увидели свет повести: «Оберег», «Легионер», «Витинг», «Операция “Волхвы”», сборники стихов: «Любовь – огонь божественного дара», «На острых гранях бытия», «Тропой осенних откровений», «Мои мгновения», книга рассказов «Проснуться счастливым», роман «Капли на стекле». В 2006 году был принят в члены Союза писателей России. В 2012 году удостоен звания члена-корреспондента Академии Поэзии (г. Москва).

В РАЗДУМЬЯХ СТОЮ У ПРИЧАЛА

Багровыми бликами солнце ложится на воду,
Я в дымке вечерней в раздумьях стою у причала.
Печалются чайки, вещует закат непогоду,
Ушедшие годы, подкравшись, стоят за плечами.

В холодных глубинах напрасно искать мне ответы, –
В открытых ладонях безмерность извилистых линий.
Сценарий из жизни шальной не подправить сюжетом,
Надменностью сфинкса печальная тайна застынет.

Кредит, что мне выдан, с лихвой возвращаю в рассрочку,
Дуальность пространства нависла шагреновой кожей,
Остаться вне времени мыслю единственной строчкой,
Невзрачным цветком полевым, на других непохожим.

Ведь жизнь – это рампа, где многие в маске и гриме, –
При свете юпитеров вольному воля раздеться,
Но мир инсталляцию правильно вряд ли воспримет,
Вернувшись в гримёрку, услышу плач глупого сердца.

... Багровыми бликами солнце выводит легато.
Я в дымке вечерней в раздумьях стою у причала.
Ладонь подставляю в надежде продлить миг заката, –
Остывшие краски – палитра конца и начала.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОДОК

В размытых каплях на стекле
Гроза оставила свой профиль.
В бреду растрёпанных аллей
Сирень слышней роняет вздохи.

Средневековый городок,
Хранящий отзвуки столетий,
От черепичных крыш до ног
Размыт в неистовом сюжете.

По старым улочкам его,
Пройдя сквозь время эмигрантом,
Бродить я буду по кривой
С тенями Гофмана и Канта.

Над «философскою тропой»
Века в безмолвии нависли.
Я пью целительный настой
Весенних запахов и мыслей.

И в синей дымке бытия,
На дюнах с готикой сосновой,
Возможно, я найду себя
Задолго до рожденья слова.

НЕПРОХОДЯЩЕЕ

Люблю я шелест волн и летнюю истому,
 Снега кавказских гор, с корицею вино,
 Но ближе мне тепло губ с чувственным изломом
 И соль далёких звёзд во мраке незнакомом
 Колодца прошлых лет, упавшая на дно.
 Горчинку вешних трав, заваренную в чашке,
 И вяжущий гортань пахучий, терпкий мёд
 Из рук твоих испив, забыл про день вчерашний
 И сжёг последний мост над бездной тёмных вод.
 Люблю я неба синь в разводах белых кружев,
 Неспешный разговор у костерка в ночи,
 Но ближе осень мне, написанная тушью,
 Когда с тобой вдвоём бредём по стылым лужам
 И в графике скупой пожухлый лист горчит.
 Мы на игру судьбы с тобою насмотрелись,
 И ростани зимы не испугают нас.
 Я пальцы рук твоих дыханием согрею,
 И в том, что всё пройдёт, не прав Экклезиаст.

МИНУТНЫЙ СПЛИН

Кончается февраль, ночных порош гуляка.
 Стол... В клетку чистый лист и лёгкое перо...
 Взывает Пастернак: «Достать чернил –
 и плакать!»
 И я пролью печаль влюблённого Пьеро.
 Мальвина за стеной разучивает роли,
 И дремлет Артемон, устав от кутерьмы.
 «О том, что жизнь – театр,
 давно никто не спорит», –
 Навевя лёгкий сплин,
 шепнул «Гаспар из тьмы».
 Я согласился с ним. А сам подумал: странно...
 Ведь Лао-цзы признал слов изречённых ложь.
 Среди суеты земной на сцене чаще – драма.
 Кончается февраль. То снег идёт,
 то дождь...

К ЧЕМУ СЕЙ РАЗГОВОР?

Весна. Беспечно облака за горизонт спешат,
 Сиренью пахнут холода и словно в дымке сад.
 О вечности и бренности задумался старик:
 Былое не переписать, ведь жизнь – не черновик...
 У дочки дети взрослые, живут без баловства,
 И правнуки отрадою, как вешняя листва.
 Сын с головою в бизнесе, за хвост поймал свой шанс.
 Его партнёр – в Германии, рыжеволосый Ганс.
 И только грозы майские, вздыхая в стороне,
 Прокручивают в памяти картины о войне...
 На праздник в дом родительский заехал в гости сын.
 Сказал почти эпически – жить деду лучше с ним:
 «Нелёгкий путь ты прошагал. Уж тянут вниз года.
 Ведь будет некому помочь, случись с тобой беда».
 Дед молча «Русскую» достал, огурчик покрошил
 И, усмехнувшись, произнёс: «Поэтому и жив».
 «Отец... – Сын рюмку пригубил: – У Ганса “фатер” есть,
 Как ты – танкист, и всю войну провоявал он здесь.
 Под Прохоровкой, где в огне вы встретиться могли,
 Не угодили небесам – вас судьбы развели». –
 «И что с того? – взглянул старик. – К чему сей разговор?
 Я защищал свою страну, а он пришёл, как вор!» –
 «Да я к тому, – смутился сын, продлив беседы нить, –
 Он хочет встретиться с тобой, ну... И пивка попить!
 Кто вспомнит прошлое – глаз вон, чтоб виделось едва». –
 «А кто забудет, – дед вздохнул, – тому, сыночек, – два».
 Он встал и подошёл к окну. Пьянил весенний сад.
 И вспомнились глаза друзей и тот кромешный ад...
 Не мог он прошлое предать, врага не мог простить!
 И сыну с болью прошептал: «О чём с ним говорить?!»

Поэзия

Нина Подтуркина

Нина Владимировна Подтуркина (творческий псевдоним Нина Хрусталёва) – родилась в 1978 году. Член Союза литераторов города Курска, автор сборника стихотворений «Поэтическая мозаика», печаталась в коллективных сборниках «Живое слово» № 14–17, сборниках «Живые стихи соловьиного края», «Золотая сусаль», сборнике детских стихотворений «Лето, солнце, море света». Победитель городских конкурсов, финалист всероссийских конкурсов. Работает учителем-логопедом в центре дополнительного образования «Оберег».

ДАВАЙ НАЧНЁМ НАШ РАЗГОВОР...

НАШ РАЗГОВОР

Давай начнём наш разговор на языке дождя.
Я надиктую, он тебе морзянкой простучит.
В ответ напишешь новый стих, конечно про меня,
Потом апрельский тёплый дождь его прочтёт
в ночи.

Давай продолжим разговор на языке цветов,
Их аромат к тебе в окно с зарёю прилетит.
На свет родится новый стих, конечно про любовь,
Мне ветер принесёт его, прогнозам вопреки.
Давай закончим разговор приватно, тет-а-тет,
Рука в руке, глаза в глаза и в унисон сердца.
Шепну – люблю, и по губам прочту я твой ответ,
И буду рядом навсегда, до самого конца.

СВЕЧИ КАШТАНОВ ПОТУШЕНЫ

Свечи каштанов потушены
Сильным весенним дождём.
Мы его музыку слушали,
Каждый грустил о своём.
Я рисовала задумчиво
На запотевшем окне
Небо, покрытое тучами,
Лес в дождевой пелене.
Мне б обладать телепатией,
Ты бы, конечно, узнал,
Это не просто симпатия –
Самым любимым ты стал.
Хочется душу в признаниях
Перед тобою излить.
Только ещё вспоминаю я
О безответной любви.

Дождь по земле бьёт отчаянно,
Плачет небесная твердь.
Ты всё узнаешь нечаянно,
Скоро узнаешь, поверь.

ПРО ТЮЛЬПАН

Среди безродных одуванчиков,
От солнца ласкового пьян,
Качался на ветру заманчиво
Красивый бархатный тюльпан.
Он свысока на всех поглядывал,
Осознавая, что красив,
Прохожих удивлял и радовал,
А одуванчики бесил:
«Сорвать бы чудо благородное,
Он здесь совсем не ко двору!» –
Так одуванчики безродные
Шептались часто поутру.
Но рос тюльпан под майским солнышком
В траве манящим огоньком.
Со временем осталось доньшко
На месте ярких лепестков...
А одуваны непутёвые
Смеялись радостно, но вдруг –
От ветра потеряли головы
И улетели все на юг.

ВОРОБЬИНЫЙ ДЕНЬ

У воробьёв сегодня банный день.
Растаял снег, образовались лужи,
Пускай февраль ещё слегка простужен –
Пичугам о весне кричать не лень.
Купаются, чирикают, шумят,
Растрёпанные, будто после драки.

Все воробьи – большие забияки,
Но нет дружной и собранной ребят.
На куст ватагой сядут шептунной,
Их даже пёс дворовый не пугает.
В февральском небе солнышко сияет,
А воробьи довольны чистотой!

БОСИКОМ ПО СТРОЧКАМ

Босиком по строчкам, как по лесенке,
Пробегу, появится вдруг стих.
В нём мои рифмушки и чудесенки.
И немного выдумок моих.
Сядут в строчки, будто бы на жёрдочку,
Разные-преразные слова.
Где смешные, где порой серьёзные,
От которых кругом голова.
И спешишь их на бумагу выплеснуть,
А иначе не дадут мне спать.
Я секрет когда-нибудь да вызнаю,
Как стихостихией управлять.
Как писать, чтоб рифмой околдовывать,
Грусть и радость пополам дарить,
И картины словом вырисовывать,
И сердца людские беречь.

ОСТАТЬСЯ...

От Питерских дождей
Ещё не высох зонт.
Мой поезд подошёл,
Пришла пора прощаться.
Уеду я туда,
Где светел горизонт.
Но почему же мне
Так хочется остаться!?
Пусть тучи над Невой
Свинцовые плывут,
И волосы мои
Растреплет свежий ветер;
Остаться навсегда,
Иль даже на чуть-чуть –
Желание шепчу
Серебряной монете.
Я знаю, что вернусь
К тебе, мой Петербург,
Ведь есть ещё места,
Где я не побывала.

И кто ты для меня –
Любовник или друг?
Мне всё равно тебя
Всё время будет мало...

СНОВИДЕНИЕ

Ты однажды майской ночью
В сон ко мне придёшь случайно.
Ошибёшься сном, но знаю,
Точно знаю – не уйдёшь.
Что у нас потом случится –
Это будет наша тайна.
Но покой с частичкой сердца
Ты с собою унесёшь.
Ежедневно, засыпая,
Буду ждать с тобою встречи,
Нет, не точка – запятая
Наше классное «вчера».
Я люблю твою улыбку,
Твои волосы и плечи.
Приходи желанным гостем,
Оставаясь до утра.

ПАХНЕТ АСФАЛЬТ ДОЖДЁМ

Пахнет асфальт дождём.
Память уносит в детство:
Вместе идём опять
В школу весенним днём.
С детства всегда вдвоём,
Улицы по соседству.
Ты не даёшь скучать,
Шепчемся ни о чём.
Дождь нас врасплах застал,
Мы побежали разом.
Школа недалеко,
Вымокли мы слегка.
На проводах блестят
Капли, как будто стразы,
Ветер погнал легко
Серые облака.
Дождь перестал идти.
Вот и конец уроков.
Слышится из окна
Скрипка, а может, альт.
Слушаем по пути
Музыку водостоков –
Всюду царит весна.
Пахнет дождём асфальт.

Поэтическая седмица

Максим Лаврентьев

Александр ОРЛОВ:

Как известно, раньше псалмы пели на богослужении всей общиной, но впоследствии нетленные тексты стала исполнять группа певчих или церковный хор, но поэт Максим Лаврентьев отважился на сольное исполнение богодухновенных песен. Поэт являет нам разнообразие исторических обстоятельств, свидетелем и очевидцем которых он стал. Каждая из величественных песен в его переложении является воспроизведением духовного состояния, которое переживал царь и пророк Давид. С ним вместе в стихах наш современник отображает и своё духовное состояние, движение ума, желание каяться и исповедоваться. Его угнетает скорбь, окружают искушения, против него строят козни, но устремление к справедливости и добродетели спасает автора и читателей... И в этом главная заслуга поэта...

ИДУ Я В БОЙ – И БОГ СО МНОЙ В СТРОЮ...

* * *

О Господи, не покидай меня!
Молюсь тебе, зову тебя, стена.
Кость каждая горит, как головня,
иссохло сердце, как трава степная.

Мой сторонящийся земного дух
подобен птице, что сидит на кровле,
а там, внизу, там, к правде слеп и глух,
злой рыщет враг, моей алкая крови.

Я слёзы пью и пепел ем, как хлеб.
Низвергнутый, раскаялся, да, видно,
не до конца: во лжи своей свиреп,
без устали поносит враг Давида.

Преследует меня он всякий день,
утробным воем наполняет ночи.
А время иссякает, словно тень,
которая к полудню всё короче.

* * *

Спаси, Господь! В болоте я погряз,
льют на меня безвинно реки дряни.
Возвысил бы на это правды глас,
да не могу – вода в моей гортани.

Среди людей, неправедных и злых,
приставленных ко мне подобно страже,
чужим для близких сделался моих –
вот что в вину Давиду ставят даже!
Но не напрасно душу я треплю:
меня и в столь стеснённом положеньи
поддерживает чувство, что терплю
не за себя, за Бога поношеньи.
А значит, Бог порвёт злодеям сеть,
преступные вокруг расторгнет связи.
Пусть злобствуют – я буду только петь,
дабы Господь нашёл меня и в грязи.

* * *

К тебе взываю, Господи: услышь!
Душа моя от многих бед изныла.
Хоть сердцем я люблю покой и тишь,
безмолвие твоё мне как могила.
Не погуби с бесчестным заодно,
с поддельным другом,
с миротворцем ложным.

Из них да будет каждому дано
по мыслям и делам его безбожным.
Разрушив козни зла, благослови
страдающих – пусть пагуба отстанет.
Бог радости, Бог истинной любви
без утешенья нас да не оставит.

* * *

Молю тебя, помилуй, Боже мой!
Прощенье, не огонь пошли мне с неба.
От зла, от беззакония омой,
чтоб сделалась душа белее снега.

Суди меня. Но после отвори
уста мои, дабы под звёздной сенью
призвал других я на пути твои,
от бездны уводящие к спасенью.

* * *

Не в гневе обличай меня, Господь,
не наказуй с жестокостью излишней.
Потрясены душа моя и плоть –
прости, помилуй, исцели, Всевышний!

Спаси, избавь! Коль смерть за мной придёт
и скроюсь я в земле, в её утробе,
и мне беспмятство закроет рот,
смогу ли славить Господа во гробе?

Страдаю я. Недугом истомлён,
слезами в полночь омываю ложе.
...Прочь, маловеры! Бог услышал – он
подал мне помощь, мой всеильный Боже!

* * *

Благослови, душа моя, Творца!
Он равномерно оделяет лучшим
всех чад своих и с милостью отца
прощает беззаконие заблудшим.

Лекарство, исцеляющее плоть,
не лечит душу, не врачует нравы, –
всем этим занимается Господь
и не люзует, если мы не правы.

Бог видит: человек почти цветок –
от грубого он гибнет обращенья.
И как далёк от запада восток,
так порознь мы и наши преступленья.

* * *

Земля и небо, дело Божьих рук,
свидетельствуют нам о нём воочью.
Повсюду жизнь, повсюду свет и звук,
движение идёт и днём и ночью.

Везде Господь, кругом его закон,
которому подчинена природа.
Кто это видит – с горем не знаком,
ему и суд Господень слаще мёда.

Людские очи, Боже, просвети,
умы от грешных помыслов очисти.
Не дай нам сбиться с правого пути –
того, что к неземной ведёт отчизне.

* * *

Господь – мой пастырь. В тучные луга
меня он вывел, дал живую воду.
И трапезу перед лицом врага
вкушаю я Всевышнему в угоду.

Мне голову елеем умастил –
и вот уже не думаю о тлене.
А срок настанет – Бог прибавит сил
идти к нему дорогой смертной тени.

* * *

Господь – мой свет. Мне с ним неведом
страх.
И понапрасну кажет враг свирепость:
спасенья не ищу в земных стенах –
есть неба неприступнейшая крепость!

Укроет Бог сиянием своим,
в котором не найдёт меня обида.
Я на колени брошусь перед ним –
и выше звёзд поднимет он Давида.

* * *

Сказал Давид, въезжая во дворец,
который для него и был построен:
«За всё благодарю тебя, Творец!
Я жил в норе – теперь мой дом просторен.

Я говорил: “Что пользы, коль умру?
Как послужу тебе, утратив плоть, я?
Спаси!” И свет проник в мою нору.
Я в царский плащ облёкся, сняв лохмотья.

Господь со мной! Грехи преодолев,
когда во зле душа моя томилась,
теперь я счастлив... Краток Божий гнев
и бесконечна к праведному милость».

* * *

Ни света – только тьма со всех сторон,
ни времени здесь не было сначала.
Возрадуйтесь о Боге, ибо он
всё сотворил. Господь сказал – и стало.

Но берегитесь вызвать гнев Творца –
любые стены он легко повалит.
Не в наши лица Бог глядит – в сердца.
Спасётся тот, кто сердцем уповает.

* * *

Злодеям не завидуй – как трава.
весь род их будет выкошен под корень.
Лишь истина одна вовек жива,
её держись, Всевышнему покорен.

На негодяев слишком не гневись –
путь в преисподнюю для них короткий.
Пушай гордец и ходит носом ввысь,
а землю унаследует лишь кроткий.

Хоть нечестивцы так ополчены,
что, кажется, у слабых нет ни шанса,
Бог сломит и мечи и колчаны,
не только шлемы – кости сокрушатся.

Обид немало я от злых терпел,
Из-за угла мне каждый в сердце метил.
Но вот я здесь. А где они теперь?
Не их ли прахом разыгрался ветер.

* * *

Что человек живущий? Суета!
Вопль неумолчный, вечная тревога.
Псалтирь я отложил, сомкнул уста,
чтоб в тишине услышать голос Бога.

Какую правду возвестит мне он?
О том, быть может, что конец мой близок.
Я стану словом до конца времён,
а сам исчезну, промелькнув как призрак.

* * *

Меня, Всевышний, истиной исправь,
чтоб не дремал, в кругу льстецов пируя,
от злого, от лукавого избавь
и не отринь, когда к тебе приду я.

Там, на святой горе, у алтаря,
в совсем ином, прекрасном горнем мире
не усомнись в рабе твоём, даря
вселенский звук простой его псалтири.

* * *

Ты, Боже, был со мной за много дней,
как пахарь, что хранит зерно для сева.
Сберёг в утробе матери моей
и вывел в нужный срок меня из чрева.

Всё детство пестовал и наставлял.
Подобие скудельного сосуда –
я для врага смешон, тщедушен, мал,
однако же явил Господне чудо.

Но и дожившего до седины,
прошу, не покидай! Заботься тоже
о том, чьи мысли соединены
с псалтирью, славящей тебя, о Боже!

* * *

Один безумец крикнет: «Бога нет!» –
и тысячи глупцов содеют мерзость.
Мир пропитался злом до самых недр,
весь круг земной, не только наша местность.

Но род людской неравный ждёт итог,
хоть каждый перед Господом ответит.
Кто здесь страдал, того приблизит Бог,
а тех, кто наслаждался, Бог отвергнет.

* * *

Тот, кто избрал прибежищем своим
Всевышнего, живёт как в райской куще:
простёр Господь покров любви над ним –
щит истины, всех кротких берегущий.

Незримо Божьи ангелы всегда
его хранят, не подпуская близко
ни язву, что приходит в города,
ни злого аспида, ни василиска.

И потому-то он внушает страх
и кажется необъяснимым дивом,
когда повсюду на его глазах
свершается возмездье нечестивым.

* * *

Псалом Давида, сочинённый им
в четвёртый день недели: «Боже правый!
Встань, судья земли, для мести злым,
яви себя, сияющего славой!

Доколе будут угнетать народ,
сирот и вдов лишая пропитанья?
Причину горя, корень всех невзгод, –
доколе будет окружать их тайна?

Но, горы обращающий во прах
и ветры посылающий на воды,
легко читает Бог в людских сердцах
и наказует целые народы.

Глупцы! Кто убедил, невежды, вас,
исполненных воинственного духа,
что не увидит тот, кто создал глаз,
что не услышит сотворивший ухо?!»

* * *

Иду я в бой – и Бог со мной в строю.
Мы делим с ним палатку на привале.
Он тут как тут, когда ложусь, встаю.
Он рядом, если в душу наплевали.

Не я один такой – на всех вокруг
хватает вовлечённости Господней.
Всевышний даже бремя вечных мук
страдальцам облегчает в преисподней.

Бог видит нас в утробе, с каждым он
при первом вздохе и при первом крике.
Жизнь от начала до конца времён
гремит, как хор, в его великой книге.

* * *

Поговори ещё со мной, псалтирь,
о Господе, не раз тобой воспетом.
Велик его шатёр – вся неба ширь,
а сам он облечён, как ризой, светом.

Взойдя на колесницу, в облака,
Царь объезжает всякий день державу.
С востока кони-ветры ездока
по небу мчат, ретивые на славу.

А здесь, внизу, о Господи, твоя
земля, благословенная вовеки.
По ней, людей, зверей и птиц поя,
текут тобою созданные реки.

Насыщена потоками воды,
руками обработана умело,
земля приносит тучные плоды,
которые питают земледела.

В амбарах умножается зерно –
его довольно, чтоб хватило на год.
Мы пьём великолепное вино,
добытое из виноградных ягод.

Когда ж в ночи является луна,
как то велит божественный обычай,
лесная пробуждается страна –
львы из пещер выходят за добычей.

Миллионы глаз глядят из темноты.
Моря и сушу кутают туманы,
где оживают чудные скоты –
единороги и левиафаны.

Но снова озаряется восток,
нам, чадам света, новый день даруя.
Да славится в веках Господь наш Бог
и всё его творенье! Аллилуйя!

Берега истории

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, кандидат философских наук, автор 27 книг прозы, поэзии, публицистики.

ЛУЧШИЙ ДИПЛОМАТ В ИСТОРИИ РОССИИ

*О книге Екатерины Фёдоровой
«Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский – кузнец внешней политики». 2022*

Государственный муж

Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824–1896) сыграл выдающуюся роль в истории русской дипломатии. Воспитанник Царскосельского лицея, он начал свою дипломатическую службу в 20-летнем возрасте и отдал ей почти полвека, находясь на ней до конца своей жизни.

Был чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе, в Лондоне, подписал окончательный Константинопольский мирный договор между Россией и Турцией (1879), повлиял на смягчение условий Симоносекского договора с Цинской империей (1895). Принимал участие в разработке русско-китайского договора о союзе и строительстве Китайско-Восточной железной дороги, а также в подписании соглашения с Японией (протокол Лобанова – Ямагата, 1896).

Коллекционер, историк, библиофил, генеалог

Автор книги обращает внимание на разнообразие интересов Алексея Борисовича как любителя отечественной старины, книг, автографов и материалов по истории России, преимущественно XVIII столетия, например, собрания подлинных писем князя А. А. Безбородко к графу Н. И. Панину,

Он является исследователем истории царствования Павла I, диаспоры французских легитимистов.

Познакомившись с генеалогическим трудом князя П. В. Долгорукова, а затем получив в распоряжение его архив, Лобанов продолжил его дело, опубликовав 247 росписей дворянских родов, составивших «Русскую родословную книгу» – 1895. Оба сочинения долгое время были единственными серьёзными и последовательными источниками генеалогии российского дворянства.

Неустанный собиратель и коллекционер, Алексей Лобанов-Ростовский был обладателем собрания портретов и монет, в котором особенно интересна коллекция русских монет, чеканенных в Кёнигсберге во время занятия его русскими войсками в ходе Семилетней войны (1758–1761).

Исследователи жизни А. Б. Лобанова-Ростовского

Несомненным достоинством книги является привлечение источников – исследований современников А. Б. Лобанова-Ростовского, посвящённых жизни и деятельности государственного мужа: В. Теплова, 1-го секретаря посольства и самого близкого сотрудника и единомышленника Лобанова; А. Уманского, биографа многих великих фигур России; А. А. Половцова, государственного секретаря, сенатора и друга Алексея Борисовича, автора словарных статей многотомного издания биографий. Важны и публикация единственного современного систематического исследования деятельности дипломата, написанного И. С. Кушнарёвым, а также указания на немногочисленные, но значимые выводы учёных постсоветского периода – исследование И. С. Рыбачёнок и многих других.

В книге, посвящённой А. Б. Лобанову-Ростовскому, активное участие принял потомок Алексея Борисовича, наш современник, известный коллекционер, меценат, в прошлом банкир Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, который ярко, образно и достоверно отметил заслуги своего родственника. А кроме того, Никита Дмитриевич финансировал издание.

Создание Болгарии

«По своей личной инициативе, – рассказывает Никита Дмитриевич, – и из-за его многолетней дружбы с турецким султаном Алексей Борисович сумел его уговорить внести создание автономного княжества Болгария в мирный договор России с Турцией в 1879 году, который он подписал, будучи послом Российской империи в Константинополе. Мало кто в Болгарии знает или хочет знать об этом договоре. То же самое в России, но по другим причинам. В Болгарии все помнят Сан-Стефанский предварительный договор, датированный мартом 1878 года, в котором Болгария должна была простираться от Дуная до Средиземного моря и от Чёрного моря до озера Охрид. Под нажимом Англии это предложение было удалено, и через полгода, на Берлинском конгрессе в сентябре 1878 года, создание Болгарии после окончания Русско-турецкой войны вообще не было упомянуто. Только из-за личной и тесной дружбы между Лобановым и султаном Абдул-Гамидом II Лобанову удалось уговорить султана внести создание княжества Болгария в Константинопольский окончательный мирный договор, который Лобанов подписал в 1879 году. Княжество Болгария оказалось четвертью территории, предлагаемой графом Игнатъевым. Это, конечно, унижительно для большинства болгар, где каждый школьник знает о Сан-Стефанском договоре, о перемирии и великой Болгарии и ничего не знает о Константинопольском мирном договоре, который реально создал Болгарию, хотя и в пределах меньшей территории. А до этого на протяжении 500 лет Болгарии не существовало.

А Россия, – продолжает Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, – этот договор не любит вспоминать, потому что, несмотря на то что она выиграла войну на поле сражения, политически Россия её проиграла. Войска генерала Скобелева стояли под Константинополем. Но Англия поставила России ультиматум: в случае наступления войск Скобелева на Константинополь они начнут обстрел со своего флота, расположенного в Босфоре, по армии Скобелева и объявят войну России, которая была ослаблена финансово и военно в результате договора об окончании недавней Крымской войны 1853–1856 годов. И российским войскам пришлось вернуться на родину».

Обратите внимание, что Сан-Стефанский договор был о прекращении военных действий, а не о мире; договор о мире был подписан Лобановым в Константинополе.

Сохранение Православия в Болгарии

В 1859 году Лобанов был назначен чрезвычайным и полномочным посланником Российской империи при Порте Оттоманской. Ему было 35 лет! Лобанов пользовался расположением султана Абдул-Меджида I и дружил с наследником турецкого престола Абдул-Гамидом II. В 1861 году он пригласил к себе в посольство Иосифа Сокольского, болгарского православного архимандрита, который выбрал путь подписания унии с Римом и, став униатским архиепископом, возглавил болгарскую Униатскую (греко-католическую) церковь. В результате разработанного князем Лобановым плана Сокольского похитили и с помощью болгарских общественных деятелей, настроенных на сближение с Россией, Найденом Геровым и Петко Славейковым, переправили на корабле в Россию и поместили в Киево-Печерскую лавру. А болгары выбрали нового православного митрополита. Таким образом, Болгария вернулась к православию. Вот как описывает это ближайший сотрудник Лобанова в посольстве, Владимир Александрович Теплов:

«Достигнув своей цели, иезуиты охраняли вернувшегося в Царьград Сокольского с особым тщанием и берегли его как зеницу ока, точно предчувствуя неустойчивость убеждений нового болгарского прелата. Сердце их оказалось вещуном: прошло не более пяти месяцев после возвращения Сокольского в Константинополь, как, снедаемый угрызениями совести за вероотступничество и мучимый сознанием, что он сделался орудием создания общины, которая отныне, благодаря своему новому юридическому положению, имеет все средства, чтобы вести ожесточённую борьбу с православием, – Сокольский внял советам известного болгарского патриота Славейкова и, невзирая на приставленную к нему почётную стражу, бежал из своего дома и прибыл в Буюк-дере – летнее местопребывание русского посольства.

Когда князю Лобанову доложили, что его желает видеть болгарский архиепископ, и он вышел к нему в приёмную, Сокольский прямо упал на колени и, изъявляя горькое своё раскаяние во всём прошлом, умолял князя спасти его от иезуитов. Видя, что Сокольский был одет как католический прелат, в фиолетовом одеянии и таких же чулках, князь Алексей Борисович потребовал, прежде всего, чтобы он снял с себя эту одежду – не подобающую бывшему православному духовному лицу, – так как ранее того он не признаёт возможным входить с ним в какие-либо переговоры. Сокольский подчинился этому требованию...

Князь Лобанов ответил ему: «Сегодня почтовый день, и через час придёт сюда русский пароход, отправляющийся в Одессу: если раскаяние ваше искренне, то ничто не мешает вам сесть на этот пароход и тотчас же отправиться в Россию»...

Всё это было сделано так быстро и так ловко, что лишь чрез три дня безуспешно искавшие Сокольского повсюду иезуиты узнали всю неприятную для них правду. Но было уже поздно – Сокольский был уже в Одессе, откуда, с Высочайшего соизволения, был переведён в Киево-Печерскую лавру, где жил до своей кончины.

Долго не могли утешиться католики в понесённом ими поражении... Наградой же князя Лобанова был крайне лестный отзыв об его образе действий в этом случае со стороны покойного Императора Александра II и звезда Св. Анны, присланная ему с первой же... почтой».

«...В расстоянии одного километра от древней Китаевской пустыни, – продолжает рассказ князь Н. Д. Лобанов-Ростовский, – в непосредственной близости от Преображенской пустыни, находится небольшое урочище, жители которого до сих пор называют его Болгарским хутором. Большая часть нынешних хуторян расскажут вам, что здесь полторы сотни лет тому назад приезжие болгары разводили виноградники и сады, и только немногие старожилы помнят от своих дедушек и бабушек, что в этом месте проживал ссыльный болгарский епископ. А почему ему пришлось выехать из родины в далекий Киев – не знают и они...»

Болгарская православная церковь дважды была независимой, и всякий раз после падения болгарского государства теряла свою независимость и церковь. В середине XIX века некоторые влиятельные православные болгары видели выход из положения в унии с Римом. Они рассчитывали получить относительную независимость, сохранить и развить собственную церковную традицию, которая отвергалась патриархом Константинопольским. В 1860 году группа людей (политики, несколько состоятельных болгар из Стамбула и два иезуитских миссионера) решили вывести Болгарскую православную церковь из-под юрисдикции Константинопольской и подчинить ее Римской курии с целью затормозить влияние России в Болгарии. Они выбирают 75-летнего игумена Сокольского монастыря

вблизи Габрово, монаха Иосифа Сокольского, и предлагают его папе Пию X на место архиепископа и главы Униатской церкви в Болгарии. 14 апреля 1861 года папа назначает приехавшего в Рим Иосифа на этот пост. Вскоре после возвращения архиепископ Иосиф осознаёт, что совершил ошибку, и впадает в депрессию.

Видя, что Болгарская церковь, вместо того чтобы объединиться, распадается из-за униатства, православный поэт и общественный деятель Петко Рачев Славейков затевает дерзкую авантюру. Он решает похитить архиепископа Иосифа и передать его на заточение в Российскую империю, чтобы таким образом покончить с униатством в Болгарии. При посредничестве писателя и общественного деятеля Найдена Герова, состоявшего тогда на русской дипломатической службе в Пловдиве, он вовлекает в свою затею Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского, советника русского посольства (1859–1863) в Стамбуле. 6 июня 1861 года под предлогом прогулки на пароходе вдоль бухты Золотой Рог Иосифа заманивают на корабль, который вместо прогулки вдоль берега берёт курс на Одессу. Петко Славейков покрыл все расходы, связанные с перевозкой, но, вернувшись в Стамбул, он получил 4500 грошей от русского правительства, врученные ему А. Б. Лобановым-Ростовским.

Для покаяния болгарскому владыке предложили поселиться на земле принадлежащего Лавре Преображенского скита. Иосиф поселился на хуторе и сразу заложил сад и виноградник, полностью посвятив себя развитию виноградарства. К церковной службе Иосифа Сокольского как униата не допускали, но материально он был обеспечен. Пожаловавшись однажды Киевскому митрополиту, что ему не выдают должной рыбы и вина, Иосиф навёл на своё хозяйство целую лаврскую комиссию. Митрополит, ознакомившись с отчётом, написал: «Жалоба оказалась несостоятельной. Оставить без последствий». А про вино добавил: «и прежде не следовало давать и после отнюдь не давать, потому что у нас для вина нет... безвозмездного источника».

В последние годы жизни болгарскому епископу пришлось несколько раз ездить на земли Восточной Польши, вошедшей в состав Российской империи, и убеждать местное униатское духовенство и паству переходить в православие. Умер он в 1879 году. Перед кончиной исповедовался и причастился «по чину Православной церкви». Похоронили его на Преображенском кладбище. Могила существовала ещё в начале минувшего века, домик же его Лавра сдавала дачникам, а затем он был разобран и перенесён.

125 лет Восточно-Китайской железной дороге

16 июня 2021 года в Институте востоковедения РАН состоялась конференция на тему: «125 лет Восточно-Китайской железной дороге».

125 лет назад состоялось заключение русско-китайского союзного договора, от имени России подписанного князем Алексеем Борисовичем Лобановым-Ростовским, который в то время был министром иностранных дел. Действующая на тот момент в Китае династия прислала своего наиболее выдающегося государственного деятеля Ли Хунчжана (Ли Хунчжан – один из самых влиятельных и одиозных сановников Цинской империи XIX века), Япония – маршала Ямагату (Ямагата – японский политический и государственный деятель, военный. 3-й и 9-й премьер-министр Японии, генерал Императорской армии Японии, маршал, председатель Генерального штаба армии), и Корея – Мин Ён Хвана (Мин Ён Хван был министром Корейской империи, известен как консервативный сторонник реформ. Он родился в Сеуле в могущественном клане Ёхын Мин и покончил жизнь самоубийством в знак сопротивления Договору Юльса, наложенному Японией на Корею. Он был приёмным племянником императрицы Мёнсон. Сегодня его помнят за его усилия по обеспечению независимости Кореи на закате династии Чосон, и статуя в его память теперь стоит у ворот дворца Чхандок в Сеуле), которому поручено было предложить России принять Корею под свой протекторат. Они прибыли на коронацию Николая Второго, но параллельно были приняты важнейшие документы экономического содержания о Союзном договоре с Китаем, одна из статей его давала России право пользоваться бухтой Киао-Чао (Цзяо-Чжоу) для стоянки Российского флота. Китай согласился на постройку железной дороги через Маньчжурию для кратчайшего соединения с Владивостоком.

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский рассказал убедительно и исчерпывающе, что договор дал Китаю эпохи империи Цин защиту от нападения Японии, облегчил экспорт китайских товаров в Россию. Расходы по постройке дороги были всецело за счёт России, а они были огромными из-за

Берега юбилеев

Андрей Шацков

*Дорогой Андрей Владиславович! Сердечно поздравляем Вас с юбилеем!
Вы несёте в жизнь позитив, здоровое мышление, справедливость, благородные поступки
и улыбку! Оптимизма, любви, тепла и уюта, душевной непринуждённости, свежих идей
и их воплощения, новых Вам радостных встреч, верных друзей, прекрасного самочувствия,
бодрости и энергии, вдохновения и творческих удач, целеустремлённости и крепости духа!*

Андрей Шацков – поэт. Родился в 1952 году в Москве. Автор четырнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и множества литературных премий. Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рузе.

НОЯБРЬ ZZ

Ноябрь... И белые мухи
Стучатся в ночное стекло.
И ветры вселенской порухи
Приносят заморское зло...

И звоны срываются роем
С вершин церковей на посад,
Где ротный застыл перед строем
С приказом: «Ни шагу назад!»

Такая случилась забота,
Такая случилась беда,
Что снова уходит пехота
В метели,
в туман,
в никуда...

Ещё не истлели останки
Германии чёрных солдат,
Но снова немецкие танки
В полях Украины горят!
И Дмитровской скорбной субботы
Синодик –
добавил листы.
Но смотрят в небесные своды
«Языц иноземных» кресты.
Так было всегда изначала,
Когда ополчалась страна,
И Невского клятва звучала,
Воздавшего кнехтам сполна.

И Сергия взор – васильково
Светился сквозь толщу веков.
И поле цвело Куликово
Стеною червлёных щитов.
Там пращурсы – гордые, в силе,
Стояли доспехом звеня:
Во имя грядущей России,
Во славу победного дня!

01 ноября 20ZZ года

ПОЛУНОЧНАЯ БАЛЛАДА

Качаются лапы прибрежных лесов,
По заводям прячется рыба.
На сердце – тоски полуночной засов.
Бессонницы смертная дыба.

Торопятся страхи, как мыши на сыр,
Как князьки клеветы на вече.
Как воронов вещице стаи на пир
Остывшей к полуночи сечи.

И жёлтые – светятся волчьи глаза.
Сверкают зелёные – рысьи.
Закатною кровью набухла слеза
Росы,
окольчужившей листья...

Над Северским знамя полощет Донцом
И чёрного солнца верига.
И в небо глядит побледневшим лицом
Бесстрашный и доблестный Игорь.

Затмение тенью легло на траву.
Слетаются тучами враны...
Но целит стрела, растянув тетиву,
В полночные ворога станы.

И топчутся кони, уздами звеня.
Великое кажется малым.
И с честью погибнуть за други своя
Не страшно ему под Каялом.

Не страшно... Осталась докука одна,
Которая горами движет:
Как встретит разлуку с мил-другом жена,
Кто «Слово» в Путивль ей напишет.

И будет полуночный длиться правёж
Души,
до рассветного часа.
Покуда молочным туманом на рожь
Опружится месяца чаша.

И тиной затянутся Вия глаза
В бездонной трясине болота,
Когда прозвучат петухов голоса
И вспыхнет крестов позолота,

И степь заалеет стеною щитов,
И двинутся русские рати.
И «Слово» про Игоря – главным из слов
Пребудет в Руси вековати!

РЕСНОТА¹

Под золотой обителью небес
одна тщета...
И голубь в аэр круто
Уходит.
А внизу – разор и смута,
И поднял в схватке пики – чёрный лес,
Как трудно скорбным разумом постичь
Горящие в огне – страны уделы.
И ядом смол отравленные стрелы,
И диких тварей полуночный клич!
Когда на мир спускается беда
И, словно волны – подступает горе,
Справляют шабаш ведьмы Лысогорья
И цепенеют в страхе города.
Когда на Русь текли орда и лях,
И угрожал тевтон клеймёной сталью,
И сеял дождь кровавою печалью,
Чтоб плесенью взошли грибницы плах, –

Гремел набат! И трубный выси глас
Рёк истину в скрижалях прописную,
Что будет рядом с Богом – одесную
Тот, кто за други примет смертный час!
Земля моя! Приходит твой черёд!
Оставь врагу сомнения и страхи.
Тверды клинки и так белы рубахи.
И правое плечо «Марш-марш» вперёд!

ВОИНАМ РОССИИ

Вдоль речки дымится порез
Не сомкнутых льдов по стремнине.
Никак не кончается лес
На русской бескрайней равнине.

В галопе крещенской пурги,
Под платом рождественской ночи,
Таятся в чащобах враги,
Мерцают разбойные очи.

Каким мне ключом запереть
Границу от края до края?
Россия – вселенская твердь,
Отнюдь не преддверие рая.

Какой заповедной строкой,
Пришедшей на память молитвы,
Хоть на год продлить твой покой,
Чтоб силы достало для битвы!?

Но нет, не расходится мгла
И рваные тучи теснятся.
На струганых досках стола
Харлуг и прадедовы святцы.

Застыли в углу образа
Небесным, летучим отрядом,
И сын поднимает глаза
И смотрит внимательным взглядом.

И дланью обнял рукоять,
Расслышав отцовское слово:
«Рождённым в России – опять
Средь поля стоять Куликова!

И падать от стрел и от смут
За Правду, средь бранного дыма...
А павшие – утром придут,
Ведь мёртвые сраму не имут!

Лишь просят включить в литию
Забытого воина имя.
И места всё меньше в строю
Осталось,

меж нами и ними!»

¹ Истина (др.-рус.).

Берега юбилеев

Никита Лобанов-Ростовский

Никита Дмитриевич Лобанов – гражданин Российской Федерации. В 1958 году окончил Оксфордский университет в Англии, получив степень бакалавра и магистра геологии. Продолжил образование в США, где в 1960 году в Колумбийском университете в Нью-Йорке получил степень магистра экономической геологии, а в 1962 году в Нью-Йоркском университете – степень магистра банковского учёта. Почётный доктор Санкт-Петербургской академии художеств, академик Международной информационной академии при ООН в Женеве, действительный член Петровской академии наук и искусств (2008), почётный член Российской академии художеств (2016). Награждён: главной наградой Международного совета российских соотечественников «За вклад в русскую культуру и искусство» (2003); медалью в память 300-летия Санкт-Петербурга, за вклад в русскую культуру (2004); орденом Дружбы за вклад в сохранение русского искусства (Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина от 29 февраля 2005 г.); наградой «Золотая муза» за вклад в русскоболгарские культурные связи (2009); лауреат награды «Соотечественник года – 2012» и Российской премии Людвига Нобеля (2013); медалью Совета Федерации за работу с соотечественниками (2015).

ПРИВЕТСТВИЕ К 20-ЛЕТИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МСРС

2 ноября 2022 года в Москве состоялось юбилейное мероприятие, посвященное 20-летию образования Международного совета российских соотечественников (МСРС). Для участия в торжествах, несмотря на непростую обстановку, прибыли представители российской диаспоры из 29 стран мира.

Я искренне рад приветствовать вас, дорогие друзья, на нашей юбилейной встрече, посвящённой 20-летию деятельности МСРС.

Каждый из членов нашей всемирной организации, – а я это хорошо знаю, – исходил из убеждения, что вместе нам будет легче не только отстаивать интересы российских соотечественников, но и *что-то* сделать сообща на благо исторической Родины.

Почему я решил участвовать в МСРС, я, потомок династической фамилии? Выходец из среды так называемой белой эмиграции, вынужденной покинуть Россию?

Меня очень тронула деятельность мэра Москвы Юрия Лужкова. Я поддержал его инициативу по созданию международного объединения российских соотечественников, проживающих за рубежом, и принял предложение включиться в его создание. К тому же добавлю, что деятельность МСРС по сохранению русского культурного наследия органично совпадала и с моими многолетними личными увлечениями, и с усилиями моих предков в далёком прошлом.

Напомню о трёх значительных инициативах, в которых я был соинициатором. Две осуществились благодаря поддержке МСРС: это памятник героям Первой мировой войны в Москве на Поклонной горе и памятник «Сыновьям России, воевавшим в Гражданской войне» в Севастополе как символ примирения в Гражданской войне «красных» и «белых».

Символично, что идея создания памятника родилась в Севастополе на Графской набережной и принадлежала нам, потомкам первой волны русской эмиграции, руководителям МСРС: графу П. П. Шереметеву и мне, а также Е. С. Табачникову, в то время исполнителю секретарю МСРС.

Увы, наше предложение о создании Национальной портретной галереи России, идею, которую более 12 лет тому назад поддержал В. В. Путин, отметив, что: «Представители русской эмиграции

первой волны сформулировали в своё время очень хорошую идею создания национальной галереи портрета». Зато бюрократия от номенклатуры РФ по культуре похоронила предложение.

Предстоит ещё немало приложить усилий, чтобы реализовать проект НПГ России. Сегодня, в условиях системной дискриминации русских на этнической и языковой основе, деятельность МСРС должна наполняться новыми смыслами. Нас, живущих в самых разных странах, не может не затрагивать подобная дискриминационная практика, нам надо активнее участвовать в правозащитной деятельности. Конструктивная роль МСРС как всемирной неправительственной организации, признанной ООН и другими ведущими международными организациями, полагаю, будет возрастать.

В числе приоритетов нашей деятельности будут оставаться и вопросы сохранения русского культурного пространства, и позиций русского языка в мире. Тем более что 2023 год объявлен в странах Содружества как год русского языка...

На мой взгляд, всё это будет способствовать консолидации русского мира на благо исторической Родины.

С юбилеем поздравляю всех вас!

Спасибо.

Гасан Мирзоев, председатель Международного совета российских соотечественников:

Международный совет российских соотечественников – это первое всемирное объединение россиян, проживающих за рубежом. Он был создан 20 лет назад. Начало истории положил призыв нашего президента к консолидации Русского мира, прозвучавший на I Всемирном конгрессе российских соотечественников в 2001 году. Призыв был услышан, в разных странах мира стали возникать организации представителей российской диаспоры, объединившиеся затем в Международный союз неправительственных организаций. Ныне в соответствии с уставом избрано правление МСРС, руководство им доверено мне, исполнительным секретарём является М. Ю. Неборский, почётным председателем – граф П. П. Шереметев, живущий во Франции. Председателем попечительского совета остаётся спецпредставитель президента РФ по взаимодействию с организациями.

Берега юбилеев

Иван Матвеев

Иван Юрьевич Матвеев – историк, генеалог и публицист. Историограф Дома Романовых. Занимается изучением истории русской аристократии и русской белой эмиграции. Автор книги «Хранитель истории династии. Жизнь и время князя Николая Романова» (2022).

«РОССИЯ ЗАНИМАЕТ ОСОБОЕ МЕСТО В МОЁМ СЕРДЦЕ»

Интервью Ивана Матвеева с Её Высочеством княгиней Юлией Иосифовной

Её Высочество княгиня Юлия Иосифовна, урождённая Джулия Джимма Креспи, является вдовой Его Высочества князя Михаила Андреевича (1920–2008), внучатого племянника последнего российского императора Николая II.

Михаил Андреевич провёл своё детство в Виндзоре, воспитываясь в русском духе под строгим наблюдением своей бабушки великой княгини Ксении Александровны. До конца своих дней она была уверена, что Россия вновь призовет на царство Дом Романовых, поэтому её внук должен был получить настоящее русское образование, чтобы в дальнейшем занять подобающее ему место в России. Во время Второй мировой войны Михаил Андреевич служил лейтенантом в королевском военно-морском флоте, а после демобилизации обосновался в Австралии, где и остался, работая простым инженером.

Княгиня Юлия Иосифовна родилась в 1930 году в Италии, но большую часть своей жизни прожила в Австралии. После смерти в ноябре 2021 года главы Рода Романовых князя Андрея Андреевича (родного брата Михаила Андреевича) Юлия Иосифовна стала старейшим по возрасту членом Рода Романовых. С 2011 года она является почётным членом «Объединения членов рода Романовых». Работая над биографией князя Михаила Андреевича, осенью 2022 года княгиня Юлия Иосифовна согласилась дать мне интервью для русских читателей.

– **Ваше Высочество, расскажите о Вашей семье и предках.**

– Я родилась в Милане 7 марта 1930 года. Моя семья Креспи была тесно связана с искусством. Отец, Джузеппе Креспи, был пейзажистом, брат, также Джузеппе, стал художником-аниматором, а сестра Франческа обосновалась в Лондоне и была иллюстратором детских книг. Наша семья была очень известна на севере Италии. В окрестностях Милана находится наша вилла, точнее родовое поместье, но мы уже им не владеем. Именно там прошло моё детство. Вы, наверно, слышали, что в Италии крупнейшая ежедневная общественно-политическая газета называется «Коррьере делла сера»? Как раз эту газету основали мои предки во второй половине XIX века.

– **Как Вы попали в Австралию?**

– В 1960-е годы я решила навестить сестру, которая тогда жила в Сиднее. Мне настолько понравилась Австралия, что я решила сначала продлить визу, а уже позднее осталась здесь. В Сиднее я работала арт-критиком, арт-дилером и возглавляла Центр скульптуры.

– **Расскажите о своём супруге князе Михаиле Андреевиче.**

– Он родился 15 июля 1920 года в Версале, став первым из Романовых по мужской линии, кто уже появился на свет в изгнании. Михаила Андреевича крестили в знаменитом на весь мир русском православном соборе Александра Невского в Париже на улице Дарю. В метрической книге записано, что его крёстной была прабабушка императрица Мария Фёдоровна, хотя и номинально, поскольку в это время она находилась в гостях у сестры, королевы Александры, в Лондоне. Вско-

ре родители Михаила Андреевича князь Андрей Александрович и княгиня Елизавета Фабрициевна вместе с детьми и сами отправились в Лондон. Мой муж воспитывался в Виндзоре, где король Георг V предоставил дом для бабушки Михаила Андреевича великой княгини Ксении Александровны. Кстати, короля он называл «дядя Джордж», а его супругу, королеву Марию, – «тётей Мэри». В Виндзоре и прошло по-настоящему «русское» детство Михаила Андреевича. В семье говорили исключительно по-русски. До 14 лет Михаил Андреевич обучался на дому. У него была русская учительница, обучавшая его русскому языку, литературе и культуре. Он мне рассказывал с улыбкой: «Бабушка мне говорила, что мы скоро вернёмся в Россию и по-английски обучаться не нужно». Позже он окончил Лондонский институт инженеров авиации, стал инженером. Когда началась война, Михаил Андреевич был призван на флот, дослужился до звания лейтенанта. Конец войны застал его в Австралии. Он не хотел возвращаться в Лондон, вновь становиться «бедным родственником» британского монарха, поэтому остался в Сиднее.

Княгиня Юлия Иосифовна в 1960-е годы

– **Ваше Высочество, Ваша свадьба с князем прошла в Сиднее?**

– Да, мы венчались в русской Петропавловской церкви 14 июля 1993 года. Это было большое событие для русской диаспоры в Сиднее. Мы познакомились поздно, но счастливо прожили в браке 15 лет.

– **Насколько я знаю, до брака Вы не интересовались Россией.**

– Вы правы, но когда я вышла замуж и стала супругой Михаила Андреевича, я поняла, что должна восполнить пробелы в своих знаниях. Я начала изучать историю России, русскую культуру, литературу и искусство. Для меня Россия стала родной страной.

– **Кто Ваш самый любимый русский писатель?**

– Я обожаю Фёдора Достоевского. Особенно я люблю его произведения «Идиот» и «Игрок». Однако все его работы гениальны!

– **Что Вы скажете о русском искусстве, основываясь на опыте Вашей работы в качестве арт-критика?**

– Мне близки художники XX века. Я восхищаюсь творчеством Василия Кандинского и Марка Шагала.

– **Ваше Высочество, когда Вы первый раз посетили Россию?**

– Это произошло в 1998 году, когда в Санкт-Петербурге состоялись похороны многострадальных останков императора Николая II, членов его семьи и слуг. Для Михаила Андреевича это была поездка, полная эмоций. После долгой разлуки он увидел своего брата Андрея Андреевича, проживавшего в Калифорнии, и сестру Ксению Андреевну, которая осела вместе с мужем во Франции. Они не встречались с того момента, как Михаил Андреевич обосновался в Австралии. Я помню такой эпизод. Мы все вместе собрались за обедом, и братья говорили только лишь о погоде. И это после стольких лет разлуки! Удивительно! Очевидно, что, получив княжеское воспитание, они скрывали на публике переполнявшие их эмоции.

– **Каким Вам показался Санкт-Петербург?**

– Красота этого города поразила мою душу. Церкви, дворцы, театры, лавра, ощущения былого величия Империи. Но я увидела и бедность, тогда Россия переживала не самые лучшие времена. Помню, как пожилые женщины стояли на улице и продавали выращенные на своих участках овощи и яйца. Меня поразили русские мужчины, они всегда очень галантно, по-доброму относились к женщинам, даже незнакомым. Во время поездки я познакомилась со многими членами Рода Романовых. Тогдашний глава Рода Романовых князь Николай Романович произвёл на меня огромное впечатление своей эрудицией и углублённым знанием семейной и русской истории. Его жена Звева, итальянская графиня по рождению, до сих пор живёт в Тоскане. Она очень милый и приятный человек, как и их дочь Наталья и внучка Nicoletta, ставшая известной итальянской актрисой.

Александровичем Трубецким, графом Петром Петровичем Шереметевым и графом Сергеем Алексеевичем Капнистом подписали письмо на имя президента России о незаконных претензиях со стороны потомков Российского Императорского Дома Марии Владимировны Романовой и её сына Георгия Прусского. Что Вы хотели этим сказать?

– Я, как и остальные члены Рода Романовых, считаем, что Мария Владимировна не имеет никаких прав на титул Великой Княгини и не является главой Дома Романовых. Её сын по всем династическим законодательствам – прусский принц и представляет династию Гогенцоллернов. Об этом многократно говорили покойные князь Николай Романович и его брат князь Димитрий Романович. Я очень рада, что к этому обращению присоединились как представители великих русских аристократических семей, так и просто неравнодушные люди, защищающие русскую историю. Надеюсь, мы были услышаны.

– Сейчас в России ждут, когда Архиерейский собор Русской православной церкви признает святыми мощами захороненные в Петропавловском соборе останки императорской семьи и найденные только лишь в 2007 году останки цесаревича Алексея Николаевича и великой княжны Марии Николаевны. Что Вы думаете по этому поводу?

– Я полностью уверена в подлинности обнаруженных как в 1991 году, так и в 2007 году останков. У меня нет никаких сомнений. Было проведено множество исследований, исторических, генетических, антропологических. Я надеюсь, что Церковь признает результат работы следствия и семья последнего российского императора снова сможет воссоединиться на этой земле, в Петропавловском соборе, спустя более чем век.

– Ваше Высочество, Вы родились в Италии, большую часть жизни прожили в Австралии. Кем Вы себя ощущаете?

– У меня австралийский паспорт, но я чувствую себя как бы человеком мира. Я люблю и Австралию, и Италию, и конечно же, Россию, которая занимает особое место в моём сердце.

– **Ваше Высочество, благодарю Вас за уделённое время и спасибо за это интервью.**

– Что чувствовал Ваш супруг во время поездки на Родину?

– Он мало говорил о своих чувствах. Не в его характере было выражать свои чувства и эмоции. Но я уверена, что эта поездка была самым важным эпизодом в его жизни. Он наконец-то почувствовал себя не изгнанником, а человеком, вернувшимся как будто после долгого путешествия домой.

– Насколько я знаю, позже Вы ещё несколько раз посещали Россию?

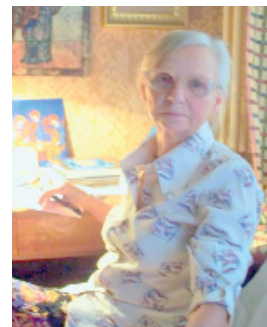
– Мы приезжали в Россию в сентябре 1998 года, в мае 2003 года, и в сентябре 2006 года, когда в Санкт-Петербурге состоялось перезахоронение императрицы Марии Фёдоровны, прабабушки Михаила Андреевича. А в июле 2018 года, в 100-годовщину расстрела императора Николая II и членов его семьи, я вместе с ещё 10 членами Рода Романовых приезжала в Санкт-Петербург, чтобы помолиться у могилы царских мучеников в Петропавловском соборе.

– В 2021 году Вы вместе с русскими аристократами князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским, князем Александром

Берега юбилеев

Алина Чадаева

Алина Яковлевна Чадаева – родилась в 1931 году. Русская писательница, собиратель фольклора, исследователь культур коренных народов русского Севера и Дальнего Востока. «Августейший поэт», «Православный Чехов», «Северные притчи», «Лествица Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны», «Князь Владимир Палей из рода Романовых».

«НЕ ОСТАНОВИТЬ КРОВЬ ПОСЕЙЧАС»

Смертный грех царубийства тяготеет над всем русским народом, а следовательно, над каждым из нас.

Епископ НЕКТАРИЙ (КОНЦЕВИЧ)

По преданию, всякий день Пресвятая Богородица обходит вокруг Свято-Троицкого Дивеевского монастыря по канавке, протоптанной Её лёгкими стопами. В годы попрания христианских святынь канавка заросла травой и стала тропинкой. Посёлок Дивеево наступал на монастырские уголья сараями, заборами... Но приезжие паломники упорно и неустанно торили путь вослед незримой поступи Матери Божией.

В их числе ходила и я, всегда останавливаясь возле зрелой лиственницы с приветливо-широкими ветвями. Знала, что посажена она была монахинями в честь судьбоносного для России события – рождения намоленного наследника престола Романовых царевича Алексея 30 июля (по старому стилю) в 1904 году.

Однажды, после бурного ночного ветра, под столетней лиственницей я увидела сломанные упавшие сучья, подняла и увезла с собой.

Тогда ли между мною и светлым отроком Алексеем – сквозь время – протянулась тонкая связь, будто сухая ветвь дерева с коричневыми розетками шишечек стала нашим связным.

Потом случилось так, что шесть лет подряд я посещала в Крыму Ливадию, всякий раз с трепетом входя в покой царского дворца Романовых, где тогда ещё был жив музей семьи последних Романовых, а главное – их благодатный дух.

Давно, ещё до канонизации царственных мучеников, тогда сельский батюшка о. Борис Николаев говорил мне, что семья царя Николая Александровича и Александры Фёдоровны с их детьми по-христиански идеальна. Глубина их взаимной любви, понимания, сострадания друг к другу и неизлечимо больному гемофилией мальчику, чистота в воспитании детей – основа для создания их Жития, иконописный их образ. В царевиче Алексее, наследнике царского трона, уже в отрочестве угадывался идеал будущего государя, или – государя будущего. В последнее время со дна забвенья всплывают, объединяются в сборники воспоминания свидетелей детства и отрочества мальчика.

В Историческом государственном музее Москвы, где прослежена линия династии Романовых, есть уголок, посвящённый царевичу Алексею. В нём собраны «оставшиеся в живых» его вещи: сапожки военного покроя, тетради, игрушки, нежные письма к матери... Осиротевшие без своего владельца, они передают нам пронзительную память о нём и нам – укоризну.

И всё же кровавое время оказалось бессильно стереть образ царевича Алексея с лица Русской земли. Он проступает в самых неожиданных местах. Например, на выставке картин американского художника Джеймса Уистлера, проходившей в столице в начале 2007 года. Там, под стеклянным колпаком, была выставлена модель первого в России паровоза с тендером для угля, с вагонами, повторявшая во всех деталях настоящий состав, открывший движение по железной дороге Санкт-Петербург – Москва. Отец художника инженер Уистлер-старший, приглашённый императором Николаем I, участвовал в строительстве Николаевской железной дороги. Модель, стоявшая в вы-

ставочном зале, была атрибутирована как подарок царевичу Алексею от сестёр – великих княжон ко дню рождения брата.

И в Ливадийском дворце в Крыму можно было рассматривать с горькой нежностью вещи, принадлежавшие царским детям, и чудом уцелевшие листы с их наивными рисунками.

Из мозаики бесчисленных фотографий, кадров кинохроники, дневников, записок императрицы, извлечённых из спецархивов, из книг царской библиотеки, предметов быта, икон, принадлежавших царской семье, восстают в нетленной полноте образы каждого из семи убиенных.

Судьба каждого из них – провиденциальна для будущей России.

У каждого из них – своя составляющая облик идеальной Святой Руси.

Важно рассмотреть эти черты в наследнике монаршей власти.

Несмотря на трагически краткий, изначально мученический путь земной жизни, царевич Алексей состоялся как преемник лучших качеств своих державных предков и обещал быть монархом, на Руси небывалым. И добавлю, вряд ли возможным.

П. Савченко в своих воспоминаниях рассказывает о том, что во время военных действий на фронтах Первой мировой войны Николай II взял с собой сына.

«Весь 1916 год, с небольшими перерывами, наследник провёл в Ставке и в разъездах с отцом. И несмотря на то что ему шёл только тринадцатый год, он очень за это время возмужал». «В нём стала проявляться твёрдая воля, – продолжает воспоминания Н. В. Борзов, – обнаружился своеобразный характер...»

Но обнаружилось и другое. «В Могилёве невольное знакомство с тяжёлыми фактами войны, посещение раненых, участие в проходах свежих войск на передовые позиции – сделали наревича нервным, рассеянным...»

По всей вероятности, по природе своей Алексей не принимал любую войну, вопреки меркам «земной необходимости». Не из политических соображений, не из детского страха: он органически, физиологически не принимал узаконенные историей человеческие кровопролития.

В пацифизме царевича можно усмотреть ещё одну черту идеального государя. Недаром, по словам С. Я. Офросимовой, «все учителя говорили... о выдающихся способностях цесаревича, об его большом пытливом уме и о трудных вопросах, им задаваемых».

Один из самых близких к нему учителей говорил в интимной беседе: «В душе этого ребёнка не заложено ни одной скверной или порочной черты; душа его – самая добрая почва для всех добрых семян; если сумеют их насадить и взрастить, то Русская земля получит не только прекрасного и умного государя, но и прекрасного человека» (Сб. Светлый отрок. М., 1990).

Не вместить ни воображению, ни душе ужас, но и величие посмертной судьбы Романовых.

Дьявольские издевательства над останками убитых, растерзанных детей, супруги и помазанника Божьего продолжились после их смерти, да и сейчас не утихают вокруг их памяти.

Вот два одновременных стихотворения известных поэтов: Вл. Маяковского и Андрея Вознесенского.

Маяковский был на Урале в январе 1928 года – через десять с половиной лет после свершившегося там злодеяния. «На десятую версту», на Коптяковскую дорогу, «лучшего, талантливейшего» возил председатель исполкома Свердловска Парамонов. Искали место, где под мостками и шпалами наспех были закопаны изувеченные останки Романовых.

«По впечатлениям» Маяковский написал стих «Император». В начале его – злобная карикатура: встреча поэта на Тверской, «то ли в Пасху, то ли в Рождество», с экипажем царской семьи.

*И вижу –
Катится ландо,
И в этой вот ланде
Сидит*

*Военный молодой
В холёной бороде.
Перед ним,
Как чурки,
Четыре дочурки...*

С Тверской – на Урал, на реку Исеть, «где шахты и кручи». Упомянуты «шахты», о которых ещё тогда не забыл народ. Шахты – в Ганиной яме, шахты под Алапаевском, в Нижне-Селимске, куда были заживо сброшены члены рода Романовых...

Поэт запомнил и передал картину зловещей природы. Неласково встретила она возницу с непрошеными гостями.

*Вселенную
Снегом заволокло.
Ни зги не видать,
Как на зло.*

*И только следы
От брюха волков
По следу
Диких козлов.*

Враждебность, отторжение – документальная палитра пейзажа. В нём – скрытая угроза приехавшим поглумиться над царскими останками. Последняя строфа – отзовется роковым бумерангом в судьбе Маяковского.

*Прельщают многих
Короны лучи.
Пожалте, дворяне и шляхта.*

*Корону можно
У нас получить,
Но только –
Вместе с шахтой.*

Почти через 70 лет к той же теме – цареубийства – обратился поэт Андрей Вознесенский, во многом – преемник стилистики Маяковского, но уже по другую сторону баррикад.

Андрей Вознесенский тоже побывал на Урале. Видимо, в тот период, когда назревал снос дома инженера Ипатьева, в котором была расстреляна царская семья. Приговорил дом к сносу тогда главный чиновник Госбезопасности Ю. Андропов, позже выполнил приказ глава Свердловска Ельцин.

Именитому поэту А. Вознесенскому, посетившему дом Ипатьева, разрешили отломить часть фрамуги от окна в подвальной «расстрельной» комнате.

В «Ипатьевской балладе» Вознесенского есть строфы о мистическом, символическом смысле врожденной гемофилии – несвёртываемости крови – болезни царевича Алексея. Последствия ушибов, даже незначительных, вызывали неукротимое кровотечение.

*Фрамуга отпечаталась в серых зрачках
Мальчика с ВЕЩЕЙ гемофилией.
Не остановить кровь посейчас.*

Мучительные кровотечения наследника были знаковыми предвестиями его насильственной, кровавой кончины.

Но мистический смысл вещей его болезни простирается и в прошлое и в будущее истории Государства Российского. В прошлое – как зловещее эхо убийств четырёхлетнего Ивана, сына Марины Мнишек; царевича Дмитрия в эпоху Бориса Годунова, императоров Павла I, Александра II...

И – будущее – как неизбежный гнев Господень и на цареубийц, и на тех, кто разрушал христианские основы страны, и на народ, не противостоявший этому злу.

В очерке «Кара Божия», написанном в 1920 году и помеченном 30 июля – днём рождения наследника царевича Алексея, известный историк Николай Тальберг писал: «И это тяжёлое испытание, ниспосланное за грехи нашей родины, будет продолжаться, как и триста лет тому назад, до тех пор, пока огромное большинство русского народа не покается в своих прегрешениях».

Но мы-то, сегодняшние, казалось бы, каким боком причастны к трагедии, совершившейся более ста лет назад?

Причастны. Генетически – через поколения дедов и прадедов. И потому ещё, каким сомнительным ценностям привержены современники наши, которым и слово-то «ПОКАЯНИЕ» неведомо.

И всё же... Июль 2003 года. В районный городок Ветлугу, где я тогда жила, странным образом завернул Крестный ход. Он шёл из Екатеринбурга, от места, где стоял прежде дом Ипатьева, в Кострому, к Ипатьевскому монастырю, где венчался на царство в 1613 году первый царь из рода Романовых – Михаил.

Тот июль был знойным, душным. Марш Крестного хода, возглавляемого иконой Царственных Новомучеников, был почти по-солдатски скорым. Среди участников процессии помню молодую чету с маленьким ребёнком, а также сына и отца, приехавших из Австралии, бывших «афганцев» в тельняшках под камуфляжной формой, строгих священников, послушника из строящегося на Ганиной Яме монастыря... Несли хоругви, иконы... В ветлужской Екатерининской церкви настоятель о. Николай Кравчук отслужил молебен.

Начавшийся в трагический памятный день расстрела царской семьи, Крестный ход этот взывал к всенародному покаянию.

И многие по пути шествия присоединились к нему.

Берега юбилеев

Андрей Филин

Андрей Дмитриевич Филин – родился в 1971 году. Окончил МТУСИ и сценарное отделение ВГИКа. Автор нескольких сценариев, одного игрового и нескольких документальных фильмов. Работал литературным редактором журнала «Киносценарии». Автор пьесы о Грибоедове «Газель» и нескольких стихотворных циклов. Работает инженером в ВГТРК.

ГЕНИЙ ПРАВДЫ

К 100-летию философа А. А. Зиновьева

Стихотворный роман Александра Зиновьева «Мой дом – моя чужбина» – уникальное явление в новейшей русской поэзии. И дело даже не в том, что его автор, знаменитый создатель «Зияющих высот», крупнейший советский логик и социолог, философ и художник, – решил на сей раз обратиться к крупной поэтической форме. Главное – что это ему удалось сделать как всегда по-зиновьевски правдиво и гениально. В своём литературном творчестве Зиновьев повсеместно обращается к стихотворной форме. Уже в «Зияющих высотах» большие повествовательные блоки чередуются с поэтическими строфами.

Надо заметить, что уже Джордано Бруно в своих философских трактатах использует этот приём. Таким образом, подобная композиция имеет своё ренессансное основание. Поэтические вставки внутри прозаической речи необходимы были для усиления, акцентирования внимания на той или иной проблеме. И если у Джордано Бруно они играли роль некоего резюмирующего аккорда внутри строгой прозаической философской полифонии, то у Александра Зиновьева это квинтэссенция уникального научно-художественного взгляда на конкретные социологические проблемы. Начиная с «Зияющих высот» и далее, во всех своих последующих социологических романах, А. Зиновьев всегда будет использовать этот «силовой приём». *По призванию я – поэт*, – признаётся автор в первой части своего романа, – и ниже объясняет своё поэтическое кредо:

Не стоит брать с того пример,
Кто игнорирует и рифму, и размер.
Не следуй и тому, кто только ради них
Вымучивает виртуозный стих.

Не восхищайся тем, кому лишь крик и вой
Есть суть поэзии как таковой.
Поэзия тогда только прекрасна,
Когда есть что сказать, и говорится это ясно.
Когда внимаешь мыслям, а не голосам...

Последний стих являет собой суть зиновьевского искусства. Мысль для Зиновьева – важнейший компонент творчества. Вне мысли нет и культуры. В одном из поздних стихотворений Давида Самойлова (который, кстати сказать, в памятный 1939 год так же, как и Зиновьев, учился в МИФЛИ) говорится:

Добивайтесь, пожалуйста, смысла.
Проясняйте, пожалуйста, мысли.
Понимаете? всё остальное
Не имеет большого значенья.

У поэтов классического толка голоса (то есть звуки) устремляются навстречу смыслу. «Гармония стиха у Пушкина строится по слуху, это не строительство, а архитектура, здание звуков цельным возникает в его сознании».

И в то же самое время: «Пушкин ценил не необычность словосочетания, небывалую рифму, а смысл, накопленный в словосочетании и в пространстве между двумя рифмующимися словами».

И уже довольно часто Пушкин рифмует не звук, а понятие. Это очень важное место для понимания сути зиновьевской поэзии.

Владимир Маяковский, один из самых любимых поэтов Александра Зиновьева, «внимает» именно голосам.

«Оригинальность», «необычайность» рифмы познаётся лишь в сравнении с неким установившимся стандартом (...) мышления».

Маяковский произвёл революцию рифмы: «Моя рифма почти всегда необычайна и уж, во всяком случае, до меня не употреблялась, и в словаре рифм её нет».

Маяковский ввёл в поэзию шутки, эпиграммы. «Он утвердил новое стихосложение – тоническое, новые небывалые гротескные и гиперболические образы, новую лексику, новую тему. <...> Всё это означало рождение новой системы русского стихосложения... Она утвердилась как тема революционного долга, тема наступательная, нетрадиционная, ораторская. И прежнее ощущение незаконного вторжения в поэзию с целью опровергнуть и сломать старые формы сменяется хозяйским чувством законного наследования, ощущением «главного пути».

«Ритм – это основная сила, основная энергия стиха. Объяснить его нельзя, про него можно сказать только так, как говорится про магнетизм или электричество... Это виды энергии».

...И всё-таки частушка!
Умирание деревни. Становление города...

Таковы, на наш взгляд, скрытые истоки «частушечной» формы «зиновьевского разговорника»: крепость деревенских, крестьянских корней Зиновьева и его ранняя «городская учёность». (Десяти лет от роду он покидает родную деревню Пахтино: теперь Зиновьев – москвич, горожанин, а много позже – космополит...)

Снится, будто за граница
Мне во сне кошмарном снится.
Будто дома просыпаюсь,
На работу собираюсь,
Второпях пихаю в рот
Не пойму с чем бутерброд.

Мотив сна во сне, по-видимому, навеян Лермонтовым, одним из любимейших поэтов Зиновьева («В полдневный жар в долине Дагестана...»).

Но в дальнейшем эта чистая литературная образность резко сбивается другой образностью – повседневности советского быта, которая и создаёт подспудную «фольклорную», ироническую структуру.

Как социолог, как «профессиональный разговорщик», А. Зиновьев очень последователен в форме и содержании своих стихов.

Частушка по определению «социологична» – она часть народной речи, часть русской языковой просодии.

Социологичность зиновьевской частушки явно прослеживается в её строках:

Я из тех, кому работа	Лошадей работа губит;
Есть излишняя забота.	Не пришлось бы где работать,
Кратки, мудры и крылаты	Лишь бы только не работать;
Этой сферы постулаты:	Лишь б для тела и души
Дураков работа любит;	Получать свои гроши.

Хотя роман написан от первого лица, рассказан лирическим героем по имени Иван, в его размышлениях образуется целый социологический спектр: такие мыслереплики вполне могли бы принадлежать многим, не схожим друг с другом, обыкновенным гомо советикусам.

Не случайно лирический герой поэмы однажды весьма определённо замечает:

Между прочим, сей рассказ	Я в одном лишь виноват:
Я не выдумал для вас,	Опускаю русский мат.
А дословно записал,	В этом самом упущенье несомненный есть дефект:
Что однажды сам слышал.	Безвозвратно пропадает выразительный эффект...
.....	

Социологичность «зиновьевского разговорника» – главная составляющая этой поэзии. Это новый её вид, который естественно было бы назвать поэзией социологической (по аналогии с художественной социологической прозой Зиновьева) или же зиновьевской частушкой.

В стаканы разлита водка.
Вмиг расхvatана селёдка,
Шпроты, сыр и колбаса.
Вот умолкли голоса.
Встал счастливчик во весь рост.
Начал мямлить первый тост.

Что и говорить, узнаваемые советские реалии описаны чётко и недвусмысленно. Сарказм проходит сквозь них не то чтобы красной нитью, – он, перефразируя Илью Кормильцева, сковывает их одной красной цепью.

И снова мы попадаем в родной Ибанск зиновьевских «Зияющих высот».

В «Высотах» проза и стихи дополняли друг друга по полифоническому, акустическому принципу.

Стихотворная форма зиновьевской социологической частушки – это не только концентрат мысли, но и огромный заряд энергии, это бомба немедленного действия, где густой сарказм в отношении к социальным тенденциям резко сбивается острой самоиронией – и вот уже автопортрет становится коллективным, собирательным портретом типичного представителя гомо советикусов:

Расстался с юностью, признаться, я с тоскою.	Критичность к строю
Зудит вопрос: а что ты есть такое,	В самой скромной мере.
И вышел из тебя хотя б какой-то прок?	Порыв порою
Бородка русая,	К творческой карьере.
Грошовая зарплата.	Но вместо строк
Каморка куца,	В собранье сочинений
Зато ума палата.	Сплошной поток
Гастрит	Вопросов и сомнений.
От времяпровождения.	Автопортрета прочие детали я
Острил	Вам дорисую постепенно далее.
Для самоутверждения.	

В этой строфе – социологический портрет типичного представителя творческой интеллигенции. А вот в других местах – это прочие «гомо советикуские разночинцы» – Аполитичные, Критиканы, Русонелюбы, Скептики, Западники и иные фигуранты, которые словно бы перекочевали в стихотворный роман Зиновьева из «Зияющих высот». И не потому, что не возникло других имён, а потому, что именно эти герои характеристически выражают собой суть социологических тенденций ибанцев, их настроения, думы, их мечты и проч.

Куда бы ни опустилось перо А. Зиновьева – повсюду его образы мыслятся с заглавной буквы. Это потом имена собственные станут нарицательными, подобно тому, как народным стал анекдот, подсмотренный метким глазом Зиновьева при входе в воинскую ракетную часть: «наша цель – коммунизм».

Зиновьев мыслит новые культурные коды.

Таковыми кодами в новейшей художественной литературе стали социологический роман, а затем и социологическая поэзия.

«Начав писать “Зияющие высоты”, я решил использовать все доступные мне литературные средства именно как средства, а не как самоцель, – поэзию, прозу, анекдоты, шутки, теоретические рассуждения, публицистику, очерки, пьесу, исторические экскурсы, социологию, сатиру, трагедию, короче говоря, всё, подчинив всё это единой цели – цели изображения реального коммунистического общества как сложного и многостороннего социального явления. <...>

Я использовал поэзию в комбинации с прозой в таких масштабах, в каких, как мне кажется, этого ещё не делал никто. Думаю, что и качество её само по себе, если рассматривать её как особый жанр социологической поэзии, вполне соответствует уровню моей прозы. <...> Я умышленно отказался от всякого рода “технических” поэтических изошрённостей, сделав главный упор на содержание, на содержательные образы, на содержательные (интеллектуальные) средства вообще.

Живя в эмиграции, я продолжал эту линию своего творчества, насыщая стихами свои романы и сочиняя самостоятельные поэтические произведения. Так появился роман в стихах «Мой дом – моя чужбина» и поэма «Евангелие для Ивана». В обоих я следовал тем же принципам использования содержательных средств поэзии.

Композиция поэтического романа А. Зиновьева обладает строгой структурностью. Первая часть романа – «Мой дом» – это рассказ некоего провинциального диссидента, поэта гомо советикуса.

Здесь, как и в «Зияющих высотах», социологические законы проговаривают через реплики героев, выражая тем самым свою диалектическую суть. Мнения декларируются, постулируется некая программа бытия, которая вдруг отрицается другой программой.

Это «единство и борьба противоположностей», это «отрицание отрицания» сквозят повсюду. Духом схоластики и диалектики пронизан весь текст первой части романа – и социологические законы, научно обоснованные константы, опять, как и в «Зияющих высотах», преподносятся здесь в художественной форме, предельно усиливаясь в метрике и рифме стихотворного текста.

Кстати сказать, рифма Зиновьева весьма своеобразна и глубока. Вот, к примеру, речь Русонелюба:

Узнать хотите, что есть русский,
Даю вам деловой совет:
Найдите рифмы к слову «русский»,
И вы получите ответ.
Возьмём, к примеру. Эти:
ПУСКИ,
НАГРУЗКИ, вечно ПЕРЕГРУЗКИ,
Как чуть чего, так ПЕРЕТРУСКИ,
Не миновать никак КУТУЗКИ,
Пить водку надо без ЗАКУСКИ.
Само собой, границы УЗКИ.
Простые русские слова.
Но слово есть лишь образ вещи.
Обдумай этот смысл зловещий,
Покуда цела голова.

А. Зиновьев, вслед за пушкинской «энциклопедией русской жизни», создаёт энциклопедию жизни советской, вернее сказать, дополняет её обширный прозаико-поэтический пласт («Зияющие высоты») пластом сугубо поэтическим.

Не случайно «Мой дом – моя чужбина» охарактеризована автором не как поэма, а как роман в стихах. Зиновьев стремится подчеркнуть именно романическую составляющую рифменных рядов – ведь только в романе, с его строгой сюжетной основой, можно выразить характерные социологические константы.

И логик Зиновьев снова доказывает свои теоремы, избирая всё тот же изобретённый им приём: раскладывает тезисы и антитезисы на голоса-реплики различных героев.

Если в пьесе протагонист имманентно находится в оппозиции к антагонисту – и оба они являются носителям и философских идей, и концепций, то можно сказать, что стихотворный роман Зиновьева в этом смысле весьма близок древнегреческой трагедии. Разница состоит лишь в том, что все зиновьевские персонажи выражают суть сталкивающихся друг с другом социологических законов, которые иногда (и довольно часто) спорят внутри главного героя романа, выражая тем самым многокомпонентную структуру его социологического бытия.

Вторая часть романа названа автором «Моя чужбина»...

Необходимо напомнить, что роман в стихах создавался писателем в вынужденной эмиграции, в Мюнхене, в 1982–1983 гг. Это был очень сложный период в духовной жизни Александра Александровича.

Примерно в это самое время философ и социолог работал над «Гомо советикусом», где в гротескно-сатирической форме «шпионского романа» автор представляет неминуемую экспансию коммунизма на Запад. Коммунизм покоряет Запад, а гомо советикусы под контролем недреманного ока вездесущего КГБ вершат своё лихое дело на ниве буржуазной демократии.

Одиночество Зиновьева, его оторванность от русской культуры дают о себе знать. Нерушимая твердь советского общества, на которой Зиновьев утверждает свой знаменитый категорический императив «я – суверенное государство», на Западе вдруг, словно в кошмарном сне, обращается в топкую трясиину, которая своей безопорностью подвергает разрушительной энтропии привычные для поэта социальные устои.

Не раз говорит Зиновьев о том, что именно и только в СССР он был абсолютно свободен, находясь в оппозиции к советскому социуму как уникальному социологическому явлению со всеми его тенденциями. Опираясь на структурность этого социума, Зиновьев мог постулировать свою непринадлежность к нему, своё «социальное изгойство».

Находясь в тисках капиталистической банковской системы, Зиновьев вынужден будет заявить, что теряет то состояние свободы, которое имел в советской России.

Недаром знаменитый образ ибанского Сортира теперь трансформируется в образ Банка!
До катастрофы остаётся два года. 1985 год *ещё не настал*.

Я по улицам приевшимся брожу.
Матом лаюсь и по-русски я твержу.
Где вы, ярые советские враги?!
Жрёте, сволочи-буржуи, пироги?!
Надоело подаяние просить.
Сами дайте пирога и мне вкусить!
Но пресытившийся враг, увы, молчит.
Про права про человечьи он кричит.
Про религии подъём всюду орёт.
К демократии взывает, идиот!
Где ты прячешься, коварный ЦеРеУ?!
Что угодно тебе выдам, не совру.
Мне плевать на Колизей и Нотр-Дам.
Что попросишь, по дешёвке всё продам.
Где ты, мудрый и всеильный КаГеБе?!
В преисподню провалиться чтоб тебе!
Для чего ты мою душу возмутил?!
Для чего меня на Запад отпустил?!
Быть советским эмигрантом – что за честь?!
Тут отбросов и своих не перечесать.
Я не ангел ведь, а дьявол во плоти.
Дай задание любое, но плати!!!!

Или ещё:

Страны мелькают,
Мелькают столицы.
А скука такая,
Что впору давиться.
.....
Откроем журнальчик вот этот. И что же? –
Советских чиновников гнусные рожи!
Теперь полистаем вот эти газеты,
И снова – советских подонков ответы!
Я ж пью здесь десятую литру вина,
Но рожа моя тут нигде не видна.

«Моя чужбина» гораздо более лирична, чем первая часть романа, которая по существу скорее походит на привычный зиновьевский «социологический эпос», где всё объективно, где действуют неопровержимые социологические законы. Абстрагировавшись, там можно изучать их с позиции объективного учёного, словно Ньютон, наблюдавший за своим падающим яблоком.

В «Чужбине» всё гораздо жёстче. Лирическое начало выступает здесь куда более рельефно. Эксперимент над собственной жизнью, который Зиновьев ставил всегда и везде, принял теперь форму Дон-Кихотовой борьбы с Ветряными Мельницами Западнизма.

Характерные детали эмигрантского быта задаются неприкрыто и самобичующе-жёстко.

Безусловно, необходимо понять, что Зиновьев, как честный художник, показывает «то, что он видит на самом деле». И если характерные детали семейного быта в «Чужбине» поднимаются здесь до художественного обобщения явления типического, то они отнюдь не отменяют в себе черт сугубо индивидуальных.

Зиновьев и здесь остаётся Зиновьевым. Он не боится показать неприглядное. Ему совершенно всё равно, что образ становится антиэстетическим.

Для художника главное – ситуация правды, которая, по-прежнему оставаясь объектом социологического исследования, обнажает свою щемящую лирическую природу:

Кто мы, – хотите знать секрет?
 На мой взгляните на портрет.
 На Ньюшку посмотрите тут же.
 Она меня ещё похуже.
 А самый общий вывод вам
 Я в заключение преподам.
 Известно: самокритика
 Нам врезалась в печёнки.
 По принципу: смотрите-ка,
 Какие мы подонки.

Да, мало кто может вот так мужественно сказать о собственном, наболевшем. Это отнюдь не эстетизация ностальгии, которую мы видим, к примеру, в одноимённой картине Андрея Тарковского. Это поистине смертельная самурайская боль.

Не до гламурной эстетики, не до отвлечённых законов социальности, а конкретно-правдивый социологический срез с учётом личностного контекста.

В заключение, в послесловии – картина: ошеломляющая, распахнутая, словно родная костромская земля, к которой так стремился душой поэт.

Это высокая поэзия, это непридуманные образы:

Есть Родина-сказка.	Бывшая церковь
Есть Родина-быль.	С поникшим крестом.
Есть бархат травы.	Худая дворняга
Есть дорожная пыль.	С поджатым хвостом.
Есть трель соловья.	Старухи беззубые
Есть зловещее «кар».	В сером тряпье.
Есть радость свиданья.	Безмолвные дети
Есть пьяный угар.	В пожухлом репье.
Есть смех колокольчиком.	Навстречу по пахоте
Скрежетом мат.	Мать босиком.
Запах навоза.	Серые пряди
Цветов аромат.	Под серым платком.
А мне с этим словом	Руки, что сучья.
Упорно одна	Как щели, морщины.
Щемящее сердце	И шепчутся бабы:
Картина видна.	Глядите, мужчина!
Уньлая роца.	Как вспомню, мороз
Густые поля.	Пробирает по коже...
Серые избы.	Но нет ничего
Столбы-тополя.	Той картины дороже.

Берега юбилеев

Эляна Суодене

Эляна Суодене – доктор гуманитарных наук. Родилась в Минске в 1958 году в семье служащих. В 10 лет вернулась с матерью в её родную Литву, город Каунас. Окончила Вильнюсский государственный университет. Тема диссертации – «Анафора в поэзии Марины Цветаевой (стилистический аспект)». Автор нескольких поэм о Серебряном веке. Автор ряда стихотворных сборников, посвящённых Православию. Автор идеи и руководитель фестиваля духовной поэзии «Покрова» – единственного русскоязычного литературного фестиваля подобного рода в Прибалтике. Золотой лауреат национального конкурса «Золотое перо» (2017). Награждена государственной наградой Литовской Республики – серебряным знаком отличия «За заслуги». Живёт в Каунасе.

лотое перо» (2017). Награждена государственной наградой Литовской Республики – серебряным знаком отличия «За заслуги». Живёт в Каунасе.

СТИХОТВОРНЫЕ ИМПРОВИЗАЦИИ НА СТИХИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

К 145-летию Максимилиана Волошина

16(28).05.1877 – 11.08.1932

1

«ГОЛОВА MADAME LAMBALLE»

1905–1906, Париж

«Пел в священном безумье народ»...
«Точно пламя гудели напевы»...
Немного времени пройдёт –
Всё повторится непременно,

И будет в излинянях скверны
Тонуть наш народ-богоносец
Под звук победной Марсельезы,
Повязку нацепив на очи,

Под речи грязные кликуш,
Увещевателей народных,
Не прогадавших жирный куш,
Сбивая русские иконы.

Поэт узрел оскал зверья
В камзолы светски облачённых.
По низкопробным кабакам
Катились сатурналий волны.

2

«Я ЖДАЛ СТРАДАНИЯ СТОЛЬКО ЛЕТ»

1903

Зачем мы ждём мучительно страдания,
Как будто правда бытия
Предельна в полноте отчаянья,
Лишь только в ней оголена?

Зачем нам запредельность муки,
Когда нельзя и дня осилить
Без этой жажды поминутной,
Столь недостойной, некрасивой?

Зачем не могут нас утешить
Покоем дышащие дни,
И неизбывен зов безбрежный –
Страстей посланник роковых?

3

АНГЕЛ МЦЕНЬЯ

1906, Париж

Всё ныне так, как он предрёк, –
Цветов багряных иллюзорность,
Хоругви ангела, как кровь,
Восторг убийства, буйство розни.

Всё ныне так, как он предрёк, –
 Дух любит смерть и крови алость,
 И грёзы счастья тронул холодок,
 И жалости к собрату не осталось.

«На буйных очагах народного витийства»
 Слово «Свобода» потеряло смысл,
 Затоптано, заплёвано, замызгано –
 Во что попало принялись рыдить.

И «знаки рыб» начертаны на стенах,
 Где чёрных ран клокочущая тьма
 Бессменно требует отмщения,
 Проглатывая сёла, города.

Меч справедливости в руках толпы
 Разит вокруг, как на потеху,
 Надежды исковеркан лик,
 А кто-то корчится от смеха.

Палач и жертва палача
 В руках незримых кукловодов,
 И нити трудно оборвать,
 Связавшие их меж собою.

4

«ОНА»

1909

Неизъяснима эта тайна –
 Царица древняя Танах:
 И боль, и ужас, и отчаянье,
 И безутешный тайный страх,

И бесконечность ожидания,
 И наваждение светил,
 Когда её черты читаешь
 Во всех, с кем встретился в пути.

И, не нуждаясь в исцелении,
 Тоска захлёстывает стать,
 Словно грядущее томление,
 Которого нельзя познать.

От этой муки нет спасенья –
 Кто раз такое испытал,
 Тот знает холод запредельный,
 Сокрытый от других землян.

На сверхвысотах светотканых
 В метафизических мирах
 Нет в этой драме виноватых.
 И всё-таки прости, Танах.

5

«МИР»

Не надо, Господи! О, не внимай
 Отчаянным речам, столь страстным,
 Огонь на Русь не посылай,
 Германцев с Запада, и рабства

Нам не желай, монгол с Востока.
 Да, мы старались всё раздать
 И Родину распродали охотно
 Почти что всю, поверив, как тогда,

Коварным росказням шутейским –
 Свобод, республик и гражданских прав
 Вновь возалкали так по-детски,
 Столь безрассудно восприняв

Бездушный лоск за слово чести,
 Как падаль, выставили Русь
 Святую, упиваясь лестью
 Из вражеских коварных уст,

Себя тем самым обесчестив,
 Но, Господи, прошу, останови
 Распад Перстом Своим чудесным,
 Спаси, помилуй, сохрани.

6

«КРАСНОГВАРДЕЕЦ (1917)»

(тип разложения русской армии)

1919

И даже от такой, Отчизна,
 Я от тебя не отрекусь –
 Пусть стала грязной, падшей, низменной,
 Внутри – нетленной славы луч.

Ты окрылишься, возродишься,
 Очистишься до глубины чакр,
 Ты станешь краше, станешь чище,
 Себя сумеешь отстоять,

Чтоб снова прелести поддаться,
 Обманной сласти лживых фраз,
 Чтоб снова низко опускаться,
 Не в силах сути осознать,

Чтобы опять воспрянуть в свете,
 Напоминающем Фавор.
 О, что такое, что, ответь мне,
 Твоё сиянье сквозь позор?

7

КИТЕЖ

Пока другие внедрены в реальность,
Мы всё сновидим город Китеж,
Земною не прельщаясь властью,
Земною не прельщаясь жизнью:

Сердца тревожит идеал,
Нас возвышающий над былью,
Где счастлив и доволен брат,
И в этом – сущность нашей силы

И беззащитность среди всех –
Мы для других себя взрастили,
Надвысний впитывая свет
Соборной красоты Марии,

И оттого, не зная мер,
Принять реальность не умея,
Мы чествуем чужих химер,
Их подлинной не видя цели

За сладким пряником, где яд
Безбольно изъязвит прожилки.
Цепей желанных давний лязг
Манит, как будто счастья призрак.

Но нет, помилуй от витийств,
Не предрекай, поэт, того, что
Сейчас пытаемся изжить,
С чем призваны сейчас бороться.

Из серебрящихся глубин,
Озёрной чистотой омытый,
Нас древний Китеж охранит
И Голубиной Книги свиток.

8

«ТЕРРОР»

26 апреля 1921, Симферополь

О, вот она, банальность зла,
Описанная так обыденно,
Словно обычные дела –
Поесть, попить, посуду вымыть.

О, вот оно, расчеловечивание,
Когда дозволено глумиться –
Никто вам больше не перечит,
Слово сказать народ боится.

Свидетельствовал честно
Поэт, наглядны факты.
И нашего бездействия
Зло также неприглядно:

Высокая культура
Как будто поперхнулась,
Стоит среди гламура
В чаду бездушных улиц.

Да, все мы виноваты –
Опять недолюбили,
И снова брат на брата,
Изматывая силы.

9

«НА ДНЕ ПРЕИСПОДНЕЙ»

Памяти А. Блока и Н. Гумилёва

1922

Загадочная русская душа
Себя являет в полной мере:
Убийства, казни, огонь и смрад,
Душа окоченела в теле –

Поэт всё видит без прикрас,
Не обольстившись ни на йоту,
К угодничеству не стремясь,
Не рвётся за кордон вольготный.

Он принимает её боль –
Своей страны, своей России,
С ней в преисподнюю сойдёт
И с нею возродится в силе.

10

ЗАКЛИНАНИЕ

(от усобиц)

19 июня 1922

Сегодня все его слова
В сём заклинании священны –
Так же бесценны, как тогда,
И так же духу прикровенны:

«Из ненавидящей любви»
Опять Отчизна создаётся,
Встаёт из пепельных руин,
Выковываясь светоносно,

И плавится в огне сердец
В лучах молитвы исступлённой,
В себя вбирая ясный свет
От мироточащей иконы.

Берега Новороссии

Яков Шафран

Яков Наумович Шафран – родился в 1950 году. Два высших образования: в 1973 году окончил Тульский политехнический институт (ныне Тульский государственный университет) по специальности «Двигатели летательных аппаратов» и в 1998-м – Высший психологический колледж (ныне Высшая школа психологии) по специальности «Практический психолог». Литературный стаж с 1986 года. Автор восьми книг прозы и поэзии. Публикуется во многих литературных журналах и альманахах. Лауреат нескольких литературных премий. Заместитель главного редактора – ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег», член редакционных советов ряда изданий. Член Академии российской литературы, Российского союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». В данное время не работает. Живёт в г. Туле.

ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ – АНТИПОД РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Из цикла статей «Нацизм – инструмент объединённого Запада против Русской цивилизации»

Не найдётся такое жестокое сердце,
чтобы сказать: не мысли о Родине.

Н. К. Рерих

Концепцию, выраженную в заголовке данной статьи, невозможно, признаться, осознать без того, чтобы не разобраться в истоках возникновения Западной и Русской цивилизации как таковых. А истоки их находятся, насколько видится, в Античности, в Римской империи, а точнее, после её окончательного раздела соответственно в Западной, захваченной германскими варварами, и в Восточной, подвергнувшейся эллинизации. Обратимся, друзья, к истории.

Читатель может не согласиться с утверждением, изложенным в данном заголовке. Не будем спорить с несогласными, а зададимся вопросом: как же возникла Западная цивилизация, ставшая ныне современным объединённым Западом, куда входят, кроме США и Западной Европы, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Япония и прочие малые сателлиты? Если мы обратимся к истории, то увидим, что возникла она на развалинах западной части некогда могучей Римской империи и развитие её прошло через все предшествующие века в постоянном противостоянии православной части империи и далее Русской цивилизации, ставшей её преемницей. Каким образом сие происходило? Заглянем в те времена.

А там, вслед за установлением тогдашним, уже не языческим, а христианским императором Константином христианства в качестве официальной религии, данное вероучение стало новой внутренней сутью повседневного существования великой державы. И дабы, в связи с этим, обозначить в истории новую эру, глава империи создаёт второй Рим, новую столицу – Константинополь – на востоке государства. Что, к слову сказать, было сделано весьма своевременно, так как вскоре в западной части его, захваченной воинственными варварами-германцами, начали учреждаться независимые королевства.

Восточная часть, ставшая затем по самоназванию Державой Ромеев, или Византией, каковой именовали страну позднее на Западе, в отличие от западного «варварско-римского котла», устремляется на неуклонное и последовательное продвижение Православной веры, на просвещение окрестных народов, и среди них россос. Из этой могучей христианской цитадели, почтенной матери современной человеческой культуры и права, шло православное ведение о Боге, о едином мироздании и об индивидуальном и общем спасении.

Западная же часть занялась незаконными агрессивными действиями, направленными против государственной воли подлинного Главы империи – на то время императора Византии – и Господней воли, транслируемой через Единую Церковь. И началась Западная Европа с провозглашения главы *отмежевавшейся* церкви Папой Римским и «назначения» короля варваров-франков Карла, фактически узурпатора, титулованным римским аристократом и затем «римским императором». Рим слишком долго жил по руководящему принципу полной трансформации грубой силой в безоговорочное, неотъемлемое право – у кого сила, того и право, – чтобы это не оказалось плотью и кровью старой аристократии. Но поскольку в описываемые времена она обессилела, то передала данную привилегию свежей силе, свежей крови германских племён, захвативших империю. А те с этим, естественно, с удовольствием согласились.

Если смотреть из нынешнего времени, – как говорится, большое видится на расстоянии, – делается понятным, что путём отделения завоёванных германцами западных земель и создания «особой» церкви была реализована цель неких сил, неких акторов, действующих по известному негласному правилу «разделяй и властвуй». Поэтому ни о каком *modus vivendi* – условиях, обеспечивающих совместное сосуществование, речи быть не могло. Началось упорное и ожесточённое противостояние с Православной Церковью, Православной Цивилизацией.

Для сего Запад, ставя всё с ног на голову, принялся доказывать, будто именно Германская Римская империя является единственной законной правопреемницей Рима в качестве единственно правильной и целостной, от которой якобы откололась Византия. Это их собственное дьявольское измышление не было экзистенциальным, но стало краеугольным камнем, положенным в вековой идеологический фундамент всего высокомерного и враждебного отношения Запада к Православной державе. И поскольку доказать неоспоримую реальность этого не представлялось возможным, то росло явно маниакальное, неискоренимое стремление уничтожить её.

Не потому ли Запад с невиданным всеобщим подъёмом организует и проводит именем Христа крестовые «освободительные» войны? И что характерно, эти военные кампании повсеместно отличаются неблагоприятными деяниями так называемых рыцарей-крестоносцев, как то: лёгкая личная нажива, откровенное насилие, хищнические разбои, прямое искоренение, истребление жителей – греков, славян, арабов и африканцев – на покорённых территориях.

Как же случилось, отчего такое высокоразвитое, религиозное и цивилизованное царство кануло в историческое небытие? Давайте по закону дедукции перейдём от общего к частному. Источники говорят нам о возникновении сразу после первого крестового похода по всей Византии, особенно в больших полисах и на всём восточном побережье, множества венецианских и генуэзских коммерческих, торговых организаций («в деньгах родства нет»), политических обществ и ассоциаций, занимавшихся во всевозможных аспектах целенаправленными слаженными действиями против Византии. Было постоянное и инклюзивное отрицание, вплоть до полного выкорчёвывания и, в конце концов, уничтожения Православной религии, с заменой её повсюду воинствующим католицизмом. Сюда относится и крайняя, небывалая агрессивность мусульманского мира, появившегося на обширных пространствах изначально старинного, многовекового христианства и стремящегося к окончательной ликвидации Православной империи. Это весьма играет на руку Западной Европе во исполнение вожделенной цели. Настоящим апофеозом того стало тщательное планирование в середине XII века «крестового» похода уже не против мусульман, а против христианской Византии! И вот в 1204 году в неё ворвались дальние, но вполне достойные потомки неотёсанных германских варваров – «крестоносцы». Взяв Константинополь, они разрушили законную власть в Империи, разрушили значимые культурные и религиозные объекты при гробовом молчании и, мало того, при полном попустительстве папы и при единодушном и громогласном одобрении всего западного мира. И такие разбойные деяния, в результате которых Византия в скором времени никогда уже больше не сможет оправиться от такой страшной, лихой беды, как гибель, являлись вполне закономерными, ибо западные «воины» – совершенный антипод византийцам, никогда не кичащимся, всегда проявлявшим особую тактичность и немалую терпимость в религиозных вопросах, – в противоположность западной инквизиции – и использовавшим местные языки. Более того, византийские святые Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность! Не были ромеи и ксенофобами, подобно Петрарке, «пламенно» призывавшему генуэзцев и весь Запад безотлагательно смести с лица земли Византию с «малодушными гречишками» и называвшему жителей Азии и Восточной Европы полуживотными и «недочеловеками».

В Империи Ромеев¹ похожего *contumelia*² и неприкрытой лютой ненависти нельзя, как ни постараться, даже вообразить.

И вот, в итоге, на растерзанных останках некогда могущественного Православного государства Константина Запад учредил латинскую империю, нещадно бившую ромеев по их благородным чувствам любви к родине. Но «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», – начался латентный период в истории Византии. Новоявленные, по сути, латинские руководители той в течение двух последующих столетий могли, невзирая на нескрываемую неприязнь и явную антипатию греков, по требованию папской церкви назначать Константинопольского Патриарха из числа западных католических епископов, организовывали на православной земле католические монастыри и стремились подчинить Православную церковь западной, римскому папству. Стремилась вынудить её на униатский союз и прodelывали для этого всё мыслимое и немислимое: применяя и щедрые заманчивые обещания, обнадёживая значительных православных священнослужителей кардинальскими шапками, и крупные взятки, а касательно нерешительных прибегали к влиянию итальянских «гуманистов»... Тяжко было православному священнику осуществлять свою церковную службу. Ромеи страдали от неуклонного вытеснения их из по-настоящему значимых областей человеческой и общественной жизнедеятельности, от безжалостного угнетения. И на этом фоне закономерным стало принятие в 1369 году в Риме императором Иоанном V католичества, свершилось неслыханное публичное национальное унижение, бесчестье Византии. А далее, как всегда в таких случаях водится, началась длительная упорная, каждодневная борьба между подлинно православными и латинофилами из среды византийцев, во всём ориентировавшимися на Запад, возлагавшими на того радужные надежды, в том числе что он защитит от неотвратимой, грозно нависшей опасности масштабного тюркского вторжения. А были и такие – «пятая колонна» противоположного рода, – что образовывали нераздельный идеологический фронт с имевшимися в изрядном числе поклонниками врага. Запад же перед нешуточной и для него самого угрозой, руководимый указанным ему императивом, не отклонился от определённого генерального направления на насильственное разрушение Византии и образования из неё полной своей вотчины. И это при недостаточной военной и экономической мощи для действенного сопротивления тюркам.

Данное положение и стагнация в развитии Византии привели к вынужденному («нет, нет, и ещё раз да!») согласию на организационное объединение. Рим достиг желаемого, принудил ромеев принять католическое вероучение во всех спорных в течение пятисот лет ключевых вопросах. Дата 6 июля 1439 года навсегда останется позорной в истории Византии. В сей день в кафедральном соборе Флоренции произошло помпезное мероприятие по заключению церковной унии. Греки во главе с императором в торжественных одеяниях преклоняли колени перед папой и лобызали его руку. В стране существовало вполне обоснованное глубокое убеждение, что произошёл прямой подкуп многих высших священнослужителей «врагами истинной веры». Монахи Афона в красноречивом послании русскому Великому Князю Василию II писали: император и духовенство «какову мерзость всхотеша очима своима увидети свою благочестивую веру продате на злате студным латинам...»³

Вернувшихся в Константинополь народ откровенно осуждал за предательство своей родной и истинной церкви и родины, ибо «от свечи и дом сгорает». И когда произошла первая попытка осуществить достигнутый флорентийский договор, негодующий и гордый народ устроил восстание под сводами Святой Софии и изгнал продавшегося патриарха... Запад, в итоге, будучи не в силах полностью покорить Византию, отдал её под безраздельное чужеземное владычество тюркам. Выходит, главную, определяющую роль в падении Державы ромеев сыграли объединённые западные силы – католическая церковь и Венецианская с Генуэзской республики совместно с пролатинскими силами внутри страны.

Несомненной, очевидной истиной является и то, что и духовное состояние граждан Византии того времени далеко оставляло желать лучшего и в свою очередь привело к обскурации. «Сами друг перед другом величаются, а другого чтоб унижить ни во что не вменяют... хитрейшие обманы делают... с кичливой надменностью... грех да соблазн и вере поношение...»⁴

¹ Следует сказать, что византийцы называли себя «Империей ромеев». А Византия – не более как учёная кличка, введённая в обиход западными, а по их примеру и российскими либеральными идеологами около ста лет после гибели империи как бранное слово. Отсюда и производные термины – «византизм» (или «византинизм») и «византийство».

² *Contumelia* (лат.) – поношение.

³ Послание прота и иноков Афонской горы к Великому Князю Василию Васильевичу о правоверии Восточной церкви и суемудрии Западной по случаю Флорентийского собора // Летопись занятий археографической комиссии за 1864 г. СПб., 1865. Приложения, с. 29.

⁴ Лесков Н. С. Запечатлённый ангел / Избранные произведения, Т. 2: Повести и рассказы. М.: Литература, Мир книги, 2005. С. 87.

Так общими усилиями – *viribus unitis* – из двух неотъемлемых частей бывшей Римской империи – Восточной и Западной – осталась только Западная, сделавшаяся фактически реальной основой Западной цивилизации. Достойной преемницей Восточной Римской империи – Византии стало Православное Русское государство (как говорится в народе: «глубокая вода не мутится»). «Москва – третий Рим и четвёртому не бывать!» Этот девиз был реализован, и, таким образом, с тех пор непримиримое длительное цивилизационное противостояние начало происходить между Западной Европой и Русским царством. Данная конфронтация сохранялась и сохраняется в отношении Российской империи, Советского Союза и современной России на протяжении более чем пяти веков. Наиболее ярко оно проявилось во время лихого Смутного времени начала 17-го века, в гнилой период царствования Анны Иоанновны (1730–1740), во время наполеоновского двенадцатизычного нашествия, Крымской войны, в гибели великой Российской империи в феврале 1917 года, в действиях активных троцкистов и их союзников в 20-е и 30-е годы XX века, во время Священной Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, в тайной разрушительной деятельности «хрущёвых», «сусловых», «пономарёвых», «андроповых» и иже с ними с 57-го по 85-й год, в пресловутой «катастрожке» Горбачёва, в период бесславного правления Ельцина и до сих пор во враждебной работе «пятой» и «шестой колонны» в нашей стране. Ныне на международном, планетарном уровне это выливается в противостоянии объединённого Запада и России с союзниками. И вот на авиабазе Рамштайн в Германии в сентябре 2022 года собрались официальные и полномочные представители пятидесяти союзных западных стран в едином неудержимом порыве покончить с российским государством, о чём они мечтали все эти минувшие века и предпринимали неоднократные настойчивые и неустанные попытки сделать сие; в едином неудержимом порыве окончательно решить мучивший их днями и ночами русский вопрос.

Почему? Почему Запад формировался в духе жёсткого антипода России? Настоящее происходило недаром, так как цивилизация России является для него во все времена «инопланетной», она самобытна, в противовес западной – это духовная цивилизация. Фундаментальная основа глубинной России, независимо от формы правления, – её духовность, которая космична, представляет собой духовную систему, олицетворяет базовую идею создания совершенного Царства Небесного на земле в качестве осуществления полной правды – полного единства спокойной совести, мировой истины, сердечного добра и земной красоты, – социальной справедливости и гражданского равноправия людей в обществе, служащего совместному делу, чётко определяющих достойное место человека во Вселенной, его высокое предназначение в жизни в настоящем и будущем.

Но Русская цивилизация есть не только православие и богатое культурное византийское наследие, у неё имеются и другие неповторимые особенности, и многие другие значимые факторы. Например, показательно, как в советское время религиозный образ мыслей видоизменился в пролетарский русский мессианизм, когда Ленин стал долгожданным мессией, Сталин – апостолом Петром, Троцкий – Иудой, Мавзолей – гробом Господним, ревизионисты – еретиками, мировой коммунизм – грядущим Царством Божиим, марксизм и ленинизм – соответственно, Ветхим Заветом и Новым Заветом, знаменитый моральный кодекс строителя коммунизма – Нагорной проповедью Иисуса Христа, а коммунистическая партия – хорошо организованной общиной верующих и так далее. И повседневное поведение – в быту и в труде, – и менталитет советских людей оставались в разумных и соизмеримых рамках базовой православной модели. Потому и современная Россия, несмотря на малое количество воцерковлённых, несмотря на подлое время перевёртышей, сохраняется по смыслам православной.

Да, ментальность беспрекословно считается важнейшей составной частью остова цивилизации. Она определяет текущее решение животрепещущих вопросов, связанных с характером глубоких смыслов, их местом в реальной действительности, говорит об очевидной тесной связи разных смыслов между собой и с определяющими общественными и культурными факторами.

Русский народ – изначальное, историческое ядро российской державности – сформировался и совершенствовался между Византией – соединением самобытных цивилизаций восточного Средиземноморья и Ближнего Востока и Степью – культурой кочевых народностей, как *aurea media*¹ между ними. В результате выработались такие отличительные, определяющие народные черты, как постоянное стремление к длительному мирному сосуществованию с соседями, терпимое и гуманное отношение к лицам иной национальности и к их образу жизни, поразительное умение усваивать привлекательные индивидуальные черты различных народов. Кроме того, суровые природные условия мест обитания привели к выработке правил и обычаев коллективизма, общинных связей и артельности.

¹ Aurea media (лат.) – золотая середина.

Следующими уникальными качествами Русской цивилизации, если кратко, являются удивительный органичный и креативный синтез европейского и азиатского, самая протяжённая в мире граница с порядочным количеством сопредельных стран, расположение на двух континентах, разреженность расселения и большая неоднородность территориального размещения населения в крупных городах и в сельско-провинциальных её частях.

Таким образом, мы видим, насколько различны Русская и Западная цивилизации. К слову сказать, разница между ними хорошо показана на следующем конкретном и поучительном примере. Примечательно, европейцы во время интенсивной колонизации Северной Америки не смешивались с индейцами и устраивали всевозможные искусственные преграды для этого. И далее текущая политика и реальная практика американского государства касательно коренных племён и несчастного негритянского населения заключались во всяком разъединении их и белого «христианского» населения, а в отношении первых – вплоть до уничтожения. А что творили англичане в Индии и во время англо-бурской войны, что творили «цивилизованные» народы в своих африканских, американских и полинезийских колониях, что творили назовцы в Югославии, Ираке и Ливии?! И это немудрено, ибо их прародители – германские племена англосаксов – активно вырезали местных бритов и норманнов (кстати, спасшиеся норманны и основали на континенте землю Нормандию, ныне являющуюся частью Франции), да и наименование «вандалы» (одно из германских племён) недаром стало нарицательным. Русские же простые воины и казаки, богатые промышленники, отважные и пытливые исследователи и так или иначе попавшие туда крестьяне, идя по Уралу и Сибири, перенимали домашнюю и хозяйственную утварь, традиционную одежду, местные способы и рецепты приготовления пищи, типы жилища у коренных обитателей. Кроме того, в Сибири произошёл уникальный сплав культур. Различие между Россией и США состояло ещё и в том, что вместо изгнания тамошних аборигенов с их исконной земли, Россия интегрировала новых подданных в свою разумную христианскую цивилизацию. Русские женились на молодых местных женщинах, и смешанные браки эти сплошь и рядом являлись согласными и крепкими. И православная церковь осуществляла народное просвещение и проповедовала гуманное, доброжелательное отношение к иноплеменникам, тем самым значительно помогая прочному союзу с ними.

Итак, Российская цивилизация – именно цивилизация, ибо она является особым континентом на Земле, особым миром, – никогда не занималась, что каждому из истории может быть ясно видно, любого рода насилием, территориальными и прочими жестокими захватами, в отличие от германо-романской и англо-американской цивилизаций, и проявляется как собирательная, культивирующая дружбу окружающих и малых народов. Россия изначально строилась не в виде «единой расы», а в качестве свободного братского содружества народов, говорящих на множестве различных языков, и в этом её неизбывная притягательная и созидательная сила. Это создало уникальность России – в своей трудной и славной многовековой истории она аккумулировала в своём эгрегоре неистощимую потенциальную, креативную энергию развития. Потому-то её и избрала, не избавив от всевозможных серьёзных препятствий, испытаний, страданий, противоборств, конфликтов и войн, непрерывная Планетарная Эволюция для движения к Новому Миру, когда индивидуальное сознание и интеллект, внутренняя духовность и нравственность людей станут соответствовать космическому сознанию и космической ответственности, к Миру, за которым грядущее, ибо духовный разум непобедим. Реальная альтернатива ему одна – неминуемая гибель человечества, так как голый, циничный потребительский прагматизм, «делание денег» и безудержное стремление международного финансового капитала к тотальному господству над планетой ни к чему хорошему привести не могут, противостоя в том числе и природе Земли. Запад, согласно своей по определению антирусской природе, совершенно независимо от того, какие партии и лидеры будут стоять у власти (что ещё раз подтверждает их роль в качестве пешек в «большой игре»), будет предпринимать всё возможное и невозможное против России. И непрекращающаяся глобальная война с целью любой ценой добиться унижения и разрушения Русского народа и Русской цивилизации, которые по традиции мужественно встают против открытого вызова, предъявленного всему человечеству (в отличие от предшествующего исторического периода упорного поиска «государством» благоволения «господ мира сего», что неминуемо привело к неслыханному унижению и потерям), явится последним, драматическим действием в данной вышеуказанной парадигме. Результатом же будет построение Новой Страны, Новой России, полностью соответствующей природе Русской Цивилизации.

Берега Новороссии

Светлана Леонтьева

Светлана Леонтьева – член Союза писателей России, дипломант национальной премии «Золотое перо Руси», «Созвездие духовности», «Бриллиантовый Дюк», фестиваля «Интеллигентный сезон», лауреат премий «Уральские горы», «Лучшие строфы столетия», «Литературный глобус», главный редактор альманаха «Третья столица», автор 33 книг прозы и поэзии.

КРЕСТНЫЙ ХОД. УСПЕНСКИЙ ПОСТ

Крестный ход во Дивеево из града Нижнего,
Арзамаса, из Выксы, из Городца.
Возлюби ты меня, словно самого ближнего,
видишь, я пред тобою открытая вся.

Во платочке да в юбке до самого пола,
возлюби, ибо сердце до боли смолола.

И пою я со всеми: «Помилуй ты нас!»
Мы со флагом отеческим и материнским.
Здесь уставшие люди рекой исполинской,
и хоругви над нами да иконостас!

Звон, звон, звон колокольный, он плавится
звонко,
и в нём слышатся плачи старух возле крыжьев,
не зачатого слышу в утробе ребёнка,
не умершего вижу могилу певуче.

Крестный ход к водоёму текучий, текучий...

Ибо в поле сраженье, там вытекшим глазом
василёк смотрит – маленькие мои, детки...
Возлюби меня, брат тот, кто братом не назван,
возлюби, как отрубленные любят ветки!

Возлюби, с кем сплеталась в одно я растение,
как руками сплеталась, ногами сплеталась,
Крестным ходом Чернобыльским, нашим
вселенским,
это всё так осталось: ход, небо и благодать.

Это планы на осень: Москва, Тверь, Оранки.
Это планы на зиму: опять быть пророком.
Говорить то, что мир горд и прост, одинаков,
а он сложный,
он атомный,
всё видит Оком.

Всех, кого приручил ты, за них мы ответим,
за вдовца, чернеца, за лжеца, за кровати,

с кем сплеталась. Теперь не боюсь даже смерти,
ибо смерть снова попрана, что с неё взять?

В Крестном ходе, в таком, что в крови на закате.
Помню я только пальцы, что ангел к затылку
приложил, словно к ранке бинт, йод, марлю, вату
и звезду буквой «Z», что похожа на жилку!

* * *

Богатый, красивый такой, из варяг,
как раз по пути ко арабам и грекам.
Хочу это помнить всем сердцем, взятяг,
хочу это чувствовать! Именно это.

Лежат на земле шкуры лис да волков,
кувшины наполнены брагой веков,
доспехи: секира, ножи, булава
да острые копья – лети голова!
Всё, как на картине В. М. Васнецова:
скирда, сноп и колос, солома, полова,
а далее – Ладога, Новгород. Пеший
маршрут был проложен сквозь дым и пожары.

Малюсенький Киев пред ним распластался,
и взял этот Киев Олег, званный Вещим.
Гой еси, но если отсель Древнерусье,
откуда у нас родословные ветви.
Мы все – мироздания чада, все – дети!

А после Владимир-град встал в лихолетье
столицей всяя! В стольный день, мясопустный,
не ешь нынче курицу в мятном рассоле,
не ешь нынче зайца в свекольном растворе,
не ешь ты баранину вкупе с капустой.

Рожай, Русь, князь Игоря – Рюрика сына,
на Ольге жени его! Как же красивы
князя на Руси! Боже, как все красивы:
усы, борода, в небе острые шпильи.
Но Игоря зверски древляне убили...

А в Искоростень голубь, сойка вернулись,
на лапках огни, как берёзовый улей,
пылал! И всем мщеньям – мщенье сверкало:
сожжён город был не людьми, не волками,
а птицами. Вот уж любовь, вот уж страсти!
На мщения Ольга-княжна была мастер.

А Киев – что? Маленькая деревушка,
она непокорна, сурьмна, непослушна,
дома деревянные, церковок главы.
Мне помнится Киев Печорскою лаврой.
А после Владимира тоже столица,
куда же князьям во престолы садиться?
Семьсот пятьдесят вёрст супротив Батыя:
а вот и Москва, бережища крутые,
столица Руси, а теперь всей России.

Такая любовь. И дороги такие.
К холму припадаю, высокий он, в глине.
Кто там, под землёй? По чьему иду телу?
На чьих я крестцах, позвоночниках, спинах,
на чьих животах, на груди исполинной?
Ветра отпуют и постели постелют,
неся впереди свой живот, весь в прожилках
из трав, из суглинка да из иван-чая.
Такая любовь. И бескрайность такая!

Что хочется крикнуть им: вот вечно жить бы!

Сижу. Закурить бы. Но я некурящая.
Сижу. Мне сто грамм бы. Но нет, я непьющая.
Внизу подо мною схоронены пращуры.
Красивые самые. Самые лучшие.

* * *

У меня есть собака, а точнее, есть пёс,
я его целовала в чёрный плюшевый нос.
Убегал, непослушный, срывался с цепи,
Лаял так: прямо душу
выворачивал!

– Спи!

Чёрный, гневный, лохматый, ел он всё – даже
хлеб с майонезом. Дай лапу!
Он давал сразу две!

... вот лежу я в сугробе. В белой шубе лежу.
Вою: «Боженька, дай мне пережить эту жуть...»
Ну, достали, достали... не могу... столько лет...
Из меня выростали – из больной, как скелет,
эти травы из стали, так Голгофа растёт,
из меня выростали солнце и неба свод.
Я ползла по сугробу: пальцы сжали снег, лёд.
(Я не знала в те годы, что спасенье придёт.)

Пёс лизал мои щёки и за пояс тянул,
чтоб я встала. Он сбоку дотянулся до скул.
И он лаял, так лаял! Словно пел коростель,
Песня-крик, песня-омут, песня – сказочный Лель.

Но ему я сказала: «Бежим!» Мы вдвоём
побежали, проваливаясь в снег густой.
И осыпалось солнышко за окоём.
Залезай, пёс, в машину, поедем домой.

(Есть такое местечко, кто знает маршрут,
там, где Ольгинский пост в Арзамас
скользкий путь,
есть деревня Елховка, правее вот тут,
там Целебная Горка, ложись ей на грудь!
И все хвори исчезнут, растают, пройдут.)
Там ветра из Голгофы, разбойный сквозняк.
После взял пёс, состарился, что же ты так?

Погляди, я не старюсь – косметика, крем,
не курю и не пью и немного я ем.
И не как ты – картоху, хлеб, сосиску вразброс!
Ты мой пёс. Мой собака. Мой плюшевый нос...

* * *

Как им там без меня, моим предкам и пращурам?
Из варяг что пришли, и мне знать нынче
важно так,
как шумят по-над ними мои ковыли?
Золотые колосья, васильки, мята, солод,
в небе поле гудит, словно город размолот.
Здесь мои были предки, с Варяжьей пришли!

Я по полю иду. А под слоем, под глиною,
под густым и под жирным, под настом
с малиною,

с земляникою-ягодой предки схоронены!
По коленочкам деда, как в детстве любила я,
по груди пра-прабабушки, ибо могилою
это поле! Моё оно! Кровное-кровное!

Возвращались домой. Солнце ластилось рыжее.
Как написано в летописи, что «полониша» и
«сонм скота, и коней взяв, и челядь премного»:
Половецкая степь. Поле дикое. Поле,
до сих пор оно – боль нам. Безмерная боль нам.
Как из прошлого нервом! По нервам дорога!

Скифы, тюрки, сарматы. А нынче осколки
мин, снарядов и вечность разбита на дольки.
Я за пращуров-прадедов буду бороться.
Мне не надо кричать ни гортанно, ни горько,
что мы орки. Нет! Створки. Мы раскрытые
створки
во Христовые ясли, где овцы.

Вдоль Днепра и до Дона здесь дым плыл
по устью,
бились между Литвой и Московскою Русью,
мои предки сражались, валы, рвы, преграды
водружали, чтоб город не втопан был в землю,
чтобы не был сожжён, чтоб не вогнан был
в петлю.
Мои предки – родные, родные громады!

Но зайдётся вдруг сердце, как там без меня вы?
В этих травах, в колочках, в ромашках и мальвах?
Как вы тлеете там, ваши кости и жилы?
Ваша кровь, просочившаяся в медь и камни?
Я целую, входя в степь, вас страстно ступнями.
Не отдам я ворогам мои же могилы!

Ну и пусть, что ты, сохлое, жёлтое поле,
антрацитовое невозможно раздолье.
Этот холм нужен мне.
И кургана всесиле.
Изболелась вся внутренность прямо до чрева,
как вы там без меня, что кругов ада девять?
Ты мне ярче светил!
Ты светило в светиле!

* * *

Хочешь, распни меня вместо всех тех,
кто был распят, – вор распят, проститутка.
Дождь по щекам. Дождь – он из антител
против ковида. На грани рассудка.
Сделать крещённой, когда на кресте,
разве получится? Лучше без лести.
Больно не эти мне сделали – те,
больно не там, ждали где, в другом месте.
Шепчет разбойник:
– Я верю тебе.
Шепчет, как будто кричит оглашенно.
Каюсь, я каюсь, я – немощ теперь,
грешен я, слаб, слеп и глух во вселенных.
Слаб, хоть есть мускулы, череп и мгла,
слеп, хоть я вижу на двести процентов,
глух, словно муха, улитка, пчела,
самый я немощный,
самый я серый.
Гришка твой. Грешный твой. Небо рябое.
Да, да, тот самый из шерсти и боли!
... Песня про яблоко катится, катится,
песню пою, значит, всё же живая?
Дай мне очнуться – твоей службе, пятнице.
Эти позвали. А те не позвали.
Звон, звон, звон,
колокольный мой звон,

о, я тоже художник: встраиваю полотна
в эту систему «Россия – вагон –
поезд – большой чемодан самолётный».
По тебе этот звон.
Иль по мне этот звон?
Буду каяться в том, что я сделала,
хоть не сделала, каяться буду вдогон
тем, кто чёрен. Что каяться белым мне?

* * *

Корни этой берёзы обнимают тебя, мой отец,
песчинки вот этой земли щекочут твои ладони.
На вешалке шарф твой остался из шерсти овец
отчаянно-рыжий! И куртка ещё из болоньи.
Такие носили тогда. А ещё помню я
твой портфель –
он лаково-чёрный. В нём плитка всегда
шоколада.
Лубочный наш мир – оловянных солдатиков,
фей.
Журнал «За рулём», ты читал и выписывал
«Правду».

Ходили с тобою мы вместе на площадь.
А нынче – беда!
Завод, где работал ты, – продали!
Как же так можно
разрушить страну? Растащить по карманам?
Предать!
Но ты, мой отец, не застал времена бездорожья.

Я письма хранила твои. А сейчас, а сейчас
я каждый истёртый конвертик беру и вдыхаю:
цветасто! Побуквенно! Словно бы некий запас
ещё у нас времени есть пред изгнанием из рая!
Ещё на табло не черно!
Ещё нету табло!
Ещё не случилось у нас, как сейчас, катастрофы:
куда ни взгляни – банки, рынки, обвалы, бабло,
сплошные Голгофы!
И ржавые гвозди распяты...
Отец мой, отец!
О, как я люблю тебя! Как по тебе я скучаю!
Я шарф твой беру – этот рыжий –
из шерсти овец –
и, словно котёнка, держу и держу у плеча я.
А сердце моё так стучит, что сороки – бегом
с подталых ветвей врассыпную метнулись
огрузло.
Ты был коммунистом, отец.
Верил: честным трудом
что зло победили бы мы! И вот этот – дурдом!
... Ты умер, о Боже, за день до развала Союза!

* * *

Он звал не меня, но я слышала: «Мама!»
сквозь визг миномёта, сквозь взрывы,
сквозь вой.

Пошли в рукопашную, падали в ямы.
И снова вставали. Шёл бой!
Как быть высотой? Как шестою быть ротой?
За нами Москва – и всегда, и везде.
Он звал. Он кричал раз, наверное, в сотый
последнее «Мама!» там, на высоте.

И как тут не вспомнить мне то, как рожала?
И фразу извечную, женскую, мне
из сердца как вырвать? В Чечне, на войне
погибли солдаты, полив кровью алой
гористую землю. И я повторяла.
Весь день повторяла. Всю ночь повторяла.
И буду твердить до скончания дней:

– Сыночек, сыночек, тебя нет родней!
... Рожала.
Хрипела.
Начать бы сначала.
Нам, женщинам русским, рожать сыновей.
Плечистых. И рослых. Взгляните на фото!

В Аргунском ущелье деревья, болото,
трава по колено, кусты и бугры.

Он звал. Слово «мама» шептал до поры:
– Вот кровь оросит почву, станет горою,
а ноги сплетутся, что кроны деревьев,
и станут корнями, срastутся с землёю,
и кости смешаются с глиной седою, –
Шептал так солдат, телом всем леденея, –
И всё станет мною.
Весь мир станет мною!
Услышь меня, мама!
– Я слышу, я слышу.
Пишу эти строки – и слёзы рекою.
Но как нам спасти, уберечь как мальчишек?
Читаю я список погибших. Весь. Скопом.
Дивеево рядом. И град Балахнинский.
В Дивеево Зайцев Андрей родился.
Роман Пискунов из Сокольского родом.
Губернии Нижегородской. Всех жалко.

Ко мне прорывается крик: «Мама! Мама!»
Он хрупкий весною, как будто фиалка.
Но всё же сквозь щебень. Но всё же сквозь
мрамор.

* * *

Я видела, словно в немом кино: она оседала
в снег,
а в чреве её тридцать лун подряд младенец
был, человек!
Довыносить бы!
И мальчика напитать берёзовым соком своим.
О, сколько во мне витаминов с куста
и сладостей. Поедим!
Вот яблоко сочное: белый налив.
Икра и севрюжья уха.
О чрево моё! Ты возьми и прими,
пока он живой! Пока сердечко его –
О, я слышу – люблю –
безумнейшее спаси!
Да что же случилось такое у нас на кромке
границы Руси?
Народ твой крещённый, Владимир наш князь,
народ твой взращённый на сочных лугах,
и вдруг помирает от выстрелов – хрясть!
От взрывов, от мин... Мрём за нефть и за газ,
помешанный на деньгах
сей мир! Нити космоса рвутся и рвут
тела наши, о, как глядеть?
Младенец, пусть тело моё, что приют,
пусть чрево, как дом, там есть пища и снедь.
Как вырвать у смерти тебя, как украсть
воровкой последней, голимой? Ворья
такого не видывал мир! Сунуть пясть,
вцепиться ногтями в мертвеющий наст,
в неё! В оседающую мать, моля,
спаси нерождённого. Небо, земля!
Ору я! Да так, что осипла. Ору!
Сама оседаю на снег, что в крови.
Мертвеющей матери кожу-кору
содрать и достать бы младенца – живи...
Так было когда-то во сне, наяву.
Я в женской больнице лечилась тогда.
Одной роженице – из тех, вековых,
родить помогла я ребёнка!
В хлеву
рожают лишь Бога всегда.
О, тёплое семя мужское внутри,
о, тёплая сладость, о, молоко, о, страсть!
Я вздумала нынче у смерти украсть,
у тлена!
А вы говорите, что дрянь я и мразь...
Гори эта смерть! Вся гори!
У этой строки, что срывается с уст
и в сердце течёт в сто его корневищ,
конца нет и края. Спаси, вырвать, пусть
хоть в мыслях моих оживёшь, мой малыш!

Берега прочтения

Виталий Даренский

Виталий Даренский – профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета, доктор философских наук.

МИРОВАЯ МИССИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

*О книге Лидии Довыденко
«Русская мысль и человечество»*

Жизнеполагающий, внутренний выбор:
русское слово и несение русской идеи
как Креста Господнего.

Л. Довыденко

В наше время «химического распада» культуры особо насущными и при этом столь же редкими стали усилия её собирания в единство смысла и слова, охватывающего космос национального и мирового бытия. Даже самые яркие представители современной русской мысли – философы и публицисты – как правило, все-таки остаются «специалистами» в одной сфере культуры, а часто даже и всего лишь в одной теме. Синтезирующая мысль стала большой редкостью. Но книги Лидии Владимировны Довыденко составляют редкое исключение из этого правила всеобщей специализации. Ей удаётся найти связующие нити между самыми разными авторами и областями творчества, а эти нити сплетаются в сложные, но ясные узоры современной русской культуры, выстоявшей вопреки всем попыткам её уничтожения.

В продолжение сборника статей «Жертвенное сияние современной русской мысли» (2019) в её новую книгу «Русская мысль и человечество» (2021) вошли очерки и статьи, а также яркие интервью с современными выдающимися деятелями русской культуры. В книге рассмотрено творчество таких авторов, как Николай Иванов, Валентин Курбатов, Сергей Пылёв, Людмила Яцкевич, Геннадий Сазонов, Николай Коняев, Сэда Вермишева, меценатская деятельность князя Н. Д. Лобанова-Ростовского, вклад в современный кинематограф и русскую культуру Николая Бурляева, народных артистов России Евгения и Галины Киндиновых. Автор книги определил свою задачу как синтез подлинных культурных достижений современности на фоне всемирного духовного упадка.

В предваряющем эту книгу эссе Людмилы Воробьёвой «Духовное преображение мира» сказано: «Тенденция нашего времени – всё более усиливающееся взаимопроникновение, слияние философии и литературы», и именно эта тенденция воплощена в творчестве Лидии Довыденко. А само название эссе – «духовное преображение мира» – очень точно обозначает сверхзадачу её трудов на ниве осмысления житнетворческих вершин русской культуры. В этой книге есть одна самая глубокая формулировка, которая приобщает этот высший смысл русской культуры – уже к высшему смыслу самого Бытия как такового, ради которого вообще был сотворён этот мир: «жизнеполагающий, внутренний выбор – русское слово и несение русской идеи как Креста Господнего» (с. 59). Русская культура – это не банальное «самовыражение», а аскеза и подвиг, это труд во славу Божию.

Сама Лидия Владимировна постоянно обращается к этой ключевой для себя мысли, которая пронизывает любую тему, о которой она пишет. Так, в эссе о книге Сергея Пылёва «А за окном – человечество...» она так определяет самый главный смысл литературного творчества: «Литература, становясь средством влияния на дух человека, инструментом его внутреннего преображения, одновременно превратилась в священный центр всей русской культуры. Поэт, писатель – это человек, стоящий между двумя мирами видимого и невидимого, познанного и непознанного, тонко чувствует

границу, отделяющую материальное и духовное, которые не могут существовать вне друг друга. В любую минуту художник слова готов отодвинуть завесу и открыть для всех окно в иной мир – мир Божественный, мир, в котором живут идеи, мечты и архетипы, потому что писатели – проводники всего чистого, светлого, вечного» (с. 25). Редко в наше время можно услышать такие слова, которые напоминают о подлинной, самой изначальной сущности и миссии искусства. Когда-то искусство в своё время отделилось от религиозного культа, но сохранило в себе его «ядро» – путь к чудесному преображению души человека и создаваемого им мира. И автор книги прямо напоминает нам об этом: «Поэтическое созерцание сродни религиозному. О духовном свете невечернем писали многие русские писатели, начиная с А. С. Хомякова» (с. 39).

Лидия Довыденко в отстаивании своих убеждений не боится и «посягать» на мнимые «авторитеты» современности. В эссе о книге Л. Г. Яцкевич «Православное слово в творчестве вологодских писателей» она пишет: «Писатель-творец научался правде у Бога-Творца. Когда этого не происходит, у писателя возникает ложный образ мира, как это произошло у Прилепина в романе “Обитель”. Главный герой его – не политический заключённый, а столичный молодой человек, убивший отца. Это уголовный преступник. Основное внимание Прилепина уделено его любовным похождениям, а не безвинным узникам, сохранившим в духовном борении чистоту души» (с. 38). Так профанируется и сама идея обращения к этому сакральному символу русской истории, ибо Соловки – «духовный оплот Отечества, непобедимый, преображённый Китеж» (с. 39). Но это символ и глубоко трагический: древний монастырь знал и восстание старообрядцев, а в XX веке стал одним из первых лагерей ГУЛАГ. Поэтому Лидия Довыденко приводит пронзительные по глубине слова Бориса Ширяева, прошедшего в XX веке Соловецкий лагерь и написавшего о нём так: «Стоны родили звоны. Страдание – подвиг, временное сменилось вечным».

Литература и искусство в России всегда были религиозной практикой – аскезой сердца и ума, взыскующих высшей истины. В эссе «О книгах Валентина Курбатова» автор пишет об этом так: «Как няня для Пушкина, так для многих, взявшихся за сочинительство, была литература и философия предшествующих веков, потому что писать, особенно в России, – это значит искать, а также спасать, и “мы ищем, ищем, Господи, что спасёт нашу страну? Но даже во сне и в молитве не слышим ответа, не умеем прочесть в любящей тишине взгляда”» (с. 46), – цитирует она выдающегося мыслителя и критика. Об одной из тем его дневника она отмечает: «Писатель делится своими впечатлениями от поездки в наше небесное Отечество: в Византию, в Константинополь, в начало нашей Православной веры, к святым отцам» (с. 49). Итак, русская литература имеет «небесное Отечество».

В этом отношении очень важен и интересен её очерк «Поэзия и философия Эяны Суодене», посвящённый жизни этой яркой подвижницы возрождения русской культуры в Литве, где она создала Центр культуры им. Л. Карсавина в Каунасе и руководит проектом по изданию литературного альманаха «*Oceanus sarmaticus*». Так имя великого русского философа Л. Карсавина и символ древней Сарматии освящают нашу современность.

Универсальные смыслы культуры Лидия Довыденко умеет раскрывать через конкретные яркие события. Например, в очерке о фестивале духовной поэзии «Покрова» она пишет: «Когда звучит на “Покровах” поэзия из Литвы, Латвии, России, Беларуси, мы понимаем, что центром притяжения авторов является общество культуры имени Льва Карсавина при Каунасской Благовещенской церкви (настоятель – отец Николай Мурашов) и Каунасский клуб “Надежда” Русского собрания Литвы, но главное – ощущаем Покрова Пресвятой Богородицы, для многих любимый и сокровенный праздник. Такие встречи необходимы для гармонизации сознания, как говорит Эяна Суодене: “создавая лад строфы, художник слова возвращает миру утраченную модель гармоничной целостности Мироздания”» (с. 55). Продолжая ту же мысль, автор пишет: «Художники и поэты – часть культуры, в которой есть место Благовещению, Любви, внутреннему свету. Здесь живут вселенский разум и истина» (с. 55).

Через все книги Лидии Довыденко проходит мысль о величайшей ответственности поэта и писателя за судьбы Родины – ведь он как мастер слова способен повернуть ход истории, воздействуя на души и сознание миллионов людей. В этом она находит своих единомышленников – тех, кто переживает распад исторической России в 1991 году: «Эяна Суодене не снимает нашей вины: “Над собою верша беззаконие, мы лишились огромной страны”. И, может быть, лишившись её, мы ещё больше любим её и жалеем, и эта любовь к Отчизне – наше духовное укрепление, как стезя, ведущая

к спасительному свету. Что такое Божественное “избранничество”? Может быть, тяжкий рок – это Господь даёт ношу по силам? Вера, столетие спустя, на новом круге даёт возможность уцелеть, удержаться, утверждать величие человека в противовес объявленным “конкуренции”, “индивидуализму” и другим сомнительным ценностям» (с. 58). Литература – это не эстетическое развлечение, а тяжкий крест противостояния хаосу и духовному распаду.

В очерке о книге Геннадия Сазонова «Сияние слова Василия Белова. Встречи, беседы, воспоминания» (Вологда, 2019) автор выделяет особые личностные черты великого русского писателя XX века, в которых наиболее глубоко явлен религиозный, подвижнический путь русской литературы. В частности, она пишет: «Василий Белов восстановил Никольский храм в Сохте рядом с кладбищем, на красивом берегу Сохтского озера. Церковь Святого Николая Чудотворца вернулась к изначальному назначению. Сооружена она была сначала в дереве в 1691 году, оделась в камень в 1842 году... В 1920-е годы в церкви разрушили колокольню, а в летней части здания устроили школу. Василий Белов первые классы в этой школе учился, пел “Интернационал”. Колхозы создавались параллельно с разрушением храмов. Но теперь выяснилось, что иконы не погибли. Белов в храм принёс икону, сохранившуюся в его доме, прихожане принесли» (с. 63). В этом небольшом сюжете явлена не только биография писателя, но и весь путь России в XX веке на примере одного человека и одного храма – тяжкий путь преодоления обмана мира сего и духовного преображения.

В этом отношении очень важно и то, что голос Василия Белова был услышан и во всём мире – как на Западе, так и на Востоке. Автор пишет о выступлении в Сорбонне в полном зале, о посещении музея современного искусства, выйдя из которого «Белов произнёс, что искусство заканчивается там, где кончается традиция. Это был 1976 год... А в Японии у Василия Белова был друг Ясуи Рёхэй, который высоко ценил книгу «Лад», говоря: «Благодаря “Ладу” я получил бесценный ключ к пониманию России» (с. 67). Эти слова Василия Белова – «Искусство заканчивается там, где кончается традиция» – нужно выбить на камне в назидание всем потомкам.

Исполняя этот завет Василия Белова, Лидия Довыденко также ведёт благородную борьбу за сохранение понимания высшего предназначения искусства уже в наше время – «вопреки выродишимся, но оседлавшим литературные сомнительные премии» (с. 70) деятелям. В наше время это стало ещё тяжелее, «в период, когда над миром нависла угроза электронного концлагеря, когда сатанисты мира по сути дела поставили вопрос о конце истории человечества» (с. 70). В нашу эпоху искусство стало не только силой преображения человека, но силой, спасающей человечество от гибели.

Такое апокалиптическое ощущение времени заставляет понять самую глубокую онтологическую сущность литературы и искусства, призвания поэта и художника. Для этой сущности автор книги нашла очень ёмкую и точную формулировку: «Своеобразие поэтического самовыражения и образного строя позволяет говорить о “неизречённом реализме”, Божественном Присутствии и мистическом прозрении. Вопросы стиля, богатого экспериментами и образными находками, понимание его читателями мало волнуют поэта, ему, возможно, и самому до конца не ясен этот таинственный генетический код русского человека, широта которого изумляла Фёдора Достоевского, говорившего о том, что “его бы сузить”, но вряд ли это возможно, это Божественное предопределение» (с. 73).

Продолжая эту главную мысль всей своей книги в эссе «Мистическое – антипод пессимистического», она пишет о внутреннем содержании и задаче искусства: «творчество национально спасительно, потому что... противостоит оплёвыванию великой русской литературы и живых проявлений человечности. Мистическое (Божественное, неизречённое) русский религиозный философ Н. С. Арсеньев противопоставлял пессимистическому. И в этом плане степень духовного влияния в современной литературе Владимира Подлужского нелегко уловить и понять, потому что нет таких счётчиков. Но несомненно то, что благодаря таким национально-мыслящим поэтам происходит выражение в художественной форме целостности русской духовной почвы, разоблачение абсурда постмодернистских проектов» (с. 75). И эти усилия не остаются безответными – «любимая поэтами Россия отвечает самой искренней привязанностью к нежнейшим из своих сынов, отмеченных светлейшим Божьим даром» (с. 90). Поэтому Лидия Довыденко справедливо пишет о «планетарном мышлении русского человека» (с. 105) как особом даре России от Бога и даре России всему миру.

Возвращаясь от метафизических и планетарных проблем к конкретике художественной жизни, автор извлекает ценные уроки из общения с современными русскими талантами. Вот, например, важное признание замечательного современного актёра о «тайне» его работы: «главное, чтобы фаль-

ши не звучало, – делится Евгений Киндинов. – К сожалению, становится всё больше пиара... Важна “ясность Божьего лица”. Мы ищем свет вокруг себя. Это душевные ощущения, а не анализ, не утверждение себя за счёт других. Литература для меня не знамя, а то, что делает нас иными» (с. 114). Этот точный афоризм – «Литература – это то, что делает нас иными» – также относится к заветным убеждениям всей русской литературы, которая всегда мыслила себя как «инструмент» духовного преображения человека.

Есть в книге и более развёрнутое определение того, как подлинная литература действует на человека. Это всегда происходит «с ощущением прорастания духовного зерна в живой и свободной моей родной земле, где возрождаются белые храмы с золотыми куполами в небесной сини, где бытийный мир не отделяется от православного устройства, где злые мирские пагубы одолеваются отеческими заветами» (с. 127).

В ярком эссе «Вселенная Сэды Вермишевой» это передано через внутреннее самоощущение подлинного поэта: «это такая уверенность в бессмертии души, что захватывает тебя целиком и полностью, открывая жизнь не как замкнутый круг: дом – работа, а тыходишь в дом Поэта – это Мироздание, где так важно не спать сознание, ведь “твои владения лежат везде, где солнца свет”» (с. 129). И ещё: «Что значит быть Поэтом? Для неё это значило нести своим творчеством Свет, утверждать Закон благородства и великодушия. Это главное, что должен помнить Поэт. У неё был космический слух, вселенское чувствознание, понимание, что правда без любви – это обман» (с. 130), – пишет она о своей героине. Но на примере одного поэта нужно понять: «Поэт принадлежит к лучшей части носителей духовности и культуры, которая не утрачена, а лишь затаилась до лучших времён, как это изложено в знаменитой легенде о граде Китеже» (с. 150). Поэт – носитель самой глубинной памяти народа и культуры в целом; его «функция» – не «развлекательная», а преображающая. Обращая сознания к глубинным смыслам сознания, он не даёт ему подчиниться пропаганде, рутине и всему тому хаосу, который несёт безбожная цивилизация.

Как мыслитель-борец Лидия Довыденко даёт столь же яркие образы, вскрывающие противников подлинной литературы и культуры, в частности, её смелая метафора «коллективного Чацкого» (резко контрастирующая с привычным «школьным» апологетическим пониманием этого героя). «Образ коллективного Чацкого, – пишет она, – этого разрушителя сложившейся веками жизни, не имеющего перед глазами какой-либо другой модели развития вместо разрушаемой, его деструктивность и провокативность ассоциируется с современными постмодернистами, циничными представителями либеральной общественности» (с. 133).

В цикле очерков «Святоград Луганский» Лидия Довыденко очень ярко и проникновенно пишет о нашем городе, который она посещала в самые трудные годы, в частности, о научно-практической конференции к 10-летию Русского центра Луганской республиканской научной библиотеки имени М. Горького, в которой она сама участвовала 26 и 27 ноября 2019 года. Но кроме этого очень важного очерка, в котором показана интеллектуальная жизнь прифронтового города, о которой в России очень мало знают, автор книги сделала и его общий культурный портрет, как и Донбасса в целом.

Особую ценность, безусловно, представляет очерк о знаменитом старце Филиппе Луганском, который известен уже во всём православном мире, несмотря на задержку с его официальной канонизацией (которую он также предсказал). Лидия Довыденко пишет: «Уже сейчас согласно предсказанию Филиппа Луганского город становится местом паломничества людей со всего мира. Они хотят встретиться, поговорить, увидеть, прочувствовать будущую Новороссию, которая повлияет в духовном плане и на Россию, на её духовное преображение, и вместе с Россией на всё человечество. Это не что-то фантастическое. Всё больше людей на земле понимают, что здесь, в Луганске, проявилась одна из вершин человеческого духа. Здесь, в Луганской народной республике, остались те, кто по-настоящему крепок духом, искренне любит свою землю, любит свою республику, ведь они с оружием в руках отстаивали и будут отстаивать свою землю. Здесь произошло, казалось бы, невозможное: сквозь целлофан и санкции глобализма, античеловеческие выпады хунты пробилась ростки Новой Руси! Спасение, духовное и нравственное, красота служения Святому Духу идут в Россию и мировое пространство из Луганска» (с. 216).

Могила и часовня старца Филиппа находится в 300 метрах от моего дома, и я с раннего детства помню его большое народное почитание, ещё «подпольное» в советское время. Помню, как в конце 1970-х, когда после его смерти прошло всего 20 лет, на его могиле собиралась большая толпа ве-

рующих на Пасху, которых разгоняла милиция. В наше же время особенно важными стали пророчества старца. Так, «в советское время Луганск был переименован в Ворошиловград, на что старец Филипп говорил тогда, что город был и останется Луганском, а Ворошилова люди забудут» (с. 214). А в 2014 году, в августе, когда недалеко от часовни упала украинская мина, мы ходили посмотреть, не повредила ли она её, там собрались верующие и говорили друг другу: «Старец говорил, что будет ещё война, враги окружают Луганск со всех сторон, но войти в него не смогут. Вот уже месяц мы в окружении, а войти они не могут – значит, так и есть, это про нас. А ещё он говорил, что эта война начнётся в Луганске, а закончится в Киеве. Значит, так и будет – мы победим!» И уже восемь лет нет у нас в этом никакого сомнения.

Главное же пророчество было дано старцу в чудесном явлении Пресвятой Богородицы. Лидия Владимировна пишет об этом так: «Тайну иконы Пресвятой Богородицы Трёхличной многие пытаются расшифровать (очень много материалов в интернете): при сложении чисел возраста Богородицы, являвшейся старцу во сне, получается цифра 118. Если прибавить её к 1905, году явления Богородицы над Луганском, то получается 2023 год, на который возлагается надежда на мир и окончательную победу Донбасса над мировым закулисем» (с. 215). И опять всё совпадает.

В своём очерке о творчестве Николая Арсеньева, о котором Лидия Довыденко защитила первую в России диссертацию и является ведущим специалистом, поднимаются фундаментальные философские вопросы о бытии человека и мира. Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977) – русский религиозный философ, культуролог, писатель и поэт. «Арсеньев развивает свою мысль в рамках идеала преображения, – пишет автор. – Выбор один: Апокалипсис или преображение. В русской литературе XIX века мотив преображения явно и неявно присутствует у многих авторов. В лирике Пушкина, например, преображение героя – основной принцип. По мнению Арсеньева, метафизическая струя у Пушкина может носить невольный характер, но этим добавлением ничто не ослабляется, так как душа поэта “стремится прикоснуться к основному, благому Смыслу Жизни”. И в этом стремлении личность его просветляется, преображается. Поэтому “так умирительно” действует на него молитва Св. Ефрема Сирина и образ простой, смиренной праведности» (с. 248). Акцентирование автором «идеала преображения» в творчестве этого философа нам представляется очень важным и актуальным для нашего времени. Я также давно разрабатываю концепцию «парадигмы преображения» как основополагающей для русской философии и определяющей её принципиальное отличие от западной. (Об этом монография «Парадигма преображения человека в русской философии XX века», Санкт-Петербург, «Алетейя», 2018.) «Открытие» для современной философии такого большого и ценного философа, как Николай Арсеньев, совершённое Лидией Владимировной, имеет огромную важность.

Кроме исследования персоналий, автор и напрямую обращается к рассмотрению ряда фундаментальных философских проблем. К своей статье с весьма провокативным названием «Песок в колёса цивилизационной машины» автор взяла эпиграф из размышлений великого русского композитора Георгия Свиридова: «Возврат к национальной традиции – вот истинная новизна для нашего времени». Откуда такой парадокс: традиция стала подлинной новизной в наше время? Как пишет Лидия Довыденко, «цивилизационная машина деконструирует ценностные оппозиции, налагает запрет на чёткое разграничение смысла и бессмыслицы, добра и зла. С исчезновением культурной и духовной традиции исчезает человек, он умирает после объявленной “смерти” Бога» (с. 251). Современная культура должна противостоять разрушительному воздействию этой цивилизационной машины, превращающей человека в «биосоциальный автомат».

В этом состоит подвиг русской культуры в наше время. В частности, как пишет Лидия Довыденко, «русская религиозная философия, ещё не совсем возвращённая и не прочитанная у нас, утверждавшая верность традициям духовной русской культуры, конституирующая человека на началах веры и любви. Вязкости рассудочных сомнений она противопоставила веру как явление духовной свободы. Уточняя своё призвание, свой предмет и метод в свете всех пережитых блужданий и крушений, отойдя от подражания западным образцам, она обратилась к глубинам национального духовного опыта, стала убедительным и драгоценным исследованием духа» (с. 252). Именно поэтому в наше время русская философия стала духовным ориентиром для всех, кто возвращается к истокам русской духовной традиции. Русские философы Серебряного века и Зарубежья – такой же бесценный кладезь национального духа, как и великая русская литература. Очевидно, что именно труд по возвращению наследия Николая Арсеньева в современную русскую культуру дал Лидии Довыденко тот мощный

интеллектуальный закал и ту энергию, которую она теперь столь плодотворно использует в своих оригинальных произведениях.

В интервью с председателем Союза писателей России Николаем Ивановым, заслуженным боевым офицером, прошедшим Афганистан и побывавшим в чеченском плену, автор поднимает вопросы нравственного смысла военных операций, которые вынуждена вести Россия в ответ на гибридную войну, которую против неё всегда ведёт Запад. Её собеседник напомнил важный факт: «Только в Чечне погибли сыновья семи генералов! В Чечне впервые после Великой Отечественной в процентном отношении стало больше офицеров, закрывающих своей грудью солдат, хотя по солдатской святости должно всё же быть наоборот» (с. 274). Так война, при всём своём трагизме, становится новым источником духовного возрождения народа.

В этом интервью упоминается о том, что поэт Николай Гумилёв после первых 10 дней на передовой в Первую мировую войну написал своему другу Лозинскому: «Я чувствую себя перед опасностью, как старый пьяница перед бутылкой коньяка» (с. 273). При всей прямоте и приземлённости такого сравнения, оно указывает на такое состояние бесстрашия души, которое воспитывает великих личностей. Это важно понимать всем тем, кто во время судьбоносной военной операции на Украине прячется за своим трусливым «пацифизмом», тем самым фактически предавая Родину.

Важный смысловой «узел» всей книги – это сопоставление новой возрождающейся России и деградирующего Запада. В интервью с Николаем Петровичем Бурляевым её знаменитый собеседник признаётся: «Я проехал Англию, Шотландию, Италию, Францию. Я там бывал и прежде, но на этот раз увидел, что кризис у них, а не в России. Это кризис духовный, выражающийся в дехристианизации, демонизации. Увидел атакующий арабский мир. “Почернела” и “пожелтела” Франция. Идешь по Парижу и думаешь, где же ты находишься? Где лица французов? Подсчитал, что увидел лишь примерно 20 % людей, похожих на французов. Очень это печально, и это то, что разъедает весь западный мир. В других странах то же самое. Это нечто чужеродное, которое разъедает коренную культуру. И очень агрессивное оно, как оказывается. В России – всё иначе. У нас нет кризиса духовного, наоборот, у нас духовное возрождение. Я лично благодарю Бога и Запад – за санкции. И молю Бога, чтобы ещё какое-то время нас оставили в покое и не поднимали цены на нефть. Так Россия сейчас “сосредотачивается”, как говорил Столыпин. Потенциал у нас огромный» (с. 278). Всё сказанное здесь Николаем Петровичем Бурляевым – это та принципиально новая реальность, которая и определяет наше будущее.

В диалоге автора с этим мудрым собеседником прозвучали такие важные слова: «Лучшие произведения литературы и искусства, опираясь на национальное наследие, выходили на вселенский уровень, отводя России особую миссию в мире. Это особенно понимали русские люди, жившие на Западе. В частности, Николай Рерих, он говорил, что “спасение России есть спасение мира, гибель России есть гибель мира”. У нас сейчас есть все шансы и самим не погибнуть, и миру этого не дать сделать; показать, как надо жить и какова должна быть подлинная культура. В России сейчас удивительное время... Всё лучше у нас, и люди лучше» (с. 279). В этих рассуждениях – историософская квинтэссенция всей книги.

Очень важный и по-философски содержательный очерк «10 ответов Валентина Курбатова на вызовы современности» также содержит важные философские размышления о русской истории. Так, например, автор книги приводит такие слова своего героя: «Червячок-то с первой оглядки Петра Великого, с его “окошка в Европу” завёлся, за что староверы ласково звали его Антихристом. Да и матушка Екатерина одной рукой собирала Россию, прибавляя к ней Крым, а другой немножко оставалась дома, в Германии, кокетничая с Вольтером» (с. 304). Выдающийся литературный критик также видел суть современной культуры – в её рыночном характере, где все стремятся «продать себя подороже». Он писал: «...по обложке уже не отделишь честного консерватора от подлеца-постмодерниста. Зайдите в книжный магазин, тотчас и увидите это соревнование честолубий: и меня купи! И меня!» (с. 306). Но это не подлинная культура, а её рыночный «симулякр», которые заслоняет собой всё подлинное, которое в наше время приходится упорно искать, ведь всё подлинное никогда не хвалится и не навязывается.

Очень важен и рассказ Валентина Курбатова о том, как он смог в советское время сформироваться русским православным человеком. «А это уж просто “везение”, – писал он. – Дедушка был молитвенник. Мы пять лет (с 1942 по 1947)... жили с ним в землянке, потому что дедушку в свой

час “раскулачили” за то, что у него было тринадцать детей – вон сколько рабочей силы! – непременно захочешь всех прокормить. Избу у дедушки отняли и увезли, но милостиво позволили жить в погребе во дворе, где летом хранили продукты. Он вставил в погреб окошко, сложил печь и жил да молился в родной деревне. И меня, внучка... решил выучить Псалтыри. И выучил!» (с. 308). Вот так, почти чудом от поколения к поколению в самых тяжёлых и трагических условиях жизни передавалась и не умирала Святая Русь. Она не погибла, но выжила именно потому, что по-христиански не держала зла на своих поработителей, а думала лишь о душе и совести, и поэтому победила и пережила всех своих врагов. Переживёт и дальше.

Одно из важных признаний Валентина Курбатова, его философское «исповедание веры», не случайно автор приводит в своей книге целиком – ведь это своего рода напутствие будущим поколениям. Он писал: «Ты, как пчела, собираешь улей жизни и все цветы и поля твои, и каждый цветочек отдельный, и нет ему повторения. И в этом саду равноправны утраты, болезни, смерти близких. Господь строит твою душу и, оборачиваясь, ты вдруг однажды сознаёшь, что каждый день единичен и необходим. И боль входит в порядок жизни, чтобы ты видел лучше и рос сердцем. Впрочем, это умствование. Один монах, расстрелянный в 37-м году, удивительно сказал в свой самый трудный час, что “Бог любит не всех одинаково, а каждого – больше!”. И ты это однажды так ярко осознаешь, словно тебя разбудят, и уже сам будешь знать, что чем далее, тем жизнь ненагляднее. Это в тебе прорастает вечность, которая не ТАМ, а и вот ТУТ, в каждом дне. И это только мы своеволием, жадной отдельностью и эгоизмом строим злое историческое пространство (особенно нестерпимое в религиозных войнах) вместо того, чтобы увидеть Другого и обрадоваться его “другости”, как разнообразию небесного сада» (с. 311). Если человек поднимается до такой высоты разума бытия и самого себя, то уже ничто не поколеблет его веру и его способность к преображению мира по законам добра и красоты.

Автор книги «Русская мысль и человечество» так же, как пчела, собирает самые зрелые и ценные плоды современной русской культуры. Это чрезвычайно ценная и редкая для нашего времени работа, за которую нужно искренне поблагодарить автора этой замечательной книги. Отметим и необходимость скорейшего издания перевода Лидии Довыденко книги Н. Арсеньева, написанной на немецком языке «Русская литература нового времени и современности в их духовной взаимосвязи», который пока нигде не опубликован. Надеемся, что это станет следующим достижением автора.

Берега прочтения

Александр Бойников

Александр Михайлович Бойников – литературовед, литературный критик, краевед, кандидат филологических наук, член Союза писателей и Союза журналистов России. Родился в 1960 году. Живёт в Твери. Работает доцентом кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета. Автор шести книг и более 700 научных, литературно-критических и краеведческих статей. Публиковался в журналах: «Волга – XXI век», «Подъём», «Сибирские огни», «Наш современник», а также в «Литературной газете», «Российском писателе», в газете «День литературы» и др. Лауреат литературной премии им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (2006) и премии журнала «Петровский мост» (2018). Награждён медалью им. Евгения Замятина (2018).

«Я СВЕТЛОГО НЕБА ЛОСКУТ ВАСИЛЬКОВЫЙ...»

О поэзии Елены Александренко

Есть ли духовность в современной России, не исчезла ли она, не испарилась ли навсегда подобно зыбкому предрассветному туману? Вопрос возник не на пустом месте. Сергей Есенин после личной встречи с реальностью «американской мечты» пророчески написал: «Если хочешь здесь душу вырвать, // То сочтут: или глуп, или пьян...» Подлинно русский человек, он увидел горестную бездуховность «мировой биржи» с её культом погони за барышами; разоблачил самую суть пропитанного психологией буржуазности мира, где царствуют «подлецы всех стран», где задавлено всё светлое, сердечное, задушевное. Нашу Родину вот уже более тридцати лет соблазняют чёрной и безудержной страстью к обогащению и наживе; адепты и проводники «навара», используя все доступные им возможности, стремятся расшатать духовно-нравственные опоры государства, посеять в народе ядовитые семена отчуждения, возвести стяжательство и эгоцентризм, веками чуждые нашему менталитету, в поведенческий догмат. Но пока есть на нашей земле мастера и рыцари Слова, не устающие говорить о святом и вечном, заветном и благородном, доблести и честности, Россия будет не только жить, но и прирастать духовностью. Одна из них – Елена Александренко, поэт воистину русский.

Стихотворение-камертон «Мой кругозор», открывающее эту книгу – предельно исповедальную и поразительно искреннюю, – сразу погружает в атмосферу созданного поэтом мира, в котором органично слиты властно влекущая стихия познания жизни с её страданиями и радостями, пылкое желание поймать «времени пёстрый ветер» и восхищённость полнотой существования. «Свойский» кругозор фокусирует в себе множество знакомых и незнакомых начал, психологических столкновений, беспокойных размышлений, предзнаменовательных примет. Сопрягаясь с широкой палитрой сокровенных порывов и предчувствий, они оборачиваются калейдоскопом единичных мироотражений, сходящихся в едином узоре бытия. Доминируют же среди них по-детски чистая, незамутнённая открытость миру и подлинная русскость, что помогает держаться в трудные времена. А когда они были для нас лёгкими?

И не нужно чужих нам Америк,
И деревьев других, и ветров.
Держит нас на плаву русский берег,
Наша вера и наша любовь.

Каждый раздел сборника (всего их восемь) подобен отдельному своеобразному этапу странствий «размышляющей и чувствующей души» (Гегель), чьё состояние не терпит шума и суеты. Само на-

звание «Тише воды...» генетически восходит к «тихой лирике» 50–70-х годов прошлого века – к стихотворениям Рубцова, Тряпкина, Передреева, Соколова, Прасолова, продолживших есенинскую и шире – почвенническую – традицию. Правда, «тихой» их поэзия была только внешне...

Сегодня далеко не каждый рискнёт продемонстрировать свою русскость из-за опаски угодить в капкан псевдотолерантности. Русскость в стихотворениях Елены Александренко – тверда и самозабвенна, пластична и естественна. И вечна Россия – её средоточие в бесконечном круговороте мироздания:

И какой бы она ни была,
И какой бы ни стала,
В ней дыханье моё,
Восхождение, покой и сила.
Если вдруг я уйду,
Чтобы жизнь начинать сначала,
Это будет моя голубиная Русь,
Россия!

Она говорит о «голубиной Руси», тем самым устанавливая связь с, пожалуй, наиболее загадочным литературным памятником древней Руси – «Голубиной книгой», которая в разных вариантах и иногда в зашифрованной форме содержит знания о глубинной сути вещей и явлений земного мира: «В небе намоленном // Память глубинная // Восточку почтой пришлёт голубиною. // Знать, неизбежна с землёй связь обратная – // Не-сокрушимая, не-вероятная».

Память поэта устремлена к исконным родовым корням, к уходящей русской деревне. Она избегает экзотического надрыва, но щемящая тональность деревенских воспоминаний, трогательный колорит сельских картин, зримость осязаемых и в то же время символических деталей (почтовый ящик – «паучий склеп», «слепая деревня», «сиротливое крыльцо», которое «ждёт шагов и надеется») не отпускают.

Нынешнюю судьбу свою Елена Александренко подаёт с известной долей эпатажа, обыгрывая крылатое выражение: «Что судьба моя? Дырка от бублика – // Круг замкнулся, и я в том кругу...» С одной стороны, эта замкнутость превращается в своего рода затворничество, дающее свободу «жить по-божьи, по совести, // Никого и ни в чём не виня», и ощущать себя хранительницей абсолютных ценностей: «И жизнь принимая без прикрас, // Любовь и веру сохраню для нас». С другой – закрываясь от мира, она тотчас же открывается ему – нарочито парадоксально: «Я выхожу, не выходя...» И находит опору в вере, помогающей преодолевать любую боль, любые испытания. Искренняя вера разлита в ткани многих её строк, озаряя евангельским светом обретение своего пути и себя «в Христовых заповедях строгих».

В книге много стихов о жизни, что «как полёт внезапно коротка» или как одуванчик, что «оглянуться не успел – старик // С пышной сединой на голове». Такое выстраданное понимание приходит к человеку, стоявшему на пороге смерти, неведомом до перешагивания его рубеже между двумя вселенными.

Посмотрите, как мы все похожи,
И у каждого свой край земли...
Каждый в этой жизни лишь прохожий,
Чтоб другие проходить могли.

Доверительно обращаясь к своему читателю-другу (а им может стать каждый), поэт призывает: «В суе и глубине событий, // Проходя, свой не гасите Свет. // Каждый миг цените и любите! // Ничего важнее жизни нет». Обаятельная лиричность нивелирует явный дидактизм. Впрочем, нужная истина не тускнеет от повторения.

Большая часть стихотворений Елены Александренко создана в русле философско-медитативной лирики особого оттенка: поэт сосредотачивается на внутренних рефлексиях, чтобы сначала уйти от действительности, а затем вернуться к ней с накопленным духовным опытом, отправить людям «письма на снегу»... Каждое такое письмо – отдельная крупинка познания всего повстречавшегося на жизненной стезе; лирическое чувство сгущается, утверждения оборачиваются вопросами, на которые нет однозначных ответов; из микродеталей вырастает макромир. Вся книга превращается в авторский монолог – исповедь души, остро переживающей за человека, за несовершенство мира.

Можно найти счастье даже в том, чтобы крошить «хлебушек, любя, // Сизокрылым нежным голубям». Почему нет? Прекрасно делать добро простым нетворением зла.

Опыт настойчивых странствий души побуждает к раздумьям над философией жизни; они щедро рассыпаны в стихах, отмеченных созерцательностью, но не отвлечённой, а приближенной к мирской суете. Елена Александренко настойчиво вслушивается и всматривается во всё окружающее; и, принимая его по-блоковски – без изъятия, словно обретает крылья. Торжествующее, азартное и даже немного озорное состояние полёта устремляет поэта ввысь, в небо, туда, где «нет никчёмной суеты, // только радуги мосты». Лишь там – на безмерных синих просторах – можно вдоволь насладиться, насытиться силой воображения, настоящей волей, испытать в отрыве от земли некие сверхчеловеческие ощущения.

Изящное стирание границ между материальной действительностью и творимой поэтом вселенной – одна из ярких особенностей её авторского почерка. Предметно-пространственная среда под её пером теряет чёткие очертания; плавные перетекания от грёз к яви создают атмосферу неожиданности, бытийных и эмоциональных трансформаций: «Эта слабость станет Вашей силой: // Пейте горький свет моей строки... // Пусть согреет всё, что в вас остыло, // И разбудят сердце мотыльки».

Порой этот – иной – мир грустен, холоден, наполнен болью и бедой, даже дисгармоничен. Отсюда самоуглублённость, перепады настроений, элегичность с искорками привлекательной эксцентричности. От взора поэта не ускользают и общественные язвы. Раскалённым кинжалом пронзает сердце стихотворение-предостережение «Больничное», по сути, крик, обращённый к беспечным женщинам, убивающим во чреве собственных, нерождённых ещё детей. Наглядно и выразительно прорисован бомж, персонаж одноимённого стихотворения-портрета, от которого жизнью «неустроенной несёт за версту»; свой «попрошайный день» он проводит на «крещёной лестнице», душа же его не знает «ни радости, ни молитв». Художественно убедителен образ Москвы, чуждой для остальной России. У Елены Александренко нет шаблонной ненависти к столице, она лишь сожалеет, что здесь «люди, как птицы, мелькают “с ветки на ветку” // И не вникают ни в голоса, ни в лица»; они расчеловечены, отчуждены друг от друга, до них не достучишься, «если закрыты глаза и закрыты уши, // Если живут, в экраны уткнувшись носом».

Духовным и – смею утверждать – эстетическим противовесом дисгармонии, сотворённой человеком, в её поэзии предстаёт природа, меняющаяся в круговороте вечного обновления. Дивная сказка наяву, воплощение всеобщего мудрого замысла и высшей красоты, отрада и исповедница души. Именно в пейзажах раскрылся талант Елены Александренко живописать богатым красочностью словом. «Может, где-то в глубине, спит во мне Художник», – восклицает она. Нет, не спит он, проснулся и творит. Поэту одинаково дороги и милы картины всех времён года; их цветовая палитра – яркая и почти без полутонов: синие сумерки, золотой свет окошек, ослепительно-белый снег... Или вот: «И листья жёлтою рекой // Меж берегов сияют синих...» Многоплановые образы цветов, дождя, солнца, листвы, звёзд, облаков, окрашенные широким спектром онтологических нюансов и ассоциаций, вплетены в цепочки раздумий полноценными звеньями. На первом месте в образном ряду – снег:

Снег идёт,
И совсем он не скушен.
И танцует, детей веселя.
Снег идёт, окрыляя нам души.
Снег идёт, просто радости для.

В упоении гениальным естеством природы смешались радость и вдохновение, слёзы и ликование; нередко возникает ощущение звенящей высокой тоски. И лишь любовь наделяет поэта редким умением видеть в привычном воплощение идеальной красоты. И тогда из пылкого сердца льются стихи...

Как весной разбуженная почка,
Сердце выпускает свой листок.
И судьбой поставленная точка
Прорастает смыслом между строк.

А они таковы, что хочется говорить практически о каждом из них. Даже посвящённые одной теме, они при медленном прочтении искрятся кристаллами новых смыслов, внезапными образными

ракурсами («троллейбус – это автобус на поводке», «свет в окнах, словно в сотах мёд»); даже попадающиеся изредка шероховатости формы, лёгкая «непричёсанность» некоторых строк выглядят столь же естественно, как элементы творческого поиска, тем более что поэт стремится к жанровому разнообразию (весьма интересны миниатюры, тоже философские), смело варьирует строфику и ритмику, экспериментирует с рифмовкой.

Внимательный знаток поэтической классики найдёт в книге курсивные реминисценции из Тютчева, Ахматовой, Блока, Маяковского, Северянина, Пастернака, которые не нивелируют, а напротив, оттеняют творческую индивидуальность поэта. Даже строгий критик заметит здесь оригинальную стилистику и метафорику, прихотливость ассоциаций. Выбираю навскидку: «небо в солнечных ресницах», «душа, как выжженная степь», «Похоже сердце на улитку, // В которой прячется весна», «слов листва из древнерусского словаря», «Мыслью заштопать // жизни карман дырявый»... Эта грань её таланта раскрылась, прежде всего, в пейзажной лирике, по нашему мнению, весьма сложной разновидности поэтического искусства.

Особенно притягательна и изящна резкой смелостью у Е. Александренко поэтика природы. Так, весна – это «добрый гром», «зелёные ноты» и «дождь из ослепляющих лучей»; и «она просто есть» – пора таинства зачатия и рождения – в расцвете, в обновлении, в свежести и доброте. Ошеломляет тонким и одновременно сочным письмом стихотворение «По картине Левитана “Золотая осень”», где виртуозно соединились кисть живописца и слово поэта:

Молчалива река.
Облака в ней, как сонные рыбы.
Даль, что сердцу близка,
янтарём ослепляет берёз.
Я вхожу в этот миг,
дышит осень,
и там мы могли бы целоваться под шёпот
кленовых краснеющих звёзд.

Этюды к бессмертному полотну «Золотая осень» И. Левитан писал на тверской земле. Но остальные пейзажи Елены Александренко созданы с живой натуры её родины – дальневосточного края с его сопками, могучими лесами, величественными реками и неоглядным океаном:

Нет лучше моря нашего,
И чаек над водой,
Что так по-русски плачутся,
Укутавшись в туман,
Под камнем крабик прячется,
И пахнет океан
Живой морской капустою –
Йод с солью пополам.
Песок наполнен чувствами,
Багульником скала.

Высшее из чувств раскрывается в диалогах с любимым человеком, которому можно поведать самое сокровенное и вместе с ним устремиться во вневременность, в надмирность.

И нет ни возраста, ни роста.

Есть только взгляды и душа.
В безвременье легко и просто
И упоительно дышать.

Тяготение к метафизике времени, которое должно в идеале быть «не врагом, а другом» человека, позволяет по-новому осмыслить бытийные закономерности на нравственно-этическом уровне:

Не убивайте время пустотой
И медленной улиткой вашей лени.
Не убивайте время чернотой
Недобрых мыслей,
Путанных сомнений.

А следом – на эмоциональном контрасте – в радужные строки вновь врываются печаль и тревога:

В безвременье и в безнадежье,
В Безречье, безлюдье, безбрежье,
Безлюбье, бездомье, бессонье,
Бездушье, бесшумье, бездолье
Замшелой зверушкой дикой
Без страха, без мрака, без крика
Живу ...

На первый взгляд, «Живу...» – самое пессимистическое стихотворение, в котором «боль переплавляется в слова». Однако его творец не ждёт смерти, а живёт и держится – в окружении всех этих «безов» и даже вопреки им:

Столько раз я сторала, нутром обожглась.
Столько раз я тонула, но всё же дышала.
Даже если с любовью судьба не сошлась –
Всё сторело дотла, я осталась,
осталась!

Кому-то покажется, что в книге Елены Александренко слишком много грусти, тоски, может быть, и уныния. Элегические мотивы ухода, утраты, невозврата, бесспорно, в ней присутствуют. Стихи хмурятся, словно мрачные тучи «горемычной осенью», и уже чаешь просвета, и он появляется – сначала тонкой полоской, постепенно расширяясь на полнеба, чтобы опять помочь стоически встретить и примириться с неизбежным:

Прощальный поцелуй в горячий лоб,
Мне слёзы жгучие острее бритвы...
Уходишь ты, не возвратиться чтоб,
Уже не слыша боли и молитвы.

В чёрном для России 1914 году Анна Ахматова написала пророческие строки: «Ждите глада и труса и мора // И затмения небесных светил». Всё это позже случилось. Новый же мор, возникший словно из ниоткуда, разыгрался весной 2020 года, задел и изменил тысячи судеб, и самого поэта он тоже не миновал. Так родился цикл стихов-потрясений о зловещем SARS-CoV-2, агрессивно перевернувшим привычный жизненный уклад, сделав его экзистенциально антиестественным:

Так безысходно, будто бы в гробу,
На встречи и объятия табу.
Друг друга мы обходим стороной,
Продукты впрок – так велено войной.

Воюем мы с невидимым врагом,
Войти который может в каждый дом,
И сводок ждём об умерших вчера,
А хочется весны, любви, добра.

«Стихи приходят во спасение» – этой финальной нотой завершается книга Елены Александренко. Её стихотворения, которые, вне сомнения, станут живой плодоносящей ветвью на могучем древе современной поэзии России, наполнены желанием счастья людям – ближним и дальним, горячей верой в целительную силу добра, восхищением каждой частичкой дарованной жизни и, конечно, выстраданной надеждой и бескорыстной всеобъемлющей любовью. Многих спасут они от мировой скорби, ибо манифестируют ясную и величайшую гуманистическую идею: самоценность человеческой личности, находящей своё счастье и предназначение в нашем, несмотря ни на что, прекрасном мире.

ВЕЛИКИЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ БЕРЕГОВ

Обзор журнала «Берега» № 4(50)-2022

Путь не просто шёлковый, он ситцевый, льняной, прохладный, горячий, и, будучи шёлковым, но не шёлковый, он погружён в трудолюбие, через гористую местность, через пустыню. И вот он – Китай! Журнал «Берега», как большой, нагруженный караван, дышащий паром, снабжённый повозками из стихов, рассказов, эссе, критики, публицистики, прибыл в эту Страну восходящего солнца, был переведён мастерами на китайский язык с его иероглифами звёздными, марсовыми! А ведь сама история Великого шёлкового пути началась, по сути, ещё во II веке до н.э., и путь вёл из Сианя через Ланьчжоу в Дуньхуан, там он, согласно Википедии, раздваивался на северную дорогу и на южную мимо озера Лобнор (о нём я поведаю позже, ибо он связан своим объёмом с прозой), а по южной окраине пустыни Такла-Макан, похожей на крупички стихов и образов, шёл через Яркенд и Памир. И далее в Индию. Это географически. Мы можем тоже мысленно прочертить этот путь от сердца к сердцу: Пермь, Нижний Новгород, Москва, Воронеж и далее, далее. Сядем в ладью, широкую, пахнущую лаком, и поплывём себе, читая и вчитываясь. Проза открывается рассказами из книги «Серёга» Сергея Миронова – председателя партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду». Я не стану перечислять все регалии этого выдающегося человека, но остановлюсь на его произведении: «Учебка. Начало». Первый прыжок с парашюта. И в этот же день второй. По жанру – это психологически военная проза, захватывающая, порывистая: *«Уже попав в ВДВ, понимая, что это круто, я почувствовал, что может быть ещё круче. Мы переглянулись с Костиным и, не сказав друг другу ни слова, шагнули вперёд. Так мы попали во вторую роту первого батальона обычных десантников, или “курков”, – крылатой пехоты, как о десантниках пишут в газетах. Никакой это был не морской десант, просто Шуманский не хотел, чтобы среди его подопечных были отказчики. И если уже гипотетически призванный не боялся прыгнуть ночью в 5-балльный шторм в открытое море, то уж днём с высоты 800 метров прыжок с Ан-2 точно не побоится сделать. Он оказался прав: именно в нашей роте не было ни одного отказчика. И вот началась служба».*

Скажу честно, что давно не читала такого текста на очень нужную в данное время тему – мобилизация, ВДВ, учебка. И вот далее «Первый прыжок» и захватывающая, обнажённая правда. Представьте, что это ваш сын прыгает с парашютом, как самолёт набирает высоту, открывается дверь и нога сына, обутая в берцы, – такая родная – делает первый шаг в небытие: *«Земли не было видно, потому что была облачность. Я висел, как в молоке, с опаской (с опаской – это я говорю уже из нынешнего времени, а тогда всё сердце наполняла радость, ведь я это сделал, я теперь настоящий десантник, я прыгнул). Правда, поглядывал, нет ли рядом кого-нибудь, чтобы наши купола не сошлись. И ещё в воздухе я подумал: а вот было бы здорово сегодня второй раз сигануть, чтобы у меня тоже было два прыжка, как у всех. Пока эти мысли неслись в голове, а с высоты 800 метров летишь где-то минуты полторы-две, вдруг внизу белизна облаков стала темнеть, и я увидел землю и много-много парашютистов, собирающих парашюты. Там, куда я приближался, вроде было пусто...»* Отрывок из книги – ёмкий, сгруппированный, как будто сам перед прыжком вниз...

«не жалел он о том, что выбрал профессию – Родину защищать – и выбрал воздушно-десантные войска. Ведь по-человечески в такой ситуации можно было сказать: “Да будь проклят тот день и час, когда я поступил в Рязанское десантное училище! Зачем я выбрал себе такую судьбу?!” Но лейтенант сказал так, как сказал: “Не жалею!”»

И вправду, есть такая профессия – Родину защищать. Есть люди, которые посвятили себя служению России. И есть такие писатели, которые служат слову ради России, её языка, сохранения культуры. И мы должны знать их в лицо. Знать их, как нечто большее, чем текст, знать как частицу Великого пути по имени литература.

Идём дальше, ибо караван продвигается в самый красивый город по имени Киров. Здесь стоят арочные сталинки, широкие дороги, Киров – это как Соцгород моего Нижнего Новгорода, застывший в своей невероятной строгой архитектуре. Василий Васильевич Киляков родился в 1960 году в этом городе. Люблю это обозначение – кировский писатель. Кировский, не переименованный, верный традициям. И пусть был бы Советский Союз, неужели жалко, чтобы он остался, эй, эй! Остаётся. Или вернись! Василий Киляков: *«Это случилось так. Поздним осенним вечером я бродил по селу. Ровесников нет, вся молодёжь уехала. Телевизор не смотрелся, в карты не игралось со стариками да старушками – невесело было в деревне мне в этот мой приезд... “Да и что в этих картах, «одна прелесть»” (от слова лесть), – как говорила моя богомольная старушка. Привяжутся, как семечки. И наскучат, и не бросишь. Или заведут разговор о такой старине, в которую уже и не верится...»* И мне не верится, что есть роскошная деревенская проза: *«Я молча разделся и полез под бочку – холодный душ... И теперь, даже когда столько лет минуло со дня этого выстрела, теперь, когда прошло столько дней, в особенно трудные дни житейских невзгод, неудач, неурядиц, когда смыкается холодный круг отчаяния, – вдруг приходит это воспоминание: “А ведь я счастливый человек, я не убил человека...”»*

И верно – счастливый человек, хотя сейчас не убить – это сложно. Тот, кто хоть раз стрелял в тире, на стрельбище, тот меня поймёт, кто не видел спину снайпера, стреляющего в наших, в донецких, в беженцев, когда холодный пот простреливает грудь, когда понимаешь – вот он, снайпер, что он расстреливает русских людей. Этот укр, фашня... И рука моя сама нащупывает курок, когда я пристреливаюсь в парке, в тире. У меня есть настоящее ружьё. И настоящее разрешение на охоту. На уток, зайцев. И лис.

Далее наш путь длится в повесть А. Черновой «Особняк». Интригующая, чуткая, тягучая проза. Мы вновь попадаем всем караваном в её сюжет. Мама. Дочь. Женщина и мужчина. Любимый. Любящий. Разлюбленный. И вновь любимый. Особняк – это некий обруч, держащий героев, он железный. Он янтарный. Он переливается. Анастасия знает, что находится как раз на границе Шёлкового, но не шёлкового пути. Ибо здесь мощёная, каменная суть: интрига! *«...полупрозрачные иглы, почти невидимые, но жёсткие и острые.*

Тогда Данила встал рядом и взял её за руку, она не отнимала. Может быть, нужно было включить лампу и зашторить окно. Заварить крепкий чай и полить кактус. Продолжить вслух читать рукопись, разбирая слова. Но на улице шёл дождь, страшно качалось дерево. А они всё стояли, не в силах оборвать странное горькое чувство, прозрачное и настойчивое, чувство нежности и тишины, полузабытой страсти. Под ногами обрушивались города и мчались поезда. Дремали подземные реки...»

Иногда мне кажется, что я слышу музыку группы «Смысловые галлюцинации», так всё зачехлено в небольшие ларцы и ящики. Молодёжная проза. Девичья. Грёзы и небо. Вообще, проза молодых – это восстание, бунт, Болотная площадь, плакаты, фонарные столбы, клубы, танцы, тусовки. Но здесь иначе – здесь особняк, как некий Дом, который впаял в себя главных героев – смотрительницу, девушку-Золушку, Данилу (от ассоциации Данила-мастер), Тролля, цветы для мамы-невесты, Карину, как некую картину, тайно *«читающую “Сиреневый хинакридон”»*. И это не оттенок краски, это заряд того самого Великого Шёлкового пути журнала «Берега»!

«И знаешь... Мы будем счастливы... – наконец выговорил Данила. – Навсегда.

Прозвучало почти убедительно. День закончился, незаметно наступала ночь. Усевшись на сук соседнего ветвистого дуба, печально и сладостно пела птица Сирин, волнительно пахло свежими ночными травами. И совсем даже неважно, что дубы в том районе не росли. Главное, что дуб был могучий и вековой, а каждое перо Сирина украшено специальным золотистым колпачком “наперника”, тронутого гравировкой неведомых слов».

Яков Шафран живёт и работает в Туле. В городе оружейных мастеров, твёрдой стали и золотого солнца. В журнале он представлен рассказом «ТВЁРДОЕ слово». В рассказе речь идёт о фантазийном будущем, где кьюар-коды, шифры, чипы, а люди роботизированы. И почти бесчувственно. На первый взгляд, проза трудоёмкая, ирреальная. *«Вот и бдительные соседи под тем или иным, по их мнению важным, предлогом стали заглядывать, видимо, срабатывал всеобщий, животрепещущий*

где-то в глубине человеческой самости страх, и обещанное, ясно рисующееся в воображении вознаграждение было нелишним. Поэтому и дома он надевал всегда находящуюся под рукой кепку, опуская её козырёк до бровей, при стуке в дверь. Когда ещё не отключили электричество, он пытался по интернет-сети найти подобных себе, называемых массовой пропагандой – отщепенцами, изгоями». Но у главного героя русское имя, поэтому мы понимаем, что это не за граница. А некий субстанционный мир на русской почве.

Светлана Теряева с её «Девичником» относится к жанру семейные хроники, где муж, она сама, подруга. И вот женщины замыслили обычный свой девичник, с кем не бывает? Но одно условие – отсутствие мужа, ибо тогда душу не отведёшь и не предашься женским секретам: *«Накрыли подруги стол простыми сезонными закусками: огурчики малосольные, помидорки с грядки, перчик, сольцо... и едва успели оценить аромат, сладость и послевкусие выпитого, как на пороге появился Лёва».*

Завершение повести Валерия Румянцева, лауреата премии Н. С. Лескова под названием «Литературный экспресс» ведёт нас вдаль по нашему Шёлковому, загадочному и словно сквозному пути. Здесь синие закаты, шёлковые ленты. Целый парад мыслей. Это было в то время, когда писателей возили целыми экспрессами. Время, казалось бы, счастливое. Как сама безмятежность. Юность. И стаканы в серебряных подстаканниках. И всё бы ничего, если бы не Белинский! Да-да, именно он. И если бы не Писарев. И конечно же, спор о романе М. Попова и о повести Родионова «Князь-рыб». Главные герои – словно из XVIII–XIX веков. Они верят в лучшее. И поэтому спорят.

«– А есть десятки журналов, в которых публикация вообще платная... – усмехнулся Писарев.

– Ну, это для графоманов. Уважающий себя литератор на это не пойдёт. Это всё равно, что я сделаю табуретку, вынесу её на рынок и буду предлагать покупателям взять её мало того бесплатно, а ещё и деньги дам за то, что кто-то согласится забрать её.

– Любой графоман-любитель мечтает стать профессиональным графоманом, – пошутил Дмитрий Иванович...»

О, вот и хорошо, ибо сама давно раздумываю над графоманством. И ведь мы все знаем – КТО настоящий графоман, а идём к нему, ибо без него никуда. Он редактор или министр. Он шишка. Он притягивает. Вынужденное графоманство всегда видимо. Но его замалчивают. Далее в спор вступает Толстой. И гибнет Анна Каренина. А в третьем вагоне заселяется Лермонтов. И сама Россия во мгле. Но поезд едет. И мне бы хотелось, чтобы был свет в конце туннеля. Тот самый – буквой Z. Ибо она нам высвечивает путь. Но это я говорю от себя. И понимаю, что поезд Румянцева – это лишь этап пути. Отрезок во времени. Болезненный? Да. Беспросветный? Возможно. Но идёт накопление потенциала. И все писатели – накопители его. Надо лишь уметь наполнять им свои кубышки. Время придёт. Особенное время.

Шёлковый путь – прошёл свою развилку. И подошёл к базису. То есть к поэзии. К стиху. К рифме. Здравствуй, станция имени Григория Блехмана. Под названием ДОНБАСС – РОССИЯ В ТЕЧЕНИЕ ВОСЬМИ ЛЕТ – С ВЕСНЫ 2014 ГОДА ДО ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА:

*Одессу, Донецк, Мариуполь...,
где долго был общий наш дом,
теперь, словно загнанных в угол,
крушит русофобский синдром.
Крушит без преград – днём и ночью,
грозя перейти в «навсегда».
Да, «время расставит все точки»,
но боль не уйдёт никуда.*

(Декабрь 2017)

Действительно боль не уходит, а становится больше. Пронзительнее.

Вообще преклоняюсь перед теми людьми, кто с 2014 года писал о Донбассе. Писал восемь лет, как восемь веков. Кто переживал войну, словно сам воевал. И получал ранения. Я сама ранена ею. Навылет. Не сердце – а сплошное решето.

И сейчас наши поэты первого ряда – это Анна Долгарева, Мария Ватутина, Игорь Караулов, Дмитрий Мурзин – там, в ней. И им каждый день угрожает опасность. Как Даше Дугиной. Недаром в предыдущем, втором номере БЕРЕГОВ великий Александр Дугин сказал:

«Думаю, самое важное сейчас – сохранять спокойствие. Стремительность военной операции застала врасплох не только врагов, но и друзей. Её никто не ожидал. Отсюда всплеск истерики у всех сторон. Но тут важно понять: установление контроля над огромной, хорошо вооружённой страной, готовившейся к войне с нами восемь лет, а морально и намного дольше, не может быть делом одной недели. После стремительного первого дня так же быстро события развиваться не могут даже при самом благоприятном раскладе. Это требует от всех выдержки и ясного сознания. Есть несколько пунктов, которые мне представляются главными:

Патриоты опасаются, что мы можем при каких-то условиях (например, после зачистки территорий ДНР и ЛНР) остановиться. Напрасное опасение. Такую масштабную операцию Москва могла начать только с ясными и не обсуждающимися целями, не зависящими практически ни от чего – вплоть до ядерного шантажа. Поэтому всё будет доведено до финальной цели. Любой ценой и в любом формате.

У либералов (сознательных врагов России) и эмоциональных пацифистов (людей, игнорирующих геополитику, политологию и международные отношения) есть иллюзия, что протесты и сетевые петиции что-то могут изменить (не могут ничего).

Все западные шаги, направленные против России в данных условиях, только усилят патриотическое крыло и окончательно ослабят либеральное. На жизни простых людей это особенно не скажется. Ведь только идеологически фанатичные монетаризмы считают, что currency board – это единственная валютная модель. Про финансовый суверенитет они и слушать не хотят. Напрасно. Государство может выпускать столько денег, сколько ему надо. Чтобы укротить при этом инфляцию, можно прибегнуть к двухконтурной эмиссии (по плану А. Галушка). Высокие технологии Запад и так нам не давал. Рынок энергоресурсов в Азии для нас потенциально бесконечен. Так что выстоим и только усилимся.

У многих патриотических ресурсов агонизирующие украинские неонацисты пытаются в отчаянии взломать сайты и аккаунты в соцсетях. Для тех, кто должен быть логически мобилизован на физический отпор нашим, откуда время и силы для подобных занятий? Ответ – это не из Украины атаки. Украина как таковая после Майдана – лишь прикрытие для большей геополитической стратегии НАТО против нас. Поэтому мы это прикрытие и ликвидируем.

Украинцы были, остаются и всегда будут нашими братьями и сёстрами. Пусть говорят что угодно. Мы православные восточные славяне с общими корнями, разными поворотами истории и единым будущим. И никто ничего с этим поделат не может. Мы неоднократно расходились, а потом соединялись заново. В разных обстоятельствах и разным образом. Украинцы не враги, они наши. Мы, великороссы, тоже не сахар. И они не сахар. Но их и нас надо уважать. Нам с ними скоро жить в одном государстве. И от этого они только выиграют. И мы должны сделать так, чтобы они и выиграли. Но только от единства, не от братоубийства. Так что надо точно остановить ненависть».

И поэты останавливают эту самую ненависть. Они стоят, как столбы, врытые в почву Дикого поля. Они вросли своими ногами в месиво ночи. Они рифмуют эту ночь с рассветом. Я недаром привожу весь текст великого философа, чтобы подчеркнуть значимость поэзии. Что она не умолкала. И тема войны началась не в 2014 году, а намного раньше. Ещё Борис Чичибабин писал об украинском национализме. Вообще термин национализм был всегда. Как и само явление. Но украинский – самый сложный и необычный. Ибо он отчасти наш. И поэтому так немилосерден. И мы ломаем его. Как лёд. Сами стоим на льдине. И ломаем. А под ногами вода хлопает.

У меня всегда такие ассоциации, когда я читаю добротные стихи.

Владимир Макаренков:

ПЕРЕДАЙТЕ ВСЕМ НАШИМ ПРИВЕТ!

*Мать Россия, сестра Украина
сиротеет в огне и дыму.*

*Мы отправили старшего сына
по приказу Москвы на войну...*

Читаю. И сердце заходится! Вообще такие темы – до слёз. О сыне, который на фронте! И я понимаю этого автора. И я смотрю в сыновий военный билет, где написано – ГОДЕН. Ещё как годен, высокий, широкоскулый, плечистый. Красота, да и только. Умный. Воспитанный. Интеллигентный. Спортсмен. Родина моя, для тебя рожала. Воспитывала. В самбо водила. На брейк-данс. На теннис. В бассейн. Учила в платном институте. На военной кафедре. Любимый мой!

РАЗУМЕТЬ

*Не говорите мне про совесть,
когда орудия гремят,
давайте говорить про стойкость
и мужество в боях солдат,
про их отважных командиров,
про лётчиков и моряков,
тех, кто воюет ради мира
и умереть за нас готов.*

Я просто влюблена в этого автора! Чистый пронзительный голос. Уютные метафоры. Тёплые образы. И биение сердца. Пульс! Пульс пульсов. У меня теперь всё пульс! От таких строк, горло перехватывающих. Ибо это ещё и нечто личное для меня.

Но караван идёт себе и идёт. Целый поезд, погруженный в караван: ладья моя расписная!
И вот Урал. Южный. Горы, горы... туннели, скалы.

А. Шубин предлагает нам, как на огромном уральском блюде, резной чаше, свои СТИХИ ИЗ НОВОЙ КНИГИ. Так подборка называется.

*Ещё до смерти музыканта
его душа гостит в Раю,
и ей поют все птицы сада,
приняв, по праву, за свою.*

Но есть ещё и посмертие. И путь туда. Поэтому надо прихватить чайник.

*Здравствуй, чайник мой походный,
собеседничек охотный,
знатный времени транжир –
рад, что ты, как прежде, крепок,
и венчает блеск заклёпок
твой начищенный мундир.*

Рига. Латвия. Ираида Кельмене. Поэт.

Вот радость-то! Есть патриоты и в Прибалтике! Слава тебе, Господи!

*Дни идут, проходят, мелькают.
Летят, пролетают и тают...
Растворяются в солнечном блике...
Иногда зависают на пике
И срываются, душу пронзая,
Заливая от края до края,
То восторгом любви, то страданьем,
То крушеньем надежд, покаяньем.
А потом, чётко в годы сплетаясь
И уже ничего не касаясь,
Застилают дорогу судьбы,
Пряча след от неравной борьбы.*

Да... а кто обещал борьбу равную? Она всегда такая, и тонко подмечена поэтессой!

Елена Александренко:

*Я напишу о том, о чём нельзя,
Когда вот-вот заденет нас снарядом,
Лишь в миллиметре от виска скользя...
Когда нельзя, то это значит – надо!*

Это чудесная и мелодичная поэзия. Источник добра. И противоборства.

Переместимся всем караваном в Воронеж. В его чудные переливы. В его писательский союз. И осмысление. Михаил Болгов. Поэма. Осмысление:

*Умолкала дева юная
Брала свечку воску ярова
Кверху комлем её ставила
На погибель всем обидчикам –
Ах, как орд подобных много-то!..
А тем временем расчищены
Прояснились лики тёмная
И все образы-подобия
Все поожили задвигались
Рукавами отираючи
Свои очи просветлённые
Огласились своды плачами
Всё прозревших и провидевших...*

Поэма написана в фольклорном стиле. Много неологизмов: ярова, тёмная, отираючи.

Читается легко. На одном дыхании. Ибо применение старославянских слов здесь не препятствие, не отягощение. Это не вычурность, а желание показать многообразие нашей лирической речи.

Владимир Васильевич Стрижов – родился в Ленинграде в 1954 году. Вырос в городе Зеленоградске Калининградской области. Окончил физико-математический факультет Калининградского государственного университета. Круг интересов, кроме искусства, – Мироздание и Человек.

Четыре главных вопроса: Что? Как? Почему? и главное – Зачем?!

*Насколько разные ответы
И тайны ждут в конце пути:
Для Тёмных – это конец света,
Для Светлых – это конец тьмы.
Насколько разные желанья
Диктует рукопись проблем:
Одним – заботы «выживанья»,
Другим – «Что дальше? И... Зачем?»*

Иногда поэт в одиночестве и при свечах намного ярче светит, чем всё электричество в 380 вольт.

Анатолий Мартынов – родился в городе Советске Калининградской области. Он работает с драгоценными камнями. И ему понятны все грани и переливы жёлтого янтарного камня. Оно ему – хлебное поле. Оно ему – поля гречишные. И он несёт в руках для нас свои поля поэтические – в соцветья горизонта:

*Я тебя влюбить хотел бы в эту березь,
в эту прелесть,
Что листом плакучим стелет под ногой
твою аллею.*

ЖИЗНЬ НА БЕРЕГУ Геннадия Петренко начинается с тумана.

*Туман горбатится над речкой – выше трав...
Спешу проторенной дорожкой к дому,
а нагота растрёпанных дубрав
всё тянет ветви к солнцу золотому...
В их робкой песне столько грустных тем,
но – жизнь сквозит в их трепетном движенье!
Букет расцветших белых хризантем
тебе несу, родная, в день рожденья...*

берег... берег... ОН разный – пологий, песчаный, гористый. Можно с берега вниз. Можно с берега вверх. Можно плашмя. Поэты, как дети. Они возле реки. Песка. Они чисты. Они подарок нашей земле. Как чудо. Что останется после нас? Что смоет волна?

Валентина Сергеевна Гордова (Беляева) – родилась в городе Цивильске Чувашской АССР, окончила Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Литературный институт имени А. М. Горького (семинар С. Ю. Куняева). Под псевдонимом «Валентина Беляева» опубликованы сборники стихотворений «Аритмия» (2002), «Мирское» (2010). Кандидат медицинских наук, преподаёт гистологию в Балтийском федеральном университете имени И. Канта.

Иногда мне кажется, что кардиограмма – это расшифровка наших рифм. И врач может прочесть имя твоего любимого, читая ритмы.

*А в песнях тех советские солдаты
Домой с войны дорогой шли степной,
Вели орлят безусые комбаты,
Шёл через рощи парень молодой...*

И это всё коды и расшифровки. Это то самое маковое зёрнышко! «И папа пел и мама... клин белых журавлей... хор... шорохи трав...»

К 130-летию Константина Паустовского, Николай Головкин – исследования и раздумья... «Москва златоглавая» – родной город будущего писателя. Здесь он родился 31 (18) мая 1892 года в семье отставного унтер-офицера II разряда, железнодорожного статистика Георгия Максимовича Паустовского. У Константина ещё были старшие братья Вадим и Борис и сестра Галина. Оба брата писателя в один день погибли на фронтах Первой мировой войны. В романе «Романтики» (1935) он посвятит Москве такие вдохновенные строки: «<...> Ничем нельзя убить Москву. Уничтожить её сущность, её душу – нельзя».

Пророческие слова!

«В 1898 году семья Паустовских переехала из Москвы в Киев. Когда Косте было двенадцать лет, он стал учеником Первой киевской классической гимназии. 4 июня 1912 года состоялся 99-й выпуск окончивших Первую гимназию. Аттестат зрелости Паустовского гласил:

“Дан, сей аттестат зрелости сыну мещанина Константи́ну Георгиевичу Паустовскому, вероисповедания православного, родившемуся в городе Москве мая 18 дня (31 мая по новому стилю. – Н. Г.) 1892 года, в том, что он, вступив в императорскую Александровскую киевскую гимназию августа 20 дня 1904 года, при отличном поведении, обучался по 4 июня 1912 года и окончил полный восьмилетний курс”.

Семья Константина Георгиевича переезжала часто. В детстве и юности он жил и в Киеве, и в других городах Малороссии, и центральной России, возвращался в Москву, и вновь жизненные обстоятельства звали его в дорогу.

«<...> В юношеские годы, – рассказывает Ирина Чичкина, – Паустовский познакомился с первопрестольной столицей заново и полюбил, несмотря на несходство с любимым родным Киевом. Гимназистом старших классов он приезжал в Москву, где жила мать с братом-студентом и сестрой Галей. В 1914-м он перевёлся из Киевского в Московский императорский университет. Но начало

Первой мировой войны и мобилизация вынудили его оставить на время учёбу и помогать матери. Он стал настоящим знатоком города, работая возжатым, а потом кондуктором Миусского парка конно-железных дорог <...>. Об этом периоде его жизни, как и о многих других, ярко рассказывается в автобиографической «Повести о жизни», одном из главных произведений мастера.

«<...>Трамвайной своей службе, – вспоминал Паустовский, – я обязан тем, что хорошо изучил Москву, этот беспорядочный и многоликий город со всеми его Зацепами, Стромьнками, трактирами, Ножевыми линиями, Божедомками, больницами, Ленивками, Анненгофскими роцями, Язуами, вдовьими домами, слободами и Крестовскими баинями. <...> И вот изо дня в день происходила одна и та же канитель: одной салоннице надо было к “Николе на курьих ножках”, другой – к Троице-Капелькам, третьей – к Георгию на Всполье. Нужно было терпеливо объяснять им, как проехать к этим церквям...»

Это, пожалуй, самое настоящее открытие. Вникаю. Углубляюсь, становлюсь личным, чем-то близким. Вообще язык писателя о писателе самый проникаемый. Н. ГОЛОВКИН исследует весь путь Паустовского от рождения, семьи, дружбы, любви. И открывает нам путь сей. Путь наш великий в глубины ея – великой матрицы литературы. Опубликоваться – это ещё полбеда. А вот написать текст – беда великая. Как и радость. Будущая радость, как говаривали предки наши. Либо радостная беда – как перламутр. И пуговики кафтана. И ширь бархата. Всё. Ленточка скоро!

А вот и Вячеслав Лютый с его размышлениями о Михаиле Болгове. Это и музыка, и мёд. Это творог, размятый пальцами, каждая крупинка.

«Воронежская поэзия последнего полувека содержит в себе имя, чьё присутствие в литературе Черноземья повлияло на многие художественные пути. Речь идёт о Михаиле Болгове, который известен также под творческим псевдонимом Компоэтор. В середине 1970-х годов он стал негласным вожаком молодых поэтов – участников литературного объединения при Воронежской организации Союза писателей. Густая, почти вулканическая образность его лирики и властность поэтической интонации обладали редким магнетизмом и неуловимо воздействовали на вполне самобытные поэтические опусы лирических соратников, оставляя в их текстах приметы болговского словоупотребления или же постановки голоса».

Славный, славный Воронеж. Как непознанная планета. Со своими обручами, дымными переходами, с тесьмой резной.

Вообще поэтика городов отличается друг от друга. Если взять отдельно поэтику Тулы – это одно звучание. Поэтику Алтая – иное. Поэтика Москвы – крест. Поэтика Питера – Исаакий, проткнувший небо, и Васильевский остров, где должен быть в конце своей жизни И. Бродский. И это «не выходи из комнаты». Не выходи из поэзии. Не выходи из литературы. Из Бога. Из Логоса светлого. Из старческого в молодом. Не выходи из модного. Не выходи из ветхого. Из страстного.

Воронеж вышел. И весь на ладони.

«Поэтическая судьба Михаила Болгова есть удивительная, ни на что не похожая страница воронежской литературы. В течение десятилетий Компоэтор как будто представляет собой её теневую сторону и не выходит на официальную авансцену. Однако никогда нельзя с уверенностью сказать, что какое-то имя хоть малой строкой, но останется в истории русской словесности. Примеров забвения качественных литературных имён – великое множество. Михаил Болгов уже своим парадоксальным подходом к творчеству, образами, не оставляющими сознание читателя, заставит академического филолога застыть над псевдонимом “Компоэтор”. А дальше возникнут иные лица и взаимоотношения, иное понимание литературы – никак не альтернативное, но придающее ей необходимую и важную полноту.

*Пойти к судьбе. Ударить ей челом.
Преподнести дары – чем наделили
Меня природа, боги и кумиры...
Отдать ей свечок свой, и лиру, и перо.
Златое время. Можно – серебро
Отдать. Коня крылатого. И свиток,
В котором песнь хвалебная излита...»*

Галамага. Его можно цитировать без имени. И все знают, что Галамага – это Андрей. Как Рублёв. Иконописец поэтический.

*Москва. Весна конца восьмидесятых.
Тысячелетней церкви торжество.
Меня не то чтоб приняли, как брата,
Скорее, я сошёл за своего...*

Иногда я боюсь прикоснуться к таким строкам. Это ожог на сердце. Это новое имя на кардиограмме.

Валерий Дударев – знакомый и не знакомый. Увидевший. Произнёсший. В журнале «Берега» его подборка. Это жизнь, как продолжение жизни. И это не смерть. Это светлая апофатика ея и катафатика. Медовое древо.

Валерия Дударева я встретила в редакции в 1999 году. Моя первая публикация в «Юности» с моей повестью в ТЕНЯХ СТРАННИКА. Моя ТИТУЛИНА. Моё небесное. Второй раз мы увиделись через два года. Пили чай с молочной колбасой. И помню, Валерий мне сказал – иди тем путём, который намечился (блудный сын, не покинувший дома), и ещё что-то заповедное. Да! Я долго-долго и мучительно шла.

А вот и новая станция имени Валерия Дударева:

*Бог со мной. И больше никого.
Спал потоп. Сияние земное
Катится. Я думаю о Ное,
Чей ковчег, приставший роково.
Господи, в пучину нет возврата!
Как же это вдруг произошло?!*

И вот война новая. Уже не далёкая. Уже возле. И мы в ней. И она в нас. И те же звёзды. Луга. Лошадка. Танки – перепахивают длинные подсолнуховые моря...

Стихи, как якорь.
Стихи, как пристань.
Стихи...

Екатерина Сергеевна Фёдорова – доктор культурологии, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук, научный куратор ГОУДМШ имени С. И. Танеева. Здесь представлено её ИНТЕРВЬЮ О КРУГЕ ИНТЕРЕСОВ, РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЛЮБВИ В ЖИЗНИ КНЯЗЯ НИКИТЫ ДМИТРИЕВИЧА ЛОБАНОВА-РОСТОВСКОГО.

Две личности. Две ипостаси. И один портрет. И ностальгия по родине – тоже одна.

«Н. Л.-Р.: С Исайей Максимовичем я познакомился сначала на обеде в Оксфорде в 1953 году у моей крёстной, Кати Ридлей-Бенкендорф. Знакомство перешло в дружбу, чему помогло следующее обстоятельство. В Париже Avenue d'Iena идёт от Триумфальной арки, как и другие пять проспектов, подобно тому, как располагает свои пальцы лапа утки. Они все связаны с историей Франции. Дом номер 52 на Avenue d'Iena – особняк герцогини де Муши. Один из самых престижных адресов Парижа. Мой дядя женился на её дочери, графине Сабин де Ноай, и поэтому проживал на одном из этажей четырёхэтажного дома. А в особняке рядом, номер 54, жил барон Гинзбург. Его дочь Алин была подружкой герцогини де Муши и моего дяди Вырубова. Через них я попал в её круг знакомых. Когда я приехал в Оксфорд в 1953 году, она была замужем вторым браком за известным физиком Штраусом, они жили в Хеддингтоне, на окраине Оксфорда... Когда на обед заказывалось вино, Штраус давал ключ лакею, чтобы он пошёл в погреб за вином, а затем отбирал ключ и возвращал себе в карман. Даже лакею не доверял ключи от винного погреба. Алин не выдержала его скупости и развелась. И у неё завязался роман с Берлиным. У Берлина (как и у Сталина) были затруднения с повреждёнными связками левой руки, и он был очень полным человеком. Так что в смысле физической привлекательности я просто не мог для себя их сопоставить – она была спортивная, подтянутая, элегантная, привлекательная, очень богатая – и чрезвычайно умная. Алин наполовину или даже

мажоритарно владела гостиницей “Риц” в Париже. Зато Берлин был настолько обаятелен как человек, взволнованный, с повышенной сенсуальностью, что это качество делало в нём незаметными все его недостатки. Да, ещё дело и в тембре голоса – живого, одновременно глубокого, мягкого и трепетного. Приехал из Риги эмигрант-еврей, “наш человек” – и все увидели в нём блестящий ум, сочетающийся с особенной человеческой доброжелательностью. Это естественно соответствовало его натуре. Единственный случай в Оксфорде, когда на его лекциях – в самом большом зале, люди стояли на лестнице – настолько они были увлекательны. Не вмещала людей аудитория. Он же получил титул сэра от королевы Елизаветы, ибо на приёмах королевы его всегда сажали рядом с ней. Потому что он заводил такие интересные разговоры, что мгновенно благоприятно располагал к себе людей. Знаете, он был подобен Высоцкому или Ефтушенко, которые проявляли в выступлениях артистический дар...»

Наше Заграничье. Наша с ним непререкаемая связь. И гордость за нас В НЕЙ ЖЕ! Через строки. Я вижу её... и читаю...

Так же, как Юлию Владимировну Воинову-Жунич – есаула Союза казаков Кубани, действительного члена Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина. Она почётный член Международной академии современных искусств; глава и учредитель «Русско-Сербского Центра поддержки традиционной культуры»; президент I Международного фестиваля школ искусств и детско-юношеского творчества «Мы выбираем МИР! За мир без нацизма».

Здесь представлен репортаж Юлии Владимировны о I МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ ШКОЛ ИСКУССТВ И ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА. Началось! Берега соприкоснулись. А вы мне не верили... Так и хочется воскликнуть мне подобную фразу. Но скажу по порядку, точнее перекажу правила фестиваля:

«Международный фестиваль школ искусств и детско-юношеского творчества “Мы выбираем МИР!” имеет огромное значение не только для всестороннего развития детского творчества в любом уголке мира с качественным педагогическим сопровождением, но является серьёзной площадкой для общения народов разных стран, представителей разных культур. Все мы объединены общей созидательной целью, что поможет фестивалю успешно действовать, глобально расширяться, собирая вокруг себя множество друзей – единомышленников в области подлинного традиционного искусства».

И номинации есть. И победители.

А куда же без них. Ибо традиция.

Она везде.

И это почётно. И поклон вам!

Александр Орлов – поэт, прозаик, публицист, директор Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» с 2020 года – представлен в «Берегах» «Гибелью Червонной Руси».

«В 1996 году Архиерейский собор Русской православной церкви за границей причислил к лику святых зверски казнённого за православную веру в лагере смерти Телергоф священника Максима Сандовича. Через этот лагерь с 1914 по 1918 год прошло более 30 тысяч человек. В чём заключались преступления свыше десяти тысяч русинов. Последних приговорённых русинов спас русский император Николай II».

Вам это ничего не напоминает? Так это же день сегодняшний. Это же чистая бандеровщина. Это же страх и ужас. И сгибающая в адовом котле Русь червонная.

«Итогом массового истребления русинов стало уменьшение числа проживающих во Львове вдвое, 100 тысяч русинов были вынуждены отступить с русской армией, их оставленные дома были сожжены австро-венгерскими властями. Только через правду можно прийти к подлинной свободе. Пока человечество лжёт, оно остаётся рабом лжи. Поэтому мы помним всех наших братьев, отдавших свои жизни за истинную свободу человечества в Талергофе и Терезине, Бухенвальде и Дахау, Кульмхофе и Лисничем, Малом Тростенце и Майданеке, Маутхаузене и Освенциме, Саласписле и Саймиште, Собиборе и Трешлине...»

Более так не будет.

Никогда.

А вот и Липецк. Град на холме! ПЕКАРНЯ НА КОСТЯХ Александра Андреевко. Размышления.

«Я не преследую цели научных изысканий, дополнений, а тем более открытий. Я лишь хочу поделиться своими впечатлениями от знакомства с документами, воспоминаниями и фильмами об историческом явлении, имя которому – Нюрнбергский процесс. Первая моя встреча с ним состоялась в 1969 году благодаря книге Бориса Полевого “В конце концов”. Написанная в форме дневников, она поразила моё подростковое воображение. Такого о войне я не слышал и не читал. Одно дело – атаки, бои, героическая оборона, освобождение или взятие городов, и совсем другое – методичное, расчётливое, хладнокровно-целенаправленное истребление сотен тысяч мирных жителей. Самое страшное во всём этом – “научное обоснование” такой необходимости. “Нюрнбергские дневники”, исполненные художественной эмоциональности, включают в себя не только оценочное описание судей и подсудимых, не только изложение протокольных речей и документальных свидетельств, но и чисто человеческое, эмоциональное восприятие всего того, что он видел и слышал – как в зале суда, так и за его пределами...»

Круги истории повторяемы. И это всегда борьба светлого с чёрным.

Григорий Некрашевич-Поклад исследует древо родовое семьи Поклад. Ремесло непростое. Но оно на то и ремесло, чтобы получилось целое.

И это пример нам – исследуйте свои корни. Идите выше.

Людмила Еремеева – родилась в Самаре, в Калининградской области живёт с 1977 года, в Светлом – с 1984-го. Более двадцати лет работала в местных СМИ, главный редактор газеты «Светловские вести», удостоена почётного знака «За заслуги перед профессиональным сообществом» Союза журналистов России, обладатель медали «За заслуги перед Калининградской областью», первый председатель Ассоциации муниципальных газет Калининградской области, почётный гражданин округа. Автор книги «На качелях судьбы». В настоящее время занимается волонтерством, член клуба активного образа жизни «Восход». НАРОДНЫЙ МЕМОРИАЛ Вспомним всех поимённо, Горем вспомним своим. Это нужно – не мертвым! Это надо – живым! Роберт Рождественский...

«Прошло 77 лет с окончания самой страшной войны в истории человечества. Но до сих пор продолжается поиск пропавших без вести. Ежегодно на местах боёв находят и хоронят останки тысяч павших воинов. Почему продолжают поиски погибших? Потому что мы – русские люди. Как говорил великий русский полководец Александр Суворов: “Война не закончена, пока не похоронен последний солдат”. Каждый неизвестный – это чей-то сын, брат, муж, отец, дед, прадед. В Светлом почему-то бытует мнение, что это место бои обошли стороной. Но однажды афганцу, бывшему начальнику штаба батальона Ограниченного контингента советских войск Михаилу Адамову на глаза попала статья А. Иванова в “Светловских вестях”, в которой говорилось о том, что в годы Великой Отечественной войны за бои в районе Циммербуде, Пайзе, Неплекена (будущий город Светлый) два советских воина были удостоены звания Героя Советского Союза (майор Иванов С. И., капитан Ткаченко Я. Т.). И это послужило для него толчком к поиску подробностей этих боёв, захотелось найти эти места, как-то увековечить подвиги советских воинов. 23 апреля 2016 года клубом активного образа жизни “Восход” в составе председателя Михаила Адамова, членов клуба Владимира Гордиенко, Александра Лукина, Василия Новосельцева...»

Литература воспоминаний – как стержень. Как ось.

ПУШКИН И ДАЛЬ – ВЗАИМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ. Валерий Ильич Герланец – известный в Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей ДНР и Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России, США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению...

Здесь уникально представлены линии пересечений и связей в прошлом. И сказано о том, какое значение – в настоящем. И связи не рушатся. И линии не гнутся!

«История дружбы двух гениев:

В обширной плеяде выдающихся деятелей русской словесности одно из первых мест давно и по праву занимает Владимир Даль – писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора, военный врач. Всемирную славу принёс ему многотомный “Толковый словарь живого великорусского языка”, на составление которого он потратил более полувека. Этот труд принёс его автору звание академика, многочисленные награды, славу и, конечно же, безграничную благодарность потомков. Будущий лингвист родился 10 (22) ноября 1801 года в посёлке Луганский завод (ныне г. Луганск, ЛНР) в семье лекаря горного ведомства Ивана Матвеевича Даля и его супруги Марии Христофоровны, урождённой Фрейтаг. Отец мальчика был обрусевшим датчанином, мать – наполовину немка, наполовину француженка. В его жилах бурлил коктейль из кровей трёх разных национальностей, хотя, став взрослым, Владимир Даль идентифицировал себя исключительно русским человеком, о чём свидетельствуют многие сохранившиеся до нашего времени письма и записи лексикографа...»

ЛЮБОВЬ НАВСЕГДА Елены Крюковой звучит как мир навсегда, океан навсегда, река навсегда, Волга навсегда. Лугань. Донбасс. Дон. Все реки навсегда. И вплавь, и пеше.

Ибо путь Шёлковый, он не только по суше, он и по морю. По атлантидовому водному пространству. И всплывёт Атлантида наша, покажет свои маковки Китеж. И приидёт оно – светлое и чистое. И вера сия у Елены чиста и свята. И всё, что непересекаемо в вере этой, – то берётся в расчёт для перламутра. А всё, что пересекаемо, то золото. И вот получается узор перламутрово-золотой. Ибо намыто оно душой чистой. Без примесей. И чужды Елене оттенки – как искажение сути, и нет смещений, нет зазоров. И помыслов этому не предвидится.

Вот я что думаю, братцы мои!

Есть они, пророки, в отечестве моём. Если опираться на имена, представленные в предыдущем номере, – Александр Проханов – великий, большой, как город разнообразный, как лес поющий, как поле – васильковое. Александр Иванов – полный военной тематики, дисциплины, волнующийся за простор земли всей. Елена Крюкова – писатель разнообразной тематики, ей подвластны – вокзалы и рынки, расколы и перемирия, евангелия и торы, музыка и шершавые родовые камни. Александр Дугин – отец всего и вся духовного и духовитого, чистоты и прелести. И вот пред нами алмазная Багряница Лидии Довыденко:

«В основе книги повестей, рассказов, очерков “Хранители” Галины Чудиновой подлинная Православная вера и её поиски как автором, так и её героями – хранителями нравственных основ жизни нашей страны. Исповедальная лиричность глубокой женской души и драматизм событий, настигающих Россию в постсоветский период, понимание необходимости удержать человечность, верность традициям делают труд Галины Чудиновой литературным свершением. На многие вопросы к руководству России мы до сих пор не получили ответов, но писатель видит среди окружающих её людей – духовно сильных героев, противостоящих коррупции, мафиозности, алчности, находящих также словесное определение ситуации и рождённых ею задач. Они с риском для жизни отстаивают веру в справедливость, создают, помогают себе и другим, участвуют в событиях в Чечне и на Донбассе. Писатель встречает в жизни не только “Хранителей”, но и разрушителей, раскрывая суть и причины этого с молчаливой грустью и душевным страданием из-за неразвившегося таланта её героев, или неосуществлённой любви, или не обретенной веры, или неутолённой жажды бытия.

Мы не хотим, чтобы нам писали нашу историю так называемые “победители в холодной войне”, лживые и корыстолюбивые, и одна из нас – писатель Галина Чудинова – говорит своим современникам и потомкам, как оставались честными её герои в 90-е годы, хотя это было очень нелегко – противостоять тем, кто откликнулся на призыв “обогащайтесь, кто может”, как может. В шоковых реформах сгорела очень быстро популярность борца с “партийной бюрократией”, на месте которой выросла беспредельная – чиновничья...»

Путь наш! Велики огни твои! Диана Кан. Вячеслав Лютый.

Людмила Воробьёва:

«“О, музыка – душа живая!”

Самые, возможно, любопытные и захватывающие страницы в книге содержит раздел “На ладонях музыки и слова”, полностью посвящённый искусству:

*Взывают к музыке слова, / Ища союз с душевной речью,
Где только истина права, / Где места нет противоречьям.
У Слова – вечные права: / Парить над миром синей птицей.
Взывают к музыке слова, / Чтоб сердцем с ней соединиться.*

Как видим, Валентина Поликанина задействует всю полифонию культур, являя нам духовное и эстетическое постижение жизни, реалистически многогранное восприятие в своём первозданном неразрывном единстве мира и человека, природы и Создателя-Творца, о чём говорит и профессор-языковед, лингвист Мария Жигалова (*Непреходящий свет жизни // Нёман. 2020. № 8*). Стоит заметить, что у Валентины Поликаниной искусство не столько отображает, сколько меняет окружающую действительность. Невероятно богатую гамму переживаемых эмоций – от простейших жизненных ощущений до утончённых впечатлений, даруемых искусством, находим мы в книге «Исцеление верностью»:

*Мир сетей... Фальшивые уловы / Лжи и злобной горечи ушат...
На ладонях Музыки и Слова / Сладко исцеляется душа.
Звуки услышав, вранья оковы / Разорвёшь и сбросишь тяжкий гнёт.
На небесной высоте духовной / Музыка великая плывёт.*

Именно словом исцеляют болезненный разлад в человеческой душе. Тут стоит заметить, что Валентина Поликанина отличается ярко выраженной творческой индивидуальностью, ведь она давно обрела собственный почерк, уникальный авторский стиль женщины-поэта, чутко улавливающей современные интонации времени и в очередной раз убеждающей в том, что тихая и задумчивая лирика не терпит фальши. На лжи нельзя построить стиха, уверена она. В ней живёт идеальная вера в лучшие человеческие качества, а главное – вера в Бога – самое таинственное и глубокое духовное состояние человека, которое спасает от всего. Особенность её творчества – передать через Слово и Веру любовь к читателю. Круговая порука, связующая людей, – любовь...

Здесь представлено моё эссе о КНИГЕ ЛИДИИ ДОВЫДЕНКО.

Эссе, которое я спела.

Прожила.

Вымолила.

Эссе, моим горлом обожжённое. Это наш Донбасс. 2014 года. И его продолжение. И его изначалие: О КНИГЕ ЛИДИИ ДОВЫДЕНКО «МОЙ СВЕТЛЫЙ ГОРЯЧИЙ ДОНБАСС» (Красноярск, 2022).

«Мой светлый горячий Донбасс» – действительно, свет идёт от самого текста, и жар, как от степи в полдень, когда солнце в зените – слепящее, обнажённое, обжигющее.

Книга Лидии Довыденко – сама по себе волны света и жара.

Книга вышла в чудесном Красноярском журнале «День и Ночь» и в издательстве «ЛИТЕРАпринт». Лидия Владимировна – прозаик, публицист, литературный критик, секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор литературно-художественного журнала «Берега». Каждое слово автобиографии – звучит как поэма. Каждая запятая – как музыка. Всё сочетается и всё сочетаемо.

Донбасс – светлый и горячий. Воюющий. Защищающийся.

Здесь нет полутонов.

Есть чудесная, горькая правда. И она идёт сама по себе – правда идёт дорогой правды. Под взрывы. Под мины. Под стрельбу. И невероятно мужественную душу.

Да благословен писатель, который говорил о Донбассе все восемь лет. Каждый день из этих восьми лет. Стихами говорил. Рассказами. Книгами. Когда ещё никто не знал – чем завершится и чем закончится, куда повернёт судьба. Правильно говорить сейчас о горечи и боли Донбасса. Но ещё правильнее тогда, когда было неясно, что будет, куда выведет дорога. Куда укажет степь. Куда повернётся кровавое солнце. И здесь дело в позиции.

В позиции, какую пишущий человек занял восемь лет тому назад, с первого прилёта обстрелов от укронацистов в Донецк.

У Лидии Владимировны позиция ровная и твёрдая. За правду. За нашу Z, ещё до z. Ибо z – это зык, я-зык, я зычу. Я окликаю. Аз зову тебя. Аз зык, крик, зов. Позывной! аз есмь позывной!

...путь длится. Мы прошли все его пороги, и вёсла не поломали. Мы были честны. Мы стали чище. Мы стали взрослее, хотя поэты никогда не состарятся. Мы стали собой. И стали всем. Мы стали каплей. И стали вселенной.

Так рождается номер. Новый номер «Берегов».

Ибо берега безбрежны.

Но караван не замедляет ход. Всё так же дымится горизонт. Восходит жаркое, алое, круглое солнце.

И мы стали ближе.

И мы стали сложнее.

И нас уже любят везде.

Ибо путь длиною в жизнь. А жизнь, как мы знаем, вечная. Горячая. Журчащая. Поющая.

И вот путь ВЕЛИКИЙ. И Шёлковый. В фотографиях и репортажах Натальи Советной: *«Гости искренно благодарили хозяйку мероприятия, восхищались журналом, предвкушая уже новый, юбилейный номер “Берегов”, который читатели ждут с нетерпением. Журнал издаётся с 2013 года, в нём множество разделов, среди которых главное место занимают проза и поэзия, но вдумчивый читатель оценит “Берега искусства и культуры”, “Берега истории”, “Берега Новороссии”, “Берега прочтения” и даже “Берега страстей по Европе”. Из номера в номер появляются новые рубрики, заменяя собой устаревшие или потерявшие актуальность. География авторов журнала не устаёт удивлять, потому что здесь находят приют писатели из Сибири и Беларуси, Мурманской области и Москвы, Орла и Воронежа – всех не перечесть. Встречаются имена знакомые и очень уважаемые, происходят открытия новых интересных авторов. “Берега” заслуженно удостоены многих наград, в том числе отмечены Международным литературным форумом “Золотой Витязь”. У меня же остались самые светлые и радостные воспоминания и от встречи с читателями, и от самой библиотеки, и от Янтарного края, и от того радушия приёма, который оказали мне Лидия Владимировна и Владимир Иванович Довыденко, познакомив с Калининградом, Янтарным, Балтийском, Светлогорском и Зеленоградском. Погода благоприятствовала, Балтийское море было ласковым и тёплым, но об этом – в будущем обширном очерке...»*

Перо Натальи Советной – лёгкое, летящее, музыкальное, как сам этот путь во всей величавости. И вот она – моя высочайшая и роскошная правда. История пути журнала – свети нам, показывай, рассказывай.

Иногда думаю: я читаю, ты читаешь, мы читаем. Но какого мы возраста? И кто нас читать будет. Молодёжь? Ибо – с детства книги правильные читал. Так вот, журнал «Берега» – это история хорошей книги, и мы идём его курсом – Шёлковым, Огромным, Крылоподобным.

Берега прочтения

Лидия Довыденко

О ЦИВИЛИОГРАФИИ СУХЕЙЛЯ ФАРАХА И ЕГО КНИГЕ «РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЭНЕРГИЯ ПРОСТРАНСТВА И ЧЕЛОВЕКА»

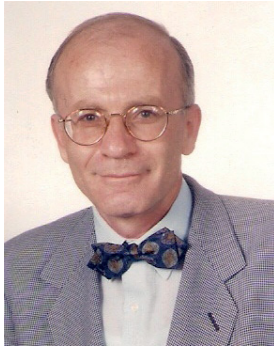
(Москва, ИД Академии Жуковского, 2022)

Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не
родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца?

Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться
и пройтись ему?

...У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..

Н. В. Гоголь

Автора журнала «Берега» Сухейля Фараха Институт Европы РАН повторно выдвинул на получение Нобелевской премии мира. Он ливанско-российский исследователь, член РАО, доктор философских наук, профессор Ливанского и Московского университетов.

Кандидатура профессора Фараха вместе с профессорами Ю. В. Яковецем и А. И. Агеевым была выдвинута директором института Европы РАН профессором А. А. Громыко.

По словам А. А. Громыко, деятельность, которой занимается профессор Фарах с его коллегами, «имеет огромную образовательную ценность». Учёные открыли новую область знания в науке о цивилизации – цивилиографии, которая включает в себя новые идеи и научные знания в области понимания цивилизаций, их истории, современного состояния и будущего, диалога и партнёрства цивилизаций, а также культурно-интегральный подход, с концентрацией усилий на так называемой цивилизации – ноосфере.

О духовном достоянии России

– Тяжелейшая ситуация современности, – говорит Сухейль Фарах, – требует от нас больше ответственности, больше бдительности, смелости, мудрости и скромности. Требуются новые созидательные идеи, предложения и практические шаги, которые способствовали бы сплочению, а не разделению верующих разных религий и носителей разных самобытных культур; которые могли бы по-настоящему объединить сердца и умы разных религиозных конфессий и культурных групп и стать общероссийским образцом и духовным достоянием для большинства населения нашей Отчизны и даже далеко за её пределами.

Мои предложения исходят из нового Указа Президента Российской Федерации В. В. Путина от 9 ноября 2022 года, где утверждаются основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Как мне кажется, этот указ может удачно реализовываться во многих направлениях, но хочу высказать три конкретных предложения.

Внести в календарь Всероссийских праздников следующие важные даты:

Первая дата: День Народных традиций, направленный на сохранение связи между поколениями и обновления здорового духа исторической памяти всех народов России.

Вторая дата: День Священного Писания, в который будут изучать и популяризировать среди широких народных масс заветы наших отцов и мудрецов.

Третья дата имеет религиозно-нравственный характер, объединяющий священную историю христиан и мусульман, а именно: День рождения Марьям, или Девы Марии, которая одинаково почитается главными традиционными религиями как идеал нравственной чистоты.

В священном Коране в суре Марьям номер 19; 32–35 о Деве Марии и о Христе есть слова, красивое и глубоко духовное содержание которых проливается словно бальзам на души большинства мусульман и христиан.

Такие праздники позволяют навести мосты между разными культурными и религиозными группами нашего общества, способствуют сближению и близкому общению между христианами и мусульманами, атмосфере конструктивного диалога и партнёрства между разными религиями, культурами и даже цивилизациями.

Цивилизационное своеобразие России

Борьба за лидерство в духовных и творческих процессах – одна из актуальнейших тем мыслящей планеты, и автор книги «Российская цивилизация: энергия пространства и человека» Сухейль Фарах выводит Российскую цивилизацию на вершину духовного оформления человечества. Учёный, определяя характерные черты цивилизационного своеобразия и самобытности России, осмысливает «извечные, страстные, противоречивые стремления к духовности русского человека и народа в целом».

Российская цивилизация многотипная, обладает сложной структурой, в основе которой взаимовлияние энергий человека и энергии пространства самого большого в мире государства, одна из великих цивилизаций, повлиявших на весь мир. Каковы же истоки духовной энергии Российской цивилизации?

Русский народ – покоритель бескрайних просторов планеты

Рассматривая географическую среду и особенности природы России, Сухейль Фарах в главе «Россиянин и власть пространства» подчёркивает влияние ландшафта на формирование национальных, культурных качеств, на психологические особенности, на специфические черты личности, на взаимовлияние между территорией и человеческим коллективом. Жители России как национально-географическая общность благодаря своей духовной мощи сложились в процессе созидательной деятельности в уникальную цивилизацию. Площадь России – 17 млн кв. км, и 60 % её площади – районы вечной мерзлоты. Все климатические зоны земного шара: равнины, леса, степи, пустыня, – имеют в нашем Отечестве свою специфику. По России протекает 120 тысяч рек, своеобразным символом которых стала Волга, мать-кормилица, «материнская река народа», как Нил – для египтян, Евфрат – для иракцев и сирийцев.

Три четверти населения России проживает в городах. К сожалению, как пишет Сухейль Фарах, большинство жителей оказались «охваченными глобализацией», и всё сильнее они «отделяются от своих родовых корней и культурно-исторических традиций». Но освоение огромных территорий и адаптация к новым условиям сформировали у жителей России коммуникативные способности, коллективную солидарность, психологическую стрессоустойчивость, опираясь на «первичный слой территориального своеобразия российской цивилизации – землячества как историческую форму бытования народа».

Вызовы природы, суровые условия повлияли на противоречивые черты характера, в котором суровость граничит с проявлением ласки и нежности, сочетается терпение с бунтарством, при том «типологические черты отдельного индивида не помешали народу России создать одну из самых мощных на планете цивилизаций, способных повлиять на судьбу человечества в целом». Невероятная способность русских противостоять вызовам самого сурового климата на земле, богатейший опыт физического и духовного становления позволяет нам оставаться всемирно признанными покорителями бескрайних просторов планеты.

Безбрежность духа

Согласно Н. А. Бердяеву, природная география едина с духовной географией народа, и Сулейль Фарах исследует источники русской духовной силы, подчёркивая связь между «беспримечной широтой души русского человека и внешней географической средой», «её сокрытая духовная героическая мощь, о которой подчас не догадывается сам русский человек... раскрывается в противостоянии природным катастрофам, иноземным захватчикам и всем угрозам, которые несут гибель его семье и мироустройству всей его Родины – народу, церкви, государству». Не имеет аналогов на планете привязанность русского к своей земле, Родине, Отечеству.

Подлинные художники являются сыновьями и дочерьми своего народа, выразителями его душевной красоты. Учёный ссылается на широту чувств, глубокое постижение глубин и тайн русской души, гениальное творческое воображение в творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. А. Шолохова и других русских писателей. « В потоках звуков, гармонично переливающихся, как волны, мы безошибочно узнаём музыку композиторов: П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, А. Н. Скрябина». «Печаль, радость, героизм, утраты выражены в балете Анной Павловой, Галиной Улановой, Майей Плисецкой, Екатериной Максимовой, Владимиром Васильевым».

Природа русской души отражена в симфонии пейзажей (картины В. А. Серова, И. Е. Репина, Н. К. Рериха и других), в драматических произведениях русского театра, режиссёрских постановках К. С. Станиславского, Ю. П. Любимова и других.

Российский кинематограф продемонстрировал миру весь спектр самых ярких чувств, глубин русской души, это работы С. Эйзенштейна, Сергея Бондарчука, Андрея Тарковского и других. Их произведения обогатили художественное, эстетическое, научное воображение не только народов России, но и всего человечества. Притом наследие российской цивилизации сформировалось в сложнейших условиях становления её единой истории, сохраняющей энергию пространства и человека во взаимосвязи всех поколений жителей России.

Специфика Русской цивилизации

Опираясь на философию Льва Тихомирова, видевшего в каждом историческом событии «борьбу между Царством Божьим и его противоположностью», Сулейль Фарах обращает внимание на духовное движение России от эпохи славянского язычества к восхождению на высоты православного духа, через отрицание Бога в советский период и снова к возвращению к христианским святыням, и это специфика духовного становления российской цивилизации.

К этому нужно добавить, что большие территории, которые необходимо охранять, делают невозможным повторение для России западного демократического опыта управления, которое сформировалось в условиях малых территорий национальных государств.

В противоположность западной демократии, где в приоритете личная выгода, в большинстве русского населения с детства формируются ценности личной чести, достоинства, благородства и доблести, как отмечал культуролог Юрий Лотман (книга «Беседы о русской культуре»): «потерять честь и достоинство для русского человека хуже смерти, и люди живут так, чтобы их имена попали в историю, а не ради чина и не ради того, чтобы правитель оказал им милость, дав сотню серебряных монет».

Несмотря на насильственно внедрённую чуждую нашему менталитету Болонскую систему в наше образование усилиями министров А. А. Фурсенко и Д. В. Ливанова, выхолощенные недра России, вырубленные леса, загрязнённые реки, успехи либеральной прозападной идеологии, всё же идёт жесточайшее идейное противостояние со стороны патриотически настроенной оппозиции, истоки которой в традиционных социальных институтах, они отражают языковое и этническое сознание русского народа. И в этом вековом противостоянии западников и славянофилов также уникальность и самобытность становления Российской цивилизации.

Русская идея единства и многообразия и судьба Российской цивилизации

Несмотря на драматичность русской истории, Сухейль Фарах отмечает, что ценностные установки духовной жизни России позволили ей создать универсальную систему ценностей, открытую для духовного опыта любого человека или народа, что позволяет России обрести особую миссию и назначение – нести ответственность за судьбу всего человечества и планеты.

В ходе исторического развития Россия всегда была и до сих пор является защитницей равноправия народов и их свободного выбора. Культура России оказала сильнейшее влияние на культуру народов мира, что выразилось в принятии образов литературы, живописи, балета многими культурами мира, так как вечные ценности любви, добра, милосердия носят объединяющий характер для всего человечества.

Сухейль Фарах делает вывод, что Россия является сверхдержавой не только в геополитическом, но и геокультурном плане.

Сами россияне должны принять новое осмысление ими своих исторических задач и своего культурного наследия, избавившись от гибридной болонской модели в системе образования и от отживших систем представительских академий, что позволит восстановить и освежить культурно-мыслительный потенциал русского народа. Именно новая система образования, свободная от западно-либеральных влияний, создаст мостик к собственно русской идентичности.

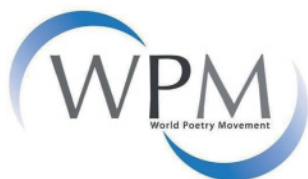
Идеи В. И. Вернадского о ноосферной цивилизации, разработки П. Сорокина, К. Циолковского являются наиболее перспективными для универсальной цивилизации будущего, основанной на ответственности за жизнь, природу и Космос, – это «космическое послание» России, её динамической гармонии – человечеству.

При тех ценностях, которые в своём историческом опыте взрастила Россия, будут восстановлены и энергетические ресурсы планеты, откроется новая фаза в истории человечества. Россия неизбежно будет влиять на развитие мирного процесса на земле, так как гармония между внутренним человеческим миром, природным и небесным мирами – это мечта большинства жителей планеты. Именно Россия даёт возможность и духовно-нравственные основы для перехода от постглобалистического мира с его опасным для человечества трансгуманизмом к партнёрству, диалогу, соборности, дающим человечеству развитие его способностей и расширение его возможностей до космических масштабов, гармонического существования как единого целого.

«Россия, рождённая из евразийского братства народов, – пишет Сухейль Фарах, – смешения рас, культур и многолетнего исторического самосознания, сможет стать идейным и духовным лидером человечества, способствовать восстановлению творческой энергии общения, диалога, сотрудничества, взаимовыгодного партнёрства и совместной работы по углублению и распространению культуры мира и любви среди всех народов и цивилизаций».

Мир без стен

Берега Венесуэлы

Вадим Терёхин – литературный посол России

ФЕСТИВАЛЬ ПОЭЗИИ В ВЕНЕСУЭЛЕ

В Венесуэле с 13 по 20 октября 2022 года прошёл 16-й Международный фестиваль поэзии. В нём принял участие поэт, континентальный координатор Мирового поэтического движения в странах Азии и Европы (WPM), сопредседатель Союза писателей России Вадим Терёхин. На форуме присутствовал чрезвычайный и полномочный посол РФ в Боливарианской Республике Венесуэла Сергей Мелик-Багдасаров, тепло поддержавший поэтическое собрание.

На открытии фестиваля Вадим Терёхин вручил лаковую миниатюру и флаг Союза писателей России президенту Боливарианской Республики Венесуэла Николасу Мадуро, который поблагодарил поэта на русском языке! В своём приветственном слове президент говорил о важности поэтического слова в достижении мира на земле.

Фестиваль, посвящённый национальному герою Латинской Америки, человеку, добившемуся независимости от испанского владычества, Симону Боливару и трагедии, произошедшей в Лас-Техериасе, собрал поэтов из 35 стран, а также проводился и в онлайн-формате. В виртуальном пространстве прозвучало 300 выступлений. Все концерты и творческие встречи были превращены в центры помощи – места сбора средств для пострадавших от стихийного бедствия жителям.

Гости фестиваля

Во время работы фестиваля состоялись встречи Вадима Терёхина с секторальным вице-президентом по коммуникациям, культуре и туризму Фредди Ньяньесом, министром культуры Эрнесто Вильегасом, министром образования Йелицей Сантаэльей.

Достигнуты договорённости об осуществлении совместного проекта – издании антологии современной российской поэзии в Венесуэле и антологии современной венесуэльской поэзии в России, переводе и издании книг российских и венесуэльских поэтов, презентации их на ежегодной Венесуэльской книжной ярмарке.

По решению группы координаторов во главе с генеральным руководителем WPM колумбийским поэтом Фернандо Рендоном в 2023 году в Венесуэле состоится I Конгресс мирового поэтического движения (WPM – World Poetry Movement). Фернандо Рендон говорил о социальной справедливости, братстве и переплетении поэзии различных языков в единую гармонию мира!

Участники также обсудили возможность создания мировых поэтических школ, в которых бы молодое (и не только) поколение приобщалось к великим литературным ценностям, о значимости передачи жизненного и литературного опыта, об учреждении мировой литературной премии, призванной стимулировать людей к творчеству.

Прошли выступления поэтов в Каракасе, Карабобо, в других штатах страны, на радио, телевидении и в СМИ.

Фестиваль имеет хорошую традицию, каждый год выбирая своё поэтическое лицо из современников. В этом году им была поэтесса Анна Мария Овиедо Паломарес, а в 2023 году эта высокая честь оказана поэту Педро Руису из штата Трухильо.

По предложению секторального вице-президента по коммуникациям, культуре и туризму Фредди Ньяньеса создаётся международная онлайн-платформа для общения поэтов, публикации их произведений и освещения работы поэтических фестивалей мира.

Он подчеркнул, что для Венесуэлы большая честь быть эпицентром мировой поэзии, и, как доказательство этого, уже началась подготовка к поэтическим мероприятиям следующего года.

Работа фестиваля была очень эффективной и плодотворной. Поэты разъехались по своим странам вдохновлёнными и полными надежд на дальнейшее сотрудничество!

Берега Бангладеша

Аминур Рахман

Аминур Рахман – родился 30 октября 1966 года в Дакке. Окончил фармакологический факультет Университета Дакки. В настоящее время является наиболее известным бангладешским поэтом в мире. Опубликовал шесть сборников стихов на бенгальском языке. Стихи поэта переведены на 25 языков мира, в том числе английский (4 сборника), арабский, испанский (3 сборника), итальянский, китайский, малайский, монгольский, немецкий, непальский, русский, урду, французский, хинди, японский. Он является не только известным поэтом, но и литературным критиком, а также автором трёх прозаических книг. Аминур Рахман занимается также художественным переводом (опубликовал 10 сборников переводов поэзии) и литературной критикой. Является членом редколлегии ряда литературных журналов, редактором многих сборников, в том числе Антологии стихов и Антологии рассказов стран Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (2011). Как приглашённый поэт, читал свои стихи во многих странах мира на литературных фестивалях, в университетах, на форумах культуры. Представлял Бангладеш на поэтических фестивалях в Индии, Ираке, Испании, Колумбии, Малайзии, Монголии, Никарагуа, Шри-Ланке, Японии и др. Награждён Золотой медалью Чингиз-хана (2006) и премией «Небесный Пегас» в Монголии (2015), Международной премией НУМЕРА «Литератор года» в Малайзии (2016), Международной премией за вклад в мировую поэзию на Тайване (2016).

ЛЮБОВЬ I

Как тяжело.
Всё кажется бессмысленным
И всего лишь потерей времени.
Без понимания,
Без отдачи самого себя
Сердце черствеет,
Хотя всё кажется таким понятным.

ЛЮБОВЬ II

Закрыв глаза,
Я делаю нелёгкий выбор.
Сердце блаженно бьётся,
Хотя потеряно всё.

ЛЮБОВЬ III

Ты любишь меня спокойно.
Откуда же в тебе такая
резкость?
Я скромный поэт.
Бесцветная, безжизненная
Картина.

ЛЮБОВЬ IV

Ты в лоне моего сердца, Нилима.
Звезда далёкой галактики.
Лотос в реке.
В тебе пробуждается новая женщина.

ЛЮБОВЬ V

Любовь улетает.
Улетает, чтобы коснуться тебя.
А, коснувшись, к моим губам
Возвращается.
И всё-таки кажется,
Что-то возвращается, а что-то нет.
Любовь остаётся
В сердце твоём.

ЛЮБОВЬ VI

Как долго я ищу тебя
В этой аллее и на этой дорожке.
И не нахожу.
В толпе, ища укрытие от проливного дождя,
В гнезде, где птица греет своих птенцов.
И если я найду тебя, мой бриллиант,

Я вернусь в родные края,
Создам с тобой домашний очаг.
И надорву работой сердце своё,
И ничего не останется в моей жизни
Кроме тебя, любимая.

ИЗВЯЯНИЕ

Из покрова плотного тумана
Я леплю твоё тело
Без усталости каждый день.
Я сижу, закрыв глаза,
Окутанный плотным туманом,
И иней ложится
На мои щёки, уши и нос.
Те же руки,
Те же глаза и губы, –
Я легко узнаю их –
Твоё тело плывёт в потоке,
И движение его подчиняется мне.
Твоё цветущее тело обретает свободу,
Оставляя за собой сияние солнца
И эфемерную оболочку тумана.
Ты сроднилась с моей душой,
Прорастая в ней глубоко своими корнями.
Мало что может сегодня задеть меня.
Объект моей печали будет жить вечно.
Моё одиночество пробуждает меня в полночь.
Я чувствую холод своих ног;
Мои открытые глаза смотрят
в безграничное пространство.
Которое включает пространство
существования.
Но это лишь твоя тень.

КТО ТЫ? КТО ЖЕ ТЫ?

Иногда я тебя как бы знаю,
А порой как бы нет.
Иногда я вижу в тебе игру света,
А порой лишь предрассветную мглу.
Иногда ты кажешься мне простой,
А порой полной сомнений.
Иногда ты в этом мире,
А порой где-то в ином.
Иногда ты резва как ребёнок,
А порой в задумчивости большой.

Кто ты? Кто же ты?

Ночь трепещет, сердце бьётся,
Словно листья шепчут на ветру.

Вода бурлит под спокойным ликом реки,
Рыбы замерли недвижно.
Ну а звёзды сплетают сны.

Кто ты? Кто же ты?

Окутанный беззвучным миром,
Я сижу один,
Когда уходит ночь, истекающая кровью.
Наступает новая
И тянется, обращаясь в шёпот,
Убивает сама себя.

Кто ты? Кто же ты?

Мало что может сегодня задеть меня.
Объект моей печали будет жить вечно.

Я принёс любовь из пустыней,
Я принёс любовь из морей,
Я принёс любовь с гор.
Да, я тоже принёс свою любовь!

Куда мне её отправить?
На луну, к мечте, в бесконечность времени.
Куда? Где обитаешь ты?
На севере, на юге, на востоке, на западе? Где?

Её так тяжело нести.
А сейчас с музыкой она тяжелее.
С мечтами ещё тяжелее.
Со страстью тяжелее втрое.
Куда мне её отправить?

Я спрашиваю, где ты, у зелёной травы.
Я спрашиваю, где ты, у белого снега.
Я спрашиваю, где ты, у водопада.
Никто не знает, где ты.

Я храню свою любовь в небе,
Окружённую сверкающими звёздами,
Рядом с луной.

В ночь полнолуния ты сможешь найти её там.
Когда услышишь музыку реки,
Когда вдохнёшь аромат роз,
Когда почувствуешь поцелуй ветерка на лице,
В ночь полнолуния ты сможешь взять её себе.

Наши друзья

СОВЕТУЕМ ПОЧИТАТЬ:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛиТерра», гл. ред. Владимир Фёдоров
«Литературная Канада», гл. ред. Ваагн Карапетян
Журнал «Сура», гл. ред. Б. В. Шигин: <http://www.magsura.ru/>
Международный славянский форум искусств, президент Николай Бурляев
Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», учредители – С. Савицкая, А. Бухаров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», гл. ред. Сергей Бережной, Белгород
Журнал «Невечерний свет», гл. редактор Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении и подписке на журнал
Поддержка, приобретение и подписка на журнал «Берега»
осуществляется перечислением на карточку Сбербанка: № 2202 2009 0582 4080.